

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ
"ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ"

ГОРОД

**как
социокультурное
явление
исторического
процесса**

МОСКВА "НАУКА" 1995

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
согласно проекту № 94-06-19945**

Редакционная коллегия:

В.Л. ГЛАЗЫЧЕВ, Г.А. ГОЛЫЦ, С.П. КАРПОВ,
Т.Б. КНЯЗЕВСКАЯ, Э.В. САЙКО, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Ответственный редактор

доктор исторических наук Э.В. САЙКО

Рецензенты:

доктор философских наук Л.И. НОВИКОВА
доктор исторических наук Б.Я. СТАВИСКИЙ

Город как социокультурное явление исторического процесса. –
Г70 М.: Наука, 1995. 351 с.
ISBN 5-02-011228-3

В книге рассматриваются общие закономерности и социально-экономические основания процесса урбанизации, характеризуются особенности функционирования города на разных этапах общественного развития и в разных историко-географических и историко-культурных регионах. Значительное место отводится анализу формирования и определения городской среды, городского социума и городского духовного пространства. Освещаются проблемы культуры города и его пространственной организации. Специально выделяются вопросы о социально-психологических условиях формирования горожанина, особенности его психологии, его интеллектуального мира, правовые нормы и естественные формы функционирования.

Для историков всех профилей, социологов, культурологов, географов, психологов.

Г 440200000-341 246-94, II полугодие
042(02)-95

ББК 60.55

ISBN 5-02-011228-3

© Коллектив авторов, 1995
© Российская академия наук, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Проблема "города" как социокультурного явления – одна из наиболее сложных, остродискуссионных и уже длительное время устойчиво актуальных в системе гуманитарных знаний. Интерес к ней обусловлен той ролью, которую город играл и играет в развитии общества. На огромной исторической дистанции город, реализуя свою социокультурную сущность, воспроизводит возможности и функциональные свойства – кумуляцию и интеграцию исторических достижений общества (производственный потенциал, социальные связи, культурные ценности, духовную энергию человека). Город в этом плане есть явление объективно необходимое в организации, функционировании и развитии определенного по своему содержанию и социокультурной характеристике общества при всей сложности и многообразии его исторического изменения. Вплетенный в социальную ткань общества, город отражает и выражает его развитие, несет в себе все главные его особенности и одновременно обеспечивает последние. И как специфический действенный организм он с самого своего появления четко фиксируется и выделяется в сознании человека. Выпестовав его в своей исторической практике на своем "материале" и своими руками, люди называли город созданием Бога.

Гурук, создание богов великих.
Эанну, храм, спустившийся с неба,
части которого сделали великие боги

Город выходит за пределы привычных традиций, отношений и связей общинного мира. И он не просто другой, особый. В нем формируются силы, выходящие из-под контроля общины и отдельного человека, составляющего с ней целое. И Библейский Вечный Град – это град Божий, хотя осмыслен в человеческом измерении. С самого начала город – центр, затем еще больший центр и еще больший в формирующихся и постепенно все усложняющихся урбанизированных структурах. Центр новых связей, в том числе ускользающих в их оценке и понимании самих современников, центр общения с главным общим (а не своим покровителем дома и рода) богом через храм города и в городе. Но если Библейский Град Небесный вознесен над человеком, то в трудах античных мыслителей в рамках их дискуссий о политике, государственности, устройстве общества (и прежде всего в сочинениях Аристотеля и Платона) реализуется иное отношение к городу. Идеальный город Платона – это общественное видение города, города для общества. Социально-политическая позиция и философское осмысление проблемы города, заявленные арабским ученым IX в. Фараби, также свидетельствуют о достаточно

глубоком и четком для того времени понимании опосредованности города всеми общественными структурами и отношениями и его роли в организации общества. Представления арабского ученого об идеальном городе могут рассматриваться в общей связи (хотя, естественно, и на разном уровне и в исторически разных условиях) с сочинениями Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, через призму города определяющих новое идеальное общество. Вычленение города как особого культурного явления, с которым связывалась цивилизаторская миссия (с одной стороны), и который стал объектом дифференцированной оценки как бы изнутри, и в связи с которым возник своего рода диалог в обсуждении отношения к нему (с другой), – отчетливо проявилось в литературе эпохи Возрождения – сочинениях итальянских и немецких гуманистов, в идеальных проектах городов.

Но, осмысленный еще в древности как особый организм, как центр жизнедеятельности и проецированный в будущее, город не понят, научно не раскрыт именно как особое, всеобщезначимое явление в его исторической преобразующей роли, его исторической оценке сегодня. И современные проблемы города начинаются с его определения.

Становление истории и исторической проблематики города прошло сложный путь. Последняя многозначно раскрывалась в сочинениях разного стиля и профиля. Это был скорее общегуманитарный подход, хотя собственно историческая тема звучит в нем на уровне традиционного ее изложения достаточно отчетливо.

Систематическое же, собственно научное исследование города на уровне теоретических подходов и обобщенного его понимания началось в первой четверти XX в., когда появились серьезные исследования А. Бюхера, Н. Анцифорова, А. Вебера, П. Парка и др. В них на новом уровне и на базе глубоких экономических и социологических исследований обсуждались [проблемы города как особого социального и исторического феномена] Эти работы заложили достаточно мощные основания интенсивного развития урбанистики. Однако проблемы истории изучения города – это самостоятельная тема, требующая определения соответствующей проблемной ситуации, методических установок и т.п. Только перечисление наиболее важных работ за последние, например, 30–50 лет заняло бы сотню страниц.

В коротком введении сложно в достаточно развернутой форме определить даже главные направления исследований. В данном случае отметим лишь два момента. Во-первых, это постепенное углубление и расширение проблематики, во-вторых, наличие и сохранение на протяжении всей истории исследования темы определения и понимания города как особого явления, которая наиболее четкое оформление получила после выхода книги Г. Чайлда "Городская революция" (1950 г.), вызвавшей активную дискуссию, продолжающуюся до наших дней при постоянном усложнении и углублении проблемы.

В настоящее время при решении новых задач познания тенденций и закономерностей общественного развития во всем многообразии и сложности их проявления проблема города приобретает особое значение. Это обусловливается накоплением богатого материала [раскрывающего роль

и значение города в формировании и развитии человеческой культуры и в организации общества] углублением требований к его оценке с расширением возможностей средств анализа, а также расширением сферы исследований, возникновением новых проблемных ситуаций и задач.

Продолжают углубляться основные проблемы города, в том числе определения этого явления, функции, условия, время возникновения и особенности его развития. Все более очевидным становится невозможность понять, например, историческую сущность города через локальные и совокупные характеристики его признаков и функций. Все более актуальными становятся вопросы взаимодействия города и всех других общественных структур и т.д.

Возникнув как определенный результат на соответствующем уровне и в соответствующей ситуации исторического развития, связанный с исторически определенным обществом город стал важным фактором социального прогресса. "Разорванный" в конкретно-исторической представленности, он постоянно воспроизводится как особый организм постоянно развивающегося общества и воспроизводит систему отношений, связанных с этим обществом и им интегрируемых. Однако понять город, выделить в нем развивающееся, обозначить стадии развития и определить его как особое социальное явление можно, лишь установив общественно-историческую необходимость и характер его возникновения, его роль в структуре процесса общественного развития, в связи с определением содержательной сущности социальности, породившей необходимость города и обусловившей особенности и направленности, тенденции его развития, условия интеграции в обществе и интегрирующее действие самого города как важного образующего этой социальности. Эти вопросы затрагиваются в настоящей работе.

Известно, что большинство ученых, исследователей проблемы города связывают становление его с разрывом родовых отношений и появлением принципиально новых связей, государственности, частной собственности, классов, религий, с появлением письменности, нового смыслового содержания искусства и т.д. Однако накопление материала, новых знаний не только раскрывает, но и усложняет проблему города, в том числе проблему его зарождения. Возникает, в частности, необходимость объяснить некоторые феномены в связи с интерпретацией новых, прежде всего этнографических данных, например о наличии сложных политических образований без городов и частной собственности, об институтах вожизма, о сложной стратификации традиционных обществ, о более сложной (но исторически разной) взаимообусловленности производительности труда и производства прибавочного продукта и т.д. Актуализируется проблема характера связи города и процесса урбанизации. В частности, сохраняют свою актуальность и углубляются следующие вопросы. Является ли урбанизация всеобщезначимым и стадийно выраженным процессом, включающим в том числе урбогенез – становление города? Или урбанизация имеет четко временные рамки и связана с определенным уровнем исторического развития общества, зрелостью города и сопоставляется только с новым временем, когда реально сформировалась развитая социальность классового общества? Далее, суще-

ствуют ли разные уровни и формы урбанизации? А как сочетаются структурно и содержательно континуитет и прерывистость в развитии города в общем процессе урбанизации и цивилизации? В частности, как на основе новых данных о раннесредневековых городах может решаться спор об их происхождении? Созданы ли они заново в их собственно "средневековом" историческом развитии, или в силу необратимости формирования сложных систем, в том числе социальных, их можно и нужно рассматривать как особую форму трансформации и реализации уже существующей урбанизационной среды? Можно было бы значительно увеличить список проблем "города", связанных с условиями его развития и его местом в общественном прогрессе. Но, главное, все более очевидной становится необходимость поиска новых подходов и выработки концептуальных позиций в оценке "города" как явления исторического процесса, в которых "город" должен быть определен в структуре самого культурно-исторического процесса, в связи и в рамках процессов цивилизации и урбанизации. Поэтому не случайно проблеме "города" в фокусе урбанизации отведено определенное место в настоящем исследовании.

Как всякий развивающийся организм, город подвергается качественным изменениям, но сохраняет преемственность этапов, интегративный характер этих изменений. Сами функции и характерные признаки города как особого организма приобретались не сразу. И как всякий сложно развивающийся объект он имеет свои этапы, свою меру развитости как особого социального феномена, различные формы и типы своего исторического функционирования как конкретной реализации сущности последнего. В настоящее время не существует критериев уровневой оценки и стадийной характеристики развития "города", кроме общих, в принципе бессодержательных определений – город древнейший, город древний, город средневековый и др. Но научное осмысление города и поиск критериев его исторического определения требует не только конкретно-исторической оценки на разных этапах (и в разных регионах) и не только последовательного поэтапного рассмотрения его на большой исторической дистанции, но предполагает прежде всего выявление внутренней логики саморазвития последнего как особого феномена социальности, как конкретного проявления всеобщего. И только выявление и понимание соотношения всеобщего и конкретного в их единстве, выделение сущностного общего, постоянно воспроизводящегося в конкретном и постоянно меняющегося, позволяют уловить главное и оценке города как особого исторического феномена. И главным становится оценка города не только и не столько в историческом контексте, в связи с самой собственно историей города (хотя это и обязательный момент), а именно оценка его как явления процесса в многообразии проявления. И в этом плане понять город, в том числе исторически определенный, можно только в его всеобщем культурно-историческом определении, при раскрытии природы города как явления исторического процесса в целом и как активно действующего фактора в организации последнего на всей исторической дистанции его бытия.

"Город" как фактор исторического развития предполагает выявление стадийно значимых особенностей, уровневых характеристик, всеобще-

значимых и локально проявляемых. В этой связи вопросы временного определения "города" стали предметом особого внимания. Естественно, речь идет не об общей оценке этапов, внутренних стадиях развития, а пока лишь о некоторых, но характерных и важных особенностях городов определенных периодов, конкретных регионов: о древнейшем городе Ближнего Востока, городе античности, городе развитого средневековья Западной Европы и др. Однако в данном случае выполняется лишь конкретно заданная цель – наметить в общих чертах временную историческую дистанцию развития города как важную составляющую его научного понимания.

2. Реально развитие города осуществляется во всем многообразии его представленности на каждом этапе исторического развития, во всей социокультурной дифференциации этого процесса в разных регионах в рамках разных этнополитических структур. В связи с этим актуальным становится обозначение пространственных координат в развитии и функционировании города как социокультурного явления. В данном исследовании выделяется раздел, посвященный определенным особенностям городов разных культурно-исторических регионов, областей и стран, в котором раскрывается широта и многообразие проблем его социально-пространственного бытия. Однако общее и частное, характерное для разных стран и периодов, еще не выводится здесь на теоретический уровень и не рассматривается последовательно по единому плану. Задача заключалась не только в фиксации и раскрытии многообразия условий и форм функционирования "города", но и в подтверждении важности формирования общей, своего рода пространственно-временной дистанции в его организации, его особого многопланового видения, с одной стороны, и необходимости дифференцированного подхода к проблеме "город" в пространственно-временном измерении – с другой (например, значения исторического интервала в оценке особенностей развития городов Африки и специфики географических условий в характеристике городов Японии и т.д.).

3. Как явление исторического процесса "город" воспроизводится в последнем в качестве особого социального организма, сложно многохарактерно и многоуровнево структурированного. Это особый мир отношений, ценностей – материальных и духовных, это особая пространственная организация специфических структурных компонентов и это особое социокультурное пространство – интеллектуальное, языковое, коммуникативное и т.д. Нами рассматриваются лишь некоторые конкретные моменты социально-пространственной организации города, формирования его субъектного определения, духовных конструктов его социокультурной структуры как необходимого условия воспроизведения характеристики города в качестве особого явления естественноисторического процесса, его субъекта и как особого социума активно действующих субъектов.

4. Город все активнее становится объектом исследования историков (археологов антиковедов, медиевистов, специалистов по новому времени), социологов, экономистов, философов и др., поскольку он выступает организмом, кумулирующим все сферы жизнедеятельности общества. Все чаще исследователи вступают в диалог с древностью, расширявая

реальный смысл источников, раскрывая позиции собеседников из далеких времен. Однако специалисты разных дисциплин, исследующие разные аспекты города и городской культуры, почти не контактируют научно между собой. Так, урбаниологи обсуждают проблемы будущего города не только в рамках решения утилитарных задач его организации, но и в осуществлении гуманистических идеалов его развития как важнейшего культурного центра, как достижения и одновременно организующего центра человеческой культуры. Но оптимальное решение подобных проблем предполагает целостное видение города, его понимание в глубокой ретроспективе как организма, несущего жизненно важные структуры и традиции, которые не могут быть освоены без познания генезиса города, его причинно-следственных оснований, условий формирования социального и духовного пространства и принципов дифференциации исторически формирующихся внутригородских структур. В свою очередь, современные системно-структурные, средовые, информационные подходы урбаниологов могут обеспечить новые возможности реконструкции и объяснения огромного накопленного материала в сфере собственно исторических, в том числе археологических знаний и обеспечить новое видение города. Все более очевидной становится необходимость координации сил и выработки общих позиций в осмыслении города как специфического социокультурного явления исторического процесса. Именно поэтому становится все более актуальным, во-первых, объединение ученых по изучению города на междисциплинарном уровне и, во-вторых, при разработке четко сформулированных соответствующих программ в целенаправленном их осуществлении.

Настоящее исследование подготовлено на основе материалов конференции по проблемам города как социокультурного явления, проведенной в рамках Научного совета по комплексной проблеме "История мировой культуры", на которой была осуществлена попытка новых подходов к решению проблемы города, рассматриваемого как действенный фактор исторического развития общества. Мы пытались скоординировать усилия специалистов разных сфер знаний – архитекторов и медиевистов, антиковедов и археологов, культурологов и социологов, географов и философов.

Четыре раздела книги имеют целью не тематическое объединение статей, но формирование и определение позиций в исследовании города как фактора общественного развития на исторически определенной дистанции, как фактора развития, имеющего свои временные характеристики, многообразие проявлений в различных регионах и странах и, наконец, как развитие особого социального организма.

Вместе с тем каждая статья сохраняет самостоятельное значение (и авторскую позицию, в том числе и дискуссионность). Естественно, в работе не могли быть решены все проблемы и вопросы, поставленные задачи предполагают длительные и многоплановые исследования и поиски путей их организации. Задача же данной книги – поиск методологических подходов к решению вышеназванных проблем и путей контактов и координации сил в их решении.

Редактор

ГОРОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГОРОД КАК ОСОБЫЙ ОРГАНИЗМ И ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Э.В. Сайко

Проблема города как фактора исторического процесса предполагает поиск и раскрытие сущности его как явления, содержащего развитие уже в самом своем появлении, а затем функционирования и воздействия на этот процесс. Воплощенный в определенные конкретно-исторические формы (и существуя только в них), развивающийся в определенных временных и пространственных координатах, город выступал носителем и кумулятором различного рода информации, всех связей, ценностных значений и субъективных смыслов культуры соответствующих обществ. В то же время многообразие его "повторения" (и прежде всего в основных свойствах и функциях) и последовательное наращивание определенного содержания позволяют говорить о городе как о специфической реальности, содержащей уже в своем генезисе сущностный смысл отношений определенной социальности, заключающей особые характеристики – новые по отношению к предшествующему периоду и несущие в себе возможности, тенденции и условия саморазвития. Есть нечто существенно важное в самой необходимости воспроизводства города, причинно определенное в самом его развитии, что обеспечивает его функциональную общность как особого социокультурного явления на значительной исторической дистанции, когда в конкретном историческом проявлении он несет в себе (как реализующий тенденцию этой социальности и общего прогресса) всеисторическое, всеобщее. Именно в силу объективного воспроизводства города как организма, кумулирующего и интегрирующего общественные отношения и связи на разных уровнях развития исторически определенной социальности, последовательно реализующей оптимальные формы магистрального прогресса, он выступает необходимым компонентом естественно-исторического процесса и носителем всеобщего культурно-исторического содержания последнего.

В поисках исторического объяснения и определения города как особого явления специалисты активно обсуждают ведущие признаки и особо важные функции. Но функции и признаки лишь характеризуют явление, тогда как историко-теоретическое определение города возможно лишь при выявлении его субстанциональной сущности и лишь в связи со структурой естественноисторического процесса, с развитием самого

города как объективно состоявшейся формы осуществления закономерностей этого процесса, социокультурного прогресса.

Исследование города при таком положении начинается с вопроса, связывается ли его появление просто с определенным уровнем исторического развития, с обычной эволюцией? Или же город является следствием глубинных изменений содержания общественного развития, изменений, обусловивших возникновение исторически нового состояния, имманентен последнему и поэтому своим появлением определяет исторически новую стадию развития общества. Это принципиально разные позиции в оценке исторического смысла города. Далее. Является ли город объективированной формой организации исторически определенной социальности, возникшей на соответствующем уровне общественного прогресса как результат последнего? Или же город уже при формировании этой социальности несет структурирующую нагрузку, является моментом перехода к ней и участвует в ее формировании. И тогда он становится движущим фактором новой исторически определенной социальности на весь период ее функционирования. От решения этого вопроса зависит не только научное осмысление города как исторического явления, но и принципы подхода к оценке всех состояний социальности, в рамках которых функционирует город.

Последняя рассматривается здесь как противостоящее первобытно-общинному обществу, реально исторически новое, функционально, содержательно и структурно определенное, имеющее в своем развитии собственные фазы и ступени, состояние, связываемое с эпохой (в ее стадийном понимании) цивилизации. Вопрос о преобладающей роли тех или иных факторов в становлении цивилизации (появление прибавочного продукта, общественного богатства, разделение труда, эксплуатации и т.д.)¹ дискутируется на протяжении многих лет. Острота дискуссии углубилась в последнее время в связи с выявлением в результате археологических, исторических и этнографических исследований новых и более многообразных форм развития древнейших и традиционных обществ, неравномерности и неровности в освоении и присвоении новых элементов и структур социальной жизни. Однако именно эти данные не только иллюстрируют более сложную картину реального развития общества, но и подтверждают позицию в оценке перехода к исторически новой социальности как "взрывного" (революционного) не только по степени значимости, но и по структуре и характеру его. Углубляется понимание этого перехода как сложно структурированного во взаимосвязи и взаимообусловленности комплекса определенных явлений (глубокая социальная стратификация на основе частной собственности, стоимостные отношения, новые формы организации производственной деятельности, иной характер социокультурных связей, идеологических норм), образующих в своем развитии содержание и структуру реального исторического состояния. Подтверждается, что лишь только определенная развитость соответствующих структур и их связей, их взаимообусловленность обеспечивают при всей многовариантности эволюционного процесса устойчивость этого исторически принципиально нового состояния, исторически определенной развивающейся целостности (приобре-

тающей свои возможности разнообразия, тенденции, и т.д.) как ведущей в общем общественном прогрессе (великую эмпирию действительного движения которой раскрывают историки). Характерно, что данные археологических и письменных источников IV–II тыс. до н.э. о древнейших областях появления первых городов в Месопотамии фиксируют здесь интенсивные комплексные изменения в жизнедеятельности общества – демографические сдвиги, увеличение размеров и дифференциация поселений (выделение особенно крупных и сложных), изменение их топографии и выделение престижных зон, появление монументальных строений, выделение производственных участков, специализация производств и их расширение, технический прогресс, ирригация, введение письменности, юридических норм, становление государственности и т.д.² Особенностью этих нововведений является их спрессованность (по меркам соответствующей эпохи) во времени, разнохарактерность и охваченность всех сфер жизнедеятельности (технико-технологической, собственно производственной, социальной, информационной, интеллектуальной). Важнейшими показателями в определении указанных нововведений являются также: интенсивность накопления, взаимосвязь и взаимообусловленность и, что очень важно, продолженность их развития в этой взаимообусловленности. Все это в комплексе (и в перспективе) формировало четко определенные, устойчиво функционирующие на основе уже системно связанных элементов общественные структуры, не вписывающиеся в нормы функционирования первобытного общества, отрицающие их по существу. Такого типа нововведения фиксировали реальное становление исторически нового социокультурного состояния общества, новой социальности, которой уже были свойственны (как ее образующие) определенные общие принципы и основания исторического развития общественных отношений.

Совершенно очевидно, что глубокие изменения в организации жизнедеятельности общества, которые связываются с появлением цивилизации, предполагают преобразования в самих условиях его воспроизводства. В основе базовых преобразований общества лежат общие законы развития – дифференциация, специализация, интеграция. В данном случае – это дифференциация, специализация и интеграция деятельности (в ее широком социокультурном определении) как условия функционирования общества в качестве саморазвивающейся системы. Именно дифференциация и специализация деятельности в соответствующей форме и на определенном уровне развитости структуры и содержания их привели на базе технико-технологического, производственного и интеллектуального прогресса к крупному общественному разделению (как разрушению системной целостности труда первобытного общества) труда во всей сложности реализации содержания этого процесса как революционной формы развития общества.

Крупное общественное разделение труда весьма часто (практически в основном) упрощенно воспринимается и характеризуется как просто голое отделение ремесла от земледелия, и только в собственно производственном плане (а не как явление социально-историческое в целом). Поэтому имеет место несоответствие оценки его и смысла изменений, с

ним связанных. Отделение ремесла от земледелия лишь выражало и заключало в интегрированной форме глубокие изменения (не вмещающиеся в рамки возможностей их "родовой интеграции") не только в структуре и содержании всего труда, но и в организации всей жизнедеятельности общества. Это были изменения на уровне глобальной смены оснований воспроизводства общества (разделение самого производства) и поэтому – условий воспроизводства всех его отношений (экономических, собственно социальных, в духовной сфере и т.д.), разделение общества. Выделение ремесла в качестве особой самостоятельной сферы деятельности (полагающей как специфические формы практической деятельности, так и общения) объективно разрушало традиционный социум, воспроизводимый на основе единой неразделенной "земледельческой деятельности". Однако (и это главное) формирование новых социальных связей определялось не только принципиально новыми отношениями собственно ремесленного труда, но и всей совокупностью процессов, обусловленных содержанием общественного разделения труда и формированием разнообразия (взамен устойчивости однообразия) специфических систем деятельностей. Дифференциация, специализация и интеграция осуществлялись на новом уровне и на новых основаниях, приобретали новый характер и содержание. И чем более обособлялись различные виды деятельности (производственные и непроизводственные) на фоне общего, охватывающего все сферы жизнедеятельности разделения труда, тем более полными становились их взаимосвязи и более опосредованными условия функционирования. Такое разделение труда предполагало личную идентичность как социальное признание особой деятельности в лице конкретного субъекта деятельности, "закрепление социальной деятельности", индивидуализацию производителей и самой специальной деятельности. Изменялся характер обмена деятельностью между людьми, устанавливались новые (разрушающие родовые) принципы и основания развития общественных отношений, свойственных новому состоянию производства, общества и предполагающих наличие нового организма, их обеспечивающего. И особо важную роль в формировании и развитии этих отношений играли такие явления, как отчуждение труда и частная собственность. Частная собственность (отчуждение труда в этом плане историками обсуждается значительно реже) определяется как решающий фактор в социально-экономическом развитии классового общества (и прежде всего в плане взаимосвязей форм собственности и зависимости субъектов).

В гораздо меньшей степени раскрыты историческая роль и действие частной собственности и (еще менее) отчуждения труда в построении всех отношений нового общества во всей сложности их содержания, эшелонированной структуры (включая и собственно культурную сферу, межличностные отношения и т.д.) и их общесоциальный смысл. Между тем отчуждение труда и как следствие его частная собственность (сложно опосредованные в своем появлении и обусловленные "системной причинностью") сущностно связаны с глубокими изменениями, обеспечивающими выход общества за пределы первобытной стадии как скачок-переход в исторически новое состояние (новую социальность), в обеспе-

чении субстанционального определения которой они играли особую роль. В их глубокой взаимосвязи лежали, в частности, корни образования стоимостных, надобщинных отношений, оказывающих преобразующее действие на всю систему отношений взаимодействия субъектов нового общества. И в формирующейся новой совокупности систем отношений именно эти явления определяли новые принципы и условия взаимодействия субъектов деятельности (в качестве каковых выступали индивиды, группы, коллективы, классы, общества), они изменяли позицию индивидов в обществе.

Структурирование принципиально новых систем отношений, связанных с процессом цивилизации и с формированием на базе экономических, социальных и культурных преобразований новой социальности, обеспечивало образование в рамках последней особой, так называемой, урбанизационной среды². Последняя и является тем социальным бульоном, в котором кристаллизуются в большей или меньшей степени в зависимости от ее насыщенности (а отсюда разная степень и характер выраженности и развитость их) городские элементы и структуры. Урбанизационная среда содержит возможность и необходимость города, предшествует ему. Но само существование урбанизационной среды, содержащей уже определенные закономерности функционирования, и ее воспроизводство обеспечиваются реализацией возникающих в новой социальности соответствующих "городских" элементов и структур, отношений (в частности, в виде выделившихся новых субъектов деятельности – ремесленников, торговцев, их факторий, связей и т.д.), образующих узлы ее состояния и обеспечивающих "материал" и условия формирования города. В этом выражается диалектика становления города и начало урбанизации как процесса преобразовательного.

Революционный смысл перехода (связанного с принципиальными изменениями в самих основаниях развития общества, в производстве), отвечал бифуркационному механизму смены социального состояния, предполагал смену ведущей исторической системы, определяющей направление прогресса при сохранении и увеличении многовекторности возможного развития их. В генезисе города, осуществляющегося в процессе этого перехода в силу объективной необходимости реализации создаваемой урбанизационной среды, уже проявлялось активное действие его. И это чрезвычайно важно. Город в таком случае заключает субстанциональную сущность той социальности, которая устанавливалась в процессе цивилизации и формирования сложного, элитарного, классового общества.

Поэтому при всех особенностях, изменениях города – различных в разные периоды и формациях – собственно "городское поле" социальности, формируемой в процессе цивилизации, заключало непременно нечто общее и сущностно значимое для воспроизводства последней на всех этапах ее развития как особой исторически определенной системы, подсистемы разделенного (классового) общества, имеющей собственное время и пространство, внутренние этапы и разные структуры. Но именно поэтому глубинное познание города предполагает, во-первых, комплексное исследование, включающее анализ многообразия конкретных форм

культурно-исторического осуществления его и, во-вторых, выявление тех особых субстанциально значимых характеристик социальности, порождающих город и порождаемых городом, которые несут главный исторический смысл и процессуальные определения на всем протяжении его бытия.

В настоящее время практически отсутствуют единые принципы и критерии не только определения города как явления, но и стадийных характеристик его развития. В этом плане в качестве единого критерия процессуальных особенностей исторического развития города и его стадийного определения могут быть предложены специфические изменения в характере отношений "городских субъектов", складывающихся в процессе осуществления "отчуждения труда," рассматриваемого здесь широко, но в связи со становлением субъекта города. Это целесообразно потому, что отчуждение труда является важным образующим фактором рассматриваемой социальности (классового общества) и прежде всего частнособственных и всех других отношений, интегрируемых городом. В отчуждении труда в наибольшей степени проявляется социальный смысл и характер субъект-субъектных отношений классового общества, в рамках которых формируются ценностные установки и ориентиры индивида во всех сферах жизнедеятельности, и прежде всего ценностные установки человека города, наиболее полно представляющего потребностную сферу урбанизированного (и урбанизирующегося) общества. Наконец, именно отчуждение труда как особый принцип отношений рассматриваемой социальности, "несущей" в своем содержании город, и одновременно как изменяющееся во времени в своем осуществлении и характере действия явление объективно обеспечивает в настоящее время оптимальные в силу указанного возможности для фиксации смены позиций и особенностей функционирования систем отношений города и в городе на протяжении всей истории его развития при сохранении единого подхода и сущностно значимых оснований сравнения.

Отчуждение труда – сложное малоизученное социально-экономическое явление, характеристика которого предполагает специальные исследования. В данном случае актуализируются и обсуждаются лишь определенные, собственно социальные аспекты его как процесса развития исторических форм отчуждения человеческой сущности, раскрывающихся в субъект-субъектных отношениях города. Социальная сущность отчуждения труда заключается в отчуждении от человека общественных отношений, первый слой которых (отчужденных отношений) связан с переходом к классовому обществу. Существуют качественно разные этапы и характеристики развития отчуждения труда, проявляющиеся, в частности, в особенностях развития таких его структурных компонентов, как отчуждение самого труда, продукта труда, отчуждение производителя (и его самоотчуждение). Эти компоненты находятся в прочной неразделенности и взаимообусловленности. Однако исторически они определялись по-разному, несли разную нагрузку, что проявлялось в характере построения всех общественных, всех субъект-субъектных отношений в исторически разных классовых обществах, в построении отношений города и в городе.

Именно эти особенности осуществления отчуждения труда позволяют проследить не только непрерывность движения всеобщих общественных связей, формирующих социальную ткань урбанизационной среды, но и меру и формы освоения их и поэтому выделять уровни развития отношений города. В общей условной схеме поэтапного развития города в этом плане важно выделить два момента. Это, во-первых, особенности изменений отношений субъектов города в процессе освоения и присвоения всеобщих связей, формируемых в результате разделения труда и разложения первобытных связей. И во-вторых, это показатели степени освоения и присвоения всеобщих связей в "построении" позиции город – деревня как особых субъектов урбанизирующегося и урбанизованного общества. В исторической характеристике города как социокультурного явления можно условно выделить три основные стадии или исторические состояния, в рамках которых устойчиво формируются отношения, связанные с актуализацией разных сфер процесса отчуждения труда, и происходит многоплановое, многоуровневое, но при господстве определенных систем отношений, его развитие.

Первая стадия в целом может быть характеризована как стадия становления. Она охватывает период IV тыс. до н.э. и первую пол. I тыс. до н.э. Внутри нее четко выделяются три этапа и три уровня. Первый этап – это становление собственно урбанизационной среды и формирование горбдских структур. На основе глубоких технико-производственных и социальных изменений, которые осуществляются в процессе дифференциации и специализации различного рода производственной и духовной деятельности и крупного общественного разделения труда (как оптимальной реализации их) происходят принципиальные преобразования во всей организации жизнедеятельности общества. Последние четко фиксируются археологически в частности в изменении структуры и характера пространственной поселенческой организации.

Уже на этом этапе в древнейших областях цивилизации – в Месопотамии – выделяются крупные центры – Ур, Урук, Эрех и др. Площадь отдельных поселений к началу III тыс. достигала более 200 га (Эрех – 3000 г. до н.э. – 210 га). Население древнейших месопотамских городов, по мнению специалистов, составляло от 7 до 20 тыс. человек. На ранних этапах еще пластичной урбанизационной среды реальное действие механизмов дифференциации, специализации, кумуляции, интеграции обеспечивает вероятностные каналы реализации формирующейся социальности (пути Месопотамии и Египта в этом плане достаточно показательны), вычленение новых социальных (городских) организмов.

На следующем этапе – конец III–II тыс. до н.э. – происходит не просто вычленение, а сложение городов – городов по действительному содержанию и структуре жизни. Количество их резко возрастает, между ними (разными по размерам и характеру – Мари, например, и Каниш) устанавливаются особые, уже собственно городские по смыслу связи. Вычленяются более четко в системе городских отношений и главные субъекты города. Это торговцы и ремесленники, представленные на этом этапе иногда в виде специализированных общин, служители храмов и

писцы, служащие, моряки, художники и т.д. Исследования Н.Б. Арни, И.М. Дьяконова, Н.Б. Янковской и др. дают достаточно полную картину торгово-ремесленной деятельности в этих городах и сложную для рассматриваемого времени структуру стоимостных отношений. Формируется совершенно новое пространство духовной жизни города. Изменяются представления и образы. Развивается новое искусство, литература. Мифы отбивают мир города от прежнего, относя его к созданию Божественному, другому, отличному от прежних поселений. Люди Ура и Ларсы – это люди города. Зона урбанизационных процессов значительно расширяется, охватывая восточные области – Иран, Пакистан, юг Средней Азии и т.д. Значительно усложнилось содержание, выриативность урбанизационных процессов, что имело далеко идущие последствия.

В начале – середине I тыс. до н.э. город уже четко воспринимается как особый, престижный социальный институт, и не только как инфраструктура, но и как действенный фактор в организации жизнедеятельности общества до такой степени, что он как бы отделяется в своем функционировании от реальных оснований, обеспечивающих его. Не случайно стала возможной на основе использования урбанизационного потенциала искусственная организация городов царской властью в качестве особых стратегических, политических, торговых пунктов.

Первые века до н.э. – первые века н.э. связываются с особо сложной структурой урбанизационного процесса. В нем важную роль играли многоплановые взаимодействия разных по содержанию, степени развитости, условиям функционирования социокультурных структур разных городов и поселений, факторий и т.д. разных культурно-исторических, в разной степени урбанизированных областей. Происходило своего рода усложнение структуры формирующейся устойчивости поселенческой организации, отличной от обычных традиционных поселенческих структур. В этом плане важно, однако, отметить, что при четком содержательном и функциональном выделении города, поселение не противопоставит ему еще функционально на "равных" в качестве, например, такого типа поселения, как деревня (в данном случае не представляется возможным обсуждение проблем специфики античной урбанизации), хотя и отрицается им исторически сущностно.

В целом IV тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э. выступает в истории развития города, при всей четко выделяемой разноуровневости и разноплановости процесса урбанизации на разных этапах, как единая стадия. На ней происходит вычленение и оформление города как особого социального организма, кумулирующего все связи и отношения, традиции развития новой социальности, порождаемой процессами цивилизации.

Ведущими в рассматриваемых аспектах исторического развития общественных отношений становятся события, связанные с оптимальной реализацией определенных слоев процесса отчуждения труда, осуществляемого в целом во всей полноте его содержания. Здесь актуализируется прежде всего отчуждение (выделяемого, отрываемого от общинной целостности коллективного по целям, продукту, содержанию труда первобытного общества) труда – прибавочного труда (представленного, в частности, в виде растущей совокупности различных, вычленяющихся по

своему продукту специальных деятельностей) в лице своих носителей – конкретных производителей и в реализации прибавочного продукта общества. Специализированная деятельность еще часто связана с общинными формами организации (например, большесемейные специализированные общины III–II тыс. до н.э. в Месопотамии), но заключает новый смысл и содержание. В ней порождаются новые социальные силы и отношения (прежде всего в свободном движении продукта и его стоимостной характеристике), господствующие над индивидами, сбрасывающими пути родовых связей, а также обеспечивается особое состояние приобщенности к структурируемой всеобщности специфических форм отношений. Изменяется принцип и характер отношений взаимодействия индивидов. Субъектом-объектом субъектных отношений становится другой человек (вместо только "мы" и "они" проглядывает и растет уже также "я" и "общество"), противостоящий в своих отношениях как (условно естественно) "свободный" индивид, а не регламентированный связями член родового коллектива. Далее, в процессе эмансипации разных видов деятельности друг от друга, в рассматриваемом случае от общей, общинной, разрывается кооперация, основанная на собственно родовых традициях, и развиваются новые виды и формы кооперации – собственно производственные кооперации в труде особом, отличном от общего (в рамках общины). Происходят глубокие изменения в такой важной сфере человеческих отношений, как кооперация в разных видах деятельности – собственно производственной, торговой, управленческой, религиозной. То есть формируются новые принципы взаимодействия субъектов, отрицающие прежние, предполагающие свою реализацию в новых структурах жизнедеятельности. Реализация их происходит, в частности, не в старых общинно-родовых поселенческих однопорядковых, однокомпонентных структурах, а в постепенно и постоянно дифференцирующихся и организующихся в своей дифференциации (теперь уже в рамках новой развивающейся системы: город в противопоставлении другому типу поселений, и прежде всего формирующейся деревне) организмах. Новое содержание отношений, обусловливаемое новым содержанием деятельности, обеспечивает их особое саморазвитие, в процессе которого с необходимостью формировался "повторенный, по словам В.Г. Белинского, как бы вновь созданный мир" – мир творчества, искусства, культуры" нового социума, который, в свою очередь, стимулировал индивидуальность освоения мира на соответствующем уровне ее проявления и во все большей степени связываемой с новой социальной и организмом, кумулирующим отношения последней – городом.

Вторая стадия в развитии города, выделяемая на основе изменения характера реализации новых принципов (в условиях отчуждения труда) взаимоотношений субъектов–субъектов города и города как особого субъекта исторического действия, связывается устойчиво со средневековым периодом (условно V–XVI вв.) в широком его определении. В развитии всех отношений индивидов рассматриваемой социальной специализации происходили серьезные изменения за счет расширения сферы действия стоимостных оснований их. Стоимостные основания легли в основу изменения позиции город – деревня. Последняя – четко и устойчиво специали-

зируется как антипод городу. Главная тенденция в ее развитии наиболее ярко выражается в характере развития земельной собственности и важнейшего механизма формирования и расширения феодальных отношений – ренты. При сохранении натурального хозяйства в основе развития деревни как антипода города и компонента урбанизированной (в соответствующей степени) структуры общества лежат частнособственнические, стоимостные отношения. Это проявляется в движении ренты к ее денежной форме, усилении значимости стоимости земельных владений, в характере роста последних и т.д. В целом это были отношения, формирующиеся в уже исторически определившейся социальной, структурируемой в соответствующей степени и городом как необходимым моментом ее существования. Условно этот период можно в целом назвать как период становления реальной системы отношений взаимодействия города и деревни. При этом происходит не только действительное становление деревни, но и более глубоко самоопределяется город. Для рассматриваемой стадии, при всех различиях внутреннего поэтапно формируемого состояния, показательны свои особые, общие для нее в целом основания в последовательном изменении социальных позиций городского субъекта и города как субъекта (в качестве сугубо городского общества) в системе или в рамках феодальных отношений. Так, хотя феодальная собственность на землю и выступает главным системообразующим фактором в построении социальных отношений основных групп населения, новый объективно установившийся характер осуществления процесса отчуждения труда на этом уровне развития социальной вносит свои коррективы. Изменения здесь в наибольшей степени проявляются в особенностях отчуждения продукта труда. Именно особый уровень и структура присвоения продукта труда все более развертывающейся специализированной деятельности как в городе (ремесленной), так и в деревне (сельскохозяйственной) становятся общим моментом в организации новых уровней и форм взаимодействия всех социальных групп. И хотя в отличие от крестьян, производящих отдаваемый в качестве ренты или включаемый в обмен продукт, получаемый посредством земли, ремесленник производит отдаваемый им продукт (но уже как налог) не посредством земли (в том числе принадлежащей феодалу как собственности), а средствами производства, принадлежащими ему или корпорации, – общей жизненно важной задачей их было увеличение продукта. Прибавочный продукт приобретает особое значение и именно он как бы уравнивает по определенному принципу город и деревню. Актуализация продукта в структуре отчуждения труда обеспечивала возможности расширения рыночных отношений. Усиливаются объективно позиции, регулируемые городом, кумулирующим и интегрирующим уже своим наличием рыночные отношения. При любом прессинге земельной собственности и натурализации хозяйства в целом, в тенденции деревня выходит на новый уровень частнособственнических отношений. Увеличивалась в связи с этим (но, естественно, в исторически ограниченных рамках и относительно) безличность отношений субъектов, абстрактность связей при одновременном росте потребности кооперации в труде противопоставленных структур – города и деревни.

Более оформленное противопоставление деревни городу усиливает определенные мотивы самоопределения субъектов города. Это способствовало расширению маневренности экономических связей города. В духовном производстве господствуют отношения людей над предметной деятельностью, что в значительной степени определяется сложной структурой и характером объективно опосредованного углубления процесса самоопределения.

Третья стадия эволюции города связана с новой структурой и содержанием самого процесса урбанизации, собственно урбанизации, когда сам этот процесс уже в такой степени не опосредуется "необходимостью" воспроизводства урбанизированной среды, как средством удержания "урбанизированной" структуры. В данном случае уже существует урбанизированное состояние общества в его общей социокультурной определенности, и во всеобщей исторической оценке, когда все остальные структуры и состояния социальности практически полностью инъецированы в урбанизированное пространство общества непосредственно или же опосредованно, именно в силу потери возможности автономного функционирования (речь идет, естественно, о ведущей тенденции и состояниях обществ, определяющих в своем развитии исторический уровень эпохи).

Характерные особенности социальности исторически определенного уровня – периода цивилизации и классового общества – явления частной собственности и отчуждения труда – приобретают на этой стадии не только более сложный характер, но и новые тенденции развития. Дифференциация и специализация деятельности в отличие от докапиталистического периода не только расширяются и углубляются, но и становятся универсальными, охватывая все сферы жизнедеятельности, включая духовную. В поэтапном развитии урбанизационных процессов на рассматриваемой стадии (когда для каждого этапа отмечаются свои специфические особенности) последний значительно отличается от всех предшествующих. Город остается основанием, но уже не единственным главным механизмом формирования системы всеобщих связей современного общества. Рост плотности информационных связей обеспечивает не только новые формы и уровни взаимодействия городских субъектов, всех урбанизированных структур, но и новые формы самоопределения города как субъекта взаимодействия. Усложняются внутригородские структуры. Более активно дифференцируются сами города.

Новый уровень взаимодействия города и деревни характеризуется не только усложнением противоречий (в сложной структуре и содержании их), но и формированием более глубоко эшелонированных системных связей разнохарактерных структур значительно усложняющегося в своей организации урбанизированного общества. Изменяется характер самоопределения города. Это не только и не столько утверждение его специфики как города, в том числе утверждение его в противопоставлении деревне, но и самоопределение и самоутверждение города в системе всех других городских и негородских структур. Принципиально изменяется характер проявления системно значимых отношений, формирующих социальность города, когда наружу выступает качественно

новый слой отношений отчуждения труда и частной собственности. В структуре процесса отчуждения труда (отчуждение труда, продукта труда, индивида при полной развернутой форме их) ведущим становится отчуждение труда в виде предмета труда (продукта труда) в процессе самой производственной деятельности – отчуждение индивида, самоотчуждение его. Отчуждение индивида в процессе деятельности (не труда в лице индивида от общего труда общинных структур, как в период становления отчуждения труда, но в его новой социально-экономической форме, определившей новую социальную позицию индивида), а поэтому свободное движение собственно труда увеличивает "свободу" человека, но одновременно усиливает действие независимых от человека вещных сил, отношений и одновременно всестороннюю зависимость индивидов. Воспроизводство всех общественных связей и отношений, всех форм взаимодействия субъектов всех уровней предполагает здесь усиление преобразующего действия не только экономических, но прежде всего общественных механизмов (в том числе в формировании цели производства – прибавочной стоимости).

Город – сложный социальный организм, который воспроизводит не только условия функционирования, но и условия более активного развития субъектов города, роста их творческих возможностей, обеспечивает усложнение и уплотнение контактов, усиление разнообразия действия и общения, а значит, углубление самоопределения и индивидуализации их. Индивидуализация субъекта (при всех потерях возможностей проявления индивидуальности и т.д.) происходит на уровне индивида более выражено. Субъект-субъектные отношения индивидов меняются принципиально. Это, в частности, проявляется в раскрепощении специализированных форм общения, что отражается в социальной структуре города, производственной организации, культурных формах его бытия и т.д.

Город с самого своего возникновения формируется как социокультурное (интегрирующее социальные связи и кумулирующее культурный и интеллектуальный потенциал общества, человека) явление процесса – процесса урбанизации как постоянной составной становления и развития исторически определенной социальности (разделенного общества). И поэтому он – организм, организующий в значительной степени действие общественного механизма в воспроизводстве всех отношений общества на всех этапах развития рассматриваемой социальности. В данной статье ставилась совершенно определенная цель – обратить внимание на возможность и необходимость исследовать и понимать город не только как порождение той или иной эпохи в конкретно-историческом его проявлении и как последовательно сменяющие друг друга типы и уровни его организации в разорванной по условиям функционирования совокупности, но и в континууме урбанизационного процесса, заключающего в своей субстанциональной сущности тенденции организации, интеграции и универсализации растущего разнообразия отношений определенной социальности в ее формировании и развитии как организационной системы в направлении целостности. И важным в этом движении остается постоянное преодоление ограниченности исторически определенных конкретно-локальных (возникающих изначально в противо-

поставлении и отрицании коллективности первобытной) "коллективистских" (профессиональных, сословных, групповых) связей в расширяющейся системе отношений и связей всеобщности, когда соответствующая мера индивидуализации и социализации субъекта исторического действия (сопровождающиеся не только "освобождением", но и новым закабалением индивида), и прежде всего горожанина, обеспечивает определенное социокультурное пространство города.

Предлагаемая (очень общая и условная) схема единого процесса "движения" города на основе выделения и анализа изменения единых существенно значимых оснований развития отношений индивидов, интегрируемых им, позволяет, как представляется, увидеть целостность этого "движения" на всей дистанции функционирования и развития рассматриваемой социальности (классового, разделенного общества, разделенного производства, человека). Использование ее как методологического приема исследования отвечает целям поисков средств и путей измерения и общей оценки города как фактора исторического процесса.

¹ Цивилизация и исторический процесс // Предприняты доклады VI Всесоюзного совещания "Цивилизация и исторический процесс". М., 1983.

² Сайко Э.В. Урбанизация как социокультурный процесс в стадивальной характеристике исторического развития (переход от доклассового общества к классовому) // Методологические проблемы исследования становления и развития древнего города. М., 1991. С. 11–82.

ГОРОД – ФОКУС УРБАНИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

А.С. Ахвезер

Сущность города можно понять, лишь при его рассмотрении на основе развития общества в целом, как форму и результат этого развития и одновременно как его предпосылку. При этом возникает сложная методологическая проблема. Для рассмотрения города именно в рамках такого подхода необходимо представить совершенно особым образом само общество, т.е. так, чтобы оно выступало как некоторая основа и одновременно противоположность города, чтобы общество и город представляли некоторую дуальную оппозицию. Анализ должен быть направлен не только к полюсам этой оппозиции, но и прежде всего к динамике взаимопроникновения. Для решения данной задачи общество должно рассматриваться в своей особой форме, в форме урбанизации.

Общество и урбанизация. Научная методология не может ограничиться рассмотрением урбанизации как роста городов, лишь как некоторого особого явления в обществе. Урбанизация может выступать как аспект, момент, акциденция и как динамичный атрибут развития целого, как особый фокус этого целого, но не как изолированное явление, необособленная субстанция. Логически каждое из интересующих нас значимых явлений в обществах, которые можно характеризовать как динамические, следует рассматривать и как особое определение человека, общества.

© Ахвезер А.С.

Урбанизация является одним из важнейших всеобщих определений общества, человека. Человек – субъект, носитель урбанизации, как и рефлексии, творчества, труда, воспроизводства и т.д. Логически переход от абстрактного представления об обществе к урбанизации как его важнейшей конкретной форме требует по крайней мере еще одной ступени конкретизации между ними. Речь идет о категории воспроизводства. Ее можно рассматривать как основное определение человеческой деятельности, ее направленности на сохранение, воссоздание, развитие сложившихся условий жизни, социальных отношений, культуры, ее смыслов, самой воспроизводственной деятельности. Воспроизводство всегда определенным образом ценностно ориентировано. Оно всегда рефлексивно и носит творческий характер¹. Воспроизводство – всеобщее определение человека, человеческой деятельности, характеризующей человека как идеально и практически способного вопреки энтропийным процессам воспроизводить себя на исторически сложившейся основе, как способность ей противостоять.

Важнейшим аспектом воспроизводства является воспроизводство своей собственной среды, самих возможностей и способности ее воспроизводить². Отсюда необходимость рассмотрения воспроизводства пространственно-территориальных различий. Именно здесь возникает проблема урбанизации. Урбанизация выступает как общество, взятое с точки зрения его социокультурно-территориальных закономерностей, т.е. в ракурсе возникновения, развития и снятия социально и культурно значимых территориально закрепленных различий, различий в творческом потенциале, связанных прежде всего с различиями (противоречиями) между городом и деревней, между территориально локализованными социокультурными группами, субкультурами.³ Урбанизация есть проекция на территории всемирно-исторического процесса воспроизводства всей жизни общества, его закономерностей. Она может менять свои формы. Дуальная оппозиция города и деревни, центра и периферии в процессе урбанизации перерастает в оппозицию: аграрно-промышленное объединение – местные системы расселения³, аграрно-промышленные и неаграрные секторы⁴. Можно спорить по поводу содержания этих форм развития логически исходной оппозиции города и деревни. Главное тем не менее в этой связи – понимание того, что закономерности урбанизации позволяют раскрыть существо города через его становление, через развитие оппозиции города и деревни во всех ее конкретно-исторических формах.

Логический переход от урбанизации к городу заключается прежде всего в том, что в обществе существует закономерность возникновения социокультурных прогрессивных инноваций. Их появление носит очаговый характер, т.е. они возникают, концентрируются, развиваются в особых точках общества⁵. Эта закономерность органически связана с появлением территориально-локализованных фокусов деятельности, центров относительно более эффективного производства, науки и искусства, где общество, окружающая территория концентрируют социокультурные потенции на формировании высших, наиболее творческих форм деятельности, уровень которых выходит за исторически сложившиеся.

Город и урбанизация. Город непосредственно выступает как территориальная концентрация множества разнородных форм деятельности. Города являются фокусами урбанизационного процесса. В них возникает эффект соединения множества различных форм воспроизводственной деятельности. Город – форма и результат урбанизации.

Для понимания места и роли города в урбанизации необходимо прежде всего обратить внимание, что для урбанизации характерны два различных и в известной мере противоположных процесса, характерен ее двуединный характер. Урбанизация, с одной стороны, сочетание, концентрация всех творческих сил общества, результатов их деятельности в ведущих центрах. Но, с другой стороны, она одновременно распространение этого высшего синтеза на все общество, на все население, включая самые отдаленные районы. Эта важная закономерность урбанизации определяется в конечном итоге очаговым характером развития, тем, что все новое, прогрессивное появляется не повсеместно, но в некоторой точке и лишь затем может получить распространение в масштабе всего общества. Урбанизация выступает, по крайней мере в тенденции, как развитие, охватывающее все общество, как воспроизводственная способность общества организовать окружающую среду, объединить территориальное разнообразие в целостную, организованную систему поселений.

Урбанизация, следовательно, несет в себе возможность преобразования человека из субъекта микроареала, охватывающего одну деревню, одну общину, в субъекта непрерывно расширяющегося макроареала. Этот процесс неотделим от воспроизводства личности как субъекта большого общества.

Урбанизация постоянно порождает разнообразие ареалов, где концентрируются специфические, возможно, уникальные формы деятельности. Это разнообразие включает развитие различных поселений – от гигантских городов (и среди них самые крупные центры страны) до отдаленных и мелких поселений, хуторов и т.д. Эта иерархия поселений несет в себе поляризацию, существенное различие между крайними формами поселений, что есть симптом сущностных различий внутри урбанизации. Эта поляризация несет в себе культурное, социальное содержание, а также логическое значение как необходимый методологический принцип познания. Одновременно урбанизация включает развитие, иерархию ареалов жизнедеятельности, иерархию пространственных масштабов от микроареала, связанного с местной спецификой, до макроареалов, охватывающих всю страну.

Для урбанизации, если рассматривать ее во всемирно-историческом масштабе, характерна возрастающая свобода насыщения пространства, каждого его локуса разнообразными возможностями и видами деятельности, общения и приобщения к разнообразию. В этой ситуации развивается "внутреннее, самосвертывающееся, ступающееся пространство"⁶. На определенных этапах урбанизации в городах формируется тяга к либеральной цивилизации. Города становятся ее движущей силой. Урбанизация существует как противоречивое единство этих двух полюсов.

Следует обратить внимание, что эта поляризация может приобретать глубокий характер, т.е. доходить до основополагающих для общества

различий цивилизационного уровня и масштаба. Урбанизация как процесс протекает как постоянное взаимопроникновение этих полюсов, как проникновение городских ресурсов, ценностей, целей, потребностей, отношений во все остальное общество. Одновременно ценности, ресурсы деревни проникают в город. Значение города в том, что к нему тяготеют и в нем концентрируются все самые ценные инновации. Здесь они культивируются, получают свое дальнейшее развитие. После чего результаты этого сложного процесса возвращаются в общество.

Урбанизация в целом развивается как взаимопроникновение, взаимозамена этих двух процессов и, точнее, как единый расчлененный, внутренне противоречивый процесс, совпадающий в конечном итоге с динамикой урбанизации, с динамикой общественного развития в целом, но под определенным углом зрения.

Специфика городских поселений. Сущность урбанизации, ее двуединого механизма и, следовательно, специфики города в историческом процессе можно понять лишь при условии рассмотрения урбанизации прежде всего как процесса формирования, распространения городской культуры, формирования качественных сдвигов в ней. Без этого процесса нет реальной урбанизации, и можно лишь говорить о псевдоурбанизации⁷. Урбанизация как социокультурно-территориальный процесс проявляется в формировании общего пространства урбанизированной культуры, как повышение потенциала в обществе развитой городской культуры, втягивание в этот процесс всего общества. В этом процессе следует искать зародыши либеральной цивилизации еще при господстве традиционализма. Хотя, разумеется, никаких гарантий превращения этих зародышей в либеральную цивилизацию нет.

Рост разнообразия локусов в процессе урбанизации имеет исключительно важные последствия для общества. Урбанизация придает каждой точке территории определенный ценностный смысл, где один ареал обладает относительно высокой социокультурной ценностью, а другой, с точки зрения тех же людей, – низкой. Эта социокультурная функция урбанизации является определяющей для понимания движущих сил исторического процесса, механизмом прогресса общества во всех его формах. Несомая урбанизацией ценностная поляриность приводит к тому, что одни части территории притягивают к себе людей, а другие отталкивают, если, конечно, личность превратила эти противоречия в предмет своей озабоченности.

Личность, которая осваивает эти различия, превращает их в содержание своего сознания и деятельности. Тем самым она превращает внутреннюю напряженность урбанизированной культуры в свою собственную личностную напряженность. Из двуединого характера урбанизации вытекает, следовательно, что преобладающим явлением, по крайней мере на определенных стадиях ее развития, становится стремление людей перемещать свою деятельность в сторону источника с более высоким потенциалом, будь то индивид, социальная группа, учреждение, районы города, город в целом и т.д. При этом речь идет о стремлении не просто в центр, а непосредственно в "эпицентр" культурной информации⁸. Ведущий характер этого процесса не исключает противоположного

процесса, формирующего негативное отношение к городу как средоточию зла. Тем самым урбанизация, ее внутренние противоречия постоянно дают каждой личности мощный стимул приобщения к одним центрам деятельности, прежде всего более творческим, и ухода от других.

Еще в древности территориальные различия имели в культуре характер нравственных различий⁹. В современном мире эти различия приобретают все более сложный, динамичный характер. Тем самым в обществе возникают два противоположных взгляда на мир, две альтернативные концепции, каждая из которых несет в себе определенную нравственную программу жизни и деятельности. Внутреннее напряжение личности, непосредственно вызываемое поляризацией урбанизации, самим характером городской культуры, формирует определенный тип сознания, тип ценностей, отличные от сознания и ценностей человека догородского общества. Поляризация урбанизации является необходимым условием стремления людей к прогрессу. Город выступает как фокус этого процесса.

Специфика города как ведущего фокуса урбанизации раскрывается в ряде важных культурных признаков.

1) Открытость города, его способность преодолевать собственную ограниченность, замкнутость, способность включать в свою сферу новых людей, распространять свое влияние на новые территории. Открытость необходима для выхода за рамки сложившихся отношений, культурных норм и ценностей, форм деятельности, для преодоления ограниченности форм собственно воспроизводства. Если открытость не достигнет некоторого конкретного, адекватного для этого общества уровня, то общество окажется не в состоянии в должных масштабах и своевременно формировать необходимые элементы воспроизводства, более высокий уровень научно-технического прогресса, личность окажется не в состоянии искать и устанавливать связи за пределами ранее сложившихся форм деятельности.

2) Способность преодолевать господство эмоциональных форм мышления, переходить к абстрактным, понятийно-категориальным формам. Человек в городе преодолевает кажущуюся ему естественной связь с ограниченным ареалом. Личность в городе приобщается к более развитому, масштабному мышлению, подымается над проблемами ограниченного сообщества. Развитие абстрактного мышления, знания законов, нравственных норм, понимания ценности не только зримого и единичного, но скрытой всеобщности является важнейшим условием повышения интеллектуального уровня горожан.

3) Способность постоянно конкретизировать свои знания, представления, что является оборотной стороной способности мыслить абстрактно. Это жизненно важно для решения всех сложных проблем в сложном динамичном мире. Эта черта приобретает особое значение в связи с очаговым характером инноваций каждого акта качественного развития.

4) Способность изменять социальные, организационные отношения в соответствии с изменяющимися проблемами, в соответствии со стремлением повысить эффективность любой из форм деятельности. Это открывает возможность устанавливать новые связи, формировать новые

и совершенствовать гибкие, подвижные организации. В связи с напряженностью, идущей от урбанизации, в городе открывается возможность для развития людей, способных концентрировать свои усилия на фокусных направлениях, на постоянном изменении этих фокусных направлений.

5) Урбанизация, городские отношения приводят к существенным изменениям характера контроля общества над личностью. Для городской культуры характерна значимость самоконтроля, т.е. контроля основанного на определенных нравственных нормах, культурных принципах, научном мировоззрении.

6) Город как урбанизируемая территория являет собой постоянно усложняющуюся картину территориально закреплённых социокультурных различий. Это можно наблюдать в архитектурно-планировочных различиях, в функциях различного рода зданий и сооружений, транспортных путей, что свидетельствует о сложнейшем разнообразии жизни города. Сложившиеся условия постоянно вступают в противоречие с изменяющимися потребностями. Множество людей, руководствуясь сложной системой целей в разнообразных условиях, постоянно работают над формированием сложнейшей картины узлов деятельности, пересечений, размещений бесконечных центров деятельности, преодоления противоречий между условиями, средствами и целями горожанина.

7) Важной особенностью города, как и урбанизации в целом, является динамизм. Он выражается прежде всего в активности людей. Для города характерны способность ассимилировать изменения самих отношений, постоянное стремление переделывать то, что уже раньше было сделано, но теперь не удовлетворяет более высоким потребностям воспроизводства. Специфика города заключается в деятельности, направленной на непрерывную организацию себя, своих собственных отношений, на организацию уже ранее организованного.

8) Для городских отношений характерна возрастающая сложность, способность людей ее преодолевать, совершенствуя социальные, планировочные, технические, культурные и т.п. аспекты жизни города.

9) Город носит двойственный характер. Он – это прежде всего городские отношения, отвечающие его сути как специфического социокультурного феномена, определенного сообщества, отличного от других (деревни). Но одновременно город может втягивать, включать в себя догородские отношения. Городские отношения проникают в догородские, привязывают их к себе, изменяют их не только извне, но и изнутри. Они перестраивают деревенские отношения, стимулируя новые потребности.

10) Горожанин приспосабливается к среде и одновременно ее изменяет, объединяя в рамках своей деятельности разнородные, подчас противоположные элементы жизни, различно локализованные формы деятельности. Город воплощает социокультурный синтез. "Синтез в современном городе не только синтез форм. Сегодня правильнее говорить о синтезе пространства и синтезе времени. Единство, основанное на контрасте времен и пространств, – основа нового синтеза"¹⁰. Целостность жизни города обеспечивается развитием культуры, включающей формирование новых целей, соответствующих новым условиям.

Значение конкретного города в истории общества определяется его местом в иерархии поселений, местом между полюсами урбанизации.

Путь к познанию конкретного города. Урбанизация – исторический процесс. В этой связи возникает необходимость анализа развития городов на разных стадиях урбанизации. Все изложенные черты характеризуют города на всех стадиях, но особенно они существенны на этапе перехода от традиционной цивилизации к либеральной. Тем не менее, на всех этапах своего развития города концентрировали в себе наиболее важные для общества дефицитные формы деятельности, которая не может быть рассеяна в каждой точке общества, как, например, земледельческий труд в стране, где все заняты сельским хозяйством. Дальнейшая конкретизация урбанизации требует конкретного ее рассмотрения в отдельной стране в ее конкретно-историческом развитии.

Для понимания специфики города и урбанизации следует обратить внимание на то, что концентрация дефицитных форм деятельности в узловых точках общества, в городах распространяется и на такие виды деятельности, которые далеко не всегда могут рассматриваться как прогрессивные. Например, города являются местом концентрации преступности, проституции и т.д. Они являются местом концентрации государственного управления, что особенно важно в обществе, где основная часть населения негативно относится к этой форме деятельности. В определенных исторических условиях, когда в обществе позитивные инновации в целом слабы, город может стать оплотом консервативных сил. Россия в той связи дает крайне сложную картину. Например, в 1565 г. на Земском соборе, на котором должен был утверждаться указ о знаменитой опричнине, а также на соборе 1566 г., на котором, как и на прошлом, утверждались огромные денежные сборы в пользу казны, впервые были представлены представители посадов. Это свидетельство о том, что царь в своем стремлении утвердить в стране крайние формы авторитаризма опирался и на городской элемент. Это, впрочем, не помешало в 1570 г. царю ополчиться на верхи посадов Новгорода, Москвы, Пскова, Твери и т.д. Их хозяйственная деятельность плохо вписывалась в идеал авторитаризма того времени¹¹.

В древней Руси города-государства развивались на вечевой нравственной основе. Для Московского государства характерен нарастающий конфликт между авторитарным и локалистско-соборным аспектами древнего идеала. Архаичная основа для развития городов, усиленная их разрушением в результате нашествия Золотой Орды¹², оставила города прежде всего как узлы государственного управления. Даже последующее промышленное развитие, а следовательно, и развитие промышленного персонала, шло не на городской, но на сельской основе.

На протяжении своей истории города в России не превратились в центры инновационной деятельности либерального типа, точнее, эта деятельность лишь зарождалась, но так и не приобрела решающей значимости, а это означало, что урбанизация в стране приняла односторонний характер. Она, во-первых, не характеризовалась в значимых масштабах развитием урбанизированной культуры. Во-вторых, двуединый механизм динамики урбанизации исторически не сформировался.

В-третьих, специфика урбанизации в России заключалась в том, что она формировалась не столько на основе спонтанного развития товарно-денежных отношений, сколько на основе принудительной перекачки ресурсов государством, на основе натурального хозяйства. В-четвертых, отношения между полюсами урбанизации характеризуются не столько категорией взаимопроникновения, сколько расколом¹³. Это означало слом основного механизма урбанизации, что позволяет говорить о псевдоурбанизации.

Российские города формировались не только как административные центры, но и как некоторый необходимый придаток производства, некоторая "тара" для размещения персонала. Все это свидетельствует о формировании дезорганизованной псевдоурбанизации. Элементы реальной урбанизации подавлялись, растворялись, дезорганизовывались псевдоурбанизацией, точно так же, как элементы рыночных отношений оттеснялись господствующими дорыночными отношениями.

Города, развивающиеся на такой противоречивой социокультурной основе, не смогли стать очагами развития прогрессивных форм жизни как в хозяйственной сфере, так и в политической. В связи с этим проблема наших городов – это прежде всего проблема наращивания возможностей превращения их в очаги конструктивной творческой деятельности разных типов, развития специфической городской урбанизированной культуры.

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 3. С. 41.

² Ахиезер А.С. Городская культура как условие воспроизводственной активности рабочего класса // Производственная активность советских рабочих (80-е годы). М., 1987.

³ Урбанизация и развитие городов в СССР. Л., 1979.

⁴ Заславская Т.И., Федосеев В.Н., Троцковский А.Я. К вопросу о социально-территориальной структуре экономического района // Изв. СО АН СССР. Сер. Экономика и прикл. социология. 1985. Вып. 1. № 1.

⁵ Ахиезер А.С. Научно-техническая революция и некоторые вопросы производства и управления. М., 1974. С. 173–174.

⁶ Топоров В.Н. Простраство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 240.

⁷ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. С. 278.

⁸ Социально-культурные функции города и пространственная среда / Под ред. Л.Б. Когана. М., 1982. С. 27.

⁹ Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Вып. 2.

¹⁰ Розенблюм Е.А. Художник и дизайн. М., 1974. С. 69–70.

¹¹ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. М., 1988. С. 124, 126.

¹² Из известных в XII–XIII вв. 74 городов 49 были разорены, 14 из них не восстанавливались и 15 превратились в села (Лавленко Н.И., Кобрин В.Б., Федоров В.А. История СССР с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 90).

¹³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. С. 289.

ГОРОД В ЦИВИЛИЗАЦИИ: К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

А.А. Сванидзе

Представление о городе как важнейшем компоненте цивилизации возникло давно. Большой и постоянный интерес к проблеме города в интернациональной историографии закономерен хотя бы потому, что город относится к числу трансисторических образований. Возникнув на рубеже архаических времен и собственно цивилизации, он стал не только одной из составляющих цивилизацию структур, но и одним из существеннейших ее признаков – наряду с государством, социофункциональной стратификацией и письменностью.

Строго говоря, вопрос должен стоять шире: не только и даже не столько о городе, сколько об урбанизационных процессах как части и критерии цивилизации. Ведь, в конечном счете, вся история общества с начала цивилизации предстает как поглощение традиционных архетипических социальных форм – урбанистическими и урбанизированными. Но, так или иначе, урбанистический процесс – это прежде всего развитие городов и околородских структур и элементов. И в данном случае речь пойдет именно о самом городе.

Определений города много: и как типа поселения, и как торгово-промышленного центра, и по его роли в политико-административной жизни, и в аспекте повседневности, и мн. др. Если исходить из общественно определяющей – функциональной его характеристики, то город можно определить как наиболее концентрированное воплощение и отражение процесса всеобщего разделения труда, функций и статусов на каждой стадии развития цивилизации, в каждую ее эпоху.

Меня во времени и пространстве свой характер, облик, некоторые функции и признаки, город в каждую классовую эпоху оказывается единичным. Это относится не только к современному, индустриальному обществу, городскому по преимуществу, но и к патриархальным временам, к эпохам античной и средневековой, преимущественно аграрным, когда город включал небольшую часть населения и на первый взгляд противостоял сельской периферии, а на самом деле органично взаимодействовал с деревней и определял ее развитие. И в те эпохи, в каждой из них, на каждой стадии и на каждой территории город выступал как центр своего времени, как своего рода "общественное ядро", которое воплощает уровень и особенности общества, его социальной стратификации и культуры в широком смысле слова.

В городе собирается население, численность и, главное, плотность которого много выше, нежели в окружающих сельских поселениях. Там концентрируются все функции общества, постепенно отрывающиеся от непосредственного труда на земле: распределение и обмен, промышленность и транспорт, денежное производство и обращение, строительство и т.д. Там концентрируются управление и администрация, резиденции правительства и элиты, институты образования и культуры, многое другое.

Понятно, что город дает возможность постоянно общаться между собой представителям практически всех общественных групп, людям из

местной среды и чужакам, представителям иных этносоциальных образований, иной культуры, которые постоянно скапливаются именно в городах.

Наконец, в городе складывается и наибольшее число различных общностей – как формальных, так и неформальных. Можно сказать, что городская жизнь буквально пронизана ими, как бы из них состоит и в них реализуется. Каждый гражданин оказывается в центре перекрещения многих кругов общения. При этом существенно, что городская практика, во многом благодаря этим ассоциациям, сыграла заметную роль в выработке выборных органов управления, опыт которых затем с успехом использовался государственными сословно-представительными учреждениями. В этом отношении (как и в ряде других) город внес несомненный вклад и в формирование западноевропейской демократии.

Уже из сказанного ясно, что город отличали не только централизованность и гетерогенность общественных проявлений, но и не менее важное свойство – коммуникативность в области культуры.

Эти три основных общих свойства города и обеспечивают его роль как активного начала исторического процесса на индивидуальном и системном уровнях и в разных плоскостях.

Особенно стоит остановиться на свойстве коммуникативности, пожалуй, менее других затронутом историками. Для меня несомненно, что, во-первых, коммуникативность того или иного общества должна пониматься широко – как отношения, которые обнимают всю совокупность и многообразие культуры, дихотомии человек–общество. Во-вторых, культурная коммуникативность, способность к проводимости и восприятию культурных воздействий, является сущностной, типологической чертой любой культуры и(или) любого общества, она, в частности, во многом определяет ее (его) динамичность: ведь несомненно, что взаимодействие в области культуры, ее материальных и духовных сфер, является одним из условий общественного прогресса. В-третьих, культурное взаимодействие – активный процесс. Он реализуется в виде обмена, заимствований, передачи и усвоения опыта, знаний, навыков, идей, которые затем получают воплощение в предметном, вещном мире, в виде учреждений, произведений искусства, в праве и т.д.

Свойство коммуникативности реализуется как во времени, так и в пространстве, и на разных этапах по-разному. Особенностью, например, современного мира является перевес коммуникативности над закрытостью. Напротив, в патриархальные, особенно архаичные эпохи подавляющее большинство культур тяготело к замкнутости, что в ряде случаев порождало длительную стагнацию, движение "по кругу". Так было прежде всего на Востоке. История Западной Европы сложилась иначе: ее культура, по крайней мере со времен античности, обнаружила свойство активной коммуникативности, что и послужило одним из важнейших условий динамичности исторического пути этого региона на стадии цивилизации.

Степень и эффект культурного взаимодействия вообще зависят от ряда факторов. Первый – способность культур к взаимодействию, к

восприятию и передаче опыта. Второй – наличие и зрелость того, что можно было назвать средствами культурной коммуникации, проводимости культурного влияния, "каналами" и "агентами" связи, т.е. способность тех социальных сил, которые на практике осуществляют взаимодействие культур, обеспечивают преемственность или разрыв между ними. Наконец, это масса, широта и регулярность самих контактов.

Полифункциональность, многообразие жизни, пестрота и плотность населения города, множество размещенных в нем учреждений – все это обеспечивает действительно выдающуюся роль города как центра, фактора и "моста" взаимодействия, взаимовлияния разных духовных и материальных культур. Применительно к каждой эпохе эта роль проявляется и может быть рассмотрена в двух плоскостях: социальной и территориально-этнической. Социальный срез показывает место города в культурном взаимодействии между различными классами, внутри- и межклассовыми группами, различными профессиональными прослойками, отдельными общностями (община, гильдия, ассоциация и т.д.), учреждениями, структурами и коллективами. Территориально-этнический срез обнаруживает место города в культурном общении между разными территориями и населяющими их однородными, либо разнородными этническими группами. Оба эти направления, в свою очередь, имеют две сферы: внутреннюю, показывающую взаимодействие через город в рамках своей местности или своего государства, и международную, обнаруживающую роль города в интернациональном культурном взаимодействии.

Наконец, территориально-этнический и социальный срезы культурной коммуникации могут быть рассмотрены в двух временных направлениях: по горизонтали и по вертикали.

Горизонтальная временная вертикаль культурного взаимодействия ограничена рамками определенной эпохи или периода времени в истории региона, континента, страны, в истории самого города, тех или иных сфер жизни. Мы можем, например, поставить вопрос о роли города конца средневековья в восприятии и распространении новых форм промышленности в торговле, архитектуре и живописи, гражданском праве или типе монархии, в формировании национального самосознания или контактах своего времени. Но необходимо представить себе позиции города во временной вертикали, его особую роль как центра культурного взаимодействия, фактора преемственности и изменчивости между сменяющимися друг друга эпохами и социальными системами, на каждом их внутреннем этапе и, что, пожалуй, особенно интересно, в переходные периоды.

И по горизонтали, и по вертикали исторического процесса роль города в коммуникациях между группами и отдельными личностями, между территориями и этносами, государствами и учреждениями, нередко весьма разнородными и отдаленными, велика и несомненна. Но все сказанное относится прежде всего к западноевропейской истории, где город выступал как сильное динамичное начало. И само наличие такого динамичного города, видимо, является особенностью западноевропейской истории. О том, почему города именно Западной Европы получили такой характер и такую роль, приходится думать особо.

ГОРОД, ОБЩЕСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА В ПОИСКАХ СИНТЕЗА

Л.П. Репина

Понимая под исторической урбанистикой обширную междисциплинарную область исследования, в которой город рассматривается в исторической перспективе, я все же буду делать акцент на той ее части, которая строит свои теоретические модели в непосредственной связи с практикой конкретно-исторического анализа, наиболее перспективна и задает тон в движении современной историографии к новому синтезу.

Вот уже почти полвека в исторической науке наблюдается неуклонный рост интереса к урбанистическим проблемам. При этом в многочисленных дискуссиях в центре внимания неизменно стоит вопрос о месте города в обществе и о его роли в историческом развитии. В то же время в соотношении сил между различными направлениями и подходами в современной исторической урбанистике произошли существенные сдвиги. В 60–70-е годы эта область стала излюбленным местом приложения сил сторонников междисциплинарного подхода. Во второй половине 70-х годов в обширном русле западной урбанистической историографии под влиянием "новой социологии города" возникла "новая городская история", противопоставившая традиционным – биографическому, типологическому, автономно-локальному – подходам так называемый контекстуальный подход, как вариант системного, предполагавший соблюдение принципа детерминации локальных форм социально-экономическим или социально-политическим контекстом¹. Главное, что объединяло довольно разнородный контингент сторонников контекстуального подхода, – это понимание города как частного выражения более крупных систем (цивилизаций, государств, обществ, способов производства) в противовес дуалистическим концепциям, отделяющим город от его окружения и противопоставляющим их друг другу. В рамках этого подхода город предстал перед исследователем как комплексный объект (или субсистема) в единстве своих многообразных (хозяйственных, административно-политических, социокультурных и др.) функций и одновременно как элемент, включающий его целостность, как пространственное воплощение ее социальных связей и культурной специфики. Речь, таким образом, шла о новом понимании места и роли городов и урбанизации в истории человечества. В отличие от сторонников эволюционистского направления представители "новой социологии и истории города", рассматривая его как исторически конкретную социально-пространственную форму существования общественной системы, воспроизводящую и концентрирующую ее основные элементы и отношения, подчеркивают стадиальную специфику урбанизационных процессов, так же как и различия в их цивилизационном содержании. Для построения своей теории "новая социология и история города" нуждалась в решении двух методологических проблем: во-первых, в выборе контекста рассмотрения города – и, во-вторых, в создании модели, раскрывающей механизм

взаимодействия города и включающей его системы. По первой были намечены три аспекта рассмотрения: 1) социально-экономический, 2) социально-политический и 3) социокультурный, – которые могли быть объединены в гораздо более плодотворный и перспективный комплексный анализ. Его парадигма в исторической науке к этому времени уже практически сложилась. Формальные ее признаки рельефно выступали в самой подзаголовке названия журнала "Анналы" – "Экономики, общества, цивилизации".

Выдающиеся историки старшего поколения школы "Анналов" в своих обобщающих работах исходили из синтетического подхода, программа которого была по-разному сформулирована Ф. Броделем и Ж. Дюби еще в конце 60-х – нач. 70-х годов. Концепции "мира-экономики" и "мира-цивилизации" Ф. Броделя зафиксировали два способа организации пространства: 1) социально-экономический (экономическое пространство) и 2) культурно-цивилизованный (культурное пространство). Бродель, как известно, подчеркивал, что "центровка зон экономических и зон культурных не совпадает"².

Важнейшим моментом являлась сама ориентация на поиски комплексного критерия для определения специфического облика города не по линии совмещения отдельных сторон городского бытия, а в главных узлах их взаимосвязей и в плоскости отношений между городом и его окружением. Главной категорией такого рода стало комплексное понятие городских ареалов – пространств, в которых город данного типа реализовывал свои многообразные экономические, политико-административные и культурные функции.

Концепции Ф. Броделя оказали огромное влияние на современную историографию западноевропейского города эпохи средних веков и раннего нового времени, в которой города, как правило, рассматриваются в контекстах разной конфигурации и масштабах, охватываемых связями различного характера, плотности и интенсивности. Иными словами, город выступает как центр различных пространств: в одном случае оно ограничивается минимальным хинтерландом с несколькими деревушками, в другом – может включать всю страну. В целом сфера влияния города условно образывается последовательностью концентрических окружностей, внутри которой располагаются его зона снабжения продовольствием и сырьем, зона повседневных торговых контактов, зона иммиграции, зоны посреднической и дальней торговли, административный округ, информационно-культурное пространство. Собственно, совокупность этих разных, лишь частично перекрывающих друг друга пространств и определяет город как таковой, его величину, богатство и специфику, его место в пространственно-переселенческой структуре региона. Базовое значение в этой системе ареалов обычно придается зоне регулярных социально-экономических связей, которая вмещает в себя целый ряд примерно совпадавших или незначительно дополнявших друг друга пространств и придает им определенное единство и относительную самодостаточность. Чем больше был радиус базового ареала, тем дальше проникали и шире распространялись устойчивые хозяйственные, управленческие и культурные функциональные связи города, тем больше было

его значение и выше статус как городского центра. Основными эмпирическими показателями для определения ранга и типа города служат масштабы зоны его регулярных товарообменов, радиус потока иммигрантов, площадь и число населенных пунктов его административного округа. Эти параметры достаточно четко отражают ранг и роль города в его региональной сети – иерархической системе городских поселений: рыночных местечек, локальных, провинциальных, региональных, надрегиональных центров, обладающих соответствующими сферами влияния. Огромное значение в такой сети имели малые города, выполнявшие функции рыночного центра сельской округи, радиус которой обыкновенно не превышал 20–25 км. Находясь на небольшом расстоянии друг от друга, мелкие рыночные городки играли решающую организационную роль в осуществлении повседневного товарообмена. Локальные центры тоже обслуживали главным образом ближайшую округу, и аграрный элемент занимал в их экономической жизни очень важное место, но они еще и производили довольно широкий ассортимент ремесленных изделий массового потребления, снабжая ими свой хозяйственный ареал, участвовали в низовых структурах местного управления. Привлекая на свои рынки крестьян и мелких торговцев, они выполняли также функции посредника между округой и другими, более крупными городскими центрами. Многочисленность малых городов, равномерность и необходимая частота этих промежуточных узлов, формирующих прочную основу региональной городской сети, обеспечивали ее жизнеспособность и эффективность, несмотря на все сложности, связанные с состоянием транспортных средств и системы коммуникаций средневековой эпохи. Тысячи мелких городков, покрывавших территорию Западной Европы компенсировали эти недостатки³.

Важным моментом, привлекавшим к городу население и богатство, было его административное значение. Провинциальные (областные) центры были по-настоящему многофункциональными, они предлагали населению своего округа развернутый комплекс услуг в экономической, административной, духовно-религиозной сферах. Особое место занимали среди них те города, которые являлись резиденциями епископов, князей и других светских и духовных магнатов, обладателей широких иммунитетных прав и властных полномочий. В административно-территориальных подразделениях централизованных государств их управленческие функции были существенно ограничены.

Чем обширнее и интенсивнее становились хозяйственные связи и административные функции города, тем больше людей стекалось в него, тем дальше отодвигались пределы его зоны влияния, а само ее пространство уплотнялось. Уже в XI–XII вв. выделяются крупные центры, политическое и экономическое воздействие которых охватывало более или менее обширный регион. В более позднее время постепенно формируется развитая региональная сеть со множеством узлов и переплетающихся связей разного радиуса. Максимального развития такая сеть достигла в самых урбанизированных регионах Западной Европы – во Фландрии и в Тоскане. В Германии сложились три зоны урбанизации: южногерманская, северогерманская и прирейнская.

Площадь региона в огромной степени зависела от природных условий, от географического положения относительно сложившихся зон международной торговли, от политического статуса главного города, доминировавшего в регионе – его метрополии. Внутренняя связанность региона проявлялась в движении людей в город и из него, в перевозке товаров для потребления на месте или для дальнейшего перераспределения, в специализации пригородного сельского хозяйства, в распространении информации, технических достижений, новых идей и т.д. Таким образом, пространственные характеристики лишь условно обозначают границы того социума, частью которого являлись города всех типов и который имел и экономическое, и социальное, и политическое, и культурное измерения.

Изучение региональных городских систем средневековой Европы представляет лишь одно из направлений, по которым осуществляются поиски синтеза в современной исторической урбанистике. Бурный рост урбан-истории с самого начала происходил на эклектичной методологической основе, что проявилось и в конкретных исследованиях, и в многочисленных дискуссиях о ее предмете и статусе. В ней естественно действовали и общие тенденции развития современной исторической науки, которые привели к пересмотру традиционных представлений об историческом процессе. Новая городская история практически с самого начала развивалась в могучем тандеме с новой социальной историей и брала на вооружение ее методы и концепции. Наиболее очевидно исследовательские поля этих двух исторических субдисциплин пересекаются в анализе социальных групп городского населения и связей внутри городского сообщества.

Неизменное внимание историков привлекают такие социальные общности, как семья, соседство, цех или гильдия, религиозное братство, городская община. Новейшие исследования явственно обнаруживают два главных сложившихся в современной урбан-истории подступа к изучению социальных общностей. Первый подходит к этой проблеме со стороны индивидов, составляющих ту или иную общность, и имеет предметом исследования жизненный путь человека от рождения до смерти, описываемый через смену социальных ролей и стереотипов поведения и рассматриваемый в контексте занимаемого им на том или ином этапе социального жизненного пространства. Второй отталкивается от раскрытия внутренней организации и функционирования самой социальной среды, микромира общины, ассоциации, корпорации, всего многообразия городских общностей и выявляет их соотношение между собой.

В наиболее развернутой модели анализа городское общество рассматривается как упорядоченная совокупность индивидуальных социальных позиций, взятых в переплетающихся социокультурных контекстах формальных (домохозяйства, профессиональные корпорации, религиозные братства, институты местного управления) и неформальных социальных групп (семья, соседства или имущественные страты), а также в динамике индивидуальных жизненных циклов. При этом также выясняется роль отдельных малых групп в процессе социализации личности и в индивидуальной социальной мобильности. Повседневная жизнь

городской общины, в свою очередь, связывается с макропроцессами в демографической, экономической, социальной и культурной сферах. Сформировалась стройная модель исследований истории локальных общин в раннее новое время, неизменными атрибутами которых, в частности, стали анализ структуры семьи и домохозяйства, сравнительный сетевой анализ индивидуальных и коллективных социальных контактов, измерение и типологическая характеристика индивидуальной и групповой социальной мобильности, анализ функционирования формальных и неформальных средств социального контроля.

К середине 80-х годов накопленные в западной историографии комплексные локальные исследования подготовили обновленную, гораздо более совершенную эмпирическую базу для обобщений на национальном уровне и создания новой общей картины исторического развития Западной Европы. Но сделать это, как в детской игре, путем простого складывания кубиков на фундаменте какого-либо универсального принципа, разумеется, не удастся.

Разнообразие локальных вариантов демографического, экономического и культурного развития, социальных структур и структур местного управления, выявленное многочисленными локально-историческими исследованиями в каждой стране, нуждается в теоретическом осмыслении, подлинной научной реинтерпретации расширившегося комплекса исторических фактов, предполагающей отказ от попыток объяснить социальную динамику альтернативно: либо через "игру структур", либо через субъекта истории. Синтетическое историческое объяснение может опираться на результаты конкретного ситуационного анализа взаимодействия между историческими реальностями разных уровней (индивидами, культурными традициями и макропроцессами), осуществляемого через диалектику связей условий, способов и результатов деятельности субъектов истории. Ключевую роль в понимании общественной эволюции играет раскрытие механизмов социокультурной детерминации человеческого поведения в локальных, в том числе городских, общинах.

В другом ракурсе социально-исторического анализа городская община выступает как коллективное лицо во взаимоотношениях горожан с окружающим их внешним миром, в том числе с другими локальными общностями. Максимальный уровень автономизации достигается в городах-государствах, в то время как автономия локальных городских общин, хотя и образующих более или менее сложные "живые" системы, ограничивается возвышающейся над ними системой власти, а также связанным с ней суперлокальным сообществом и определяется объективными потребностями и реальными возможностями межгородских коммуникаций. В процессе государственной консолидации городские корпорации-общины включаются в налоговую, административную и правовую систему центральной власти.

Таким образом, дихотомия локального и национального оказывается на поверку кажущейся. Важно лишь, не противопоставляя эти понятия друг другу, каждый раз выявлять конкретную меру сходства и региональных различий и изучить механизмы процесса, посредством которого национальное возникает из локального.

В качестве конкретной исторической работы, продемонстрировавшей эталонный образец тотальной городской истории, приведу лишь один пример – замечательную книгу видного историка-урбаниста и нынешнего главы лестерской школы английской локальной истории Ч. Фитьян-Адамса о Ковентри в XV – нач. XVI в.⁴ Эта работа, без сомнения, отличается высокой техникой демографического, социологического и антропологического анализа. С одной стороны, автору удалось воссоздать средний жизненный цикл горожанина с характерной чередой социальных ролей, с другой – история города была рассмотрена сквозь призму смены поколений, ритмов повседневной жизни и социально-культурных контекстов.

Развивая свои теоретические концепции и построения в последующих работах⁵, Ч. Фитьян-Адамс предложил решить проблему синтеза микро- и макросоциальной истории с помощью модели, в основе которой лежит концепция "социального пространства". Речь идет о социально-пространственных структурах разного уровня и различной степени интеграции ("ядро общины", сельская или городская община, группа соседских общин и приходов – округ или сотня; область, графство, провинция или регион), охватывающих по-разному ограниченные и частично перекрывающиеся друг друга сферы социальных контактов. Он предпочитает называть отдельные сельские и городские общины, а также их совокупности в масштабе графства или провинции "локальными обществами". Именно рамками этих сообществ и ограничивалась жизнь подавляющего большинства людей вплоть до относительно недавнего времени. В течение многих столетий на общенациональном уровне действовало лишь незначительное меньшинство людей, связанных с функционированием органов государства и с межрегиональной торговлей и в определенном смысле принадлежавших к своему особому "социальному пространству", которое, однако, нельзя рассматривать как единое "национальное общество". Для обозначения этого более широкого понятия, охватывающего ряд взаимосвязанных, но все еще индивидуально различимых "обществ", которые объединены не только национальной идеологией или формальными атрибутами и аппаратом централизованного государства, но также и совокупностью общественных норм или условностей ("социальной организацией"), Ч. Фитьян-Адамс использует термин "нация". Он считает неадекватным социальный анализ, опирающийся на абстрактные критерии (собственность, доходы и т.д.), которые якобы универсальны для всей нации, а на деле имеют различные значения, будучи встроены в локальные комплексы социальных позиций и отношений. При изучении "общества" или "нации" предписывается идти не "сверху вниз" от традиционных властных структур, а "снизу вверх" – от локальных структур. Сложившаяся в конкретных исторических условиях локальная социальная структура, в свою очередь, задает условные ограничения межличностным отношениям и поведению людей, опосредуя связи между индивидами в более широком социальном пространстве.

Изменения на локальном уровне касаются самого образа жизни людей, вынужденных приспосабливаться к новым технологическим, экономическим и каким-либо иным условиям. Фундаментальные сдвиги

на уровне локальных социальных структур в конечном счете приводят к образованию новых комплексов социальных позиций и отношений на более высоком уровне социальной организации.

Теоретические модели, выдвинутые социальными историками-урбанистами, несомненно способствуют углублению методологических позиций исторического познания города, общества. В то же время нельзя не заметить, что все еще недостаточно разработан механизм включения в них ценностных ориентаций и личностных характеристик субъекта истории, а также имеет место недооценка роли политических и идеологических макроструктур государства и церкви в процессах локального уровня. Однако нельзя считать решенной проблему соотношения реальных городских общностей и социальных категорий. Недостаточно изучены последствия вариативности групповой идентификации для мотивировки индивидуального поведения в характеризующейся особой сложностью и многообразием городской социальной среде, в которой индивид оказывается в центре пересечения большого числа социальных общностей, создававших в его повседневной жизни проблему выбора поведения, существенно обостряющуюся с усложнением социальной структуры в период перехода к новому времени. Совокупность этих проблем могла бы составить основу для разработки новой перспективной программы исследований в области городской истории.

¹ Репина Л.П. История и социология: основные тенденции в современной англо-американской урбанистике // История и история. М., 1984. С. 88–111.

² Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle*. P., 1979. T. 1–3.

³ О малых городах Западной и Центральной Европы см. Ястребицкая А.Л. Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // Средние века. М., 1988. Вып. 51. С. 58–79.

⁴ *Phythian-Adams Ch. Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages*. Cambridge, 1979.

⁵ См., в частности: *Phythian-Adams Ch. Re-thinking English Local History*. Leicester, 1987.

ГОРОД КАК САМОРАЗВИВАЮЩАЯСЯ СИСТЕМА: КОНТУРЫ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Т.И. Алексеева

Город – специфическое социальное явление и в то же время развивающееся в сложных связях с другими компонентами поселенческой организации общества. И в этом плане любые поселения – города ли, города-новостройки, села, станицы, – несмотря на резкие социально-экономические, историко-культурные различия, представляют единые в своей основе социально-пространственные системы, находящиеся в разных фазах развития. В каждой из фаз превалируют те действия генетического механизма развития, которые необходимы и последовательно органичны для данной фазы, смена последней актуализирует и новые социальные аспекты жизни поселений, городов. Многолетние наблюдения и анализ

особенностей градостроительного освоения новых районов, в частности в Сибири, позволили не только увидеть характерные противоречия в развитии городов, но и получить многочисленные доказательства "неподчинения" их развития проектным разработкам, что поставило под сомнение многие теоретические положения, закладываемые в основу современного градоустроительного проектирования, управления городами. Нарастание противоречий в развитии городов, неразрешимость их проблем существующими методами – это и многое другое говорит о том, что необходим новый подход к этому явлению и рассмотрению динамики города в плоскости, проходящей через более глубокие уровни человеческого бытия, заключающего общесторические, культурологические, социально-психологические и другие аспекты. Решающим становится поиск методологической платформы объединения междисциплинарных научных достижений для получения качественно нового знания о городе, его сущностных особенностях и его определения. Отсутствие более или менее адекватного содержательного общепринятого определения его достаточно остро ощущается в теории и практике градостроительства. А дифференцированный подход в градостроительстве, ориентированный в основном на учет лишь трудовой деятельности населения, осложняет понимание города как целостного, чрезвычайно сложного социально-пространственного организма.

Без выявления основ, механизма развития жизни города, назовем это урбогенезом, город как особое материально-пространственное и социокультурное явление трудно понять.

Город, поселение – это не столько улицы, здания, площади и парки, сколько процессы, протекающие в них. Как правило, более всего изучают субстрат города, его материально-пространственную сущность, а не субстанции – процессы, формирующие эту сущность. Город же – это прежде всего системно-пространственный процесс, а потом уже объект.

Предлагаемый подход к пониманию градоустройства можно определить как информационно-полевой. Вторая природа человека – искусственная среда – должна иметь свой генетический механизм развития, подобно тому как человек – явление биологическое – имеет генно-хромосомный аппарат зарождения, функционирования, развития. Предлагаемый подход строится на четырех исходных аксиомах, разработанных и доказанных в сопредельных науках.

Первая аксиома, частично уже доказанная вне наук о городе, говорит о том, что город, поселение – сложная, динамическая, саморегулирующая система, к которой применимы основные принципы системологии и синергетики, как наук о поведении сложных самоорганизующихся систем.

За вторую аксиому принимаем утверждение, что город есть явление биосоциально-экономическое, а значит, к нему применимы законы, закономерности и принципы биологии, помимо законов социальных и экономических наук.

Третья аксиома – утверждение, что в развитии человека и его второй природы определяющую роль играет наличие социальной программы негенетического наследования. Если в органическом мире информация онтогенеза организма передается на генно-хромосомном уровне, инфор-

мация функционирования – на уровне простейшего социума, то у человека мощное развитие получило более высокое начало – социальное, сформировался механизм социального негенетического наследования (далее – социопрограмма), передаваемый не только воспитанием, опытом поколений, но и закрепляемый и развиваемый на носителях – предметах материальной культуры, как концентраторах социопрограммы наследования. Сущность социопрограммы – информационная.

Наконец, четвертая аксиома – информационное существо социопрограмм, где информация трактуется как всеобщее имманентное свойство материального мира. Решение поставленной задачи сводится к вычислению информационной составляющей социопрограмм, существующих на материальных носителях, причем не просто информации, а системообразующей, инвариантной. Оперирование этой информацией составляет основу развиваемого подхода к проблемам города.

Для уяснения механизма структурирования и функционирования города еще недостаточно установить его системный характер и биосоциально-экономическую сущность. Следует выяснить, что же является первоосновой, структурным эволюционирующим кирпичиком этой системы.

Почти во всех трудах по проблемам городов акцентируется мысль о системообразующей роли трудовой деятельности человека, что несомненно. За основу исследования механизма формирования и развития поселений следует принять факт наследования, возможность продолжать деятельность предшественников, наращивать результаты, совершенствовать вторую природу человека. Важнейшим наследуемым элементом в развитии человека является социопрограмма. Социопрограмма, запечатленная на носителях – плугах, станках, домах, приемах труда и пр. – трансформируется, накапливается, стареет, разрушается, наследуется. Это квинтэссенция опыта, отобранного методом проб и ошибок поколений, то, что делает человека Человеком. Идет непрерывный процесс усложнения, развития социопрограмм: от первичных индивидуальных, групповых-поведенческих, трудовых к более сложным: социопрограммам культуры, науки, религии, права, социально-экономическим, технологическим и т.д. Очевиден и факт, что социопрограмма имеет материально-предметный и информационный аспекты. Особая роль отводится структуре социопрограмм, дифференциации на информационные потоки, связям между потоками.

Чтобы оперировать многообразием составляющих трудовой, социокультурной деятельности человека, следует установить качественную природу информации: в каких формах она существует, ее объективные кванты, их динамику и пр. Предстоит выяснить субстрат и механизм передачи наследуемой информации, структуру наследственного кода (дискретность и связи элементов информации), количество и качество наследуемой информации, механизм и закономерности преобразования ее, влияние помех на передачу и средства борьбы с ними, надежность информации, закономерное изменение кода и возможность его направленного преобразования – без этого немислима информационная теория города.

В информационном плане биологическое и социальное отличаются

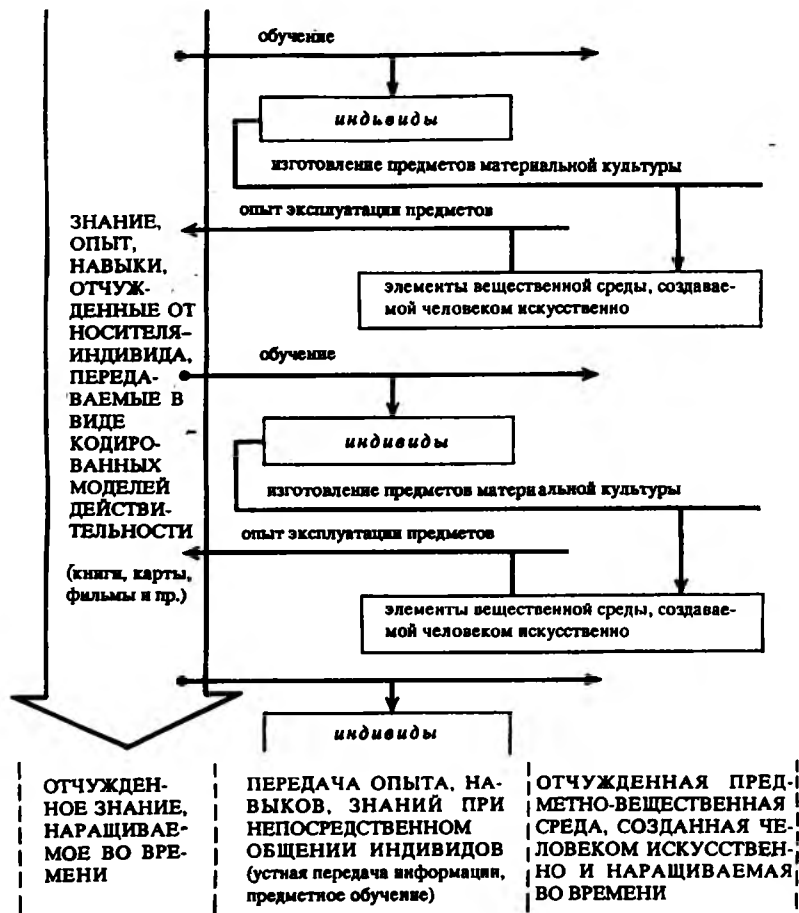

Рис. 1. Схема передачи социальной наследуемой негенетической информации (социопрограммы) через предметы материальной культуры.

тем, что последний тип организации характеризуется наличием особой надиндивидуальной и внеорганической системы средств накопления, хранения и передачи от поколения к поколению существенно важной для людей информации, программирующей их функционирование, деятельность (рис. 1). Раз есть информация – должен быть ее носитель, материальный субстрат наследования. Цепи наследования человеческой практики не прерываются, остаются предметы материальной культуры, опыт их использования, программы труда, общения.

Биологическая надежность достигается за счет избыточности информационного материала в программе наследования. Социальная надежность в социопрограммах обеспечивается отчуждением ее от непосредственного продуцента и носителя программы. Человек имеет дело с предметами труда, культуры, с программами, соответственно закодиро-

ванными и трансформированными в этих предметах, явлениях. Этапы развертывания этих программ на веществе, свертывания, трансформации для получения новых программ разорваны во времени и пространстве. Отчужденные носители информации социопрограмм и составляют субстрат материально-пространственной среды, создаваемой человеком искусственно, который приобретает сложнейшие формы поселений, городов, дорог, заводов и т.п.

Генный аппарат биологической особи может продублировать только определенное количество и лишь подобных исходному организмов. Социопрограмма дает возможность тиражировать предмет материальной культуры неограниченно, с возможностью вносить изменения на последующих этапах развития. Главное – возможность достаточно быстрой, революционной переналадки программы тиражирования, усовершенствования ее – залог невероятно быстрой социальной эволюции. Отсюда и темпы нарастания физической массы носителей социопрограмм. Естественно, что наиболее бурно эти процессы протекают в местах концентрации людей, производств – в поселениях, городах. Ускоряются темпы отбора информации, отбрасывания морально стареющей.

Не останавливаясь на особом вопросе – структуре социопрограмм, отметим, что основной массив информации существует как бы в двух ипостасях: в виде предметов материальной культуры, где информация развернута на веществе с помощью энергии, труда и в кодированном виде (язык–речь, книги, фильмы и пр.). Информационное содержание изменяется дискретно, процесс прерывист. Для исследования проблем градостроительства необходима сравнительно небольшая часть информационного потенциала окружающей нас среды, нужен тот минимум, который позволит оперировать большим разнообразием элементов, входящих в систему город, точнее, нужна системообразующая информация.

Материальная среда вокруг человека многообразна, как и поведение самого человека. В то же время, функций, жизненно необходимых ему, не так уж много. Неизмеримое разнообразие составляя способы реализации этих функций, механизмы действия этих способов, причем число типов поведения разнообразнее способов его. Мы говорим – *дом*, но это и *юрта*, *изба*, *небоскреб*, *театр*, *дом – семья*, наконец, *домá* – на картинке, в кинофильме, в натуре – *из кирпича*, *дерева* – и пр. Наиболее информативен сам объект в натуре, но книга о доме может быть еще информативнее.

Представляется целесообразным вычленить несколько фаз существования информации социопрограмм, разделенных на два крупных класса: кодированная информация и объектная, развернутая на веществе.

Кодированная информация может существовать в двух фазах: а) устной речи и б) кодированном, в виде моделей действительности. В живой природе кодирование – не модель, а подробная программа будущего с надежным механизмом ее последовательного развертывания и регуляции. Проект дома, города – тоже код, но допускающий самые разнообразные вмешательства.

Объектную информацию можно подразделить на три фазы:

в) развертывание программы на веществе с помощью энергии в сырье, полуфабрикаты; г) создание по заданным программам агрегатов, способных быть продуцентами новой информации, новых программ (заводы, машины и пр.); в пункт д) отнесем "свернутую" информацию. Например, та же программа "город" может быть представлена археологическим объектом Пустеозерском или Мохенджо-Даро. Кроме того, в городах могут быть объекты типа крепостных устройств, культовых сооружений и т.п., давно не выполняющих утилитарных своих задач, это могут быть и культурно-исторические ценности. В этих объектах информация как бы свернута, "закуклена" и носит преимущественно ретроспективный характер. Небезынтересно, что своего рода ретроинформация существует и в животном мире, причем консервация может быть как на уровне генного кода, так и на уровне целого организма. Напомним, что в генном механизме закодирована и вся ретроинформация – в онтогенезе повторяются этапы филогенеза.

Информация все время находится в динамике и во времени переходит с носителя на носитель, где время становится системообразующим фактором. В этой динамике достаточно правомерно вычлняются фазы. Жестких границ между фазами, однако, практически не провести.

Напомним, что информация циркулирует с носителя на носитель, трансформируясь из одной фазы в другую. Важно, что процесс этот носит циклический характер. Циклы идут, нарастая во времени, процессы носят спиралевидный характер, где каждый цикл трансформации – виток более широкий по информационной насыщенности, чем предыдущий. Фактор цикличности движения информации, очевидно, является объективным свойством ее существования в социальных системах как системах высшего порядка. По сути, исследователь имеет дело с колебательной (периоды, ритмы, циклы) системой. Такие процессы – фундаментальная характеристика функционирования биологических систем и процессов управления в них (обратные связи), и все это является предметом изучения синергетики.

Итак, информационная составляющая социопрограмм может находиться в различных фазах, передаваться на различных носителях. Информация постоянно трансформируется и циклически переходит с носителя на носитель. Следуя идее цикличности и циркуляции из фазы в фазу, представляется возможным проанализировать дифференцированно информационные потоки в поле социопрограмм, окружающем нас. С учетом связей потоков, их взаимовлияния можно получить на каждый момент времени результирующую составляющую того или иного потока с носителями, возникающую под воздействием и самого поля социопрограммы, и под воздействием метасистемы, в которую входит рассматриваемое явление – город, поселение.

Социопрограммы, их информационная субстанция на носителях образуют вокруг человека, сообщества непрерывное информационное поле – органическое проявление человеческого сообщества, его деятельности. Информационно-полевой подход к изучению города не частный методологический прием. Он изначально связан с сутью города.

Информационное поле имеет существенное свойство: память общест-

ва по отношению к индивиду приобретает системные качества, в этом проявляется свойство сверхсуммативности системы поля, ибо известно, что, чем больший коллектив людей рассматривается, тем менее сложным аппаратом можно описывать каждого отдельного человека. То есть при обобщенном рассмотрении социальных процессов, составляющую существо города, можно без особого ущерба идти на схематизацию исследования.

В основу разработки структуры информационного поля положен тезис о социально-типизированном поведении сообщества. Поле индивида дает как бы канву, а социально-типизированное поведение – обобщенную картину информационных потоков, их взаимосвязей.

Информационное поле можно представить в виде нескольких генерализованных потоков, распадающихся на многочисленные внутренние потоки: первый поток – физическое существование человека, сообщества; второй – социокультурная деятельность, общение; третий – познавательная деятельность, эмоционально-художественная; четвертый – трудовая деятельность, добыча средств к существованию. Потоки составляют как бы основу ткани, продольные нити, во времени. Но потоки не автономны, они связаны сложнейшей системой отношений-связей. Связи формируют как бы поперечную основу – утбк, челночные ходы, придающие системе поля связность, целостность, органичность. Процессы развития и трансформации потоков рассматриваются в динамике, во времени; связи, прокладываемые "челноком", создают синхронизацию процессов в потоках. Носители информации, находящиеся в разных фазах, трансформируются, разрушаются, потоки могут усложняться, дробиться, между ними могут возникать новые связи, угасать старые, потоки могут сходиться на нуль. Каждый поток имеет свою шкалу времени, свое Характерное время.

Связи возникают там, где есть пространственно-временной разрыв в движении информации, это отношение взаимозависимости и взаимообусловленности. В предлагаемом подходе разработана типология связей. В информационном поле существенной становится плотность связей, ибо они определяют дислокацию носителей в пространстве, а значит, и все архитектурно-планировочные решения в градостроительстве.

Города в социогенезе – явление частное, появившееся в ответ на существующие формы хранения, передачи и переработки информации социопрограмм. Развитие связей, коммуникаций изменит их облик и роль. Логическая цепочка построения модели города в информационно-полевым подходе следующая: город – сложная динамическая система, развивающаяся во времени под воздействием метасистемы. И город и большая система – саморегулирующиеся. Город как органическая вторая природа человека – явление биосоциально-экономическое, имеет свой генетический механизм возникновения, развития. Инвариант этой системы – социопрограммы человека, сообщества, имеющие двойную природу – информационную и вещественную. Информация в разных фазах своего состояния циркулирует по определенным законам с одного материального носителя на другой. Информационная составляющая формирует процесс – субстанцию города, которая, в свою очередь, определяет материальные носители информации, образующие предметный, про-

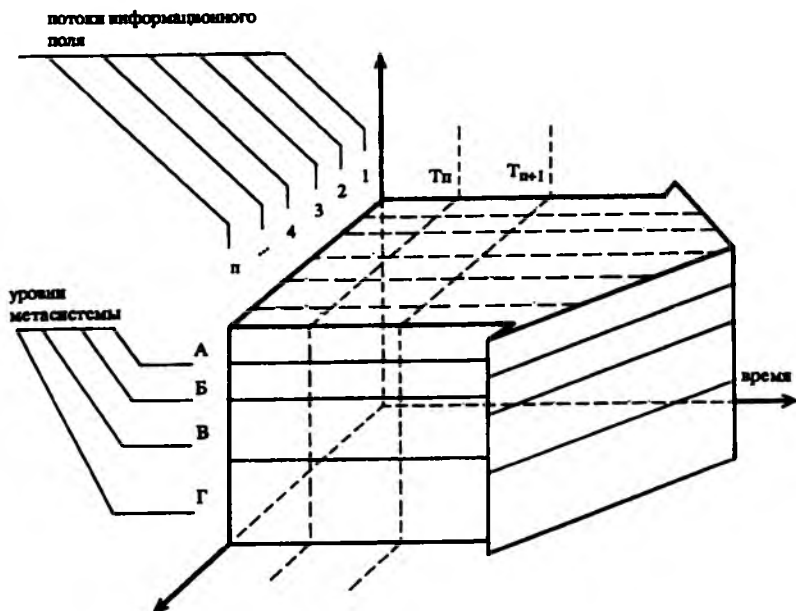

Рис. 2. Эвристическая модель информационно-полевого подхода к теории города.

Потоки информационного поля: 1 – физическое существование человека, сообщества; 2 – социокультурная деятельность, общение; 3 – познавательная, эмоционально-художественная деятельность; 4 – трудовая деятельность, добывание средств к существованию... Уровни метасистемы: А – идеолого-политический; Б – социально-демографический, социально-экономический; В – энергетико-технологический, научно-технический; Г – природно-экологический, этногеографический. T_n , T_{n+1} – временные лаги.

странственно-вещественный субстрат города, предметную сущность среды, окружающей человека, вторую его природу, в том числе и города, поселения.

Метасистему, под воздействием которой развивается информационное поле социопрограмм, можно представить стратиграфически в виде уровней: фундаментального этногеографического, природно-экологического; уровня научно-технического состояния общества, энерго-технологического; уровня социального, социально-экономического; наконец, уровня идеолого-политического, наиболее мобильного. Метасистема, "послойно" воздействуя на потоки поля, трансформирует его, устанавливает на каждый временной момент новые связи.

Эвристическая модель информационно-полевой концепции поселения может быть представлена в виде трехмерной схемы, где одна из координат – время (рис. 2). В одной из плоскостей представлено информационное поле в виде стратифицированной структуры со всеми его потоками, связями. В перпендикулярной плоскости также в виде стратифицированной по силе воздействия на градостроительные решения структуры представлены уровни метасистемы, каждый из которых в отдельности и в связи с другими воздействует на потоки поля на каждом вре-

менным срезе эволюции города. Предполагается, что для каждого временного среза можно будет определить, в каком виде, на каких носителях, с какими связями, определяющими настоящее состояние, находятся информационные потоки или их сочетания, какие социальные процессы, явления или пространственно-вещественные структуры должны существовать для их реализации. Город можно будет исследовать фронтально, выявляя, что ему требуется. Такая модель открывает и прогнозные возможности, если будет выяснен операционный алгоритм тенденций развития процессов. Наконец, такая модель может представлять интерес как инструмент для историков, возможность "отыграть" процессы назад. Более того, правильность прогнозов можно подтверждать именно "отыгрыванием" назад во время, когда закладываются основы прогнозируемых тенденций, явлений и пр.

Описанная схема модели эвристическая, скорее это модель логики подхода, модель-концепция, но проведенные разработки позволяют говорить о возможности превращения модели в операционную, тем более при современном развитии математики, оперирующей нечеткими множествами. Предложенная концепция – эскиз. Много аспектов предстоит еще осмыслить, в частности, в разработке вопроса управления элементами поля, типологии связей и т.д. Предлагаемый подход позволяет, наконец, свести воедино огромный массив междисциплинарных знаний о городе как явлении социогенеза и отслеживать изменения в настоящем, в прогнозе и в ретроспективе, заодно выполняя и допущенные в прошлом ошибки, просчеты, приносящие свои плоды в настоящем.

Есть основания полагать, что, "набросив" предлагаемую теоретическую "сеть" (информационное поле–метасистема–время) на такое сложное динамическое образование, как город, поселение, можно будет получить обобщенные данные, предметные, системообразующие связи как для процессов, образующих явление – субстанцию, так и для субстрата города, его материально-пространственной среды. Пока же город удается анализировать не более чем по трем-четырем параметрам, причем без учета фактора характерного времени процессов. Предлагаемая концепция содержит возможность аргументированного выбора мест размещения и характера новых городов и реконструкции старых. Она предполагает фронтальный подход к изучению, проектированию городов, когда последний предстает как сложное, целостное явление, и поэтому он более перспективен, чем дифференцированный подход, в том числе в силу того, что включает поиск и учет особенностей саморазвития города при реконструкции прошлого понимания настоящего и проектировании будущего.

- Дубинин Н.П.* Биологические и социальные факторы в развитии человека // ВФ. 1977. № 2.
- Ляпунов А.А.* О рассмотрении биологии с позиций изучения живой природы как большой системы // Проблемы методологии системного исследования. М., 1970.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986.
- Алексеева Т.И.* Методологический этюд системы город // Обзор инф. НИИТАГ Минстроя России. 1992. Вып. 1.
- Алексеева Т.И.* Город – память, город – процесс // Обзор инф. НИИТАГ Минстроя России. 1992. Вып. 2.

ГОРОД И ЕГО КУЛЬТУРНО-УРОВНЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ И ИЗМЕРЕНИИ УРБАНИЗАЦИИ

Г.А. Гольц

Исходные позиции

Основная идея предлагаемой позиции состоит в том, что, несмотря на принципиально разные социальные экономические, культурные и другие условия и стадии развития цивилизации, урбанизации, города, существует некий общий механизм или регулятор этих воплощений общества. Но подход к исследованию этих явлений со стороны регулятора поневоле встраивает его в общую проблематику управления развитием. Среди разных видов управления в данном случае следует особо выделить самоуправление и самоорганизацию как наиболее важные для понимания феномена города и урбанизации¹. В известном смысле предлагаемый подход можно связывать с социально-синергетической методологией.

Синергетическая сущность подхода определяется тем, что в своих исследованиях мы идем не от каких-либо дедуктивным образом сконструированных рациональных построений, а берем объект во всей его изначальной сложности, как организменную данность или "живое" социальное существо. Только поняв внутренние законы функционирования и развития последнего, можно выходить на поиски путей вмешательства или управления его жизнью. Причем парадокс заключается в том, что, как это присуще многим естественнонаучным закономерностям, здесь находятся некоторые устойчивые соотношения или константы соответствующих сложных организмов, которые являются основополагающими и не поддаются далее каким-либо рациональным объяснениям. Но если для физики такие константы, как константа Планка и многие ее производные, воспринимаются совершенно естественно, то значение их для социальных явлений осмысливается с трудом.

Необходимо отметить, что такие объекты, как город (урбанизация), буквально "опутаны" (как показывает наш исследовательский опыт) константами пространственной самоорганизации населения, представляя изоморфные по времени передвижения многоуровневые образования – город, агломерация, региональная система. Более того, даже такие специфические свойства территориальной структуры, как конфигурация, позиционное положение объекта, в конечном итоге взаимосвязаны с законом временного изоморфизма. Неожиданно, но метрические и топологические свойства связаны через константу пространственной самоорганизации. На основе использования этих новых фундаментальных закономерностей удалось создать высокоточные модели, например, транспортных потоков, прежде всего в городе, уровень адекватности которых не менее чем на полпорядка лучше, чем у используемых по аналогии из других областей знания гравитационной и энтропийной моделей.

Для решения поставленных в настоящей статье задач попытаемся

расширить круг фундаментальных закономерностей, формирующих городские и урбанизированные структуры, за счет привлечения, помимо таких изначальных свойств, как время и пространство, еще одной природной и социальной сущности их – информации. Количество информации и особенно такое ее качественное состояние, как разнообразие, гипотетически принимаем в качестве мощнейшего регулятора развития городской жизни. По существу, такими фундаментальными измерителями, как время, пространство, информация, энергия, можно, видимо, ограничиться как изначальными и несводимыми друг к другу свойствами, формирующими косную, живую и разумную жизнь. Попытаемся также на этой основе встроить процесс урбанизации в общие закономерности развития цивилизации. Современный объект урбанизированного пространства – далеко не просто город с его окружением, а вся территория, пронизанная средствами транспорта и коммуникаций, насыщенная социальной инфраструктурой. В конечном счете информационно-коммуникационная проницаемость территории становится определяющим критерием ее урбанизационных свойств. И урбанизация постепенно смещается с ее прежних концентрированных форм к менее разреженным и в пределе к отдельному человеку. Ясно, что в этом понимании урбанизация и культура естественно смыкаются. При определенном уровне техники и технологии коммуникаций урбанизация, как и культура, пройдет как бы через каждого отдельного человека. Уровень культуры его одновременно будет определять и уровень урбанизации. Но это в пределе. А на пути к нему много стадий развития и переходных форм.

Однако за всеми этими преходящими формами стоит главное действующее лицо – человек. Накапливаются духовные и материальные ценности, изменяются средства взаимоотношений, преобразуются внешние формы и многое другое, но за всеми этими изменениями можно проследить как бы ведущую роль закономерностей (пространственных, временных, информационных, энергетических), присущих человеку как таковому. Выявить такие закономерности весьма не простая задача, ибо здесь воспользоваться каким-либо прибором, или реактивом, как в физике или химии, не удастся. Более того, обычные географические карты и статистические справочники с подробным перечнем разных цифровых показателей являются лишь самой предварительной ориентацией. Нужны данные специальных обследований и определенным образом сконструированные пространственно-временные накопители исторической информации.

Пульсирующий и спиралеразвивающийся процесс урбанизации как функция разнообразия во всех сферах жизнедеятельности

Особенное качество городов, городского образа жизни осознано давно, однако выразить его на операциональном уровне оказалось весьма трудной задачей. Интуитивно всегда или по крайней мере в послехристианскую эпоху представлялось, что эти свойства противоположны сельскому образу жизни. Отсюда может быть распространенное сейчас представление о таком важном качестве его, как преобладание в городе насе-

ления, занятого в промышленной либо несельскохозяйственной сфере. Второе качество города, более распространенное в мировой практике, – определенный порог людности населения. Отечественная практика административного выделения городов придерживается принципа пересечения этих двух качеств.

Рассматривая процесс развития и функционирования городов во всей исторической ретроспективе, мы неизбежно обнаружим, что ростки формирования городского образа жизни связаны не только с потребностью административного управления и не только с функцией ремесленного центра, но и с развитием религиозно-культурных традиций. Осознание единства во взаимодействии с другими людьми, с природой, космосом обуславливало потребность и необходимость концентрации памяти, опыта, духа и т.д. Мощными концентраторами народной памяти, центрами духовной инновации были храмы. Важную роль в развитии информационных возможностей сыграло введение письменности. Создание сети храмовых сооружений в регионах и больших пространственно-культурных общностях людей, безусловно, на соответствующем общем культурном уровне сыграло важную роль в развитии урбанизированных структур, появление которых вводило в жизнь закономерности их функционирования, в том числе действие информационного разнообразия.

И то, что мы наблюдаем сейчас, – лишь повторение когда-то пройденного человечеством пути на новом, качественно отличном витке информационной спирали. Другие формы, другие выразительные средства, другое техническое воплощение, а суть одна – служить местами накопления и особенно переструктурирования информации во всех сферах человеческой деятельности. Именно исследование таких свойств, определяющих сущность урбанизационного процесса – как культурно-информационная обеспеченность, ее структура и разнообразие, – позволит, как нам представляется, найти наиболее общие его закономерности.

Информация сама по себе в виде определенного числа бит, хотя и важно, но трудно интерпретируемое для понимания феномена культуры, урбанизации свойство. Более существенны структурно сформированные ансамбли информации, многократные взаимные переплетения и пересечения таких структур. Эта проблема даже в теории информации является до сих пор открытой. Поэтому ограничимся таким более или менее понятным качеством, как разнообразие элементов культуры. Структуроформирующее свойство разнообразия информации, видимо, может быть отождествлено с двумя качествами: социальной целью и надежностью функционирования. Структура понимается нами как устойчивые отношения элементов. Тогда получается, что надежно функционирующие структуры поневоле в силу инерции навязывают цели. Вот почему смена целей, как правило, приводит к конфликтной ситуации и революционным преобразованиям. Города обычно являются генераторами вызревания новых целей общества, новых социальных стандартов и стиля жизни.

Таким образом, проблема скачка в спиралеобразном развитии урбанизации так или иначе может быть разрешена с позиций диалектического

единства противоположных начал: новых целей и устойчивости информационной, культурной структуры общества.

Найти измерительные качества социальной цели так же, как силу духа, не удастся. Но будем считать, что цель можно оценить и измерить с некоторым приближением по положительным результатам осуществления, т.е. материальным и духовным носителям осуществившихся преобразований. Крупные преобразования могут приводить и к изменению структуры. Но это на самом деле весьма редкие события в истории цивилизации, ибо фундаментальные структуры общества напрямую связаны с социально-биологической и социально-психологической структурой человека. Подвижки на этом уровне были в прошлом, скажем, при переходе человечества от неандертальцев к кроманьонцам.

Фундаментальные структуры общества – пространственно-временные, социально-информационные, социально-энергетические – исключительно устойчивы, и именно эта устойчивость обеспечивает устойчивость жизни на земле. Хотя люди часто за фундаментальные изменения структур социально-природной и общественной среды принимают явления, выступающие по отношению к последним лишь как некоторые биения, флуктуации на некоторой общей устойчивой траектории. Понять же феномен цивилизации, городов, культуры, урбанизации можно только через призму анализа действительно устойчивых, сверхдолгоживущих по меркам одной человеческой жизни структур. Да и сама социальная цель в конечном счете имеет под собой одну-единственную основу – сохранение и устойчивость жизни как таковой.

Итак, какова же конкретно наиболее устойчивая основа, структура урбанизационного процесса в плане всего вышесказанного. Предлагается следующая гипотетическая схема.

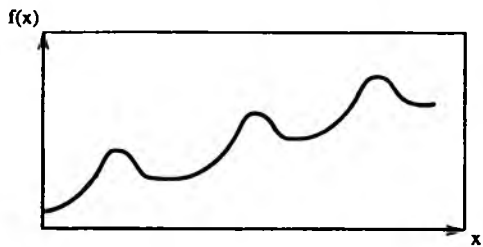
Представим сначала идеализированную ситуацию: появились люди, их число растет, пропорционально увеличивается площадь хозяйственных земель, обеспечивающих воспроизводственный процесс. Этот дальнейший рост ограничен естественными разнообразными причинами. Человек осознает эти причины. Формирующаяся и развивающаяся культура является, по существу, единственным регулятором воспроизводственных процессов в обществе. Надежно отлаженные регуляторы самоорганизации позволяют социально-культурным общностям существовать и развиваться. Города, сети городов, урбанизированные пространства и являются основными носителями этих саморегуляторов.

Развитие культуры, в свою очередь, можно представить как кумулятивный процесс роста информационного разнообразия. Но этот лавинообразный, экспоненциальный по своей природе процесс по мере возрастания сдерживается последовательно включающимися ограничителями, работающими по принципу обратной связи: после определенного значения функции она сама, видоизменившись, переходит на место аргумента.

В аналитическом виде такой процесс можно записать, например, в виде следующих выражений:

$$f(x) = \begin{cases} ae^{bx^8} & \text{при } f(x) \leq c \\ (ae^{bx^8} - c)e^{-d(x-c)} + c & \text{при } f(x) > c, \end{cases}$$

Рис. 3. Социально-культурная функция роста разнообразной деятельности.

где x – величина некоторого показателя социально-культурного разнообразия; a, b, d, g, c – параметры функции; e – основание натуральных логарифмов.

Особо важную нагрузку содержательного характера здесь выполняет параметр c . Независимо от величины предоставленного разнообразия он выводит функцию на постоянную величину – константу самоорганизации социально-культурного процесса.

Можно представить, что разнообразие по своей природе в зависимости от конкретного носителя информации имеет и различные уровни стабилизации описываемой функции. Причем новое качество всегда ощущается людьми в виде некоторого скачка. Поэтому в итоге будем иметь серию переходящих друг в друга описываемых кривых, различающихся величиной параметра самоорганизации. Наглядно это можно видеть на графике (рис. 3).

Вид приведенной функции явно отличается от широко распространенной версии роста различных агентов цивилизации по серии переходящих друг в друга логических кривых. С чем связана специфика предлагаемой нами гипотезы? Прежде всего с эффектом пульсации информационного массива культуры. Дело в том, что по мере роста разнообразия для возможности его освоения (особенно применительно к социально-пространственным системам) общий поток делится на отдельные струи. Причем этих разделителей общего потока может быть так много, что в итоге по аргументу x в результате его уменьшения произойдет возвратное движение функций. Это не простой момент в наших рассуждениях, поэтому далее попытаемся на конкретных и разнообразных примерах многократно проиллюстрировать содержание гипотезы. Указанные разделители общего информационного потока могут иметь разную природу: для социально-пространственных систем – это прежде всего особенности топологической структуры соединительной информационно-коммуникационной сети; для социально-экономических систем – это опережающий рост потребностей, который неадекватен росту предоставляемого разнообразия; для социально-культурных систем – это рост неадекватных потребителей информации.

При более тонком подходе к анализу возвратного движения следует также учитывать эффект лага запаздывания, превращающего возврат в подобную, но слегка смещенную кривую, по типу гистерезиса.

Свойство пульсаций разнообразия может объяснить порой загадочные, неожиданные взлеты и падения древних цивилизаций и городов,

больших социально-культурных и этнических общностей людей. В научной литературе для каждого такого случая называются конкретные причины, хотя, как нам представляется, существует и некоторый общий механизм расцвета, стабилизации и деструкции определенных историческо-культурных явлений, связанный со свойством регулятора делить накопленную информацию на структурные блоки, причем сама скорость такого деления прямо пропорциональна скорости накопления информации в периоды стабилизации культуры и опережает ее в периоды деструкции. А сам регулятор наводится фундаментальными свойствами материального и социального мира: пространственными, временными, информационными, энергетическими закономерностями.

**Примеры объяснительной возможности
гипотетической функции зависимости
социально-культурного потенциала общества
от величины информационно-культурного разнообразия**

В связи с новизной предлагаемой модели, очевидно, целесообразно опереться при иллюстрации ее действия на накопленный автором ранее исследовательский опыт в разных областях с таким расчетом, чтобы разные информационные носители разнообразия одинаково характеризовали рассматриваемую функцию.

Социальная напряженность: устойчивость и управляемость. Уровень остроты социальной обстановки в обществе, в том числе городе, представляет весьма многогранную палитру возможных измерений. Могут использоваться, в частности, и такие показатели, как количество осужденных, особенно за уголовное преступление; количество людей, участвующих в политических, национальных выступлениях; результаты выборов и референдумов и т.д.

Понимая всю сложность оценки уровня социальной напряженности как многофакторного явления, отягченного к тому же социальными стандартами и установками, начнем в качестве первого приближения с конструирования достаточно простого измерителя.

Аргументом функции примем синтетический показатель как бы экономического разнообразия в обществе: количество наименований товаров и услуг, умноженное на их тираж и поделенное на численность населения, и некоторую функцию от душевого национального дохода. Последняя функция вводится в виде обратной связи, показывая характер роста потребностей с ростом национального дохода. Итак:

$$x = \frac{Nm}{Hf\left(\frac{D}{H}\right)},$$

где N – количество товаров и услуг; m – их тираж; H – численность населения (потребителей); $f\left(\frac{D}{H}\right)$ – функция роста потребностей в зависимости от душевого национального дохода. Социальную напряженность

будем измерять числом осужденных, поделенным на величину национального дохода, т.е. $y = \frac{W}{D}$, где W – число осужденных; D – произведенный национальный доход.

Функция $f\left(\frac{D}{H}\right)$ имеет характер степенного либо экспоненциального

возрастания. Неудержимый рост потребностей обгоняет рост душевого национального дохода, являясь источником пульсации итоговой функции социальной напряженности в обратном направлении. Таким образом, неудержимый, бесконтрольный ашкетизм к потреблению природных и культурных благ как бы наказывается неотвратимой действующей закономерностью.

Помимо перечисленных главных факторов, действует в рассматриваемом процессе множество других, создающих белый шум, приводящий к разбросу значения функции, особенно по отдельным регионам. В итоге общий характер функции социальной напряженности от предоставленного экономического разнообразия имеет вид, представленный на рис. 4.

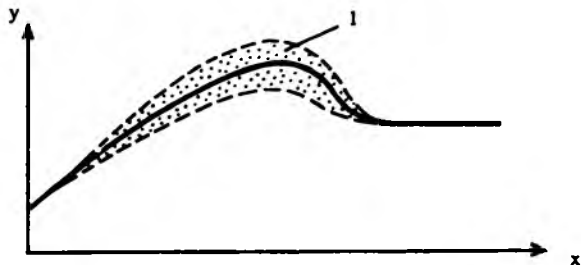
Такой вид зависимости показывает одновременно важнейшее свойство управляемости социальных систем. При минимальном числе возможностей самореализации людей или минимальном числе информационного разнообразия имеется и какой-то минимальный уровень социальной напряженности. По мере роста разнообразия возрастает напряженность, но, достигнув определенного уровня, она начинает уменьшаться, – вступают в силу мощнейшие механизмы самоконтроля, самоуправления и самоорганизации. Они-то и приводят рассматриваемую функцию к устойчивой величине, уже независимой на данном витке спирали от величины информационного разнообразия.

Таким образом, на каждом витке имеется только два вполне устойчивых состояния социальной напряженности: отсутствие разнообразия и очень много разнообразия. Между двумя этими состояниями находится поле неустойчивости состояний, как бы борьбы пульсаций в прямом и обратном направлениях.

Города, городской образ жизни в обширных урбанизированных пространствах являются как бы зеркальным отображением описанной закономерности. Богатства культуры, накопленные веками, материальные и духовные носители социально полезной информации в подлинных urba-

Рис. 4. Характер зависимости социальной напряженности от предоставленного экономического разнообразия (на одном витке спирали):

1 – разброс относительной средней.

низированных очагах создают такой потенциал разнообразия, который поддерживает устойчивость социальной напряженности во втором ее состоянии условий беспрепятственной самореализации. Наоборот, псевдоурбанизированные центры, лишенные необходимого информационно-культурного разнообразия, выполняющие совершенно другие функции (административные, военно-политические и др.), находятся в противоположной, первой устойчивой позиции управляемости. Города на территории бывшего Союза далеко не все (исключая столичные города, крупные старые центры, да и то только в своей центральной части) обладали свойством информационно-культурного разнообразия и были действительно центрами урбанизированных пространств. По существу, урбанизация страны, показанная в статистических справочниках, определялась лишь по доле городского населения в общей численности его без учета качества разнообразия и поэтому не отражает ее истинный характер. Нарращивание разнообразия, особенно социально-культурной его составляющей, может вывести на устойчивый режим нового качественного состояния самоорганизации, урбанизации.

Разнообразие деятельности: город и деревня. Численность населения поселения или региона лишь косвенно характеризует возможное информационно-культурное разнообразие. Более определенно оно связано с числом предоставляемых возможностей во всех сферах жизнедеятельности. В достаточной степени их может характеризовать число профессий-занятий, по которым может быть получена реальная прямая или косвенная информация.

Ориентировочная историческая реконструкция уровня разнообразия и деятельности дала достаточно выразительные величины (см. табл. 1).

По аналогии с прежними рассуждениями примем за y отношение числа занятий в городах к селу, а за x общее максимальное разнообразие деятельности в обществе – число занятий в городах. Тогда, даже не прибегая к графику по приведенным цифрам, видно, что искомая функция имеет вначале стремительный рост, затем стабилизацию, после которой

Таблица 1
Контраст разнообразия деятельности в городе и селе

Период	Максимальное число профессий на территории России		
	В народном хозяйстве городов	В сельскохозяйственном производстве	Отношение города к селу
X–XII в.	60	4	15
XVI в.	200	4	50
1897	5000	5	1000
1926	10000	10	1000
1939	19000	22	864
1959	30000	50	600
1970	45000	100	450
1979	60000	160	375
1989	60000	200	300

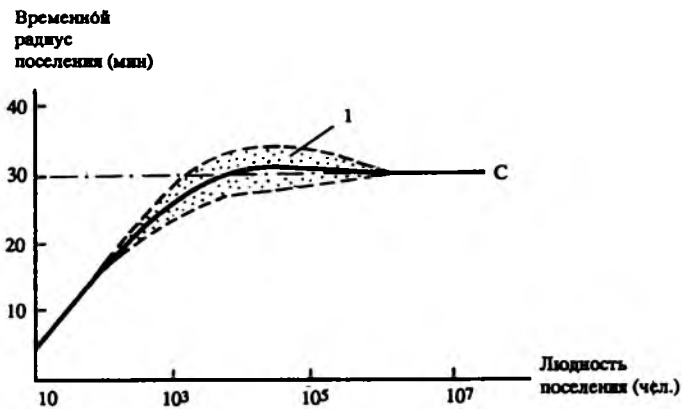

Рис. 5. Временные характеристики поселений в зависимости от предоставленного информационно-культурного разнообразия:

1 – разброс относительной средней.

наступает падение, но с явным замедлением и стремлением в перспективе к некоторой асимптоте – постоянной величине. Таким образом, характер еще одной важной закономерности контраста города и села с ростом информационного разнообразия подтверждает универсальность предложенной гипотетической модели.

Другой важнейшей характеристикой городских и сельских поселений являются территориальные и временные размеры. Последние имеют ярко выраженную зависимость от структуры суточного бюджета времени населения и стабильную величину в крупнейших многомиллионных центрах в пределах реальной (а не административной) границы города. Наоборот, радиусы поселений в километрах зависят от средств транспорта в пределах устойчивого временного лимита.

Примерный вид зависимости временного радиуса поселений от их людности по прежним многочисленным и многолетним исследованиям автора выглядит следующим образом (см. рис. 5).

Людность города мы с некоторой условностью отождествляем с потенциалом информационно-культурного разнообразия, хотя в ярко выраженных промышленных центрах такого соответствия может и не быть. Такое несоответствие и другие факторы белого шума образуют разброс относительно усредненной кривой. Быстрорастущие промышленные центры с некомпактными территориями дают наибольшие значения временного радиуса, причем значительно большие, чем в многомиллионных городах, в которых в пределах реальной границы города в силу эффекта пространственной самоорганизации устанавливается устойчивое динамическое равновесие между линейными размерами и уровнем развития транспорта.

С учетом описанного разброса имеем тот же знакомый по приведенным примерам характер функции еще одного показателя урбанизированных свойств с ростом информационного разнообразия.

Переход от города к агломерациям и региональным системам можно трактовать как следующие витки информационной спирали.

Транспортные сети, связи и потоки: подход со стороны разнообразия к топологическим и метрическим свойствам. Думается, что вообще коммуникационно-информационная сущность городского образа жизни, городской культуры настолько сильно и естественно связана с транспортными возможностями, что как-то обойти транспорт, транспортно-коммуникационную проницаемость, как это часто делается в обществоведческой литературе, путем отнесения их к чисто технической сфере методологически неверно. И это подтверждают специальные в течение многих лет проводимые исследования. В них раскрывается справедливость рассматриваемой общей гипотетической модели. Под информационным разнообразием в транспортной сфере будем понимать протяженность сетей разных видов транспорта, количество транспортных узлов, остановочных пунктов, в том числе пересадочных (перевалочных). Топологические свойства связующей сети, рассмотренные совместно с такими метрическими характеристиками функционирования транспортной системы, как скорость и частота движения, особенности приемных и пересадочных путей, однозначно определяют распределение связей и потоков между пунктами отправления и прибытия при достаточной величине и разнообразии всех перечисленных показателей. Людность или величина, мощность объекта определяют лишь уровень общего объема перевозок, а не территориальное распределение потоков. Впрочем, эти закономерности полностью относятся к пассажирским потокам, а в формировании грузовых связей и потоков дополнительно имеют значение технологические и экономические взаимоотношения поставщиков и потребителей.

Автором была разработана специальная методика анализа и расчета транспортных потоков на основе систематизации многочисленных фактов их осуществления. С самого начала предполагалось, что адекватная теория транспортных потоков должна базироваться на внетранспортных закономерностях, иметь универсальный характер для разной временной глубины, средств транспорта, социально-экономических и прочих условий. Исходные модели должны были быть построены так, чтобы учитывать все эти многочисленные условия через некоторые интегральные показатели. Теоретическая чистота модели обеспечивалась лишь в том случае, когда не требовалась калибровка статистических коэффициентов. Значит, комбинация переменных и единственный коэффициент масштабирования применительно к различным условиям социально-территориальных систем – город, агломерация, региональная система.

Формирование автором адекватной теории транспортных потоков происходило в течение многих лет. В основе ее создания лежали открытие в середине 60-х годов константы пространственной самоорганизации населения, а затем через двадцать лет установление временного изоморфизма территориальной организации и связи метрических и топологических свойств транспортных систем через константу пространственной самоорганизации. И, наконец, осуществилось объединение всех этих

Рис. 6. Характер зависимости средней дальности поездки.

выявленных закономерностей в общую социально-культурную урбанистическую концепцию информационного разнообразия. И только после этого можно было протянуть конкретные нити для создания работоспособных моделей транспортных потоков.

Остановимся лишь на некоторых общих идеях, объединяющих основу транспортного моделирования с функцией социально-культурного разнообразия, рассмотренной в предыдущих разделах.

Если известно количество вошедших и вышедших пассажиров на остановочных пунктах, то величина корреспонденции между каждой парой остановок, помимо этого, определяется вероятностью той или иной длины поездки. Причем эта функция дискретна по количеству остановок, и существенным фактором ее изменения является полное время передвижения.

Регулятором, выступающим в качестве уменьшения потенциальной длины предоставленных возможностей в пределах данного маршрута, является количество пересадочных узлов и характер их расположения по длине. После определенного лимита времени (константы пространственной самоорганизации) пассажиры резко изменяют свое поведение по отношению к затрачиваемому времени. Существенно также, что при определенной величине информационного разнообразия (количества потенциальных остановок для совершения поездки, количество сочетаний из них) длина поездки стабилизируется на определенной величине, соответствующей некоторой доле от общей константы самоорганизации для системы рассеяния (производная ее – маршрутная константа).

Зависимость длины поездки от действующих факторов весьма сложна из-за большого числа последних.

Показать наглядно характер зависимости удастся с помощью одномерного графика только иллюстративно путем агрегации переменных (см. рис. 6).

На графике –

$$x = f_1(n, n_k, \lambda, Q_{\max}, \bar{Q}, c)$$

$$y = f_1(n, n_k, \lambda, Q_{\max}, \bar{Q}, c) f_2(v_T, J, k, d, t_{CT}, t_{BK}, t_{BYX}),$$

где n – количество остановок на маршруте; n_k – количество пересадочных узлов; λ – коэффициент безразмерный, учитывающий топологические особенности расположения пересадочных узлов на маршруте; c – кон-

Таблица 2

Динамика числа автотранспортных смертей, тыс.

Годы	США	Вели- кобр.*	СССР**	Фран- ция	ФРГ	Испа- ния	Ита- лия	Япо- ния	Индия	Кана- да
1950	35	5	5	7	6	1	3	3	1	2
1960	38	7	18	8	14	2	8	11	2	4
1970	55	7	38	15	19	4	10	17	12	5
1980	53	6	49	12	13	5	9	9	17	4
1990	45	5	63	9	7	5	6	10	28	4

* Без Сев. Ирландии. ** До 1970 г. ориентировочные данные.

станта пространственной самоорганизации; $\bar{v}$ – средняя техническая скорость движения; J – средний интервал движения; k – коэффициент безразмерный, учитывающий возможное отклонение от регулярного движения; d – среднее расстояние перегона; $\bar{Q}$ – средняя величина вошедших пассажиров на всех остановках; $Q_{\max}$ – то же максимальная; $t_{\text{ст}}$ – среднее время стоянки на промежуточных остановках; $t_{\text{вх}}$, $t_{\text{вых}}$ – среднее время входа и выхода на станцию (для внеуличных видов транспорта, особенно метрополитена).

Аналогичным образом можно смоделировать не среднюю, а конкретную длину поездки от каждой остановки, учитывая таким образом позиционные свойства каждой точки.

Приведенный пример важен еще тем, что генеральная закономерность, обсуждаемая в данной статье на различных примерах, бывает порой запутана и трудна для выявления. Здесь нам удалось пробиться к цели лишь через 12 (!) переменных, а для других социальных явлений их может быть и больше.

Здоровье, техника и социально-культурное разнообразие. Эта тематика, пожалуй, является наиболее важной и актуальной, затрагивая самую важную человеческую ценность – жизнь. Но рассмотрим лишь один существенный момент, используя данные анализа недавно проведенное автором исследования факторов, влияющих на уровень аварийности на улицах и дорогах. Представляется возможным переосмыслить полученные первичные результаты и дать им соответствующую общую трактовку с позиций понимания урбанизационного процесса и концепции социально-культурного информационного разнообразия.

По развитым странам с 70-х годов наметилась тенденция сокращения абсолютного и особенно относительного числа дорожно-транспортных происшествий. У нас же, несмотря на значительно меньший уровень автомобилизации, так же как и в развивающихся странах, наблюдается стремительный рост (табл. 2).

Для относительного показателя – числа смертей на километр пробега автомобилей – эта тенденция будет еще более выразительной. Объяснить такое уменьшение значения функции с ростом аргумента не удастся в

рамках известных на транспорте моделей ДТП. Ясно, что главные факторы такого попятного движения лежат за пределами чисто транспортно-технической и транспортно-технологической сферы.

Гипотеза заключалась в том, что падение числа транспортных происшествий наступает после определенного уровня автомобилизации, сопровождаемого общим подъемом технической культуры, вызреваемый в урбанизированных пространствах. Однако в чистом виде эта гипотеза оказалась неработоспособной. Только после добавления к ней фактора отношения человека к собственному здоровью, продолжительность жизни удалось найти общую зависимость для разных стран в динамике. Это медико-социокультурное отношение людей, названное нами показателем самооценности жизни наподобие константы пространственной самоорганизации в городских и транспортных моделях начинает оказывать влияние только с определенной величины; действует сначала незначительно, потом резко изменяет темп влияния и, наконец, совершенно прекращает влияние, стабилизируя искомую функцию на определенной величине.

Дадим также, как и в предыдущих примерах, только состав функции и аргумента в агрегатной форме:

$$\begin{aligned}x &= f_3(l_r, l_v, S_r, S_0, H_r, H_c, D, B, G, Д, P) \quad \text{и} \\y &= f_1(I, П),\end{aligned}$$

где I – количество автотранспортных смертей; $П$ – пробег автомобильного парка; l_r – протяженность городских улиц и дорог; l_v – то же внегородских; S_r – площадь городов; S_0 – площадь хозяйственно освоенной территории; H_r – численность городского населения; H_c – то же сельского; D – произведенный национальный доход; B – доля в нем расходов на оборону; G – средняя продолжительность жизни; $Д$ – показатель общей смертности; P – доля затрат на питание в денежном семейном бюджете населения. В итоге связь между синтетическими переменными и на одномерном графике аналогична, показанным в предшествующих примерах.

В данном примере отчетливо фиксируется деление воздействующих факторов на управляемые и неуправляемые.

Общие выводы

Итак, предварительно сформированная гипотеза о наличии подобия или более сильно – однозначном взаимном соответствии (изоморфизме) функций информационного разнообразия и социально-культурных и социально-технических процессов оказалась достаточно правдоподобной. Предстоит еще большая работа по многократной и разносторонней ее проверке и развитию. Тем не менее принципиальная, идейная направленность и перспективность поиска сейчас уже ясны. Наблюдаемое соответствие четко проявляется в развитии такого феномена культуры, как город, предстоящий в этом плане как сложная система констант

пространственной самоорганизации населения. И в его развитии как особого социального феномена проявляется действие не только общих, известных и объясняемых законов и закономерностей общественного развития, но и своих внутренне рождаемых закономерностей саморазвития, в том числе закономерностей соответствия социально-информационного разнообразия и характера урбанизационных процессов, цикличности их.

¹ Гольц Г.А. Измерение социально-исторического развития общества как самоорганизующейся системы // Проблемы прогнозирования. 1992. № 3. С. 31–45 (Перевод: *Golts G.A. A Measurement of the Sociohistorical Development of Society as a Self-Organizing System // Studies on Soviet Economic Development. 1992. Vol. 3, N 3. P. 180–187).*

² Гольц Г.А. Стадии развития, структурные уровни и константы территориальных общностей расселения и хозяйства // Изв. АН СССР. Сер. географическая. 1986. № 2. С. 34–48 (Перевод: *Golts G.A. Development Stages, Structural Levels and Constants in Territorial Communities of Settlement and Economy // Soviet Geography. October. 1986. Vol. XXVII. P. 533–552).*

ГОРОД ВО ВРЕМЕННЫХ КООРДИНАТАХ РАЗВИТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

ГОРОД В ЮЖНОМ ДВУРЕЧЬЕ ВРЕМЕНИ РАННЕЙ ДРЕВНОСТИ (особенности развития)

И.М. Дьяконов

В эпоху древности, будь то на Западе или на Востоке, именно город, бесспорно, занимает ведущее положение как центр экономической, социальной и политической жизни. Он центр экономический, потому что распределяет прибавочный продукт, в том числе через натуральный и денежный обмен между ремеслом и земледелием и между различными районами естественного разделения труда. Он центр политический, так как является средоточием иерархии общинных органов самоуправления и резиденцией государственной администрации. Город – центр социальный, поскольку сосредоточивает интересы всех слоев населения и в нем формируются и развиваются в наиболее выраженной форме отношения древнего общества. Он центр идеологический, поскольку все культы и храмы, подобно самим общинам в округе города, составляют одну систему с храмом главного божества в центре. Город, наконец, культурный центр, и в нем формировалась письменность, литература, наука, определялся этикет и нормы быта. Именно поэтому изучение города становится важным в решении главных экономических, социальных, культурных проблем истории развития общества Древнего Востока. В результате многолетней работы нашей группы, занимающейся изучением истории старовавилонского города, удалось не только собрать обширный материал, но и охарактеризовать многие основные аспекты социально-экономической жизни, особенности социального строя, духовной и бытовой культуры, государственных и правовых традиций, рассказать о людях городов древних обществ царств Месопотамии. В результате удалось сделать ряд важных выводов, имеющих общее значение в исследовании проблемы возникновения и ранних этапов развития города.

Вопреки установившемуся и до сих пор сохраняющемуся представлению о том, что существовал Древний Восток вообще и был город Востока вообще, становится все более очевидным, что мы имеем дело со сложной и неоднозначной историей развития древнейших городов с

разными (общейсторическими; политическими, экономическими и др.) условиями их возникновения и функционирования. Так, становится очевидным, что мы ни в коем случае не должны рассматривать нижне-месопотамский город III–II тыс. до н.э. в качестве некоего образца или эталона древневосточного города. Что касается II тыс. до н.э., то необходимо напомнить, что однотипная, в общем, экономика древней Передней Азии имела, по крайней мере, два особых типа их пути развития: один (тип IB), характерный для всей ближневосточной периферии, не знавшей крупномасштабной речной ирригации, и другой (тип IA), характерный для Месопотамии и, может быть, Элама. В районах экономики типа IB развитие общины шло более естественным путем, и частные – первоначально большесемейные – хозяйства развивались как в области земледелия, так и в области ремесла и даже торговли, хотя и под известным – более эффективным или же менее эффективным – государственным контролем, однако без существенных помех со стороны государственного (царского) сектора экономики. Но в районах экономики типа IA, иначе говоря – в Двуречье, было иначе. К концу III тыс. до н.э., ко времени начала господства "Царства Шумера и Аккада" – так называемой III династии Ура, в Двуречье Евфрата и Тигра непомерно вырос царский сектор хозяйства, включавший тогда также и хозяйства храмов; царский сектор поглотил едва ли не большую часть сельскохозяйственных территорий и все ремесло, сосредоточенное в сколько-нибудь больших мастерских, а вернее сказать – все вообще ремесло, кроме того, что обслуживало самые непосредственные семейные нужды. То же касается и обмена. Международный обмен был целиком в руках царских агентов. Вне царского сектора экономики в то время не было таких производителей товарной продукции, которые могли бы конкурировать с обширными царскими мастерскими и бескрайними царскими сельскохозяйственными имениями. Эти мастерские обслуживались подневольными отрядами зависимых от царя людей (которые не отличались практически от рабов). В целом совершенно очевидно, что царский сектор доминировал. Правда, мы располагаем сейчас данными о том, что и при III династии Ура общинно-частный сектор все же не вовсе был вытеснен или поглощен царским хозяйством, как это дается в учебниках – и у нас, и на Западе. Так, во время срочных полевых работ царское хозяйство широко привлекало наемный труд, и ясно, что оно не могло нанимать своих же собственных работников, которые и так работали на него без отдыха и сроку. Далее, когда при последнем царе III династии Ура, Иббисуэне, столица государства Ур попала в трудное продовольственное положение из-за вторжения неоседлых пастушеских племен в лучшие земледельческие округа юга страны, царь Иббисуэн послал своего доверенного, ИшбиЭрру, закупать большое количество ячменя для города (для чего потребовалось 600 баржей). И здесь ясно, что Иббисуэн не стал бы и не мог бы покупать хлеб в собственном царском хозяйстве. Наконец, по протоколам судебных процессов этого времени мы знаем, что в решении некоторых дел принимал участие "городской старейшина", т.е. председатель народного собрания городской общины, *ab-(b)u ugu* – должность, которая не встречается среди известных нам многих тысяч документов

учета в царских хозяйствах, да и не может встречаться, потому что она относится к структуре общинного самоуправления, несовместимого с царским хозяйством, управляющемуся по произвольному усмотрению администрации. Значит, общины с какими-то правами местного самоуправления существовали и при III династии Ура. Однако, несмотря на существование общин, наряду с царским хозяйством, и частных хозяйств внутри этих общин, нельзя не признать, что царский сектор настолько доминировал во всех отраслях экономики при III династии Ура, что, несомненно, должен был определять также и лицо нижнемесопотамского города того времени. По-видимому, этого не наблюдалось в таком масштабе в городах других стран Передней Азии ранней эпохи. Углубление знаний о путях развития общинного и государственного сектора в областях Переднего Востока позволяет, уже сейчас, ставить вопрос о различии условий развития города в областях указанного региона и о необходимости дифференцированного подхода к анализу путей его становления, во-первых, и важности учета (что практически в настоящее время выполняется далеко не достаточно) зависимости различия особенностей формирования города от общеисторической ситуации развития общества.

Серьезное значение, безусловно, представляют и материалы, свидетельствующие о разном характере развития города на разных исторических этапах и в разные периоды в самом Южном Двуречье, в частности, в зависимости от общеисторической, общеэкономической и политической обстановки. В начале II тыс. до н.э. положение в Нижней Месопотамии, в том числе в ее городах, очень изменилось по сравнению со временем деспотизма III династии Ура, тем не менее влияние сравнительно недавнего прошлого еще сказывалось, и мы в то время с трудом можем обнаружить среди городского населения Нижней Месопотамии лиц, которые не были бы так или иначе связаны с дворцом и особенно с храмом, хотя и необязательно подчинены ему. Формальная связь городских жителей с храмовой организацией – особенность, сохранившаяся в стране в течение многих столетий, но вовсе не свойственная всем древним странам Ближнего Востока.

Поэтому, изучая нижнемесопотамский город начала II тыс. до н.э. (т.е. после III династии Ура), необходимо учитывать, что мы имеем дело не с процессом становления города, растущего естественным путем из более ранних общинных структур, а с образованием города особого типа, возникшего в результате крушения почти полной хозяйственной монополии деспотического царского хозяйства, которая господствовала здесь в предшествующий период. Общество III династии Ура раздирали внутренние противоречия. Но падение III династии Ура явилось результатом прорыва аморейских (западносемитских) скотоводческих племен на поля Юго-Восточной Месопотамии.

События разворачивались с 2025 по 2004 (или 2003) гг. до н.э. В войне с амореями полководец последнего урского царя Иббисуэна – ИшбиЭрра создает собственное государство со столицей в малоизвестном городке Иссине. Цари новой династии "Царства Шумера и Аккада", правившие в Иссине, сохранили нечто приближающееся к традиционному порядку в

городах по Евфрату – если не на всем протяжении от Мари (на среднем течении р. Евфрат) до Ура (недалеко от его устья), то, во всяком случае, вокруг Иссина и общегосударственного культового центра Ниппура (который впоследствии при царе Иссина ИшмеДагане – 1953–1935 гг. до н.э. – стал первым в истории Передней Азии автономным привилегированным храмовым городом). В частности, нам известно, что здесь, в Иссине, продолжали функционировать царские мастерские прежнего образца, однако учетные документы царских сельскохозяйственных имений исчезают. Ситуация функционирования города изменилась. При сложившейся теперь в стране политической и военной обстановке государство не могло брать на себя бесперебойное обеспечение постоянными пайками не только служащих, но и непосредственных производителей продукции; пришлось участки царско-храмовой земли раздавать самим царским служащим и даже работникам, и они начинали вести на них фактически частное хозяйство, хотя и не были их собственниками. Все эти тенденции усилились лет сто спустя.

Ирригационная система Нижней Месопотамии, никем не поддерживаемая (каналы требуют почти ежегодного обновления), приходила в негодность, богатые поля Шумера, привлечшие сюда овцеводов, которые использовали их главным образом под пастбища, быстро превращались в выжженную пустыню. Поэтому и овцеводам надо было перестраивать свое хозяйство. Выход они нашли в том, чтобы наниматься в качестве воинов к аккадским царям и правителям городов, получая за это небольшие участки орошенной земли, которую обрабатывали как умели.

В новых условиях все большее значение приобретают наемные амореи, не связанные с хозяйственной деятельностью. Вожди амореев приобретают все большее значение. Вскоре к амореям начала переходить власть в одном месопотамском городе за другим. У слияния самого большого судоходного и ирригационного канала Итурунгаль с основным руслом Евфрата, выше крупнейших городов Двуречья Урука и Ура, возвышается город Ларса при Гунгунуме, который объявил себя царем в 1932 г. до н.э. (через тридцать лет начинается открытое соперничество Ларсы и Иссина.) Примеру Гунгунума последовали вожди и других аморейских племен и отрядов. В течение ближайших лет семьдесят или около того аморейские династии захватили власть в ряде городов Нижней Месопотамии (с юга на север: в Уруке, Кисуре, Мараде, Казаллу, Вавилоне, Сиппаре), Верхней Месопотамии (в Мари, Ашшуре, ШубатЭллиле, Талхиате) и, наконец, в Сирии (в Ямхаде). Каждое завоевание шумероаккадского города отрядами воинов из пастушеских племен вносило беспорядок в его экономическую жизнь. Прежде всего разрушалось именно дворцовое хозяйство, которое в новых условиях теряло всякую хозяйственную эффективность. К тому же аморейские вожди и их дружинники не хотели и не могли поддерживать существование сложного организма государственно-хозяйственного управления: для этого у них не было ни традиций, ни своей выучки, ни специальных чиновников. Традиционными оставались лишь титулы в надписях. Но в хозяйственно-административной области шумерские традиции прервались. Легче стало

раздавать захваченную государственную (да и общинную) землю отдельным лицам. И держателям земельных наделов, и начальникам мастерских, торговым агентам и всякого рода надзирателям – коль скоро они уплачивали завоевателям известный побор – ничто не мешало обращаться с подчиненной им частью государственного имущества как со своей собственной и стараться продолжать хозяйственную деятельность уже к своей выгоде. Такое положение сложилось, в частности, в Уре XIX–XVIII вв. до н.э.

С другой стороны, и владельцам негосударственной, общинной земли ничто теперь не мешало заняться любым родом деятельности, в том числе ремеслом на продажу и торговлей – на свой страх и риск. Это касалось даже международной торговли: как ни опасны были в такое время пути между городами и царствами, но уклониться (или даже откупиться) от мелкого царька-вождя было все же легче, чем уклониться от всевидящего ока тоталитарного полицейского рабовладельческого государства типа "Царства Шумера и Аккада" времени III династии Ура или даже династии Иссына времен ее расцвета, потому что такое государство стремилось организовывать торговлю само и само получать львиную долю дохода. Рост частнохозяйственного сектора привел к росту общинных связей, поскольку основой подлинной собственности на недвижимость могло быть только членство в общине – снова растет и значение общинных органов самоуправления, прежде всего общинного совета старейшин, хотя уже в другой социальной ситуации. Новое значение приобретают храмы. Храмы в значительной степени вернули себе положение центров своих общин. Во всяком случае, храмы фактически опять стали гораздо самостоятельнее от царской власти, чем в эпоху ранних деспотий. В целом старовавилонский период в истории общества Нижней Месопотамии и развития городов был временем расцвета частных начал, рабства, торговли. Хотя это рабство все еще носит черты патриархальности, однако по правовому положению рабы все более начинают напоминать рабов античного мира.

Разделение труда зашло достаточно далеко, чтобы появился хотя бы небольшой внутренний рынок: даже безземельные свободные работники были вынуждены покупать часть пищи и одежды. Между тем свободных наличных денег (например, серебряного лона) в обращении было очень мало, а при сезонном характере поступления любых доходов (урожая, наемной и другой платы, прибыли с торгового путешествия и т.п.) все хозяева без исключения нуждались в кредите, а бедная часть населения – и в особенности. Поэтому широко расцветает ростовщический кредит. Развитие частного рабовладения и сопровождавший его широкий размах ростовщичества были явлениями типичными не для каких-либо одного-двух царств, они были характерны для всех ближневосточных государств той поры, особенно тех, которые строили свою жизнь на речной ирригации разных типов. Вопрос о ростовщичестве, подрывавшем устой хозяйства и государственного строя, повсюду стал в это время наиболее важным, наиболее актуальным. Царская власть пыталась ограничивать частную инициативу. Реформы царей РимСина, Хаммурапи, направленные против частной рабовладельческой инициативы, хотя и были

справедливы по отношению к интересам значительной части свободного населения страны, имели, однако, государственное охранное значение, поскольку здесь в Нижней Месопотамии, с тех пор как дворцовое хозяйство совпало с государственным сектором экономики, стеснение торговоростовщической деятельности свободных рабовладельцев означало господство царского хозяйства с его бюрократическим аппаратом. Но именно частное рабовладельческое хозяйство было магистральным путем развития древнего общества, в рамках которого развивался древний город как главный центр этих отношений.

ДРЕВНЕЙШИЙ ГОРОД МЕСОПОТАМИИ И МЕЗОАМЕРИКИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В.И. Гуляев

По мнению большинства исследователей, первые города появились около 3000 года до н.э. на Ближнем Востоке, в Месопотамии (Шумер). Несколько позже отчетливые признаки городской жизни представлены уже в долине Нила. А еще несколькими столетиями спустя – в Индии (Мохенджо-Даро и Хараппа). При этом среди специалистов до сих пор ведутся споры относительно того, родились ли все перечисленные выше древнейшие городские цивилизации независимо друг от друга или же несколько более поздние очаги урбанизма в Египте и Индостане возникли под непосредственным воздействием месопотамских традиций.

Однако, в мировой истории есть еще один бесспорный пример независимого происхождения урбанизма – в доколумбовой Америке (Мексика и Перу). Вполне очевидно, что сейчас лишь самая пылкая фантазия может объявить древнеамериканские цивилизации продуктом влияния со стороны очагов высокой культуры Восточного полушария. Во всяком случае, наука не располагает пока какими-либо реальными фактами в пользу столь смелого предположения. Таким образом, Месопотамия (Шумер) и доиспанская Америка (Мексика и Перу) – это те два региона, где зарождение и развитие города протекало совершенно самостоятельно и, притом, в наиболее архаичных формах. А это открывает широкие перспективы для сравнительного анализа двух независимых моделей ранней городской культуры в Старом и Новом Свете.

В силу закономерностей исторического развития американские аборигены, хотя и со значительным хронологическим отставанием, самостоятельно пришли, в конце концов, и к государственности, и к цивилизации. Среди этих достижений особенно выделяется один яркий социально-экономический феномен – город. Причем, несмотря на всю свою локальную специфику и своеобразие, древнейшие города Старого и Нового Света поразительно близки друг другу – по важнейшим своим показателям – планировке, структуре, функциям, форме политической организации и т.д.

Необходимо отметить и то, что урбанизацию (появление и быстрый рост городов) нельзя рассматривать в общем историческом процессе лишь как простое следствие важных социально-экономических явлений. Город и сам по себе обладал достаточной силой, чтобы, в свою очередь, оказывать существенное влияние на развитие породившего его общества.

Эти древние города – первые на нашей планете – были во многом не похожи на современные. Экономически они основывались на сельском хозяйстве, специализации ремесел и торговле (преимущественно внешней). Но главное и решающее в понимании сущности древнего города – иерархия общинных структур: большая патриархальная семья, соседская община (в городе – “квартал”) и группа объединенных соседских общин, превратившаяся в процессе синойкизма в единое и качественно новое целое – город. Город возникает и развивается, таким образом, из соседской общины: его отличие от последней состоит в том, что он наряду с характерными чертами общины приобретает черты, свойственные государству. Для городской организации характерно наличие укрепленного центра (город в собственном смысле слова) и подчиненной ему населенной периферии, или округа.

В эпоху ранней древности по обе стороны Атлантического океана город выступает обычно как столица или центр небольшого государства – “нома” (города-государства)¹. Здесь находились, как правило, резиденция царя-правителя “нома” и храм (храмы) верховного божества.

В ходе исторического развития первоначальные органы общинного самоуправления, действовавшие в раннем городе (народное собрание, совет старейшин, выборные должностные лица – вожди, духовные и светские), постепенно теряют свое значение и заменяются властью царя, опирающегося на бюрократический аппарат и армию. Но в разных регионах, в разные периоды истории древнего мира общинные органы самоуправления в большей или меньшей степени все же сохраняют свое значение как в сельской местности, так и внутри городов (“кварталы” и их более мелкие деления).

Таким образом, древнейшие города были, прежде всего, важными политико-административными и культовыми центрами, откуда верховная власть управляла всей территорией “нома”. Их существование во многом зависело от снабжения извне (из сельскохозяйственной округи) продуктами питания и сырьем. В города стекались и излишки продукции, получаемые правящей элитой с помощью налогов, даней и прочих повинностей. Здесь концентрировались ремесленники и торговцы. И, следовательно, город выступал уже с глубокой древности и как важный хозяйственный (распределительный) центр. Однако объем прибавочного продукта, необходимый для содержания многих групп городского населения, не занятого непосредственно в сфере производства пищи, ограничивался в древности ручным характером земледелия, неразвитостью транспорта и неэффективностью способов длительного хранения пищи. Поэтому большинство ранних городов было сравнительно невелико по площади и имело население редко превышавшее несколько тысяч человек.

В беспокойный век участвовавших войн и социальных конфликтов,

связанных с появлением первых раннеклассовых государств, город выполнял и еще одну важную функцию – как убежище, крепость, где в случае опасности укрывались и сами горожане и жители окрестных селений. "Город, – отмечает известный английский археолог Гордон Чайлд, – опоясанный кирпичной стеной и рвом, сам был убежищем, внутри которого человек впервые устроил свой собственный мир, сравнительно защищенный от непосредственного натиска дикой внешней природы. Город стоял среди искусственного ландшафта из садов, полей и пастбищ, созданного... коллективным трудом предшествующих поколений по строительству плотин и оросительных каналов"².

Однако и город, несмотря на свои высокие и прочные стены, хорошо вооруженные отряды воинов и многолюдье, мог обеспечить лишь весьма относительную безопасность своим жителям. Большие богатства, собранные в городах-столицах их преуспевающими правителями, возбуждали зависть соседей – варварских кочевых племен и соперничающих городов-государств. И довольно часто вражеские армии успешно штурмовали городские твердыни, и тогда город становился братской могилой для всех его обитателей.

В целом, следует еще раз отметить, что для теоретической разработки проблемы раннего города особенно важны данные из первичных очагов городских цивилизаций: в Старом Свете – Месопотамия, Египет и др.; в Новом – Мезоамерика и Перу. Видимо, можно считать доказанным, что в этих первичных очагах цивилизации наиболее ранней формой территориально-политической организации раннеклассовых обществ явились города-государства ("номы") – т.е. крупный городской центр (столица) и его округа с рядом более мелких селений.

Структура типичного города-государства в доколумбовой Мезоамерике и на Древнем Востоке отличается поразительным сходством: метрополия и ее сельскохозяйственная округа, обычно не превышающая расстояния, которое может в среднем пройти за день туда и обратно пешеход – на удалении около 15 км от города.

Столица – основное политико-административное, культовое и хозяйственное ядро государства. Это, прежде всего, место пребывания правителя и его приближенных, а также храма главного городского божества и обслуживающего его жречества. Здесь же находились представители знати, чиновники, воины, торговцы, ремесленники. Однако основную массу городского населения составляли общинники, занятые разными видами сельскохозяйственного производства.

Большие и малые селения, входившие в округу столицы, политически зависели от нее. Они, как правило, копировали по своей структуре и планировке метрополию, будучи как бы ее уменьшенными копиями.

Развитие ремесла и торговли в древних городах достигло весьма значительного уровня. Однако профессиональный характер носили лишь внешняя торговля и те виды ремесла, которые обслуживали нужды правящей верхушки (производство предметов роскоши, культовых изделий, оружия). Многочисленные сельские общины продолжали во многом оставаться замкнутыми и самообеспечивающимися организмами.

Древнейшие города возникают первоначально в наиболее цветущих и

густонаселенных сельскохозяйственных областях – на плодородных землях, на удобных путях сообщения, вблизи источников воды и разного рода полезных природных ресурсов.

Ранний город, вероятно, происходит по прямой линии от бывшего племенного центра – места обитания вождя и расположения святилища главного божества племени.

В происхождении и развитии первых городов древнего мира важную роль сыграл институт царской власти: город – это, прежде всего, столица государства, местопребывание правителя и его двора. Царские дворцы, гробницы, храмы божеств – покровителей правящей династии во многом определяли внешний облик центральной части любого раннего города³.

Древний город выступает как продукт объединения (добровольного или насильственного) нескольких сельских общин, что хорошо отражено и во внутренней городской структуре (кварталы-общины). Типичный город ранней древности и в Старом и в Новом Свете наделен всеми признаками свободной самоуправляющейся общины. Сами понятия территориальной общины и города, в их терминологическом и фактическом применении, во многом тесно связаны между собой. Однако раннеклассовые цивилизации Месопотамии и Мезоамерики не знали резко выраженной противоположности между городом и деревней.

Ранний город отличался от деревни не столько экономически, сколько политически. Под городом обычно подразумевалось центральное поселение, урбанизированное ядро, политико-административный, культурный и хозяйственный центр нескольких сельских общин. Он владел определенной территорией, являясь в то же время и государством.

Все ранние города Месопотамии и Мезоамерики были первоначально **п о л и ф у н к ц и о н а л ь н ы**, им принадлежали функции: политико-административная, идеологическая (религиозная), хозяйственная (в том числе и торгово-ремесленная), военно-оборонительная (город-убежище). Монофункциональных городских центров для древнейших этапов урбанизации вообще, видимо, не существовало.

Профессиональные ремесло и торговля (последняя – преимущественно на дальние расстояния) в этих городах действительно существовали, но они обслуживали, прежде всего, интересы правящей элиты и были тесно связаны с ней. Известно, например, что большую часть товаров для обмена профессиональные торговцы ацтеков (так называемые "почтека") получали непосредственно из кладовых дворца правителя ("тлатоани"). Но основную массу городского населения составляли работники, связанные так или иначе с сельским хозяйством.

Несмотря на значительные различия в планировке древнейших городов даже в пределах доколумбовой Мезоамерики (например, правильная, "крестообразная" планировка вдоль прямых, перекрещивающихся под прямыми углам улиц и, с другой стороны, – хаотичная, усадьбно-дворовая система застройки: Теотихуакан в долине Мехико и классические города майя в Северной Гватемале и Южной Мексике), все они имеют одни и те же характерные черты: дворец (дворцы), храм (храмы) и жилища элиты намеренно выделены из общей городской застройки тем или иным способом (искусственные и естественные возвышения типа "акрополя", стены,

рвы, валы) в особый престижный или "священный" район, участок, квартал.

Внешние укрепления имеются, как правило, в городах и Месопотамии и Мезоамерики. Правда, в последнем случае они встречаются не всегда и не везде. Например, в классическом периоде (I тыс. н.э.) в зоне майя внешние укрепления вокруг территории всего города возводились не часто, хотя административно-религиозный центр был, так или иначе, защищен всегда ("акрополь", ров, стена).

Учитывая то, что весьма архаичные формы городской жизни, стадияльно сопоставимые с шумерскими, дожили в Мезоамерике вплоть до прихода европейцев в XVI в. н.э., мы можем использовать все богатство и разнообразие имеющихся там источников для сопоставления с аналогичными процессами урбанизации в Старом Свете.

¹ Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (по материалам Ура) // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973. С. 31–32.

² Childe V.G. What happened in history. L., 1960. P. 75.

³ Гуляев В.И. Города-государства майя. М., 1979. С. 283.

ГОРОДСКОЙ ФЕНОМЕН В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В III–I тыс. до н.э.

Н.Б. Янковская

На одном из семинаров по теоретическим проблемам, которые любят устраивать археологи видимо, в виду особой трудности раскрытия немого материала раскопок, Ю. Андреев, возражая на утверждение О. Большакова и В. Якобсона, что город является кумулятивным центром по преимуществу, сказал, что в таком случае он не видит разницы между городом и разбойничьим станом. На что И.М. Дьяконов полушутя ответил, что ее и нет. Пожалуй, он прав относительно военно-административных центров от которых, если они были потребителями по преимуществу, как правило, значительных городищ и не остается. Зато документация их, если они были крупными распределительными центрами, весьма обстоятельна. Иное дело, крупные ремесленно-торговые центры, почти всегда безмолвные или слабо документированные – в меру связи с центром, если таковой держал их под своим контролем. Но это очень мощные телли, таким был Телль Тайя¹ в северной Месопотамии, который долго принимали за средневековый город – на поверку он оказался досаргановским, т.е. доаккадским (III тыс. до н.э.).

Я вполне солидарна с Э.В. Сайко, рассматривающей город как центр, кумулирующий и интегрирующий общепроизводственный потенциал общества и реализующий ремесленно-торговую сферу экономики². Развивая специализацию ремесел и внешние рыночные связи город получал

прочное положение в экономике обширной части ойкумены, значительно шире каких бы то ни было политических границ. Так с образованием державы ШамшиАдада в северной Месопотамии связи городов стали стремительно сужаться³. Расширение круга партнеров было реально при одном обязательном условии – надежности участников дела. Всякое ущемление свободы предпринимательства встречало ответное противодействие городской торгово-ремесленной среды. Равновесие между этими разнонаправленными силами и есть главная задача любого нормально развивающегося общества, но в абсолюте оно недостижимо ввиду подвижного состояния производства и обращения и перевеса то в одну то в другую сторону. С усилением противостояния этих разнонаправленных сил потери могут быть колоссальны и компенсируются они с перемещением центров крайне медленно, легко впадая в апатию.

Из множества возможных примеров, я выбрала сюжеты, связанные с Саргонидами III и I тыс. до н.э.

Фигуру Саргона ассирийского французский ученый Жан Боттеро связывает с появлением ассирийской версии эпоса о Гильгамеше, известного нашим читателям в блистательном переводе И.М. Дьяконова⁴. В уникальном письме Саргона ассирийского, адресованного богу Ашшуре, имеется вставка из эпоса о Гильгамеше – так что связь этой фигуры с героем осознавалась современниками совершенно несомненно. С Саргоном и его последователями хорошо увязывается тема развития взаимоотношений центральной власти и ее постоянных оппонентов – городов, которые, однако могли быть и опорой режима и представителей которых власти приходилось брать под защиту. Во всяком случае, если предположение о возможном соединении в эпической традиции образов Саргона аккадского и Саргона ассирийского верно⁵, то выступление последнего по просьбе купцов (городской по своей сущности группы населения), находившихся в Малой Азии, против некоего Нур-Даггала возможного правителя упоминаемого в списке из архива Тель-Эмарны города Пурусханда (находящегося в глубине полуострова, куда по имеющимся данным не доходили аккадцы) – достаточно интересное и важное свидетельство взаимодействия оппонентов. В то же время правители Старо-ассирийского периода (XX–XVIII вв.) имели дело с достаточно прочной городской общиной, в частности в Ашшуре, где был свой совет, которому принадлежала административная (и возможно, судебная) власть. В данном случае важно отметить, что правовые принципы составляли предмет особой заботы городов, и в своем противостоянии центральной власти города отстаивали жизненно важные для них права. Закрепление Ассирии в роли великой державы состоялось при Тиглатпаласаре III, который реорганизовал армию и упорядочил сбор дани. Именно при нем едва ли не первый пророк, Осия, произнес сакральную формулу, постоянно всеми цитируемую по сей день, как "милости прошу, а не жертвы". Занявшись рассмотрением вопроса о том, что и как разумелось под словом "милость"⁶, помня о том, что именно Осия противопоставил ее жертве – универсальному для того времени приему погашения зла, я нашла этот стих у пророка (гл. 6:6) и обнаружила, что там совсем не то слово, которого я ожидала. Там стоит образование от глагола *хасида*, что

значит "быть праведным". Обратясь к более архаичной арабской лексике на этот корень, я выяснила и какого рода рвение подразумевалось: между прочим, "учить коран наизусть". Тем самым мне представилось совершенно очевидным, что Осия имел ввиду рвение в исполнении моисеевых заповедей. Тех самых десяти, которые по сей день являются поведенческими аксиомами для любого человека, сознающего обязанность внутренней ответственности перед Богом, которая цементирует общество, выводя его из состояния нравственной дезориентации.

Как обстояло с этим во времена Саргонидов I тыс. до н.э. великолепно покажет нам анонимный текст, опубликованный И.М. Дьяконовым⁷. Ключевой фразой текста является вводная: "Если царь права не чтит – люди его возмутятся, страна его опустеет". Какого рода право имелось ввиду легко установить из перечня трех городов, подвергшихся утеснению: Сиппар, Ниппур и Вавилон. Выдвижение на первый план Сиппара уникально – особенность его в том, что это единственный город Двуречья, который назывался карумом, т.е. был самоуправляющейся торговой пристанью (управляемой коллегией). Богом Сиппара был Шамаш, Солнце, судья Небес и Земли. Богиней при нем почиталась Айя, отождествленная с Малой Колесницей (Малой Медведицей) и чтилась она как его "невестка" (каллātум) – другими словами, по нашему мнению – супруга очередного эпонима-казначея торговой общины. В Законах Хаммурапи поминается ее гробничка – как ее святылище. Тем самым, очевидно, подчеркивается ее связь с культом предков. Как закатное солнце – явление бога домашнего очага⁸. Сиппар представлял синойкию нескольких поселений, в том числе двух аморейских: Яхрурум и Амнанум. Видимо, торгово-ремесленных, судя по тому, что через весь текст непрерывно поминается бог Эйя – Мастер. О нем один из угаритских текстов говорит, что он пришел из Хикупту⁹, т.е. Мемфиса, и тем самым тождествен Птагу, начинающему жизнь всего – в такой роли выступает Эйя (Энки) и в шумерской поэме о нем. Чрезвычайно интересен и новый сбор материала о нем, представленный А. Аркирки из хеттских источников, где он отвечает и за возведение стен дома¹⁰. Домашняя суть его крайне важна, т.е. само влажное полугодие – тропа Эйи, начинается с самой долгой ночи (см. ниже), как наши новогодние сугубо домашние праздники. Также аморейским по происхождению является и третий город рассматриваемого текста, Вавилон. Шестой царь аморейской династии этого города, Хаммурапи, продлил жизнь династии на полтора века введением законов, корректирующих, несомненно, обычное право и поэтому многие вопросы, оставляющие без внимания. В связи с чем юристы отказываются признавать их кодексом прав. В верхней части стелы законов Хаммурапи предстоит богу Сиппара Шамашу, держащему в своих руках знаки благоденствия людей: мерный локоть для одежды и веревку для обмера жилья, как считал Торкильд Якобсен. Трансформация этой бытовой символики в знаки власти над судьбами людей вполне уместна в ряду архаических понятий, всегда конкретных. Ту же символику Иштар держит в каждой из рук там, где она является главным божеством, как это было по всем загрским предгорьям. Эту власть над обоими мирами ассирийская держава отдаст безбрачному Ашшуру

(*шарра матен*: солнечный диск в лунной ладье)¹¹. Второй город упомянутый в анонимном тексте публикации И.М. Дьяконова – это Ниппур, город писцов, где почитался Энлиль – хозяин 50-ти ветров. Самая жизнь, которую именно он вкладывал в любую тварь – это *напишту* "дышок"¹². Первое, засушливое полугодие было тропой Энлиля, судя по календарю деловых людей¹³, в котором учитывалось только светлое время суток, начиналось с самых долгих дней, посвященных Таммузу (дней Иоанна Предтечи – во втором квартале года, посвященных Иштар, который открывался днями осеннего равноденствия, она жертвует голову героя за свою¹⁴, чтобы иметь право вернуться из Преисподней). Ниппур никогда не был административным центром, но именно там получали образование мудрецы и советники царей. Перед Энлилем и Эйей один раз упоминается и бог Ану (Небо – общее для всех!), который в этой триаде великих богов в "своем совете упрочит свободу". Это ответ на повинности возложенные на эти три свободные прежде от них города (в том числе изъятие фуража для войска).

Иммунитет от всех поборов всегда был привилегией храмов и канишские торговцы, попадая в критические положения, пользовались своими связями с малоазийскими храмами, но с большой осторожностью. Здесь же видимо, храмы были столь значительны и на своей исконной земле: что привилегии их распространялись и на ремесленно-торговую округу собственно города при этих храмах.

Обратясь к истории Саргона Древнего, напомним, что образованию его державы предшествовало постепенное откочевывание жителей южного Двуречья в значительно менее плодородные, но свободные от поборов предгорья северной Месопотамии, где образовалось значительное ожерелье городов, среди которых был и Телль Тайя, о котором говорилось выше. Походы Саргоны Древнего посвящены разграблению этих городов и уничтожению наиболее упорно сопротивлявшихся, как показывает археология и самые тексты Саргона¹⁵. Текст "Проклятия Аккаду" – центру Саргона Древнего и сам факт отсутствия по сию пору отождествленного с ним телля – свидетельство катастрофического результата противостояния. Однако есть текст и "Похвалы Аккаду", но составленный по-шумерски¹⁶, т.е. на языке введенном следующей династией. Главный устроитель этой следующей династии Шульги (имя которого значит "герой"), никогда более не повторяется в репертуаре царских имен – свидетельство крайней непопулярности. Правил он более полувека и в конце своей жизни в 10 км от Ниппура был устроен накопитель жертвенного скота, Пузриш-Даган, очевидно, для гекатомб поминальных жертв, чтобы хворый царь смог быть принятым в загробном мире¹⁷. Такой же накопитель жертвенного скота был устроен Синахерибом, сыном Саргона ассирийского, совесть которого была отягощена тем, что он направил воды реки Тигр на Вавилон и уничтожил мятежный город. Но этот накопитель был устроен в 10 км от Ниневии – города посвященного Иштар Владычице Битвы, которой было посвящено созвездие Большой Колесницы (Большой Медведицы). Сенахериб был убит и сын его Ассархаддон больше года скрывался, не имея возможности занять место убитого. Только после договора с городами в

святилище Ашшур¹⁸ – главного казначейства страны, он был допущен к власти с условием восстановления Вавилона из средств, собранных в собственных военных походах, которые довели его до Египта. Так много значила круговая порука городов, которые иногда организовывали коалиции против избыточно активных царей – сборщиков дани.

В заключение текста писца-анонима, составленного по мнению И.М. Дьяконова в предворении расправы Синахериба с Вавилоном, сообщается, что "внук Эйи, бог Набу – писец храма Эсагилы... научающий царственности расторгнет договоры его страны ... и великие боги покинут свои святилища".

Колофон текста составлен от имени Ашшурбанапала и отмечает принадлежность текста его библиотеке, которую он собирал, предаваясь охоте в заповеднике, вместо воинских походов, последним из которых был в Эламе. Ашшурбанапал заложил кирпичем дверь из парадных покоев в деловую половину дворца, устранив тем самым от ее проблем. Едва протянув еще срок жизни одного поколения ассирийская держава распалась, уступив первенство Вавилону. На пиру Балтасара, последнего из царей вавилонской династии огненные слова "мене-текел-парес" в те времена бесхитростной древности, с нашей точки зрения, могли означать падение доходов казны, а с нею и царского престижа: "мина – сикль – доля сикля" – таковы наши сборы, а ты пируешь, не думая о нашей нищете. Это больше всего похоже на привычный жанр предуведомления. Совершенно очевидно, что во взаимоотношениях Саргонидов с городами (иногда очень жестких и жестоких) северной периферии Нижней Месопотамии находит отражение активное действие городского компонента в формировании исторической ситуации развития общества Передней Азии III–I тыс. до н.э. Городской феномен стал серьезным фактом истории.

¹ См. рец. Н.Б. Янковской в сб. в честь Б.Б. Пиотровского на "Fifty Years Discoveries in Iraq", 1932–1982. London s.u.

² Сайко Э.В. Формирование древнейших городов в становлении раннеклассового общества (методологические аспекты) // От доклассового общества к раннеклассовым. М., 1987. С. 177–198.

³ Jankowska N.B. Asshur, Mitanni and Arrapkhe. Early Antiquity / Ed. I.M. Diakonoff. Chicago; L., 1992. P. 228 sqq.

⁴ Дьяконов И.М. Вавилонское политическое сочинение VIII–VII вв. до н.э. // ВДИ. 1946. № 4. С. 41–53; (с частичной переработкой и учетом критики: Diakonoff I.M. A Babylonian Pamphlet from about 700 B.C. // AS.16. Chicago, 1965. P. 343–349.

⁵ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1988. С. 28–29.

⁶ Янковская Н.Б. "День спасения – день милосердия" (ûm etârim ûm ge'âlim) // Культура Востока: проблемы и памятники. 21–25 янв. 1992 г., сессия памяти В.Г. Луконина. Тезисы докладов.

⁷ Дьяконов И.М. Вавилонское политическое сочинение... С. 42, 45.

⁸ Jankowska N.B. The Non-formal Pivot Structures, in the Ancient Near Eastern Society. Leiden (in print).

⁹ Шиффман И.Ш. Культура Угарита. М., 1987.

¹⁰ Archi A. The God Ea in Anatolia // Aspects of Art and Iconography: Anatolia and its Neighbours / Ed. by Machteld J. Mellink, Edith Porada, Tahsin Özgüç. Ankara, 1993. P. 27 sqq.

¹¹ Lambert W. The God Aššur // Iraq XLV, 1983. P. 82–86.

- ¹² Дьяконов И.М. Люди города Ура. М., 1990.
- ¹³ Pingree D., Reiner E. A Neo-Babylonian Report on Seasonal Hours // Archiv für Orientforschung. Bd. XXV. 1974–1977. P 50–55.
- ¹⁴ Афанасьева В.К. Формула "голову за голову" – "Предание, этимологический миф и мифология в шумерской литературе" // Вилперовские чтения. 1985 г. Музей изобразительных искусств. М., 1988. С. 35.
- ¹⁵ Афанасьева В.К. Аккадские правители в шумерском эпосе. Саргон Древний // ВДИ. 1989. 2. С. 3–13.
- ¹⁶ Там же. С. 4.
- ¹⁷ Подробно в дисс. Akio Tsukimoto (Japan). Untersuchungen zur Totenpflege in alten Mesopotamien. 1980 s.u.
- ¹⁸ Parpola S. Neo-Assyrian Trites from the Royal Archives of Nineveh // JCS. 39/2. 1987. P. 161–183.

ГОРОД НА СТЫКЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА ВО II–I тыс. до н.э. (Акрополь как центр и связующий компонент)

Н.М. Никулина

"Город, стоящий на вершине горы,
скрыть невозможно".

(Евангелие от Матфея, 5, 14)

III–I тыс. до н.э. – важнейший период в истории цивилизаций, эпоха активного становления города как жизненно важной, всеобъемлющей структуры, определяющей поступательное развитие общества. Разные территории дают нам разные варианты этих структур, однако, существуют некоторые объединяющие моменты, характерные для всех территорий. Они определяют специфику формирования города как социокультурного целого на исторически определенном этапе развития общества. Одним из таких связующих моментов являются древние акрополи, выполняющие роль городского центра.

Древний город – это не только среда обитания, не только социально-политический, экономический и культурно-исторический центр, связанный с какой-то определенной цивилизацией, территорией и этносом. Древний город – это своего рода живой организм, растущий и развивающийся во времени. Он обладает собственной судьбой, характером и неповторимым обликом. Город есть некий субъект. Он подчинен и не подчинен законам своего времени, живет по каким-то другим, надвременным законам, имеющим общечеловеческое значение и смысл. Соотносимы они только с представлениями о космосе и мироздании.

В мифопоэтическом сознании древних, город есть и творение божества, т.к. создается с его участием и по его замыслу, и одновременно – его атрибут, его воплощение. Вспомним известные слова из Нагорной проповеди: "Не клянитесь ни небом, потому что оно – престол Божий, ни землей, потому что она – подножье Его, ни Иерусалимом, потому что это город великого Царя" (Евангелие от Матфея, 5, 34, 35).

Идея небесного архетипа, отраженная христианской традицией (рассказы о Земном и Небесном Иерусалиме, лучший из которых в Апокалипсисе), запечатлена и в памятниках древневосточной письменности (свидетельства о вавилонских городах, сами названия древних городов, например, Мемфиса, который по-египетски – Хе-Ку-Пта, а в переводе – "Крепость духа Пта"). Даже идеальный город Платона, воссозданный им в его "Государстве" предполагает некий внеземной прототип (Федр, 247, 250).

Разговор об архетипе и божественной природе¹, кажущийся порой умозрительным, оторванным от исторической реальности, на самом деле, имеет вполне объективное обоснование, ибо город, действительно, обладал космическими связями, и это теперь научно подтверждается.

Город, как всякое поселение и всякое святилище не мог возникнуть на любом свободном месте. Такой произвольный выбор был бы противоестественен для людей III, II или I тыс. до н.э., для людей, чувствовавших свою неразрывную связь с силами природы. Религия была стержнем всех древних цивилизаций, магические представления и обряды, сложившиеся на их основе, имели исключительное значение и смысл в жизни этих обществ. Для поселения выбирали совершенно определенные участки земли, не просто отвечавшие основным человеческим потребностям, но и обнаруживавшие наиболее плодотворные связи с силами природы. Отсюда максимальная функциональность этих участков и неперемнная сакральная их значимость. Как выясняется теперь, это были зоны повышенной положительной биологической активности, некие эпицентры позитивного природного воздействия – места особой концентрации созидательной, а не разрушительной энергии. Не случайно, что находились эти участки чаще всего на возвышенностях и вблизи крупного источника воды, открытого или скрытого, подземного.

Даже исчезнув с лица земли, город всегда оставляет свой след. Это не только след в памяти людей и в древних источниках, но и след на самой ее поверхности. Многие из них так и остаются душой и символом древних цивилизаций (Мемфис, Фивы, Вавилон, Ниневия, Иерусалим, Афины, Рим).

Древний мир, при всем своеобразии и различии культур его составляющих, конечно, представляет собой единую, сложную, взаимосвязанную во всех своих частях систему, где каждое звено – лишь участок длинной и прочной цепи. Восток смыкается с Западом, а Запад с Востоком, даже Юг и Север, Старый и Новый Свет начинают сокращать свой дистанционный разрыв.

Разумеется, город III, II и I тыс. до н.э., независимо от места и положения им занимаемого, – явления разного порядка. Существенные изменения в области экономики и социально-политического устройства древнего общества, изменения в области идеологии, обусловленные этими сдвигами и сами вызвавшие многие из перемен, накладывают заметный отпечаток на то, что связывается у нас с понятием "древний город". И все-таки, несмотря на различие этих структур для разного времени, многие древние города обнаруживают удивительно устойчивые связи и общности. Прежде всего, это, конечно, генетические связи, но кроме того, –

обусловленные долгими контактами, сложные и повторяющиеся сочетания традиций в пределах разных культур и сходные направления в развитии, вызванные близостью религиозных идей и представлений.

Как отмечалось, важной темой в изучении города как сложного и органичного целого является тема городского центра. Именно он служит узловым моментом в архитектурно-планировочном замысле, исчерпывающе полно выражает религиозно-символическое значение и смысл этого целого. Городской центр является связующим между прошлым, настоящим и будущим в истории данного народа, культуры. Для многих древних городов, тема центра непосредственно связана или прямо соотносится с понятием "акрополь", которое, как известно, имеет и узкое, и гораздо более широкое толкование.

Понятие "акрополь" связано не только с собственно греческой культурой, – хотя по своему происхождению слово греческое. Акрополиς (ἀκρόπολις) – что в переводе значит – город на горе, или укрепленная верхняя его часть – по существу является тем, что у других народов получило позднее название "вышгород", "кремль", "цитадель". Конечно, это понятие прежде всего соотносится именно с греческой историей, с религиозной и общественной жизнью полиса, с греческим строительным делом и архитектурой, но одновременно оно связано и с историей всего Средиземноморья, с историей Эгейского мира, Древней Анатолии, Передней Азии. Не случайно, этим понятием пользуются все археологи, историки культуры и искусства, занимающиеся разными районами и периодами в жизни Древнего мира².

Как устойчивое словосочетание и сложное слово греческое ἀκρόπολις появилось довольно поздно. Оно фиксируется в греческом языке только с конца Гомеровского периода, с конца VIII в. до н.э., и поначалу, видимо, не имеет широкого распространения. У Гомера оно встречается один единственный раз в известном месте VIII песни "Одиссея" и используется, как считают, в том же смысле, что и само слово πολις или сочетание πολις ἀκρη которые мы находим в Иллиаде (Jl. XVII, 328; XXII, 383 и сл.). Заметим, что Ахейско-Микенское и собственно греческое сочетаются и в языке, и в формирующихся религиозных представлениях, культах богов³.

Греция Гомеровского периода, как и Греция Микенская, или Ахейская, знает два вида поселений, которые условно можно назвать поселениями протогородского характера. Древнейший из них – это поселение по склонам холма, поселение типа "телль", известное по всему Средиземноморью и Передней Азии (особенно в эпоху энеолита и ранней бронзы). Второй тип поселения, не менее древний, чем первый, связанный с Анатолией, Средиземноморьем и Юго-восточной Европой, – поселение у подножья холма, поселение типа "посада". Именно оно и имеет особо укрепленную вершину холма, оформленную в виде крепости. Сам же холм, – в этом случае, как нетрудно заметить, и более высокий, и более каменистый, – также выступал в качестве защиты и преграды.

Выделенный стенами участок на вершине холма, где находились издревле особо важные в культовом и общественном отношении сооружения (дворцы правителей, дворцово-культовые комплексы, включав-

шие святилища, официальные, хозяйственные и жилые помещения), был, и в поселениях 1-го, и в поселениях 2-го типа. Однако, в последних он явно гораздо сильнее акцентирован. В результате, складывается система особых, совершенно иных, пространственных и временных, координат, система иных отношений между самим поселением – протогородом и центральной его частью. В поселениях типа "телль" священный участок укреплен не столько стенами и возвышением платформы (если она есть), сколько живым кольцом жилых построек, т.е. самим поселением. Одновременно оно может иметь и общие внешние стены. Иное дело, в случаях с акрополем, в поселениях типа "посада". Здесь священный участок сразу же превращен в настоящую крепость. Вместе с холмом он составляет неприступную сакральную зону. Она не соединяется с самим поселением, наоборот, – вычленяется из него, возносится над ним. Данное место особо укреплено, потому что оно священно, а, являясь священным и хорошо укрепленным, служит убежищем для определенной общности людей. Доминирует поначалу именно защитно-сакральная функция акрополя, общественная значимость этой части городского комплекса пока лишь подразумевается. Она до конца не осознана и не выявлена в греческих акрополях VII в. до н.э. Следует обратить внимание на то, что внешняя стена в таких поселениях чаще всего отсутствует, и это понятно. Легче надежно укрепить малую территорию, чем большую, тем более, что природные условия этому содействуют. В качестве примера ранних акрополей можно назвать верхние сооружения и укрепления в самих Афинах, в древнейшей Смирне, поселении Эмпорио на острове Хиос.

Акрополь в нашем его понимании – творение греческой культуры несколько более позднего времени, эпохи зрелой архаики, VI в. до н.э. В это время под данным понятием подразумевается уже не только определенный тип инженерного и архитектурного сооружения, имеющего оборонительное назначение, но и определенный тип культового, религиозного и общественного в своей роли комплекса, включающего несколько связанных в своей последовательности частей. Это торжественно оформленный вход, через который поднимается вверх священная дорога, храмы полисным богам, среди которых уже выделен главный, а также целый ряд небольших сооружений, соединяющих в себе общественное назначение и религиозную функцию (монументальные алтари, сокровищницы, вотивные статуи и т.д.), К VI в. до н.э. резиденция правителя уже утратила свое значение на акрополе. В Афинах остатки микенского дома правителя датируются Позднеэлладским периодом, а аналогичной постройки Гомеровской и раннеархаической эпохи – концом VIII–VII вв. до н.э. Акрополь и агора, изначально довольно близкие в своих функциях как место общественного схода в этот ранний период к VI в. до н.э. уже полностью обособились друг от друга⁴. Если полис имел две агоры (как это было в Милете и некоторых других центрах), удалена от акрополя как раз та из них, которая имела сугубо коммерческие функции.

Акрополь в зрелоархаический период – это особо почитаемая святыня данной общины, данного полисного объединения. Это по-прежнему хорошо укрепленный "верхний город", в пределах которого находится

основной полисный храм. Он поднят над прочей городской застройкой самым холмом и является магическим центром формирующегося городского ансамбля. К нему устремлены главные магистрали, стягиваются другие направления. Акрополь мог и не быть геометрическим центром городского комплекса, но всегда был его духовным центром.

При сохранении защитной функции акрополь начинает приобретать все более усложняющуюся посвященческую функцию, а вместе с ней, – особую общественную и политическую значимость.

В VI в до н.э. во всех греческих акрополях появляются масштабные ордерные сооружения, крупные каменные храмы периптериального типа (в Аргосе, Коринфе, Фивах, Милете, Сиракузах, Селинунте и проч.)⁵ – дорические в самой Греции и на Западе, в Великой Греции, выстроенные в основном из известняка, и ионические, из известняка и мрамора, в восточных районах греческого мира, на островах Эгейского моря и побережье Малой Азии.

Крупнейшим из архаических храмов на Афинском акрополе был, как известно, так называемый Гекатомпедон – "Стофутовый" храм, посвященный Афине и Посейдону. Он был возведен к середине VI в. до н.э. и богато украшен полихромной скульптурой, особенно интересной во фронтонах. Облик деревянных пропилей на афинском акрополе можно представить себе, глядя на вазописные воспроизведения аналогичных построек в греческих чернофигурных вазах VI в до н.э.⁶

Важно отметить еще и то, что планировочные решения акропольских комплексов в этот период только начинали обретать черты большей регулярности. Будучи, как правило, разновременными, постройки архаических акрополей по-прежнему подчинялись в основном свободно-живописному принципу в своем размещении.

То, что лучшие из акропольских комплексов в VI в. до н.э. имели связь с какими-то конкретными историческими индивидуальностями, уже не вызывает никакого сомнения, хотя такой культурологический и исторический ракурс для нас не совсем привычен. Для Афин, например, нельзя не отметить в этой связи исключительной роли Писистрата. Он заботился о процветании Афин и аттического государства, способствовал интенсивному развитию земледелия, ремесел, торговли, всячески покровительствовал науке и искусству. Никогда до него не был так значим в этом полисе культ богини Афины, именем которой в древности был назван сам город⁷.

Меняющиеся взаимоотношения между полисом, городом – государством, и его центром – акрополем – момент очень важный, свидетельствующий о новом, более высоком этапе в развитии духовной культуры этого общества. То же можно сказать и о других древних цитаделях, в известном смысле корреспондировавших с греческими акрополями. Эти акрополи-цитадели находятся на достаточно удаленных друг от друга расстояниях, в Средиземноморье и Передней Азии, однако, развитие типологии всюду происходит примерно так же, как в Греческом мире. Вспомним цитадели в Древней Индии в III тыс. до н.э. (Хараппа, Махенджо-Даро), цитадели у хеттов и хурритов во II и I тыс. до н.э. (Хаттуса, Нуза, Эребуни), у семитов (Иерусалим, Иерихон), у греков-ахейцев, (Микены,

Тиринф, Фивы, Афины), у малоазийских народов, ликийцев, лидийцев, карийцев также во II и I тыс. до н.э. (Ксанф, Галикарнас). От крепости, защищаемой богами-покровителями – к святыне, или посвятившему комплексу, находящемуся в пределах этой крепости, а затем – к самому "небесному городу" – архетипу, воплощенному в классически совершенных формах архитектуры, т.е. к более сложному ансамблевому решению – таков этот путь развития, итог которого так блистательно воплощают постройки Афинского акрополя в V в. до н.э.

Культе горы (естественной, созданной самой природой, или рукотворной) в той или иной форме существовал у всех древних народов: и в первобытных обществах, и в первых цивилизациях⁸. Гора, пирамида, зиккурат – явления одного порядка. В сознании людей архаического этапа место, так явно выделенное из всего окружающего, – священо. Священо потому, что оно есть место соединения Земли и Неба, место наиболее частого пребывания божества, где особенно уместно строительство его жилищ – храмов и пребывание правителя – лица, наделенного божественной властью. Вместе с тем, гора – не только место приближения Земли и Неба, Земного и Небесного мира, но и место, где сходятся Земной и Подземный миры. Сами города и их цитадели (у греков – акрополи), как уже отмечалось, создавались нередко в местах выхода подземных вод, что символизировало эту связь. Так было и в Афинах, где на акрополе существовал полусоленый источник (Klepsydra) и расщелина, из которой он выходил. Этот участок, особо почитался даже в эпоху классики, в V и IV вв. до н.э. Известно, что древний Вавилон отразил это даже в самом своем названии – bâb – apsi(apsû) – "врата апсу", где "апсу" – бездна, или воды хаоса, царившего до Сотворения мира. Иерусалимская скала тоже имела выход подобного источника ("tehom" – это бездна, что почти идентично вавилонскому "apsû")⁹.

Священная борозда, которую прокладывали вокруг территории, предназначенной для будущего города ("верхнего города" – в том числе) всегда обозначала границу соприкосновения подземных сил с земным миром (римское *mundus*). По своей идее – это обряд превращения Хаоса в Космос, как писали об этом М. Элиаде и др. авторы¹⁰. Не случайно поэтому, что стены цитадели всегда оставались священными и сохраняли имена своих создателей (в Афинах – это "Пеласгикон", южная "Кимонова стена" и северная – "Фемистоклова").

То, что с подземным источником, выходящим наружу, в разных мифологических традициях нередко бывал связан образ Змия, символизирующего побежденный Хаос и мир подземных сил, вполне оправдано. Космос, силы Небесного мира, побеждают Хаос, и Великий Змий служит им, являясь охранителем города или цитадели. Он подчиняется Небесным богам и соединяет все три мира.

Гора есть символ творения и некий центр мира, к которому устремлены взоры смертных. Можно говорить о главном таком символическом центре для целой культуры и одновременно – для отдельных территорий. У всех греков это Олимп – место пребывания основных богов, на каждой конкретной территории – это свой мифологический центр, некое подобие Олимпа. Не случайно, у греков, существовало даже несколько Олимов,

но почитался особо – один-единственный. Акрополи выступают в роли таких центров. Древние цитадели, существовавшие с героических времен на высоких городских холмах, становятся в VI в. до н.э. и религиозными центрами, и центрами всей полисной культуры имеют значение композиционного архитектурного центра, организующего городское пространство.

Только Материковая, континентальная Греция дает нам многообразнейший ряд образцов греческих акрополей (Микены, Аргос, Азине, Мессена, Коринф, Калидон, Плеврон, Афины, Фивы, Орхомены, Гла, Птойон, Филиппес, Пелла). Однако, помимо основных территорий на Балканах были и другие в обширном Эллинском мире. Есть еще острова Эгейского моря, которые также дают интереснейшие варианты акрополей (Эмпорио на Хиосе, Линдос и Камирос на Родосе, Книд, Кос и др. центры), есть очень важные полисы на побережье Малой Азии (крупнейшие из них Милет, Эфес, Смирна, Пергам, Приена), есть города на землях соседних малоазийских областей, развивавшиеся в тесных контактах с Греческим миром и строившиеся по существу по греческому образцу (Галикарнасс, Алабанда, Ксанф, Эноандра и др.), есть центры Великой Греции (Гела, Сиракузы, Кумы, Тарент, Селинунт, Кротон, Акрагант) и, наконец, есть города этрусков, акрополи которых тоже корреспондируют с греческими, отражая общую с ними очень древнюю, эгейско-малоазийскую строительную традицию (Вольтерра, Мурло, Тарквиния, Ветулония, Марцаботто, Вульчи, Вейи).

Каждый из перечисленных акрополей (как и каждый полис) представлял и представляет собой сейчас нечто особое, весьма индивидуальное, в силу определенного сочетания совершенно-специфических природно-исторических условий, условий религиозного и архитектурного развития.

Генетическая, языковая близость и объясняемая этим близость религиозных и культурно-художественных традиций несомненно объединяют эгейскую (микенскую) и собственно греческую цивилизации, – вопреки всем существующим противоречиям, реальному историческому разрыву и тем локунам, которые существуют в наших знаниях об эпохе.

Преемственность микенских поселений и протополисов геометрического (Гомеровского) периода, удачно иллюстрируемая анализом конкретного археологического материала¹¹, подтверждается и материалом греческих акрополей.

Все известные нам и особенно значительные по своему месту греческие акрополи имеют не просто следы эгейского (микенского) периода. Они неразрывно связаны с ним наличием вполне определенных участков древних стен. Участки так называемых циклопических кладок обнаружены теперь почти повсюду (в Аттике, на Афинском акрополе они позволяют наметить первоначальную линию пеласгийской окружной стены). Чрезвычайно интересно то, как греки архаического периода относятся к этим архитектурным остаткам. Именно с этого времени они не только начинают чтить их как святыню (мы уже говорили о священном значении стены вообще и стен на акрополе), в зрело- и позднеархаический период они предпринимают первые попытки серьезных реконструкций и рестав-

раций, о чем мы можем говорить теперь абсолютно уверенно. На Акрокоринфе специалистами хорошо фиксированы "псевдомикенские" циклопические кладки, датированные VII–VI вв до н.э., то же можно сказать о Кадмеи в Фивах. Сакрально-защитительная и собственно религиозная, посвятельная функция акрополя получают в результате особый политический резонанс, что важно для понимания роли акрополя на следующем, классическом этапе греческой истории. Важно это и для истории художественной культуры, где в ранний период чрезвычайно трудно проследить прямую преемственность микенских традиций. Чтились не только священные, древнейшие участки стен (существовавшие, как бы со времен Творения, со времени Оно), но и найденные близ них и в древних некрополях произведения эгейского искусства. В VI и V вв. до н.э. отдельные мастера и мастерские, видимо, копировали эти произведения, — случаи этого известны и в области вазописи, и в области глиптики¹².

Что касается моментов чисто технических, строительных, конструктивных в связи с греческими укреплениями на акрополях, то здесь можно говорить и о бесспорной преемственности, и о бесспорном новаторстве (переход к регулярной кладке, более сложная система крепления блоков, усиление подпорных, защитных элементов и т.д.). Циклопические укрепления, которыми пользовались при строительстве известных микенских цитаделей (Микены, Тиринф, Аргос, Орхомены, Фивы) обнаруживают самую непосредственную связь с памятниками древней Анатолии, которая считается родиной самой этой техники и сооружений такого типа. Здесь, на территории Малой Азии техника циклопических кладок использовалась еще в XVII–XVI вв. до н.э. Не нужно быть специалистами — историками архитектуры, чтобы увидеть это при сравнении каких-то конкретных сооружений, например, укрепленных стен Хаттусы или Эюка и древних Микен, подземного хода и "казематов" в Хаттусе или других хеттских цитаделях XVI–XIV вв. до н.э. и сходных частей в крепости Тиринфа, датированной XIV–XII вв. до н.э. Это одна строительная традиция, один подход к решению архитектурных задач, один архитектурный тип.

Не будем касаться сложных взаимоотношений между Хеттской державой и Ахиейвой (как бы мы ни представляли себе эту ахейскую общность), сложных взаимоотношений между древнейшими греками и пеласгами, жившими на Греческом Материке и в Анатолии, особенностей греческой колонизации VII–VI вв. до н.э., которая была вторичной по отношению к ахейской колонизации, отметим только, что мир древнейших греков и мир древней Анатолии, какими бы разными они нам порой ни представлялись и какими бы враждебными они ни казались, исходя из некоторых документальных данных, на самом деле, были мирами соседствовавшими и взаимодействовавшими. Памятники художественной культуры это подтверждают, и уйти от этого невозможно. В VI в. до н.э. греческая архитектура развивается вполне независимо, оригинально, но этот глубинный подтекст существует и при разговоре об акрополях, и при разговоре об ордерных постройках, в дорическом и ионическом их варианте.

Афинская акрополь V в. до н.э., акрополь классического периода, — к

счастью дошедший до нас в основных своих постройках, связан и с именем Перикла, и с целой плеядой выдающихся греческих архитекторов и скульпторов. Иктин, Калликрат, Мнесикл, Мирон, Фидий, Пэоний, Алкамен – все они создавали этот замечательный комплекс, архитектурно-пластический ансамбль, который по праву считается шедевром не только греческой, но и мировой культуры (рис. 7). Это и мемориальный комплекс, увековечивающий славу греческих побед в войнах с персами, и stolichный центр Афинского морского союза, который претендовал на особую роль в этом мире, воплощая идею единения греческих полисов и создания мощной державы¹³. Он – и символический центр, потенциально-главный акрополь Эллады, и существующий наяву божественный, небесный город – реализация чудесного мифологического архетипа. Он мыслился и строился именно как идеальный город, который должен стать духовным центром всей Греции. И он стал им.

Все постройки акропольского комплекса в Афинах как будто подчинены самому рельефу скалистого холма, неровностям площадки на его вершине (рис. 8). На самом же деле, как известно, за всем здесь лежит продуманный расчет. Принципы свободно-живописной и регулярной планировки совмещены в этом решении и взаимно обогащают друг друга. Это стало возможным потому, что осуществлялся единый архитектурный замысел, происходило одновременное строительство этого комплекса. Акрополи других греческих центров в основном не имели такой перспективы в своем развитии. Однако, повсюду, на всех акрополях, подобно афинскому, в V и IV вв. до н.э. происходит некоторая перегруппировка частей, концентрация комплекса. Не только особо выделяется главная культовая постройка, главный полисный храм, ему уже подчиняются все составляющие комплекса. Архитектурное решение приобретает более выраженную, чем в VI в. до н.э. центричность, собранность, компактность. Центростремительность композиции дает ему, как и греческой скульптуре классического периода, подчеркнутую монументальность, ясность и простоту обозримости. В архаический период центральная храмовая постройка выделялась масштабно, самим своим положением и местом, которое она занимала на акрополе. Теперь можно говорить о большей согласованности и функциональности всех частей, о гармонии целого. Это и определяется в истории архитектуры понятием "ансамбль". Таким образом, главным достижением классической эпохи применительно к акрополям был переход от архитектурного комплекса к архитектурному ансамблю. Это исключительно важно и может быть определено как высшая точка в развитии типологии акрополей.

Храм Афины Полиады-Паллады (Парфенон – более позднее название этого памятника, утвердившееся за ним по существу только со II в. до н.э.), – действительно, ключевая постройка на Афинском акрополе. Сравнительный архитектурный анализ всех акропольских сооружений демонстрирует главенствующее место Парфенона и строгую ориентированность комплекса на этот центр (Парфенон – Пропилеи Парфенон – храм Афины-Нике, или иначе, Нике Аптерос, Парфенон – Эрехтейон). В осуществлении ансамблевого решения помогала кроме того и подчиненность архитектурного целого идее панафинейского шествия, реально-

Рис. 7. Холм Афинского Акрополя и постройки архитектурного комплекса.

Рис. 8. Архитектурный ансамбль Афинского Акрополя. Парфенон и Эрехтейон.

го движения религиозной процессии, поднимавшейся и проходившей по акрополю, что отражалось и рельефами фидиевского фриза, снаружи по целле Парфенона за его колоннами. В этом греки как бы продолжали традицию древневосточных храмовых комплексов (в том числе и Персеполя – основного соперника Афин), однако они оранжировали эту тему процессуального развития по-своему, внося в ее исполнение ту меру свободы, жизненного правдоподобия и естественности, которая была вообще присуща их искусству в классическую эпоху.

Подобно переднеазиатским храмам и храмовым комплексам, греческие также всегда представляли собой экстравертную структуру, т.е. структуру, развивающуюся в основном во вне, а не во внутрь, как это было в интравертных древнеегипетских храмах. Следует сказать только, что этот принцип экстравертной развернутости у греков находит еще более полную и, может быть, более законченную форму архитектурно-пластического выражения. Это происходит благодаря широкому использованию наружных колоннад, очень богатому наружному скульптурному декору и введению в комплекс крупномасштабной скульптуры, которая дает ему еще один важный ориентир, по вертикали (вспомним о 9-тиметровой бронзовой статуе Афины – Промакос Фидия).

Статуя Афины-воительницы (в переводе – идущей впереди войска, сражающейся впереди) находилась на 3-метровом постаменте, так что высота ее достигала в общей сложности 12 м. Важно обратить внимание еще на один существенный момент – на ту роль, которая принадлежала важнейшему атрибуту в этой скульптуре – поставленному вертикально копью, обращенному вверх своим острием. По свидетельству древних, оно было видно издали, прямо от Пирейского порта. По своей идее роль этого копья была близка роли высоких сакральных шестов в храмовых и дворцово-культовых комплексах Древнего мира. Атрибут Афины, помимо прямого своего назначения, служил и неким космическим знаком – связующим между Земным и Небесным мирами. Заметим, что вселенский аспект есть и в трактовке скульптурных изображений на фронтонах храма Афины. Греческий храм не утрачивает прежнего своего высокого символического значения, но устанавливает, утверждает новую систему связей, ориентирующуюся не на абстрактный образ человекоподобного существа, а на вполне конкретную человеческую фигуру, ее пропорции. Усиление антропоморфизма характерно для всей классической архитектуры, для всего греческого искусства V–IV вв. до н.э. Человек во всем становится гораздо более действенным началом.

Считается, что идеальные города никогда не бывают построены: они так и остаются фантазией, мечтой их создателя. На самом деле, это не всегда так. При благоприятном стечении исторических обстоятельств подобные идеи все-таки могут быть реализованы, и Афинский акрополь – тому пример.

Стремление к универсальности, которое прослеживается в художественном стиле памятников Афинского акрополя, касается и самой архитектуры, и изобразительного искусства. В архитектуре всех акропольских сооружений – прежде всего, конечно, самого главного храма Афины (Полиады-Паллады) – Парфенона – наблюдается соединение двух

основных ордерных систем греков, дорической и ионической, что было необычно. Это совмещение и взаимодействие, которое вполне осознанно используется всеми работавшими здесь архитекторами, приводит не только к ансамблевости данного решения, оно рождает совершенно новое качество, открывает новую эпоху. Некий синтез лучших достижений классической эпохи можно отметить и в изобразительном искусстве, в области скульптурного декора и монументальной живописи (хотя о ней мы знаем только по описаниям древних авторов). За этим стремлением к универсальности, даже нормативности, в искусстве – не только претензия Аттiki на лидерство в Греческом мире, – что имело важное значение, – но и отражение более глубинных процессов исторического развития.

Уже к концу V – рубежу V и IV вв. до н.э. греческая полисная система вступает в период нарастающих трудностей, сталкивается с множеством противоречий. В IV в. до н.э. они ощущаются еще сильнее. О подлинном кризисе полиса говорить еще рано (он произойдет по существу только во II в. до н.э., в эпоху позднего эллинизма), однако, явная неудовлетворенность перспективой хорошо просматривается (особенно после Пелопоннесских войн). Неслучайна поэтому та парадоксальная ситуация, при которой самый передовой из греческих полисов – Аттика, с ее демократическим устройством, лелеет мечту о могущественной державе – крупном объединении многих греческих центров. Консолидация – главная политическая идея этой эпохи, которая уже не совместима с основными принципами существования и развития совершенно независимых полисных государств. В этой связи исключительная политическая роль Афинского акрополя тем более понятна.

Значительное усиление общественно-политической роли греческих акрополей и явное ослабление защитно-посвятительной их функции – та особенность, которая так характерна для эллинистическо-римского периода. Повсюду наблюдается расширение территорий акрополей за счет строительства разного рода общественных или культово-общественных сооружений (театров, одеонов, гимнасиев, стадионов, булевертиев и пр.). Компактные, четко спланированные классические акрополи постепенно утрачивают прежние свои очертания, их постройки спускаются вниз по склонам холмов, приближаясь к городской застройке (акрополи Пергама и Приены особенно показательны в этих своих изменениях). Эллинизм содержательно меняет образ греческого акрополя, как меняет и образ самого города. Акрополь по-прежнему укреплен и по-прежнему имеет особо выделенный культовый центр – полисный храм, однако существо этого комплекса уже иное, иной становится расстановка акцентов.

Итак, на протяжении II–I тыс. до н.э. формируется, развивается и изменяет свои функции акрополь как компонент, играющий особую роль в конструировании пространства города. Продолжаются эти традиции и позже, в средневековых западных бургах и древнерусских детинцах). Уже в своем генезисе акрополь синтезировал традиции градостроительной и всей культуры Востока и Запада своего времени, демонстрируя (при всем различии условий возникновения его и изменении во времени) определенные единство, общность, преемственность процесса развития города на значительной территории Древнего мира.

- ¹ *Эллиаде М.* Космос и история. М., 1987. С. 34 и сл.
- ² *Rachet G.* Dictionnaire de l'Archéologie. P., 1983. Иногда, как например в древнем Уре, название "цитадель" достаточно условно, но часто оно абсолютно оправдано.
- ³ *Казанскене В.П., Казанский Н.Н.* Предметно-понятийный словарь греческого языка, критяко-микенский период. М., 1986.
- ⁴ По раннему греческому городу, см.: *Gerkan A.von.* Griechische Städteanlagen. B.; Lpz., 1924; *Kirsten E.* De griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956; *Андреев Ю.В.* Ранне-греческий полис. Л., 1976; *Chevallier R.* Cité et territoire // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Bd. II, 1. B., 1974; *Pecirka J.* Problem der Erforschung der frühen griechischen Polis // Klio. 1987. N 2.
- ⁵ *Rachet G.* Dictionnaire de l'Archéologie // Enciclopedia dell'Arte Antica. Classica e Orientale. Roma. 1958–1966. Т. I–VII.
- ⁶ Одним из них может быть изображение дорической храмовой постройки в центральном фризе знаменитой вазы Франсуа, расписанной Клитием ок. 570 г. до н.э. См.: *Arias P.E., Hirmer M.* A History of Greek Vase Painting. L., 1962. N 40, 41.
- ⁷ Как полагают, в самом названии "Афины" отражена вполне конкретная историческая и религиозная ситуация – объединение общин, почитавших особо культ этой богини.
- ⁸ *Эллиаде М.* Космос и история. С. 41 и сл.; *Никулина Н.М.* Художественная культура Древнего Востока (вопросы методики) // ВДИ. 1985. № 4. С. 10–12.
- ⁹ *Burrows E.* Some Cosmological Patterns in Babylonian Religion // The Labyrinth / Ed. S.H. Hooke. L., 1935. P. 50, 55.
- ¹⁰ *Эллиаде М.* Указ. раб. С. 44.
- ¹¹ *Starr Ch.G.* A History of the Ancient World. New-York, 1965; *Dreup. H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit // Archaeologia Homerica. Bd. 2. Göttingen, 1969; *Welwei K.W.* Die griechische Polis: Verfassung und Gesellschaft in archaischen und klassischer Zeit. Stuttgart etc., 1983; *Андреев А.В.* Начальные этапы становления греческого "полиса" // Город и государство в древних обществах. Л., 1982; *Флоров Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988; *Boardman J.* Greek Emporio. L., 1967; *Gook J.M.* Old Smyrna // BSA (Annual of the British School at Athens). 1959.
- ¹² Знаменитые вазы и геммы с о. Мелоса – тому подтверждение.
- ¹³ Путь полисного развития в Греческом мире имел по существу такую же ограниченность, как и путь "номовой" государственности на Древнем Востоке в более ранний период, и греки V в. до н.э. уже понимали это.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ГРЕЧЕСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ. ПОЛИС И ГОРОД

Ю.В. Андреев

Как давно уже замечено, критерии, с которыми древние подходили к проблеме разграничения "города" и противостоящего ему "негорода", существенно отличались от наших сегодняшних критериев. Решение этой проблемы античные мыслители искали отнюдь не в экономической или чисто социологической плоскости. С точки зрения современной социологии, многие греческие полисы из числа тех, которые античные авторы без колебаний включали в разряд "настоящих городов", вероятно, были бы признаны недостойными этого названия, несмотря на наличие в них агоры, правительственных зданий, храмов, театров, гимнасиев, крепо-

стных стен и водопроводов. В лучшем случае им пришлось бы довольствоваться обозначением "административные" или "церемониальные центры", в худшем они были бы просто отнесены к категории "больших деревень".

Само слово полис, как показывает контекстный анализ его использования в греческой литературе и в надписях, могло вмещать в себя довольно широкий спектр смысловых градаций и оттенков, которым в конкретной исторической действительности, по-видимому, соответствовали иногда очень сильно между собой различающиеся поселения, как собственно городского, так и протогородского или даже квазигородского типа. Тем не менее, в представлении самих греков, все они были, в сущности, лишь разновидностями одной и той же формы человеческого общежития, генетически и типологически очень тесно между собой связанными. Тем общим, что сближало их между собой и оправдывало их обозначение одним и тем же термином "полис" был, вне всякого сомнения, свойственный всем этим поселениям независимо от их размеров, структуры, внешнего вида и т.д. особый политический статус места обитания самоуправляющейся гражданской общины. В этом смысле различия между ними могли носить лишь количественный, но никак не качественный характер.

Историческое своеобразие греческого города в значительной мере определяется конкретными формами его генезиса, в котором чисто экономические факторы играли, по-видимому, лишь ограниченную роль, главенствующее же место принадлежало факторам демографического и военно-политического характера. Сами города представляли собой на этом раннем этапе их развития лишь более или менее крупные аграрные поселения или модифицированные сельские общины, в жизни которых ремесло и торговля еще долгое время занимали второстепенное, подчиненное положение. За очень немногими исключениями, обе эти отрасли экономики были скорее порождением урбанизации, чем стимулом, вызвавшим ее к жизни. Главное, что отличало город от деревни в момент его возникновения, а во многих случаях и еще долгое время спустя, это — не столько его особые экономические функции рыночного или ремесленного центра, сколько его особый военно-политический статус "столицы" карликового государства и вместе с тем основного укрепленного пункта на его территории.

Основой благополучия и процветания подавляющего большинства греческих полисов, можно сказать, гарантией самого их существования всегда оставалось сельское хозяйство, во многих случаях с довольно низким уровнем товарности, иногда приближающимся к натуральному хозяйству. Ремесло и торговля развивались здесь лишь в той мере, в которой это было необходимо для нормальной жизнедеятельности обособленной полисной общины.

Впрочем, даже и там, где возникали ремесленные предприятия, работающие на экспорт, как, например, мастерские по производству терракотовых статуэток в беотийской Танагре, их деятельность чаще всего не вносила никаких принципиальных изменений в хозяйственную жизнь полиса: и по масштабам, и по характеру производства такие предприятия

едва ли существенно отличались от кустарных промыслов, процветавших во многих деревнях дореволюционной России. Едва ли случайно (на это обратил внимание М. Финли), что на монетах целого ряда греческих городов эпохи независимости мы видим вычеканенные изображения различных сельскохозяйственных растений или продуктов: хлебный колос, виноградную гроздь, амфору с вином или маслом, но ни разу не встречаем изображений каких-нибудь особенно популярных ремесленных изделий. Всякого, кто изучал планы полностью или частично раскопанных греческих полисов, не может не поразить резкая диспропорция между общим размахом городского благоустройства, великолепием общественных сооружений и комфортабельностью частных жилых домов, с одной стороны, и крайней незначительностью расположенных в городской черте производственных комплексов, с другой. В таких городах, как Олинф и Приена, считающихся классическими образцами античного урбанизма, археологи не обнаружили ни одного сколько-нибудь крупного ремесленного предприятия. Лишь маленькие лавчонки, пристроенные в виде ниш к наружным стенам домов и в некоторых случаях, вероятно, использовавшиеся также и в качестве мастерских, показывают, что ремесло и торговля были не совсем чужды обитателям этих городов.

Немногочисленными исключениями из этого общего правила могут быть признаны лишь такие крупные центры международной транзитной торговли, как Афины, Коринф, Милет, Сиракузы, Родос, которые уже в V–IV вв. до н.э., хотя едва ли ранее, приблизились к черте, отделяющей город от негорода в современном значении этого термина. В представлении самих греков эти мегаполисы, включавшие в себя огромные агломерации ремесленного и торгового населения, были явно аномальными явлениями.

Следует также отметить, что нормальный греческий полис, по-видимому, не знал сколько-нибудь резких социальных контрастов между городом и деревней, по крайней мере, в классический период своей истории. Во многих греческих государствах настоящая противоположность между городом и деревней, т.е. то, что М. Вебер называл "городским паразитизмом", не могла сложиться уже потому, что в них практически отсутствовал второй элемент этой дихотомии, т.е. сама деревня как какой-то особый противостоящий городу тип поселения, а сами граждане полиса вели в сущности полугородской-полудеревенский образ жизни, поскольку многие из них сами обрабатывали свои земельные наделы, другие делали это с помощью рабов и поденщиков, но так же, как и первые, были непосредственно связаны с землей и сельским хозяйством. Все эти факты находят свое естественное объяснение в общеизвестной миниатюрности "среднестатистического" греческого полиса. В условиях карликового государства с территорией в 200, 100 и даже менее того км² система поселений-сателлитов, группирующихся вокруг общего городского центра, была экономически, политически и стратегически нецелесообразной. Поэтому в большинстве из них рано или поздно должен был возобладать противоположный принцип – принцип концентрации основной массы гражданского населения в единственном поселении городского

типа с вынесением на территорию хоры сельских усадеб в качестве его хозяйственных "аванпостов". Деревни возникали или, наоборот, сохранялись лишь в наиболее крупных полисах, располагавших достаточно большой территорией для того, чтобы на ней могла быть развернута сложная иерархия городских и сельских поселений.

Рассказывая о вынужденной эвакуации афинян за городские стены в первый год Пелопоннесской войны, Фукидид (II, 14–15) особо отмечает, что большинством граждан это переселение было воспринято как настоящее бедствие, "так как многие (из них) всегда имели обыкновение жить на (своих) полях", причем "у афинян такой образ жизни сложился уже издревле и был присущ им в большей степени, чем прочим". Тем самым читателю ясно дается понять, что большинство греков в те времена было вынуждено вести преимущественно городской образ жизни, теснясь за стенами полиса, тогда как в Афинах благодаря обширности территории государства значительная часть гражданской общины была рассредоточена по целому ряду населенных пунктов (ср. Xen. Hell. V, 2, 7). Но такая система расселения существовала в Греции не всегда. По словам того же Фукидида (I, 5), древнейшие греческие полисы, как правило, не были обнесены стенами, а их население жило "по деревням", что превращало их в легкую добычу для свирепствовавших повсюду пиратов. Также и Аристотель в "Политике" отмечает, что в древности тирании возникали чаще, чем в "новое время", объясняя это тем, что "города были тогда невелики, а простой народ жил на полях и без отдыха занимался своей работой" (1305a 19–21; ср. 1311a 12–15; 1319a 32–38). Эти сообщения подтверждаются свидетельствами греческих поэтов архаического периода. Уже у Гомера поселяне (агрыйкой, агрыйотай) презрительно третируются как люди "второго сорта" (Iliad XX, 676; Odys XXI, 85). Следы этой старинной розни между жителями полиса и хоры ("поля") мы находим также у Гесиода (Theogon. 26), Алкмана (fr. 13 Diehl), Саффо (fr. 61 Diehl) и, наконец, у Феогнида Мегарского (53–57).

В большинстве греческих полисов первоначальная дискриминация сельского населения была изжита в процессе демократизации государственного строя, одним из результатов которого было выживание свободного крестьянства там, где оно еще сохранилось и сумело избежать закабаления, и его регенерация как класса там, где оно уже начало исчезать. Эти важные социальные сдвиги сопровождались заметным усилением демографической мобильности среди доселе косной и инертной крестьянской массы. Началось массовое переселение крестьян, особенно зажиточной их части в города, о чем свидетельствует известный фрагмент из "Элегий" Феогнида, жалующегося на появление в полисе новых людей, ранее живших за чертой городских стен. Там, где эти процессы в силу тех или иных причин протекали слишком медленно, они могли искусственно ускоряться благодаря целенаправленному вмешательству правительства полиса, которое с помощью убеждений или даже в принудительном порядке переселяло сельских жителей в город, осуществляя тем самым то, что сами греки обычно называли "синойкизмом". При этом крестьяне в большинстве своем так и оставались крестьянами, несмотря

на столь радикальное изменение места и образа жизни, поскольку никто не лишал и не мог их лишить принадлежавших им земельных наделов. Многие из них, вероятно, сохраняли загородные дома или усадьбы, расположенные прямо на наделах, хотя жили в основном в городе. По всей видимости, именно таким образом могла сложиться типичная для большинства греческих полисов демографическая ситуация, на которую намекает Фукидид в своем повествовании о событиях, происходивших в Аттике в первый год Пелопоннесской войны.

Среди наиболее значительных греческих государств одна лишь Спарта еще и в V–IV вв. до н.э. продолжала сохранять все видовые признаки архаической модели системы полис–хора. Антагонизм между полисом, в котором концентрировались по преимуществу представители господствующего сословия, и его сельской округой, основную массу населения которой составляли порабощенные илоты, был выражен здесь намного сильнее, чем, скажем, в Афинах, а это тем более показательно, что Спарта в сущности так и не стала настоящим городом даже в античном понимании этого слова. Еще в годы Пелопоннесской войны она представляла собой, согласно известному определению Фукидида, "несионкизированный полис, заселенный по древнему эллинскому обычаю по деревням" (I, 10, 2).

Подводя итог всем этим наблюдениям, можно сделать вывод, что отношения между полисом и хорой как категориями не только топографическими, но и социальными в значительной мере зависели от того, какой тип рабовладельческого хозяйства преобладал в том или ином греческом государстве. Там, где достигло достаточно высокого уровня развития рабство классического типа и рабовладельческое хозяйство представляло собой по существу единый экономический организм, в состав которого входили и рабы, и сам рабовладелец как собственник и в известном смысле организатор производства, полис и хора составляли своего рода социальный континуум, внутри которого мы различаем экономический центр – город и его вынесенные за городскую черту – "в поле" – сельские усадьбы. Места для настоящего антагонизма между городским и сельским населением здесь практически не было. Там же, где, как это было в Спарте или в дорийских государствах Крита, рабовладелец непосредственно не вмешивался в производственный процесс, довольствуясь ролью пассивного получателя ренты, а раб сам вел свое хозяйство, отдавая господину лишь установленную законом долю урожая, противостояние полиса и хоры могло достигать чрезвычайной напряженности, будучи по своей сути выражением основного классового антагонизма обществ этого типа.

Массовое воспроизводство этой, казалось бы, навсегда изжившей себя модели полисного государства, осуществлявшееся, конечно, отнюдь не путем простого копирования и в сильно модифицированных формах, мы наблюдаем в новой исторической ситуации, сложившейся в эллинистических монархиях, основанных преемниками Александра Великого. Именно здесь, пожалуй, впервые в истории античной цивилизации стало возможным четкое размежевание города как социального организма, по преимуществу аккумулирующего и потребляющего прибавочный про-

дукт, и деревни как организма, по преимуществу этот продукт производящего, и развился устойчивый антагонизм между двумя этими типами поселений и соответствующими им демографическими категориями населения, каковыми здесь были концентрирующиеся в городе полноправные граждане полиса, с одной стороны, и неполноправные и зависимые земледельцы, живущие в сельской местности, с другой.

Впрочем, и в тех районах античной ойкумены, которые не были непосредственно затронуты завоеваниями Александра и его преемников, как например балканская Греция, Сицилия, Южная Италия и т.д., и в которых по этой причине не могли сложиться социальные структуры, характерные для эллинистических государств Востока, медленно, но неуклонно шли процессы, которые вели в сущности к тем же самым результатам. Я имею в виду, прежде всего, процесс постепенного размывания и деградации свободного крестьянства, т.е. того социального слоя, который на ранних этапах становления греческого полиса выступал в роли основного градообразующего элемента. По мере разложения крестьянской массы на рабовладельцев, с одной стороны, и так называемый "античный пролетариат", с другой, сам полис постепенно менял свой облик и из протогорода или города-деревни (Stadt-Dorf или Ackerburg, как любят выражаться немецкие историки) все более превращался в настоящий античный город. В отличие от современного индустриального города это был по преимуществу город-потребитель с ярко выраженной тенденцией к социальному паразитизму. Основную часть его населения составляли теперь крупные рабо- и землевладельцы – получатели ренты, сами почти не занимающиеся хозяйством, обслуживающие их ремесленники и торговцы и, наконец, масса пауперизованного гражданства, существующая за счет либо филантропии богачей, либо подачек из государственной казны. С этого времени городская жизнь становится у греков синонимом праздности досуга, прямой антитезой трудовой жизни крестьянства.

С тех пор, как греческий город окончательно отделился от деревни, он жил за ее счет, питался ее соками, почти ничего не давая ей взамен. Ни о каком равноправном сотрудничестве или социальном партнерстве между городом и деревней здесь не могло быть и речи уже по одному тому, что в городе концентрировалась элита общества, в деревне же жили по преимуществу люди неполноправные и зависимые: рабы, поденщики, арендаторы и т.п. Деревня производила основную массу прибавочного продукта, но потреблялся этот продукт главным образом в городах, потому что здесь жили "господа", хозяева земли и обрабатывавших ее поселян. Городское ремесло работало преимущественно на внутригородской рынок или же там, где для этого были благоприятные условия, на вывоз. Основная часть деревенского населения жила, как и в глубокой древности, в условиях полунатурального хозяйства, почти ничего не продавая и не покупая.

Таким образом, древний антагонизм между полисом и хорой возродился в новой исторической ситуации, сложившейся как в самой Греции, так и далеко за ее пределами в эпоху эллинизма. Эллинистический город в некоторых достаточно важных своих аспектах был наследником и

продолжателем, хотя и не совсем прямым, наиболее примитивной или, говоря условно, спартанской формы архаического и классического полиса. Это хищническое существование города за счет деревни обрекало его самого на экономический застой и вырождение. Во многом именно оно было тем фактором, который обусловил тупиковый характер античной цивилизации, ее ставшую вполне очевидной уже в первые века новой эры неспособность к дальнейшему самостоятельному развитию.

ДРЕВНИЙ ГОРОД И АНТИЧНЫЙ ПОЛИС

Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко

Еще совсем недавно подобное название статьи ничего, кроме изумления, не могло вызвать. Дело заключается в том, что для подавляющего большинства антиковедов понятия "полис" и "город" были, в сущности, синонимичны и это нашло свое естественное отражение в терминологии. Древнегреческое понятие πόλις в современных языках определяется через посредство составного термина "город-государство", "city-state", "Stadtstaat", "citta-statto", "cité-état" или "ville-état" (хотя, в общем, во французском языке всегда более предпочтительным оставался термин cité). Город, обладающий независимым политическим статусом, – такова была суть понимания полиса¹.

Этот термин скрывал за собой следующую картину, почерпнутую, главным образом, из исторической реальности прошлого или начала нашего века Южной Европы (с введением поправок, обусловленных реалиями древней Греции): относительно небольшая по размерам сельскохозяйственная территория, имеющая примерно в центре единственный укрепленный населенный пункт. Граждане, обитавшие в нем, занимаются преимущественно сельским хозяйством. Весь стиль их жизни определяется тем обстоятельством, что утром они покидают свое жилище, трудятся весь день на сельскохозяйственном участке и к вечеру возвращаются домой. Граждане организованы в политическое сообщество (общину) и обладают более или менее равными правами. За пределами этого сообщества находится некоторое количество чужеземцев, которым дозволяется жить в пределах города и которые занимаются ремеслом и торговлей, а также рабы. Это политическое сообщество обладает полным суверенитетом и выступает перед лицом всего мира как абсолютно независимое политическое образование.

Эта простая и ясная картина со временем, однако, утрачивает свою первозданную чистоту, что происходило благодаря все более углубленному пониманию полиса как особого типа политической организации. Впервые новые идеи были высказаны еще в конце прошлого века², но только в послевоенные годы пришла пора для подлинного понимания характера полиса. В общем, при всех нюансах и в отечественной, и в западной науке ныне достигнуто относительное единство взглядов по проблемам сущности и генезиса полиса³. Наконец, в самые последние годы

началась дискуссия о соотношении полиса и города⁴ и здесь, напротив, никакого, даже самого относительного единства мнений не наблюдается⁵.

Обратимся к наиболее существенным типологическим признакам полиса, суммируя те выводы, к которым пришла современная наука, и оставляя в стороне те различия в концепции, которые, как кажется, не являются принципиальными⁶.

Полис представлял собой, прежде всего, коллектив граждан. Именно такую мысль вкладывает великий историк V в. до н.э. Фукидид в уста Никия: "Ведь полис – это люди, а не стены" (VII, 77, 7). Наиболее полное и отчетливое определение полиса дает в IV в. до н.э. Аристотель, для которого полис – основной объект исследования. В Аристотеле полис нашел своего подлинного теоретика, который в "Политике" глубоко раскрыл его историческую и социальную природу. Согласно Аристотелю, полис представляет собой наивысшую форму всех возможных типов человеческого сообщества (Pol. I, 1, 1, 1252a). Определяя характер полиса, он дает сначала первую дефиницию его: "полис есть сообщество свободных людей" (Pol. III, 4, 7, 1279a), а затем вводит ряд уточнений, определяя, что значит быть свободным и что значит быть гражданином⁷. Близкие идеи о сущности полиса мы находим и у философа Платона, и у публициста Исократ⁸.

В общественном сознании греков твердо укоренилось представление о полисе как, в первую очередь, о коллективе граждан. Более того, высказывалась даже мысль, что полис может существовать без территории, но этот взгляд надо воспринимать как крайность вызванную особыми условиями военного времени. Господствующей в античности была иная точка зрения: полис – это коллектив граждан со всеми материальными условиями его существования. Эти условия имел в виду автор так называемой Псевдоаристотелевой "Экономики", который, характеризуя полис с точки зрения экономической, определял его как "совокупность домов, земли и имущества, обладающую средствами для благополучной жизни"⁹. Аналогичные мысли, выраженные почти теми же словами, встречаются у Платона (Resp., II, 369, В-С) и Аристотеля (Pol., VII, 7, 1, 1328a).

Исходя из этого представления древних о полисе как коллективе граждан вместе с определенными материальными условиями, обеспечивающими его существование, современные исследователи совершенно справедливо определили полис как один из типов общины, а именно как гражданскую общину¹⁰. Естественно, встает вопрос, что собой представляет гражданская община. Взгляд современной науки на гражданскую общину в том ее варианте, который интересует нас, возможно в самой схематической форме изложить следующим образом.

Полис – это сравнительно небольшая – от несколько сот до несколько тысяч человек, община граждан, преимущественно занятых земледелием, являющимся основной экономической базой полиса. Граждане совместно владеют землей, часть которой находится в коллективной собственности, а часть разбивается на наделы, отводящиеся главам семей. Только гражданин обладает правом собственности на землю. Семья, дом, домохозяйство (ойкос) – элементарная общественная ячейка полиса. Гла-

ва ойкоса представляет перед общиной интересы его членов, он обязан заботиться о том, чтобы его наследники получили семейное имущество не только в полной сохранности, но и преумноженным. Поскольку община выступает как верховный собственник земли, ее высший орган – народное собрание, в котором участвуют все граждане, достигшие определенного возраста. Вооруженные силы общины составляет народное ополчение, по сути равнозначное народному собранию. Граждане считаются политически и юридически равноправными и, по крайней мере в принципе, имеют право на получение земельного надела, а в случае нужды – на материальную поддержку общины. Порабощение сограждан категорически запрещается. Исключается столь часто практиковавшаяся в других докапиталистических обществах передача частному лицу власти над отдельной территорией и ее населением с правом налагать на него в свою пользу различные повинности. Кровнородственные, территориальные и профессиональные объединения могут существовать, но не играют (как в ряде других докапиталистических обществ) роли промежуточного звена между гражданином и государством, связь между ними была непосредственной.

Итак, первой особенностью полиса является прямая и непосредственная связь между правом собственности и членством в коллективе, т.е. только полноправный гражданин обладал правом собственности на землю. Участок земли – основное условие воспроизводства гражданина как члена общины, а тем самым и гарантия воспроизводства всей общины в целом.

Вторая характерная особенность полиса – прямая зависимость политических прав от права собственности, замкнутость гражданской общины, ограничиваемой кругом земельных собственников (действительных или потенциальных). Членство в полисном коллективе, определяемое правом собственности на участок земли, опосредствовалось участием в политической жизни гражданской общины, из которой строжайшим образом исключались все неземлевладельцы: метеки, рабы и др. Тем самым полис представлял собой не только гаранта совместной земельной собственности граждан, но и орган эксплуатации всех иных категорий населения. Теоретический принцип равенства земельных собственников находил свое высшее политическое воплощение в народном собрании.

Еще один типологический признак полиса – его военная организация. Характер военной организации как гаранта собственности и тем самым гаранта существования общины определяет не только ее связь, но в принципе и однозначность с народным собранием как основной политической организацией полиса. Гражданин – собственник является одновременно и воином, обеспечивающим неприкосновенность собственности полиса и тем самым своей личной собственностью.

Полис, в принципе, абсолютно суверенная община, свободная и автономная, т.е. управляемая своими законами и независимая от внешних политических сил. Если он, в виду тех или иных причин, оказывается в положении зависимости или интернированным в более крупные объединения, он постоянно стремится к восстановлению своей свободы.

Обращаясь к системе ценностей полиса, традиционным полисным

идеалам, следует особо принять во внимание, что высшей ценностью для граждан был сам полис. В силу этого принципиально важного положения противопоставление личности обществу, индивида – коллективу не могло иметь места, ибо только благо и процветание целого обеспечивало благополучие каждого. Земледелие рассматривалось как наиболее достойное гражданина занятие, иные формы деятельности осуждались, как и стремление к богатству выше уровня, необходимого для нормального существования членов ойкоса. Полис старался регулировать уровень благосостояния граждан, не допуская чрезмерного расслоения, угрожающего гомогенности гражданского коллектива. В системе ценностей, созданной полисом, важное место занимали традиционность, стремление сохранить все отношения в неизменном виде.

Такова, кратко, "идеальная модель" полиса. Однако, если мы обратимся к истории Греции, то должны будем признать, что реальные процессы во многих полисах далеко не соответствуют этой модели. Причина, с нашей точки зрения, кроется не только в том, что всякая модель лишь обобщенно отражает действительность и не в состоянии передать всю полноту и богатство реальности, но и в более существенном, а именно в том, что в обрисованной модели не нашел отражения весьма важный фактор. Этот неучтенный фактор – становление и развитие одновременно с полисом другого социального феномена – города.

Итак, что же следует понимать под городом? Более четверти века тому назад Р. Сомлинсон в одной из глав своего труда, посвященного городу, выделил 15 типов определений его, известных в науке¹¹. Приведем несколько примеров: 1) город – поселение, в котором больше жителей, нежели в деревне; 2) город отличается от деревни большей плотностью населения; 3) основная функция города – распределение; 4) город служит центром путей сообщения; 5) город – центр потребления и т.д.

Отмечая неудовлетворительность подобных критериев, сам Р. Сомлинсон склоняется к тому определению, в основе которого лежит противопоставление города, как центра промышленной деятельности, деревне, занятой сельскохозяйственным производством. Подобный подход достаточно широко распространен в современной литературе¹² и нам он тоже представляется наиболее адекватно отражающим историко-социологическую реальность. Все остальные черты города являются производными от этой его характеристики.

Посмотрим на историю Греции с точки зрения генезиса города. В самом конце "темных веков" существует так называемый "гомеровский полис", который по отношению к классическому полису определяют как протополис, как ту исходную форму, которая в случае благоприятных исторических условий давала возможность для развития последнего. Как показал Ю.В. Андреев¹³, "гомеровский полис" представлял собой очень рыхлое политическое образование, еще недостаточно структурированное ни социально, ни политически. Особенно важны для нас два вывода Ю.В. Андреева: для "гомеровского полиса" характерно отсутствие античной формы собственности; он не знает также государственности как результат еще не сложившегося классового деления общества. Вместе с тем достаточно отчетливо проступает тенденция к превращению ари-

стократии в господствующий слой, стремящийся поставить под свой контроль общество и превратить общинников в подневольную эксплуатируемую массу.

Следующая эпоха – архаическая – прошла под знаменем борьбы между аристократией и рядовым гражданством. Решался вопрос о том, каким будет в Греции рождающееся тогда классовое общество. Интересам рядового гражданства отвечала та структура общества, которая была воплощена в "идеальной модели" полиса, обрисованной выше. Однако исторический процесс приобрел своеобразные формы вследствие того, что как раз данный период оказался временем беспрецедентного экономического (и технологического) роста. Здесь не место сколько-нибудь подробно останавливаться на причинах этого процесса, отметим только самые основные факторы. Именно на эти столетия приходится широкое распространение железа и железных орудий труда, создание таких технологий, которые резко понизили стоимость этих орудий и сделали их доступными широким слоям населения; развитие колонизации, усложнившей систему экономических связей и потребовавшей развития в метрополии ряда отраслей ремесла; демографический взрыв и т.д.¹⁴

С конца VII или, во всяком случае, с начала VI в. до н.э. в важнейших экономических центрах Греции происходит решительный перелом: развивается производство серийной продукции, в первую очередь керамической, что говорит о работе не на заказ, а для рынка¹⁵. Показательно, что именно к этому времени относятся основные технические и технологические открытия и изобретения, определившие уровень ремесленного производства древней Эллады на многие века – чуть ли не до конца античности¹⁶. Тогда же в самых экономически развитых полисах начинают чеканить монету¹⁷. О становлении новых отношений в экономике свидетельствует и появление в конце VI в. до н.э. понятия "навклер", что отражает возникновение неизвестной ранее социально-профессиональной группы¹⁸.

Сказанное об экономической эволюции Греции в эпоху архаики дает достаточно веские основания считать, что в наиболее развитых центрах рождается город как особый социальный организм, суть экономической деятельности которого – широкое (по античным масштабам) развитие ремесленного производства и, соответственно, обмена. Город, как особый общественный организм, необходимо рассматривать в контексте следующих взаимосвязанных явлений: 1) разделение труда между сельским хозяйством и промышленностью (на данной стадии развития общества в ее первой исторической форме – форме ремесла); 2) углубление специализации внутри самой промышленной сферы производства; 3) наличие развитого обмена, приобретшего форму рынка; 4) существование частной собственности; 5) наличие классов, в том числе и специального класса купцов¹⁹.

Город, родившийся в конце архаической эпохи, продолжает развиваться в классическую эпоху. Но развитие города происходит в рамках складывающихся или уже сложившихся полисных отношений, в результате чего и полисная структура должна реагировать на развивающуюся в

ее недрах городскую и городская структура, в свою очередь, должна либо приспосабливаться к полисным отношениям, либо ломать их. Полис и город начинают выражать две противоположные тенденции: город – центр промышленного производства, полис – объединение земледельцев и землевладельцев; город – тенденция к развитию частной собственности, полис – господство античной формы собственности, сочетающей в себе в диалектическом единстве частную и государственную собственность; город – тенденция к динамике, полис – стремление к воспроизводству существующих отношений и условий, т.е. консервативная тенденция в развитии общества.

Наиболее проницательные умы древности прекрасно сознавали, что в рамках полиса жили и боролись две различные экономические системы. Уже Аристотель указывал на различие между ойкономикой и хрематистикой (Pol. I, 3, 11–20, 1256–1257а). Ойкономика – традиционная форма экономической деятельности, связанная с землей и направленная на воспроизводство условий существования земледельца, а хрематистика – экономическая деятельность в ремесле и торговле и ориентированная на обогащение.

Естественно, что полис стремился поставить определенные рамки той экономической деятельности, которая подрывала существующие отношения. Не случайно в ряде греческих полисов принимались законы, ограничивавшие права гражданства для людей, занятых ремесленным трудом, или гражданам вообще запрещали заниматься ремеслом²⁰. Даже в Афинах, наиболее терпимом по отношению к этой форме экономической деятельности полисе, преобладало негативное отношение к ремесленному труду, как к занятию, недостойному свободного гражданина.

Наиболее радикальным ответом на те изменения в обществе, которые происходили из развития ремесла и торговли, оказалась реакция Спарты, которая полностью отстранила своих граждан от всякого труда, кроме военного. Была запрещена золотая и серебряная монета, резко ограничивались всякие внешние контакты. Ремесло и товарно-денежные отношения здесь стремились полностью вывести за рамки собственно лакедемонского полиса, перенеся в среду зависимого от Спарты населения (перизэские полисы и территории, занятые илотами).

В связи со сказанным мы хотели бы обратить внимание на одно явление, которое в данном контексте не кажется случайным. Спарта – полис, наиболее активно сопротивляющийся новому, т.е. развитию ремесла и торговли, так и не создал единого населенного пункта, реального городского центра, а представлял собой объединение пяти деревень.

Иная картина – в Афинах, где на протяжении всего архаического и классического периодов происходит взаимное приспособление полисной и городской тенденций в развитии, происходившее, однако, далеко не в идеальных условиях.

В заключение мы хотели бы поставить еще один вопрос – о роли отмеченного нами противоречия в сложении и развитии античной культуры. В качестве примера возьмем традиционные два полиса греческого полисного мира – Спарту и Афины. Спарта, которая, как отмечалось, сумела преодолеть противоречие между полисом и городом путем прак-

тически полного подавления всего, что было связано с городом, в общем, не внесла в сокровищницу древнегреческой культуры ничего общезначимого, оставаясь на периферии культурного процесса. Напротив, Афины, где ситуация складывалась по-иному, где элементы городской структуры постоянно вели борьбу с полисом, в той или иной степени преодолевая сопротивление полисной структуры, стали наиболее крупным и продуктивным центром этой культуры. Не значит ли это, что самые яркие достижения древнегреческой культуры связаны с этой постоянной борьбой, с тем динамическим процессом, который заставлял мобилизовывать творческий потенциал людей, вовлеченных в него?

¹ Об истории термина см.: *Sakellariou M.B.* The Polis-state. Definition and Origin. Athens, 1989. P. 19–23.

² См.: *Fowler W.W.* The City-state of the Greeks and the Romans. Oxford, 1893.

³ *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ / Под ред. Г.Л. Курбатова и др. Л., 1986. С. 8 и сл.; *Он же.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 5. сл. В книге содержится обстоятельный историографический очерк и рассматривается основная проблематика.

⁴ *Кошеленко Г.А.* Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 3–27; *Он же.* Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Т. 1; Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 217–246.

⁵ *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. 1988. С. 48 и сл.

⁶ *Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 265 и сл.; *Маяк И.Л.* Проблема генезиса римского полиса // ВДИ. 1976. № 4. С. 43–55; *Утченко С.Л.* Политические учения древнего Рима. М., 1977. С. 18–41; *Кошеленко Г.А.* Введение. Древнегреческий полис // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 9–36.

⁷ Более обстоятельно о взглядах Аристотеля см.: *Жебелев С.А.* Греческая политическая литература и "Политика" Аристотеля // "Политика" Аристотеля / Пер. С.А. Жебелева. СПб., 1911. С. 440 сл.; *Доватур А.И.* "Политика" и политики Аристотеля. М.; Л., 1965; *Он же.* "Политика" Аристотеля // Аристотель. Соч. в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 38–52.

⁸ Подробнее см.: *Кошеленко Г.А.* Введение... С. 12–13.

⁹ *Ps.-Aristot.*, Оес. 1, 1, 2, 1343a / Пер. Г.А. Тарояна.

¹⁰ *Golubtsova E.S., Kusishin V.I., Shtaerman E.M.* Types of Community in the Ancient World. San-Francisco, 1975.

¹¹ *Thomlinson R.* Urban Structure: the Social and Spatial Character of Cities. New York, 1965.

¹² *Sjoberg G.* The Origin and Evolution of Cities // Cities: their Origin, Growth and Human Impact / Introduction by K. Davis. San Francisco, 1973. P. 19–20; *Thirty J.-P.* Théories sur le phénomène urbain: analyse critique et matériaux pour une théorie sociologique. Bruxelles, 1973. P. 35; *Межевич М.Н.* Социальное развитие и город: философские и социологические аспекты. Л., 1979; *Сайко Э.В.* Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973.

¹³ *Андреев Ю.В.* Раннегреческий полис. Л., 1975.

¹⁴ Подробнее см.: *Кошеленко Г.А.* Греческий полис и проблемы развития. С. 217–218.

¹⁵ *Heichelheim F.* An Ancient Economic History. Leiden, 1958. Vol. 1.

¹⁶ *Bolkestein H.* Economic Life in Greece's Golden Age. Leiden, 1958. P. 46; *Starr Ch.G.* Economic and Social Growth of Early Greece. 800–500 B.C. New York, 1957. P. 82.

¹⁷ *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951.

¹⁸ *Vélissaropoulos J.* Les naclères grecs. Recherches sur les institutions maritimes en Grèce et dans l'Orient hellénisé. P., 1980. P. 336.

¹⁹ *Кошеленко Г.А.* Греческий полис и проблемы развития... С. 224.

²⁰ *Ehrenberg V.* The Greek State. L., 1969. P. 28; *Will E.* Le monde grec et l'Orient. T. 1. Le Ve siècle (510–403). P., 1972. P. 632.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД И ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

А. Л. Ястребицкая

Развитие исторической науки за последние десятилетия уже достаточно наглядно высветило ту роль, подчас ключевую, которую играет город как пространственная, хозяйственная, социокультурная среда обитания и бытия человека в цивилизационных процессах и всемирно-историческом развитии.

С этой точки зрения, вопрос о природе и специфике городского развития в средневековой Европе и на пороге нового времени приобретает принципиальное значение для более глубокого познания механизма движения мировой истории на одном из ее ключевых этапов, связанных с оформлением европейской цивилизации, ее хозяйственных, социальных, культурных, политических основ, регионального своеобразия, ее этнокультурного облика, наконец. Во всех этих процессах роль города неоспорима. Задача современной науки состоит в ее конкретно-историческом раскрытии, осмыслении и выработке для этого адекватных подходов.

Ставя вопрос о специфике и природе европейского средневекового города, хотелось бы раскрыть его сквозь призму современной медиэвистической урбанистики. Речь идет не об историографии в ее традиционном смысле. Но об исследовательском мышлении в области изучения именно средневекового города, которое за истекшие, начиная с послевоенных десятилетий почти полвека, изменилось радикально. Изменился подход, постановка проблемы, аспекты и уровни изучения города, объем и характер материала, которым оперируют сегодня историки-медиэвисты. Дело не в модных темах и терминологии, но в том, что мир взглянул на свое прошлое другими глазами, и что наука обрела новый язык для его осмысления.

Для того, чтобы осознать всю глубину и степень перемен, достаточно вспомнить, что средневековый город – одна из важнейших, традиционных областей исследований в мировой науке. Проблема города родилась на рубеже XVIII–XIX столетий, одновременно с политическим возвышением и утверждением буржуазии, ее государственности и идеологии. Проблема заняла в европейской историографии одно из центральных мест в полном согласии с буржуазно-либеральными мифами этой историографии – о прогрессе, как однолинейном поступательном развитии с буржуазным обществом в качестве его апофеоза, о средневековом бюргерстве как борце с феодализмом, прообразе класса буржуазии, унаследовавшей, однако, его доблести. Средневековый город и средневековое бюргерство, таким образом, располагались как бы у истоков буржуазной эпохи европейской истории. Это предопределило неиссякаемый интерес к истории города средних веков и начала предындустриальной эпохи, как и его политико-правовую направленность на многие десятилетия. Это же определило многие стереотипы в этой области.

Каждая новая генерация исследователей во всеоружии своих концепций и своего видения истории снова и снова обращалась к урбанистической тематике, подвергая пересмотру, казалось бы, незыблемые положения. С этой точки зрения средневековистическая урбанистика, ее тематика, источниковый материал являют собой поистине гигантское опытное поле, на котором уже второе столетие пересматривается арсенал познавательных средств исторической науки, представления об ее исследовательском поле и предмете изучения. Строго говоря, своим рождением как самостоятельной социально-исторической дисциплины средневековистическая урбанистика во многом обязана этим изменениям в исследовательском мышлении.

Становление современной социальной истории европейского средневекового города предстает как сложный процесс преодоления стереотипов буржуазно-либеральной историографии, отказа от различных разновидностей бюхеровской теории замкнутого городского хозяйства в средние века, равно как и модернизаторских, прокапиталистических крайностей ее оппонентов, находивших в средневековом городе черты крупного промышленного производства (см. работы А. Пиренна), изживания веберовской концепции "идеального типа", так долго оказывавшей влияние на выработку понятия "средневековый город".

Современная историография европейского средневекового города – результат долгого пути развития: от постановки вопроса в начале нынешнего столетия, в 20-е годы, о социологическом и социально-экономическом измерении в подходе к определению природы средневекового города и его места в системе феодализма до развертывания на этой основе с конца 50-х – начала 60-х годов фронтального изучения города как социальной структуры, его функционирования в системе феодализма, его типологизации.

Средневековистическая урбанистика 70–80-х годов, в наше время, как отмечалось уже в статье Л.П. Репиной, – опытное поле для отработки структурно-системного подхода новых методов историко-демографических и культур-антропологических исследований, к которым обратилась современная средневековистика.

Обращение к новым методам анализа, принципиальное расширение источниковой базы городских исследований имеет следствием открытие мощного пласта конкретно-исторической действительности – неизвестной прежде городской истории средневековой Европы, в том числе городского развития в Центральной Европе и славянских странах, реконструкция которого стала возможной благодаря успехам археологии средневековья. Именно в этом историко-методическом контексте разворачивается сегодня рассмотрение ключевых проблем истории европейского средневекового города и прежде всего вопроса о его происхождении и природе.

Особенность современного подхода, во-первых, в признании множественности источников роста города: не только континуитет или община или купеческое поселение, как считали историки XIX в., но и континуитет, и община, и купеческое поселение, и церковно-монастырские центры, и княжеская вотчина и рыночный посад – все это оказывается

источником роста города. Во-вторых, стремление так или иначе поставить возникновение городов в связь с общими структурными процессами в Европе на рубеже раннего и высокого средневековья. Историки в целом сходятся в признании того, что город рождался в условиях хозяйственного подъема и решающие импульсы исходили не от "возрождающейся торговли", как считал в свое время А. Пиренн¹, но из "деревни", которая после разрушения римской городской культуры в течение многих веков являлась ведущим сектором исторического развития в Европе: демографический рост, расширение внутренней колонизации, повышение мобильности населения, ослабление полурабской зависимости и т.д. Одни исследователи подчеркивают эту точку зрения. Другие, принимая все сказанное, тем не менее делают акцент на социально-политических изменениях, которые сопровождали распад раннесредневековых монархий, что нашло отражение в формировании новой сеньориальной знати — рыцарства, шатленов. Опираясь на вновь построенные замки и бургы новый социальный класс узурпировал, считают эти историки, у королевской власти военно-политические и судебно-административные права. Городской образ жизни, на первых порах еще трудно осязаемый выкристаллизовывается в ходе этого мощного процесса "инкастелламента". Город воспринимается округом и различается от других поселений как место средоточения, ядро суверенной власти.

Но как в первом, так и во втором случаях важна дающая о себе знать в науке тенденция акцентировать закономерность появления средневекового города и того мощного процесса урбанизации, который уже дает о себе знать и развертывается в X—XI—XII вв.

Предметом анализа, думается, должны стать все же не столько отдельные поселения, давшие начало будущим городам, сколько общая экономическая, социальная, политическая и культурная ситуация, которая создалась в Европе и в отдельных ее регионах на исходе раннего Средневековья и которая потребовала возникновения нового типа поселения, способного выполнить новые хозяйственные, политические, социальные, административные, культурные задачи.

Что касается природы средневекового города, то сегодня уже не встретишь концепций, подчеркивающих предпринимательские, крупнокупеческие начала в городской жизни и тем самым его природу как предтечи капиталистического будущего. Скорее наоборот. Превалирует тенденция, у истоков которой стоят О. Бруннер, Миттаис, рассматривать средневековый город лишь как одну из форм, хотя и не лишённую специфики европейского феодального общества.

Эта позиция порождает определенный скептицизм. По существу, мы имеем дело с другой крайностью. Современные исследователи не видят двойственности — амбивалентности природы средневекового города. Будучи несомненным порождением средневековья, принадлежат десятками своих черт феодальному порядку, он вместе с тем создавал элементы, его подрывавшие. В последнем случае особое значение имеет такой особый феномен "города", как формирование "всеобщей" сферы его. Здесь особое значение приобретают малые города². Возникновение новых малых городов, активизация их ремесленного производства,

торговли в ряде областей и территорий явно обнаруживает и воздействие новых силовых линий и центров общеевропейской хозяйственной жизни. Рост малых городов в XV в. определялся как импульсами, исходившими из промышленных и финансовых центров, так и открытием новых торговых путей. Формировалась сложная иерархия городских связей и уровней. Мелкие города ориентировались на более крупные городские центры и, в конечном счете, через их посредничество или непосредственно на большой, как правило королевский город, а через него за пределы территории или страны. Мелкие города были более маневренными в рыночных связях, максимально приближаясь к торговым путям. Вышеназванная система, скрепленная строгой периодичностью локальных ежедневных или еженедельных торгов, обеспечивала не только стабильный товарооборот в пределах области, рынок для крестьянина и доменального хозяйства, но и способствовала межобластному разделению труда, специализации производства и складыванию европейского рынка. Последний обеспечивал не только укрепление собственно городской сферы, но и наиболее мощное поле связей систем собственно землевладельческих феодальных и собственно городских, обеспечивающей устойчивость всех нижних структур, действующих активно разлагающе на натуральные формы феодального хозяйства.

Для позднего Средневековья отмечается увеличение веса агрикультуры и сельскохозяйственных занятий в жизни многих городов, что часто расценивается как упадок городской жизни. Однако этот факт, также как расширение типологии городов – свидетельство усложнения урбанизационных процессов при рефлексии на эти новые процессы феодальной системы хозяйства.

Интерес к типологии, основанной на локальном разнообразии показателен сегодня для многих историков-урбанистов. Приверженность к классификации городских типов сама по себе бесспорно продуктивна, поскольку ведет к отказу от той однородной монокартины, с которой имели дело историки XIX столетия. Но "разнообразие в пространстве" волей или неволей, заслоняет перед исследователями, не только то общее, что присуще средневековому городскому феномену, и д в и ж е - н и е в о в р е м е н и: средневековый урбанизм не просто разнообразится в пространстве, но и видоизменяется во времени так, что одни районы и типы городов то переживают подъем – в соответствии с создавшейся общей ситуацией, – то, напротив, отстают от других и становятся живым, но медленно отмирающим анахронизмом. Европейская "городская ткань" на протяжении средневековья претерпевает серьезные трансформации.

Как свидетельствует материал современных урбанистических исследований, примерно, с середины XIV–XV вв. изменяется ее иерархическая структура в результате формирования, с одной стороны, нового "высшего эшелона" – региональных столиц, резиденций суверенов, центров административного управления нарождающейся национальной и территориальной государственности, а с другой – массы поселений, городских по своим функциям, но зачастую лишенных "соответствующего" правового статуса, – так называемых "неполноценных" городов.

Меняется и пространственное "расположение" городской сети под воздействием разных факторов и процессов, в том числе и в результате постепенного смещения силовых линий и центров притяжения европейской жизни в целом на Северо-Запад Европы.

Параллельно происходило оформление разрозненных провинциальных городских систем в единые взаимосвязанные системы исторической области, страны. Важную роль в этом процессе играли так называемые "новые" малые города – особенно в Центральной и Восточной Европе, на Балканах, где они выступают как специфическая форма урбанизации периода позднего средневековья и раннего нового времени.

Изучение ритма, темпов, факторов и форм урбанизации в их конкретно-историческом развитии и разработка на этой основе ее региональной типологии является одной из насущных задач современной медиэвистики.

Нельзя сказать, чтобы таких попыток не было. Пример этому периодизации и типологии европейской средневековой урбанизации, разработанные Э. Эннен, К. Хаазе, Х. Штообом. Но то, что предлагают эти исследователи, – скорее формальный инструмент, облегчающий общую ориентацию, чем работающая модель. В этих типологиях отсутствует главное – собственно урбанизация как динамическая целостность, как конкретно-исторический системный процесс, а именно такой подход к проблеме представляется автору продуктивным.

Первым и пока еще единственным опытом конкретно-исторического моделирования именно урбанизационного процесса, а не отдельных городских форм, является многотомная "История городской Франции". Генеральная идея этого научного предприятия французских историков-медиэвистов во главе с Ж. Дюби, как раз и заключается в том, чтобы, развернув исследование в длительной временной перспективе от Античности до современности на динамичном огромном пространстве исторической территории Франции, выявить "ритмы, преемственности, разрывы в городской ее истории".

Главное, как подчеркивает сам Дюби во введении к изданию в целом, заключается в том, чтобы понять, что представлял собой городской феномен и каково было его место в "совокупном развитии обширной экономической и социальной системы – социокультурной формации, комплексной самой по себе"³.

В этих словах Ж. Дюби выражена также и новая "генеральная" тенденция развития исследовательской стратегии современной урбанистики. Ее зарождение и развитие – логическое следствие развития современной исследовательской мысли и конкретно-исторического изучения европейского города на протяжении всей второй половины нынешнего столетия и особенно в последние два с половиной десятилетия.

В ходе их были получены серии сопоставимых показателей, раскрывающих разнообразные аспекты истории городского феномена в средневековой Европе.

Установлены циклы движения хозяйственной жизни и населения; распространение урбанизации и развития урбанизма; сложность и специфика социальной и социокультурной стратификации городского насе-

ления, также как и их зависимость от региональных и местных особенностей.

Реконструированы формы организации и динамика эволюции городского производства, открыто своеобразие городской культуры и т.д.

Принципиальное расширение исследовательского поля и прочтение заново истории европейского средневекового города подводит историков-урбанистов вплотную к проблеме исторического синтеза, т.е. к осмыслению средневекового города как единого в своей сущности специфического социокультурного феномена. Задача заключается в разработке сравнительной истории европейского города, исходящей из этого целостного представления и одновременно раскрывающей широкие взаимосвязи и констелляции разнообразных факторов "базисного" и "надстроечного" характера, определявших многообразие локальных форм и конкретно-историческое своеобразие "городских индивидуальностей". Следует подчеркнуть, что речь идет именно об органичном, историко-культурном синтезе, а не о механическом соединении разнообразных данных разнородных локально-региональных исследований, различающихся и своими подходами и методическими принципами.

В заключение хотелось бы подчеркнуть как важный общий итог современных исследований европейского средневекового города признание его как феномена исторического. Социокультурное содержание и его функции не оставались неизменными, равно как и формы урбанизма и пространственный ареал урбанизации, изменявшиеся по мере смены исторических эпох. Город не только менялся сам в ходе цивилизационного процесса, но и воздействовал на динамику его движения. Именно в силу этой его природы и роли в развитии цивилизаций проблема города выступает как одна из фундаментальных проблем современной науки и прежде всего – исторической.

¹ Пиренн А. Средневековые города Бельгии. М., 1937.

² Ястребицкая А.Л. О специфике средневековой европейской урбанизации: малые города // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 191–192.

³ Duby G. France rurale, France urbaine. Confrontation // Histoire de la France urbaine. P., 1973. V. 1. P. 18.

·СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДА – НОСИТЕЛИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ (проблемы изучения и развития)

В.М. Возлинская

Современный город – это не только прошедшее и не только существующее. Это и его будущее. И поэтому выявление закономерностей и тенденций эволюции города способствуют наиболее приемлемому и органичному выбору дальнейших путей его развития на новых

этапах. Однако реальная современность и перспективы преобразования городов оказываются нередко объектами решений специалистов (теоретиков и проектировщиков), вводящих новое лишь на основе воззрений, господствующих в данный период. Ограниченность знаний об истории города создает убежденность, что все вновь проектируемое и реконструируемое является финалом его эволюции. В действительности же, и современность и, тем более, перспективы развития, – отнюдь не завершающие аккорды истории города, а лишь промежуточные периоды в цепи его длительного существования.

Разрушение градостроительных традиций путем внедрения в историческую среду чуждых объемных и планировочных сооружений – взрывает единое городское образование. Такой реконструкции подверглись многие города. Искажены Новгород, Псков, Вологда, Нижний Новгород, Тула, Екатеринбург, Калуга, Рязань. В них остались лишь отдельные фрагменты: ансамбли кремлей и комплексы застройки в сопровождении еще сохраняющихся природных элементов. Но город в целом, как единый живой организм, – нарушен, испорчен, обеднен.

Подобные решения и действия обусловлены не только невниманием к эволюции городов; но и установкой соответствующих государственных институтов на то, что ценность поселения определяется лишь наличием в нем "памятников архитектуры". На этом основании изучению, сохранению и использованию подвергаются только эти сооружения. Для них разрабатываются зоны охраны, выявляются наилучшие "точки обзора", расчищаются "коридоры видимости". Все же окружение памятников считается допустимым "преобразовывать". Ручьи, пруды, овраги засыпают, рельеф выравнивают, улицы спрямляют, расширяют или перекрывают новыми постройками; дома сносят. Не меняет судьбы поселения и возведение его в ранг "исторически-ценного", с включением в список "исторических населенных мест".

Так уничтожается культурно-природная историческая среда города, а вместе с ней утрачиваются те глубинные закономерности – градостроительные традиции, которые на протяжении всей истории формируют индивидуальный архитектурно-художественный облик и композиционно-пространственные связи, свойственные именно этому городу.

И теперь, в середине 90-х гг. XX века, реконструкция городов ведется на основе проектов генпланов и детальных планировок, выполнявшихся центральными проектными организациями Москвы и Ленинграда еще в 1960–70-е гг. Именно тогда были разработаны проекты, определившие сплошное или частичное уничтожение исторической среды городов, перечисленных выше, и многих других. Осуществлению генеральных идей реконструкции способствует закрепление их еще более детализированными проектами. "Неотвратимость" разрушительных процессов обусловлена и тем, что все основные решения по проектированию и строительству в исторически-ценных городах согласуются и одобряются Министерством культуры и Центральным Советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Показательны в этом отношении два древнейших города – Звенигород и Сергиев Посад. Оба с 1970 г. состоят в Списке исторически-

ценных городов, и оба понесли немалые утраты вследствие реконструкции, хотя целы все сооружения, официально признанные архитектурными памятниками¹.

В Сергиевом Посаде на основе проектов (разработанных в 1971–83 гг. институтом "Гипрогор") историческая среда подверглась за прошедшие 20 лет большим разрушениям. Здесь сооружена скоростная транзитная магистраль по главной исторической улице – через Красногорскую площадь перед самой Лаврой, – что привело к сильным искажениям рельефа и всего ландшафта этой и прилегающих улиц, а также к разрушению 70% их исторической застройки.

Уничтожение истории города ведется не только путем единовременного сноса домов, ворот, оград, – но и путем их длительного постепенного "вымораживания". В Сергиевом Посаде рунируют крепкие каменные и смешанные здания школ и жилых домов, – несмотря на дефицит жилья и учебных сооружений. Уничтожено кладбище, существовавшее с XVIII в.: вывезены все надгробия и кресты, а его территория с безмянными холмиками могил, получив официальное наименование "Парк культуры и отдыха Березовая роща", жителями называется "парк безмянных могил".

Южный район исторического центра, примыкающий к железнодорожному вокзалу, до настоящего времени подвергается большим разрушениям. На подступах к Лавре и в непосредственной видимости от нее уничтожены кварталы и улицы XVIII в.; на их месте устроена громадная, длиной до километра, площадь в центре которой возведен "дом быта" 20-тиметровой высоты. А рядом, на месте другого снесенного исторического квартала, в 1989–90 гг. построена типовая школа для умственно-отсталых детей. Именно эти два сооружения теперь первыми встречают приезжающих в Сергиев Посад, ослабляя композиционную и архитектурно-пространственную значимость Лавры. В целом происходит разрушение городской среды и исторических тенденций развития города (рис. 9, 10, 11).

В Звенигороде – сходное положение. Здесь разрушен весь квартал исторической застройки, примыкающий к главной площади, а на его месте выросла группа 5-тиэтажных домов. Уничтожаются дома, ворота и ограды на регулярных улицах 1780-х гг. Древнейшая часть Звенигорода, Нижний Посад, расположенный вдоль дороги-улицы по берегу Москвы-реки и отмеченная документами XVI–XVII вв., обречена на длительное, растянутое во времени, уничтожение (рис. 12, 13). Нарушено природное и художественное окружение собора Успения на Городке: вблизи него сооружен 4-этажный корпус. Великолепный природный ландшафт вокруг Саввино-Сторожевского монастыря теперь искажен строительством коттеджей под монастырской горой.

Проекты реконструкции Осташкова и Богородицка 1970–1980-х годов также основаны на разрушении исторической среды². В Осташкове потребовалось уничтожить дорегулярную сеть улиц с их застройкой и пейзажную набережную XVII века, огибающую город по берегу озера Селигер, и заменить ее на прямолинейные мертвые плоскости железобетонных плит (рис. 14, 15).

Рис. 9. Сергиев Посад. Характерная посадская застройка южной части города (существующая).

Рис. 10. Сергиев Посад. Городская площадь на месте кварталов XVIII в.

Рис. 11. Сергиев Посад. Историческая среда Лавры.

В Богородицке, согласно проектам разрушению подвергался весь регулярный город XVIII–XIX веков: все пять лучей-улиц расширились вдвое, отчего их застройка неизбежно уничтожалась, а кварталы использовались для размещения 5-тиэтажных микрорайонов, с перекрытием или ликвидацией поперечных межлучевых улиц.

В Туле в 1980-е годы снесены кварталы исторической застройки XVIII–XIX вв., осуществлявшие масштабную и архитектурную связь с Кремлем. На их месте к 90-м гг. организована колоссальная площадь, втрое превосходящая Красную в Москве, а у стен Кремля воздвигнут крупнейший куб административного здания.

В Нижнем Новгороде показалось необходимым водрузить административное сооружение в самый Кремль, а 5–9-этажные дома выдвинуть на откос Волжского берега перед Кремлем, безвозвратно исказив панораму города и снизив композиционную роль Кремля.

Одним из теоретических обоснований разрушения городов и пренебрежения процессами их исторического развития служит концепция, согласно которой многие города России причисляются к образованиям, именуемым как "квази"-города. В качестве главных аргументов используются значительные отличия русских городов от западно-европейских.

Между тем любой исторический город – ныне населенный или оставленный людьми, – есть результат особенностей развития страны,

Рис. 12. Звенигород. Нижний посад. Историческая среда средневековой части города.

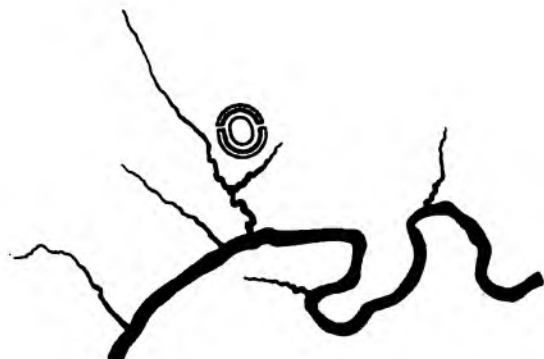
Рис. 13. Звенигород. Новая застройка на главной площади – Красной – после реконструкции 1980-х гг.

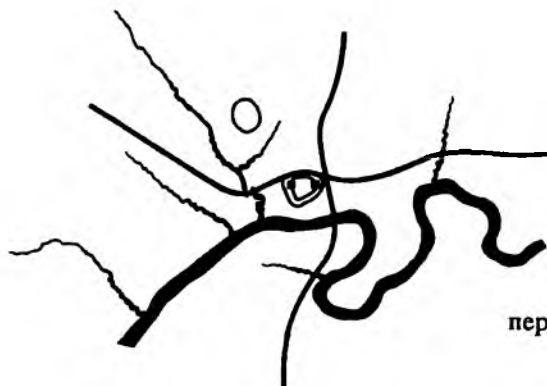
Рис. 14. Осташков. Старая набережная (существующая).

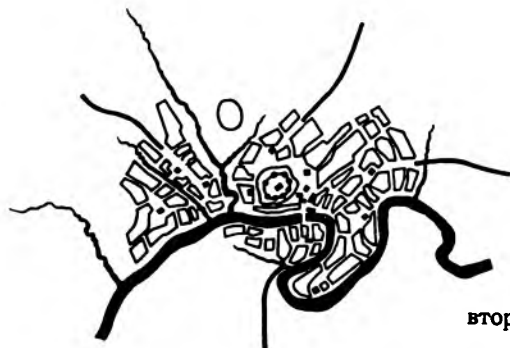
Рис. 15. Осташков. Южная часть старой набережной после реконструкции 1987 г.

ХІІ—ХІІІ вв.

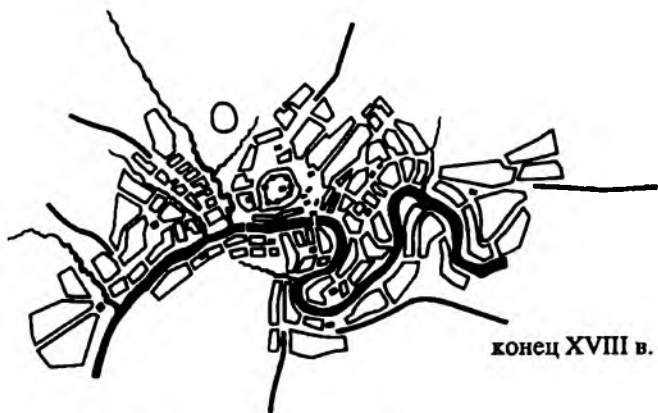

первая половина ХVІ в.

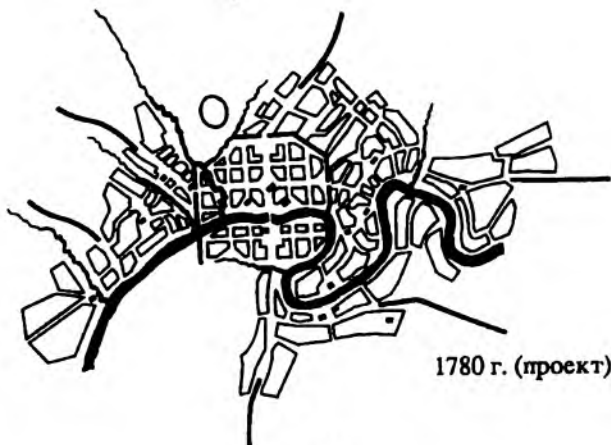

вторая половина ХVІ в.

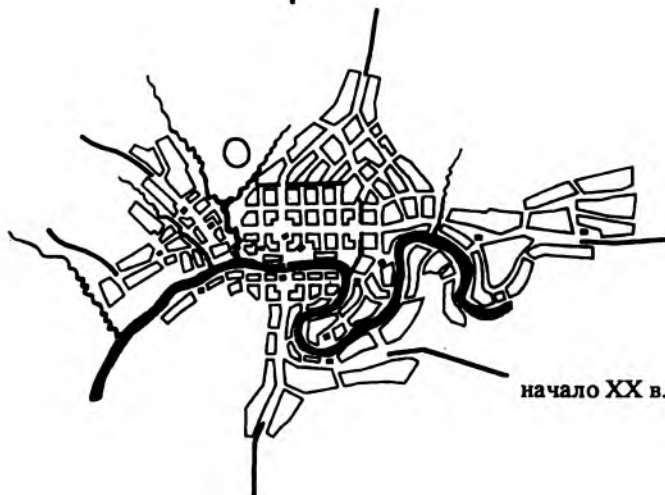
Рис. 16. Михайлов. Эволюция планировочной структуры города.

конец XVIII в.

1780 г. (проект)

начало XX в.

народа, его культуры. И потому исторические города России являются, в той или иной мере, выразителями всей совокупности характерных условий развития и результатом действия особых закономерностей, свойственных именно русскому градостроительству. Непонимание этого способствует оправданию разрушения городов.

В современной урбанистике бытует и другой тезис, согласно которому русский город на протяжении всей его истории развивался (и развивается ныне) как "слобода". На этом основании признается закономерным устройство нового городского центра на месте исторического – в виде главной улицы, максимально длинной и широкой (улица Новый Арбат в Москве и многокилометровый центральный проспект в г. Набережные Челны). В градостроительстве 1960–1990-х гг. преобладает все же создание несколько менее ординарной структуры: на месте исторического центра города сооружается крест из двух взаимоперпендикулярных направлений, что ведет к сплошному уничтожению планировочной структуры и застройки старого города.

Такая практика преобразования городов обусловила возникновение системы представлений, распространившихся среди проектировщиков и теоретиков градостроения: "В каждую новую эпоху город формируется вновь". Между тем, как показывают исследования, города на протяжении всего времени существования подвержены изменениям, но при этом даже теперь, после десятилетий борьбы с наследием, во многом являются хранителями материально-пространственного воплощения их градостроительных традиций. Следы минувших эпох не исчезают, но сохраняются в исторической среде города. Смена этапов эволюции, свершающаяся под влиянием изменившихся градообразующих факторов, несет напластование и взаимодействие сложившихся градостроительных традиций предшествующего времени и новых принципов реконструкции, проводимых с различной степенью преемственности. Приобретая новое в процессе исторических преобразований, города нередко утрачивали немало ценных фрагментов, поскольку не всегда проектируемое служило продолжением и развитием прошлого, часто органически необходимого в самобытной его организации. Противоборство сложившихся градостроительных традиций и вновь вводимых требований воплощалось по-разному, и наиболее ценными являются те города, в которых новое создавалось на основе преемственности традиций и использования их в процессе преобразований.

Утрачивая традиции, города теряют свою неповторимость, становятся безликими, даже при сохраненных памятниках архитектуры. Между тем следует признать, что не единичные памятники, а вся совокупность архитектурно-художественных и природных средств, формирующих поселение, является средоточием его ценности. Отдельные элементы исторической среды – дома, улицы, ландшафт – не воспринимаются изолированно. Они соединены между собой глубочайшими взаимозависимыми объективно обусловленными связями и представляют в каждом случае неповторимое градостроительное образование – результат длительного взаимодействия человека и природы. При всем единстве и безусловном сходстве принципов формирования исторических поселений

Рис. 17. Белов. Исторический ландшафт города.

России, градостроительные традиции их индивидуальны, так как характерны для определенного города и чужды другим.

Стремление отделить, изолировать памятники архитектуры как единственно важное и ценное в городе от их окружения, от всего "неценового", "малозначащего", – вылилось в лозунг: "Культура – все, что не природа". Этот лозунг находится в противоречии с основополагающими принципами градостроительства, т.к. ландшафт – безусловная и самая активная часть древнего и средневекового этапов развития русского города. Период классицизма также характеризуется существенным влиянием на его формирование.

Искажение исторической среды происходит не только путем потребления ландшафта, но также искусственным вычлениением из живой, неразрывной структуры города некоего "заповедного" участка улицы, что нарушает органическую целостность всей среды. Так в Москве появилась улица "Старый Арбат", искажившая всю центральную часть города XV–XIX вв. Случайно и насильственно акцентированная, вырванная из окружения, эта улица утратила композиционную, структурную и функциональную связь с ним, оказавшись чужеродной для исторического центра.

Исторические исследования эволюции городов неопровержимо показывают, что все города без исключения обладают индивидуальными, конкретными традициями развития. Каждый город несет свою роль в истории и в культуре. Любое привносимое изменение не должно уничтожать эти традиции, а наоборот, исходить из них. Реконструкция должна стать не борьбой с историческими традициями, но продолжением и развитием их на новом этапе. Только тогда перспективный период становится гармоничным и объективным этапом истории города, закономерным и необходимым звеном его эволюции. В этом убеждают, в частности, работы проведенные в конце 1960 – начале 70-х гг. под руководством автора. Выполнены несколько стадий проектов реконструкции городов, основанных на исторических исследованиях и выявлении закономерностей их развития. Один из них – Михайлов, Рязанской области, история которого восходит к XI–XII вв. и в котором после

Рис. 18. Белов. Историческая среда средневековой части города.

Рис. 19. Белов. Историческая среда регулярной части города.

1920-х гг. были взорваны почти все вертикали церковей (10 из 13-ти) и монастырь. Но при этом во многом сохранилась историческая архитектурно-природная среда города: пространство и рельеф всех улиц и площадей, их застройка, река в живописных берегах, овраги, фрагменты крепостного вала и рвов, древнее городище. Официально Михайлов не был признан ни ценным, ни историческим. Тем не менее результаты исследований, проведенных автором, выявили реальные ценности его культурно-природной исторической среды и градостроительные закономерности всех этапов развития³ (рис. 16).

Анализ сложившегося расселения вокруг Михайлова, образующего целостную систему, объединенную природными, историко-культурными и социально-хозяйственными связями, выявление в планировке и композиции города сочетания различных исторических эпох, а также ретроспективных миграционных процессов, – позволил раскрыть закономерности развития города, которые были учтены при его реконструкции.

В проекте генплана сохранена вся историческая среда Михайлова, а новый центр, в соответствии с традициями, предусматривается не на месте существующего, но рядом с ним. Объемно-пространственная структура будущего Михайлова основывается на постепенном усложнении применяемых архитектурных и планировочных средств, – по мере удаления от исторического ядра: на холме древнего городища естественный ландшафт остается нетронутым; самые низкие, пластичные здания нового центра размещены у подножия старого города; размеры более удаленных от него сооружений постепенно возрастают; главная доминанта будущего Михайлова – более других удалена от исторического ансамбля.

Другой город – Белов, Тульской области⁴. Подобно Михайлову, в нем

Рис. 20. Белов. Проект реконструкции генерального плана города 1971–1975 гг.

сохранились следы всех этапов эволюции, с IX по XX в. Система крепостных и "острожных" валов и рвов, средневековых и регулярных улиц и площадей с высящимися над ними храмами, колокольнями и монастырями (рис. 17) – подчинены выразительному ландшафту холмистого надпойменного Окского берега (рис. 18). Застройка, намечаемая в местах утрат, соответствует характерным для города формам и является сомасштабной средой для комплексов и сооружений XVIII–XIX вв. (рис. 19).

Выявление градостроительных традиций определило основное направление развития города на перспективу: к юго-западу, вдоль главной исторической улицы, но не вторгаясь в ее пределы и не нарушая ее существующего режима. Новые постройки предусмотрены в местах, не получивших архитектурно-композиционного выражения и модульны исторической среде, не превышая окружающие здания ни протяжен-

ностью, ни высотой. Исходя из традиций и характерных особенностей развития Белева, его архитектурно-планировочная структура усложняется и, хотя остается регулярной, приобретает новые качества нерегулярных пространственных композиций – живописных, свободных, характерных для средневекового периода. При этом вновь проектируемые сооружения, дополняя и развивая исторически сложившуюся основу города, представляют композиционно-ключевые узлы, объединяющие между собой различные его элементы: завершая перспективы регулярных улиц, они являются связующими компонентами и с древнейшими, и со средневековыми комплексами, и с ландшафтом (рис. 20).

Ценность русских поселений состоит в исторической архитектурно-художественной и природной среде. Будучи основным материально-пространственным содержанием поселения, среда является хранителем его градостроительных традиций. Выявление более полной и достоверной эволюции города влияет на масштаб, границы, направление его перспективного развития. Новое проектирование, строительство и перестройка должны исходить и производиться на основе этих традиций. Игнорирование закономерностей и разрушение исторической среды – невосполнимо, и неминуемо ведет к утрате характерного образа поселения.

Изучение и сопоставление текстовых и графических материалов характеризуют города на протяжении отдельных периодов их истории; привлечение натуральных обследований показывает реальное воплощение их эволюции в пространстве. На основании синтеза этих и всех других прямо или косвенно затрагивающих историю материалов, с использованием перспектив расселения определяется хозяйственно-культурный потенциал города – существующий и принимаемый на последующем этапе. Анализ этих сведений вскрывает объективные градостроительные традиции и тенденции развития. Все этапы формирования поселения, от древнейших времен, включая современный и перспективный, – неразрывны, поэтому совместное их изучение, установление взаимосвязей и взаимовлияния представляют важнейшее условие его познания.

¹Проекты реконструкции генплана и центра Сергиева Посада выполнены институтом "Гипрогор" в 1977 г. Проекты реконструкции Звенигорода выполнены "НИИПИ Генпланов Московской области".

²Реконструкция генплана Богородицка выполнена институтом "Гипрогор" в 1977 г. Реконструкция генплана и центра Осташкова выполнены Институтом "ЦНИИП градостроительства" в 1980–1981 гг.

³*Возлинская В.М.* Градостроительные традиции в динамически растущем малом городе (на примере г. Михайлова) // *Русский город: Исследования и материалы.* М., 1982. Вып. 5. С. 51–73; *Возлинская В.М.* Малые города Центрального экономического района: некоторые черты эволюции исторического развития // *Структурно-географическое изучение населения СССР / Моск. филиал географич. Общества СССР.* М., 1980. С. 111–117.

⁴*Возлинская В.М.* Методы исследования и реконструкции древнего города // *Русский город: Исследования и материалы.* М., 1986. Вып. 8. С. 206–236.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОРОДА

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ "СОЦИАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ" РУССКОГО ГОРОДА (Новгород как социальная структура)

В.Л. Янин

Ряд весьма существенных исторических представлений, сложившихся в давние времена, но пользующихся популярностью до сегодняшнего дня, отнюдь не адекватен той сумме документальных свидетельств, которые лежат в основе этих представлений. В этом приходится убеждаться по мере накопления новых источников, вступающих в резкое противоречие с привычными взглядами. Шестидесятилетний опыт археологических раскопок в Новгороде дает многочисленные примеры таких противоречий, заставляя исследовать заново казалось бы давно решенные проблемы. Коснемся некоторых из них.

Время и обстоятельства возникновения Новгорода. Извечный вопрос "откуда пошла Русская земля" в историографии был предельно политизирован сначала дискуссией с "норманистами", базирующейся на фундаменте патриотических идей, которые противопоставляли династическому принципу понимания русской государственности принцип ее возникновения в приднепровском центре, а затем утвердившимся на той же основе украинским национализмом, который провозгласил северо-западные земли Руси (Псков и Новгород) исторической периферией Киевского государства. Археологические исследования Новгорода и его округа позволили установить следующие важные обстоятельства.

1. Заселение северо-западных русских земель произошло главным образом массивом славянского населения, пришедшим не с юга, а с территории южной Балтики. На это указывают особенности древне-новгородского диалекта, выявленные А.А. Зализняком при изучении берестяных грамот. Они находят аналогии больше всего в северолехитских языках. О том же говорят материалы топонимики, данные антропологии, многие археологические бытовые реалии, наличие в славянской Восточной Европе двух денежно-весовых систем и т.д.

2. Новгорода еще не существовало в середине IX в., т.е. во времена,

к которым летопись относит приглашение в него скандинавского князя Рюрика. Самые ранние обнаруженные в нем напластования датируются первой половиной X в., а анализ общей топографической картины города не оставляет надежды на открытие в нем более ранних древностей.

3. Между тем исследование известной новгородской княжеской резиденции – Городища в 3 км выше Новгорода на Волхове – обнаружило в ней наличие очевидных комплексов княжеского двора, имеющих явную скандинавскую окраску. Начало формирования этих комплексов относится к середине IX в. (Е.Н. Носов), подтверждая достоверность летописной легенды о призвании скандинавского князя. Это призвание состоялось, следовательно, тогда когда племена, входившие в состав новгородского сообщества (новгородские словене, кривичи и аборигенные угро-финны – "чудь"), жили еще дисперсно, не имея единого городского центра.

4. Приглашение князя было оформлено договором, который в дальнейшем стал конституционной основой новгородского принципа "вольности в князьях", т.е. права веча пригласить любого князя или изгнать его в случае нарушения договора. По крайней мере, два условия имелись в формуляре этого недошедшего до нас соглашения. Во-первых, князь не получал права владеть на новгородской территории какими-либо землями за исключением специально выделенных ему для содержания коней лугов. Во-вторых, сбор доходов с населения должен был осуществляться силами самих новгородцев, а не княжеской дружиной, т.е. ставился под контроль местного общества, которое участвовало и в распределении этих доходов.

5. Возникновение Новгорода около рубежа IX–X вв. хронологически совпадает с моментом ухода с Городища на юг Олега и Игоря, завоевавших Киев и перенесших туда свою столицу, и является, таким образом, результатом нарушения договора князем, когда на место последнего встала безымянная, жившая на Городище, дружина. Это изменение ситуации должно было вызвать к жизни возникновение новой структуры местного общества. На место будущего Новгорода селится племенная верхушка, местная аристократия – тот слой, который может быть назван протобоярством. Возникновение городского центра оказалось активным способом консолидации межэтнического сообщества, некогда пригласившего князя. Княжеской городищенской администрации с этого момента противостоит постоянное вече. Обращает на себя внимание этимологическое соответствие наименований трех древнейших районов Новгорода племенным союзам новгородских словен (Славянский конец), угро-финнов (Неревской конец – от "нерева", "нором"), кривичей (с которыми, вероятно, связывается Людский конец: "люди" – термин, часто выступающий как самоназвание этносов).

Таким образом, государственность Новгорода возникает в процессе самостоятельного развития местного разноэтнического общества, а не является периферийным порождением среднеднепровской диффузии славян. Более того, само становление Древнерусского государства с центром в Киеве является результатом объединения двух главных его

компонентов с центрами в Киеве и в Новгороде под эгидой единой династии.

Экономическая основа новгородского боярства. Особенностью новгородской государственности XII–XV вв. является его республиканское устройство, в системе которого власть в городе и в государстве принадлежала местной аристократической верхушке – боярству, а князь, занимая подчиненное положение, был по существу одним из главных чиновников боярской республики. Традиционная точка зрения исходила из следующего представления о процессе, приведшем к становлению такой системы. На протяжении X – начала XII в., когда главный центр княжеской власти находился в Киеве, в Новгород из Киева присылались наместники, каковыми были старшие сыновья киевских князей, т.е. юридически законные наследники общерусской власти. Будучи в перспективе владельцами киевского стола, они вовсе не стремились обзавестись доменальными землями в Новгороде. Поэтому фонд общинных земель Новгорода постепенно был захвачен не князем и его окружением, а местными боярами, в результате чего они в целом стали сильнее князя и смогли его преодолеть в ходе антикняжеского восстания 1136 г., только после победы бояр в котором князю было запрещено иметь земельные владения на территории Новгородской республики (Б.Д. Греков).

В действительности же, как показывает анализ летописных сообщений и показаний актов, основные победы боярства были достигнуты еще до 1136 г. – подтверждением неподсудности князю бояр при Ярославе Мудром, организацией органа боярской власти (посадничества) не позднее 80-х гг. XI в., осуществлением принципа "вольности в князьях", по крайней мере, дважды на протяжении XI в.

Более того, выяснилось, что возникновение частной собственности на землю и формирование первых вотчин в Новгороде не может быть датировано ранее рубежа XI–XII вв. Иными словами, то, что предполагалось условием экономического возвышения боярства, оказалось, напротив, следствием его политического укрепления.

Существует важнейшее свидетельство, выявленное археологическими раскопками. Оказалось, что боярская городская усадьба X в. не имеет каких-либо функциональных, хозяйственных, структурных отличий от усадьбы, скажем, XV в. Возникнув на заре существования Новгорода, она остается неизменной на протяжении следующих веков, вплоть до утраты Новгородом политической и экономической независимости в конце XV в. Частоколы на границах боярских усадеб на протяжении шести столетий возобновляются на однажды проведенных линиях, а в хозяйственном смысле городская боярская усадьба все эти столетия является центром переработки сельскохозяйственного продукта. Эта ее функция возникла отнюдь не с переходом к вотчинной системе, т.е. не с появлением крупной частной собственности на землю; она очевидна уже в древнейших горизонтах культурного слоя – в первой половине X в. Осмысливая такую стабильность боярской усадьбы, мы должны вернуться к изложенному наблюдению об участии местной аристократии в сборе государственных доходов с населения Новгородской земли и контроле над их распределением.

Именно в древнейших слоях боярских усадеб обнаружены реальные свидетельства участия бояр в этом процессе. Имею в виду известные уже в одиннадцати экземплярах деревянные замки для гарантированного запирания мешков с собранными ценностями и с указанием их принадлежности сборщикам дани, а также берестяные грамоты XI–XII вв., прямо указывающие на бояр как организаторов и участников сбора государственных доходов.

Механизм экономического обогащения бояр в свете этих наблюдений представляется таким. Как известно, дань собиралась по фиксированным нормам, но, главным образом, в виде натурального продукта. Поступив на городскую усадьбу боярина, этот продукт подвергался обработке вотчинными ремесленниками и превращению его в товар, стоимость которого была значительно выше исходной цены. Разница между передаваемой в государственную казну нормой и товарной стоимостью обработанного продукта и составляла чистый доход боярина, коль скоро в государственную казну он возвращал лишь суммы, соответствующие исходной норме.

Участие в сборе доходов давало в руки сборщиков дополнительный источник обогащения и в виде ростовщичества. Ранние берестяные грамоты пестрят сообщениями о процентах, не полученных с должников, о предоставлении капитала под проценты и т.д. В случае невозможности уплатить пошлину в срок плательщик мог получить ссуду от сборщика дани под ростовщический процент в обмен на долговое обязательство.

Переход к вотчинной системе, вероятно, был первоначально вызван насыщением новгородского рынка серебряной западноевропейской монетой, ярко обозначившимся в конце XI в. Естественно, что, получая пошлину с населения не в натуральном продукте, а в серебре, сборщик вынужден бывал полностью передавать ее в казну, не имея возможности изменить стоимость монетного кружка приложением к нему каких-либо дополнительных усилий (Н.Н. Гринев). Между тем боярин-вотчинник, расплатившись с государством, извлекал дополнительный доход уже не эксплуатацией вотчинных ремесленников, а прямой эксплуатацией сидевших на его земле крестьян.

Таким образом, на протяжении всего обозримого времени – с начала X в. до конца XV в. экономической основой новгородского боярства было землевладение – сначала в корпоративной, а затем в частновладельческой форме.

Место ремесла в социальной структуре Новгорода. В течение долгого времени в русской историографии господствовала "торговая теория" происхождения городов. Согласно этой теории, Новгород, в частности, не имел развитого ремесла, удовлетворяясь ввозом ремесленной продукции из-за рубежей в обмен на продукты промыслов (пушнину, мед, ценную рыбу, воск и т.п.).

Между тем раскопки в Новгороде открыли остатки около 150 ремесленных мастерских (при том, что археологически изучено лишь около 2% древней территории города) разных веков – от X до XV – и разных профилей: замочников, кожевников, ювелиров, литейщиков, токарей, бондарей, сапожников, ткачей, красильников и т.д. Материальным инди-

котором таких мастерских является наличие специализированного инструментария, отходов производства, бракованных изделий. Изучение техники и технологии таких производств, как обработка черного и цветного металла, ткацкое ремесло, сапожное дело, стеклоделие, обработка дерева и кости показало, что по уровню специализации и дифференциации, по оснащенности специальным инструментарием и технологической рецептурой уровень ремесла в Новгороде на всем протяжении исследованного времени был не ниже уровня производства в прославленных средневековых центрах Западной Европы и Ближнего Востока (Б.А. Колчин, Н.В. Рындина, Ю.Л. Шапова, С.А. Изюмова, А. Нахлик).

Не менее важные наблюдения были сделаны при изучении новгородских импортов. Оказалось, что главную их основу составляло разного рода ремесленное сырье, собственными месторождениями которого Новгород не располагал. Привозными в Новгороде были все виды цветных металлов (золото, серебро, медь, свинец, олово), поделочные камни, даже некоторые виды ценной древесины. Металлографические и спектрографические исследования постепенно расширяют и детализируют картину конкретных связей Новгорода с регионами поставки сырья (Е.А. Рыбина).

Механизм снабжения ремесленных мастерских сырьем заслуживает особого внимания. Подавляющее большинство открытых в Новгороде ремесленных мастерских не принадлежало свободным ремесленникам. Эти мастерские обнаружены на больших боярских усадьбах, хозяева которых, как уже отмечено выше, эксплуатируя труд вотчинных мастеров, основывали свою хозяйственную деятельность на крупном землевладении. Действие системы "боярин – крестьянин – торговец – ремесленник – боярин" наглядно демонстрируется изучением некоторых массовых категорий ремесленных предметов XI–XII вв. На первую половину XII в. приходится существенное упрощение технологических приемов, использование имитационных форм, связанное с массовым переходом ремесленников от кропотливого изготовления продукции на заказ к стандартизации производства в расчете на широкий рыночный спрос. В ту же единицу времени мастер изготавливает больше продукции, нежели раньше, но продукция становится менее долговечной. Резкое увеличение объема производства требует, естественно, столь же резкого увеличения объема сырья, а вместе с тем и интенсификации импорта. Однако увеличение импорта может быть достигнуто лишь эквивалентным увеличением массы экспортируемых из Новгорода товаров, среди которых первое место действительно занимают продукты промыслов – пушнина, воск, мед, ценные породы рыб, льняные ткани и т.п. Далеко не случайным в этой связи представляется синхронное указанному процессу резкое расширение боярской колонизации в северных промысловых районах – в Обонежье и на Северной Двине – именно в XII в.

Но на тот же период конца XI – первой половины XII вв. приходятся и наиболее значительные успехи боярства в создании республиканских форм правления, в антикняжеской борьбе. В конце XI в. формируется орган боярской власти – посадничество, а в 1136 г. завершается создание

боярской республики. Мне эти процессы представляются взаимосвязанными.

Боярская усадьба – основная структурная ячейка Новгорода. В современной науке широко бытует еще один ложный постулат. Используя наблюдения над структурой позднесредневекового города (XVI–XVII вв.) исследователи фетишизировали понятия "кремль" и "посад", понимая под первым центральный городской район, в котором сконцентрировано защищенное фортификациями аристократическое население, а под вторым – широкое, вне стен центрального укрепления пространство, населенное простонародьем, в том числе и в первую очередь ремесленниками. Фетишизация этих понятий имела одним из следствий их перенос на городские структуры более раннего времени, для которого провозглашалась их обязательность.

В Новгороде эта идея упала на благодатную почву. Один из его пяти концов назывался Гончарским, другой – Плотницким. В окраинной части города расположен район, называемый Кожевники. Существовали в Новгороде древние улицы Щитная, Молотковская, Кожевническая, а половина города именуется Торговой. Если бы не было раскопок, то какой убедительной силой доказательности обладала бы типонимика города, свидетельствуя о наличии в нем социальной топографии. Однако раскопки показали, что понятие "посад" ни к одной из частей Новгорода X–XV вв. неприменимо. Боярские усадьбы расположены во всех районах города, но не в кремле. На всех этих усадьбах обнаружены следы ремесленных производств, т.е. наличие вотчинного ремесла. Социальная стратификация города отнюдь не проявлялась территориально.

Любопытные материалы для характеристики городского боярского хозяйства и вотчинного ремесла дает топографический анализ находок берестяных грамот. Исследование групп соседствующих усадеб с персонализацией каждой из них по данным берестяных документов позволило установить в ряде случаев клановый характер городского боярского землевладения в средневековом Новгороде. Выяснилось, что значительные участки города составляли наследственную собственность крупных боярских родов: владельцы таких соседствующих усадеб вели происхождение от общего предка. Впервые такая структура была выявлена при раскопках 1951–1962 гг. на Неревском конце, где не менее десяти расположенных на одном участке больших усадеб (в среднем величиной около 1200–1500 м³ каждая) принадлежали потомкам знаменитого в новгородской истории боярина рубежа XIII–XIV вв. Юрия Мишинича. Хотя генеалогия этого рода не может быть пока достоверно прослежена глубже указанной даты, однако сам объем участка и стабильность его планировки, неизменной с X в., свидетельствуют о глубокой древности подобной структуры.

Сходная картина наблюдалась при раскопках большого участка в Славенском конце, принадлежавшего предкам и потомкам боярина Федора Тимофеевича, который жил в конце XIV – первой четверти XV в. Но наиболее важные материалы были получены во время раскопок в Людине конце, начатых в 1973 г. и планируемых к продолжению еще в

течение достаточно длительного срока. Здесь аналогичная структура кланового боярского землевладения в городе зафиксирована для XII в., когда значительный участок, включающий не менее семи усадеб, принадлежал знаменитой в Новгороде боярской семье потомков Несды – Внезду и Мирошке с их нисходящими.

Такой способ организации городского владения не только делал его экономически устойчивым (напомню, что боярские усадьбы не меняют своих границ на всем протяжении X–XV вв.), но и позволили создавать замкнутую структуру самодовлеющего хозяйства. Практически на каждой боярской усадьбе имелась какая-либо ремесленная мастерская, но в пределах такого клана большая боярская семья имела возможность располагать исчерпывающим набором разных производств, которые в то же время обладали очевидной товарностью, прочно связывая владельцев усадеб с торгом, на котором и реализовывалась избыточная продукция.

В то же время такая система, способствуя боярской консолидации, решительно препятствовала консолидации ремесленников по профессиональному признаку. В Новгороде не возникло цеховых организаций ремесленников. Участие мастеров разных производственных профилей в единой хозяйственной организации боярского клана становилось для этого неодолимым препятствием. Особо остановиться на этом вопросе приходится потому, что ряд авторитетных историков (Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров) упорно внедрял в литературу умозрительный тезис о наличии в средневековом Новгороде ремесленных цехов.

Напротив, наличие в Новгороде купеческих корпораций (Иваньской организации, товариществ заморских купцов, купцов-прасолов) в свете изложенных выше соображений не может быть связано с предположением об их возникновении в недрах боярской структуры. Купечество развивается вне боярских концов, в административной системе "сотен", которая объединяет "черных людей", т.е. население, уплачивающее государственные повинности.

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ (X–XIII вв.)

В.П. Даркевич

В этой работе, носящей полемический характер, автор пытается показать, как некоторые тенденциозные положения историографии советской эпохи отразились на трактовке проблемы городов в домонгольской Руси, и видит свою задачу в том, чтобы обратить внимание исследователей на наиболее уязвимые пункты теории городов древней Руси. Он никак не претендует на окончательное решение поставленных вопросов: статья скорее отправная точка для развернутой дискуссии.

Определение города. Его функции

В определении понятия "город" лучше воздержаться от чересчур жестких формулировок, что неизбежно приведет к схематизации и ограничению столь сложного социокультурного явления.

Сегодня уже вполне очевидна бесплодность попыток определения города посредством застывшего набора критериев и признаков. Ведь состав критериев варьирует в зависимости от места и времени: именно это и позволяет выявить этапы развития и региональные различия, учесть специфическую индивидуальность каждого городского пункта. Однако попытки дефиниций следуют одна за другой от самых элементарных ("город – центр ремесла и торговли" или "город есть населенный пункт, в котором сосредоточено промышленное и торговое население, в той или иной мере оторванное от земледелия"¹ до более сложных, учитывающих его полифункциональность. Длительное время преобладали позиции, где акценты смещались в сторону ремесленно-торговых приоритетов (С.В. Юшков, Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, А.М. Сахаров и др.), хотя не отрицались и иные весьма важные функции: военно-политические, административные, культурно-идеологические. "Типичным следует считать сочетание в городе следующих элементов: крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, торговли, административного управления, церквей"². "Русские города были центрами развития ремесла и торговли, центрами военными и административными, центрами культурными и религиозными"³. В советской историографии роль городов как центров культурного строительства и созидания духовных ценностей, часто ставилась на последнее место, что нашло отражение, в частности, в приведенных цитатах.

⊙ А между тем [урбанизация – прежде всего культурный процесс. Политико-административные и культурные функции города явно важнее, чем ремесло и торговля.] Наиболее квалифицированные мастера, изготавливавшие предметы роскоши, и "гости" – купцы, которые вели дальнюю торговлю дорогостоящими товарами, были тесно связаны с интересами правящей верхушки.

Сравнительно недавно появилось некритически воспринятое определение, показывающее, насколько еще далеки некоторые наши историки от понимания природы средневековой экономики⁴. "Древнерусским городом можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширной округи – волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта"⁴. В Советском энциклопедическом словаре (1982 г.) читаем: "В эксплуататорских формациях прибавочный продукт безвозмездно присваивается господствующими классами и служит источником их обогащения и паразитического существования". Однако для домонгольского времени о подобных формах угнетения не сохранилось ни одного документа да их и не могло быть при тогдашних взаимоотношениях носителей власти и массы свободных общинников – обитателей сельских поселений. Не учитывается роль агрикультуры в самом [средневековом городе, жители которого, подобно жителям современных районных центров со слабым развитием промышленности, вели полукрестьянское существование и

занимались всевозможными промыслами, о чем свидетельствует археология.

В древней Руси при всех различиях между городом и деревней они все же более сглажены, чем в Западной Европе XI–XIII вв. Древнерусские города в противоположность западным с их корпоративными институтами не были замкнутыми мирками, отделенными каменными стенами и упорно отстаивающими свои привилегии. Они во многом сохраняли аграрный облик, органично вписываясь в окружающий пейзаж.¹

О каком "прибавочном продукте", отчуждаемом из сельского хозяйства, может идти речь, когда многие города, как показали археологические исследования, например в Рязани (совр. д. Старая Рязань Спасского района Рязанской обл.)^{*}, возникли намного раньше окружающих сельских поселений? Вполне закономерно основание городов в наиболее благоприятных в климатическом и хозяйственном отношении регионах, но утверждать, что они "возникают ... в первую очередь там, где развивается сельское хозяйство", в издавна земледельческих районах, ставить генезис городов в прямую связь с развитием земледелия⁵, – значит игнорировать индивидуальность каждого городского организма. Расцвет Новгорода, где сосредоточивалась огромная хозяйственная энергия и социальная активность, обусловлен в первую очередь включением в систему мировой торговли. Между прочим, Новгород, расположенный в неблагоприятной для земледелия зоне, был вынужден ввозить хлеб из более южных земель. Такие типичные для Средневековья образования, как города-крепости, основываемые князьями, строились прежде всего в стратегически важных местах.

Города служили опорными пунктами-убежищами для близлежащих деревень: в случае военной угрозы крестьянское население укрывалось за их стенами. Вот почему строительство городских укреплений в центрах земель-княжений, грандиозное по масштабам, рассматривали как великое общее дело. Именно всеобщая заинтересованность в возведении неприступной цитадели, а не принудительный труд, двигала огромными массами строителей. "Город ставили" коллективно – "всем миром": отсюда удивляющий и поныне колоссальный размах работ.

① [Итак, если отвлечься от того факта, что каждый город имел собственные неповторимые черты (топографическое положение, преобладающие функции, количество и социoproфессиональный состав населения и т.д.), при несомненном разнообразии в нем всех видов деятельности, на первый план выступает роль этого феномена как культурного центра. Природной хаотической дикости противостояло архитектурно организованное, очеловеченное пространство. Защищенная стенами территория означала господство права и порядка: условно изображенные чертвы, стены и башни с воротами – неперемный "знак" города в книжной миниатюре и иконописи.

По сравнению с сельскими жителями горожане выступали людьми более высокой культуры, много "путешествовавши, видевши и знавши";

^{*} В дальнейшем имеется в виду именно Старая Рязань, столица Рязанского княжества с середины XII в.

вместе с ростом потребностей возрастают и возможности их удовлетворения. Городскому обществу свойственна повышенная информативность, в его недрах создаются новые механизмы самоорганизации, более прогрессивные формы жизни и собственные градации ценностей. Недаром образование первых городов синхронно принятию христианства: Киев, Новгород и связанные с ними монастыри становятся центрами православия и высокой, основанной на новых этических началах духовности. Городская цивилизация стала почвой для коренных преобразований в общественной жизни и религиозной сфере, в архитектуре и изобразительном искусстве. С ней связано развитие письменности, философии и литературного творчества. Древнерусский город – не столько экономическое, сколько культурное пространство.)

Время появления городов на Руси. Пути градообразования

В настоящее время становится все более очевидна ошибочность стремления к монокаузальному объяснению генезиса городов и городского строя. В основе этого стремления лежит эволюционистский тезис. Между тем город как историко-культурный феномен, как целостная система с качественно новыми свойствами по сравнению с предшествующими поселениями возникает на новом этапе развития общества. Сложный процесс урбанизации спрессован во времени, он скорее революционен, чем эволюционен, что связано с образованием государства и принятием новой религии, легшей в основу культуры древней Руси. Города – главные очаги византийского влияния, причем не только в сфере религиозного культа, но и в комплексном заимствовании более развитого образа жизни (недаром обитатели городов противопоставляли себя округе – деревне, "земле"), многих видов ремесла, интенсификации торгового обмена с другими странами. При Владимире Древнерусское государство впервые начинает чеканить собственную золотую монету, подражающую византийским номисмам.

Следовательно, только с конца X в. в связи с общей экономической, социальной, политической и культурной ситуацией в Восточной Европе создаются предпосылки для создания типа поселения, способного выполнить новые административные и культурные задачи.) Не столько экономические факторы, сколько стремление общества избежать гибельного распада, интеграционные процессы, заставлявшие людские коллективы объединяться под защитой оборонительных стен, способствовали становлению средневековых городов. Но по сравнению с укрепленными или неукрепленными поселениями предшествующего времени (VI–X вв.), будь то полуаграрные общинные поселки без следов какой-либо имущественной дифференциации, княжеская резиденция, торговая фактория с военной гарнизонной или культовый центр, в городах образуется несравненно более сложная словесно-иерархическая организация, возрастает социальная поляризация общества, усиливается профессиональное расслоение. Города сплачивали разнородное, стекавшееся отовсюду население, распавшееся на малые семьи в 3–6 человек (о чем свидетельствует

археология), связанные не столько кровнородственными, сколько соседскими узами. Города – неоспоримые центры духовной жизни с особым менталитетом их обитателей. Культура бюргерства получила отражение в планомерности городской застройки в целом, в больших общественных зданиях светского и сакрального характера, наконец, в облике самих жилищ горожан с преобладанием наземных домов, а не полуземлянок и землянок. Внешним проявлением интенсификации хозяйственной жизни в городе явилось применение купцами письменности в их экономической деятельности (город возможен только в условиях "письменной культуры"). Его отличает денежное хозяйство и специализированное производство: он удовлетворяет свои потребности при помощи мастеров-профессионалов довольно узкого профиля. И чем дальше, тем ремесленная специализация становится более разветвленной и дробной (что хорошо прослеживается археологами при сравнении ремесла X–XI и XII–XIII вв.). Следует учесть и изменения в характере торговли с XI в. Наряду с дальней торговлей предметами роскоши, характерной для IX–X вв., усиливается взаимообмен между городом и сельской местностью.

Общественно-экономическая ситуация в Восточной Европе до X в. никак не могла привести к образованию столь сложных социокультурных организмов; к IX–X столетиям относятся многочисленные предгородские образования самой различной природы, но нет никаких доказательств, что они генетически связаны с подлинными городами Средневековья. Последние рождаются, как правило, на "неподготовленной" почве – иногда поблизости, но не на месте предгородских поселений. Между ними не было прямой преемственности, что доказывается археологическими исследованиями.

Вкратце остановимся на все еще господствующих в российской историографии теориях происхождения городов. В них признается единственно правомерным эволюционный подход к проблеме, и, кроме того, обязательно постулируется, без соответствующих доказательных данных, резкое классовое размежевание общества. Вся сложность и многообразие действительности свелась к нескольким социологическим схемам; губительно сказался отрыв наших историков от передовых течений зарубежной медиэвистики.

Теория племенных центров. В так называемых племенных городах концентрировались племенные власти, князь, его дружина и "нарочитые люди"⁶. "Столицы многих крупнейших княжеств были в свое время центрами союзов племен: Киев у Полян, Смоленск у Кривичей, Полоцк у Полочан, Новгород Великий у Словен, Новгород Северский у Северян"⁷. Согласно И.Я. Фроянову все крупнейшие древнерусские города "складывались на родо-племенной основе"⁸. Вероятно, племенная теория, не подтверждаемая археологическими источниками, базируется лишь на высказывания Ф. Энгельса о городах, сделавшихся "средоточием племени или союза племен"⁹. Не исключено, что к числу племенных центров, подобных древлянскому Искроустеню, относятся некоторые городища, исследованные на территории Украинского Прикарпатья (VIII–X вв.). Она застроены стационарными жилищами, ремесленными мастерскими и другими постройками хозяйственно-производственного назначения.

Открыты длинные дома, служившие хранилищами общинных запасов, местами народных собраний и исполнения религиозно-обрядовых церемоний; здесь же устраивали общественные пиры-братчины¹⁰. Расположение этих городищ в средоточии поселений, среди которых выделяются городища-убежища и городища-святилища, говорит об их особой административной роли, возможно сближающейся с "племенным центром". Но образование крупных городов из подобных общинных поселков ни в одном случае не доказано. Гипотеза В.Л. Янина и М.Х. Алешковского о возникновении Новгорода в результате слияния разнотичных родовых гнезд, игравших роль племенных центров (отсюда деление города на концы), требует дополнительных данных, так как при раскопках в Новгороде не обнаружено культурных слоев ранее X в. Очевидно неправомерно распространять спорную новгородскую модель на другие первые упомянутые в летописи города, в частности Киев.

Предположение Б.А. Рыбакова, что уже в середине I тыс. н.э. Киев являлся центром полянского союза племен, а князь Кий, "родоначальник династии киевских князей", "сотворища градок" во времена Юстиниана I, археологически тоже пока еще не доказывается. Следы корчакских поселений VI–VII вв. на Замковой горе (Киселевке) и Старокиевской горе, открытые там же жилища с лепной керамикой VII–VIII вв., находки на киевских высотах отдельных византийских монет V–VI вв. не могут служить аргументом в пользу существования раннегородского центра с двумя резиденциями Кия¹¹. Конечно, на естественно защищенных киевских горах возникали рядовые общинные поселки, возможно, некоторые и укрепленные, но они никак не выделялись из окружающей аграрной стихии. Такую же ситуацию наблюдаем и в Чернигове. Вопрос о происхождении Киева – наиболее яркий пример субъективизма в трактовке источников: широкое празднование 1500-летия столицы Украины в этом плане является, естественно, условным. К племенной теории генезиса таких городов, упомянутых уже в IX в., как Изборск, Ладога, Белоозеро, Ростов, Муром и др., склоняется В.В. Седов¹². Концепция континуитета довлеет над умами исследователей, но покоится на весьма зыбком основании: существовании на территории будущих городов славянских, славяно-мерянских, а также принадлежавших веси селищ VIII–X вв. Но в Смоленске, "племенном центре кривичей", пока не обнаружено слоев ранее середины XI в. Основание Рязани (по И.Я. Фроянову, первоначально племенном центре с преобладанием вятического элемента) произошло примерно в то же время, причем, как показали широкомасштабные раскопки, город возник в результате внутренней колонизации из разных областей Руси.

Теория эмбриональных городских центров-эмпориев. Расположенные на магистральных торговых путях эти неаграрные поселения IX–XI вв. были связаны в первую очередь с интересами оптовой дальней торговли. "Протогорода", "города-эмбрионы" или "вики", как их называют современные медиевисты, были чрезвычайно нестабильны и с наступлением "городской ситуации" X–XI вв. почти все уступили место новым образованиям. Гнездово, Тимерево, Рюриково городище и другие поселения подобного типа прекращают свое существование, а город

перемещается на новое, лучше защищенное место. Вероятно, причина этому – именно в недостатке стабильности эмпориев, укорененности в окружающем их мире. Они плохо защищали своих временных обитателей – купцов, ведущих кочевой образ жизни и не ощущавших тесной связи с "виком" в той степени в какой это было свойственно горожанам Средневековья. Протогорода Восточной Европы обладают общими признаками с прибрежными виками Северной Европы и Скандинавии (Бирка, Дурстеде, Хайтхабу, Квентовик). К их числу относятся наличие торгова и капища, расположение на стыках важнейших водных путей, обширная заселенная площадь, частые находки изделий, привезенных из дальних стран, особенно с мусульманского Востока, клады дирхемов и украшений, зарытые на территории поселка или вблизи него. Это рыночные места с разноэтничным населением (в материальной культуре Гнездова выделяются славянские, скандинавские, балтские элементы), колонии купцов-воинов, обладавших чрезвычайной мобильностью.

В изменившихся условиях, по мере оформления государственной территории и централизованного административного аппарата эти новообразования Раннего Средневековья, содержащие в себе элементы городского характера, перестают удовлетворять новым потребностям: их вытесняют развитые города во всем многообразии своих функций. Вопреки мнению некоторых исследователей, прямая преемственность между ними не прослеживается.

"Замковая" теория. Наиболее откровенно она сформулирована С.В. Юшковым и получила широкую поддержку в советской историографии. "Нам думается, что город XI–XIII вв. есть не что иное, как феодальный замок – бург западноевропейского средневековья... Это прежде всего центр феодального властвования над окружающей сельской округой¹³. Говоря о преобразовании замков в "настоящие феодальные города", автор формулирует положение, ставшее основополагающим для многих историков: "Как пункты, вокруг которых концентрируются ремесленники и торговцы, эти феодальные города могли возникнуть вокруг городов-замков, вокруг крупных княжеских и боярских сел"¹⁴. В основе этой концепции (С.В. Юшков, Н.Н. Воронин, Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров и др.) лежит стремление обосновать постулат о развитой классовой борьбе в Киевской Руси. Историки нашей страны, начиная с 20-х гг., исходя из принятой ими предпосылки, что уже в домонгольское время развитие феодализма на Руси не уступало его классическим формам в Западной Европе, например в Северной Франции XI–XII вв., объявили древнерусский город центром феодального властвования. Время градобразования непомерно удревнялось: "В более прогрессивных участках Руси процесс вызревания городов падает на VII–VIII века"¹⁵.

В трудах большинства исследователей Киевской Руси явно форсируются процессы классообразования, феодального подчинения крестьянства и формирования крупного землевладения. Как и в Западной Европе, сеньориально-вассальные отношения на Руси возникали сплошь и рядом в форме чисто личных отношений покровительства, службы, верности. Дружинники служили вождю не за земельное дарение, а на условии получения доли в захваченной добыче, за оружие, коней и пиры, которые

вождь устраивал для своих "воев". Но Русь XI–XIII вв. характеризовалась многоукладностью и пестротой социальных и хозяйственных форм. В начале своей истории многие города, как свидетельствует и археология, представляли собой суверенные общины из лично свободных людей, вчерашних отважных пионеров-колонистов. Верховную власть в городе, наряду с представителями княжеской администрации, могло осуществлять народное собрание – вече. Как показали раскопки (например, в Рязани), социально однородное население городов на начальном этапе их развития, не затронутое имущественным расслоением, в основной массе состояло из недавних выходцев из сельских областей Руси. Следует согласиться с Ф.А. Степуном, что для России вообще характерна нечеткость классовых взаимоотношений, что в ней отсутствовали классы в европейском смысле слова (как к примеру, в социальной структуре Англии XIX в.)¹⁶ При постепенно развивавшейся в русских городах XI–XIII вв. имущественной и хозяйственной дифференциации отдельных групп населения с присущими каждой специфическими чертами коллективной психологии и менталитета следует констатировать отсутствие в них столь острого социального неравенства, какое постулируется в современной российской историографии. Структура подавляющего большинства городских общин несет на себе еще черты старинного сословного членения и особенно в конце IX–X вв., что отмечено И.Я. Фрояновым: "Военный вождь-князь, наделенный определенными религиозными и судебными функциями, совет племенной знати (старцы градские) и народное собрание (вече) – вот основные конструкции политического здания изучаемой эпохи"¹⁷. В недрах средневекового общества была высока и социальная мобильность.

При понимании города как организма духовной солидарности, его тяги к самодовлению (естественно, при неизбежном имущественном неравенстве, противоречиях отдельных общественных группировок) города возникают в акте дружественного единения самых разнообразных социальных слоев. В их создании, наряду с князьями, боярами, дружинниками, активно участвовали свободные торговцы и ремесленники, образованные клирики, а также массы мелких сельских производителей – крестьян-смердов. Полагать, что над всем этим "людем" всецело царили "феодалные хищники" значит подгонять живую историю под диктуемые нормативными стандартами требования. Менее всего присущи понятиям "классовой борьбы" угнетенных масс языческие восстания волхвов, волнения в Киеве после поражений в битвах с половцами или связанные с отстаиванием прав противоборствующих князей на киевский стол (1068, 1113 гг.), брожение противодействующих сил в Новгороде с его стремлением к достижению городских вольностей.

"Замковая теория" происхождения городов, вытекающая из классового подхода к истории, не может считаться универсальной; кроме того, она не учитывает динамического элемента в развитии городских центров на протяжении X–XIII вв. Если в конце IX–X вв. Киев представляет собой симбиоз княжеской резиденции и торгово-ремесленного поселения, то с середины XI в. его территория, охватив "поле вне града", где возвели Софийский собор, увеличивается во много раз. Центр

общественной жизни перемещается в "город Ярослава": здесь, за мощными укреплениями боярские терема и храмы соседствуют с дворами ремесленников.

Важность "сеньориальной" княжеской власти в градообразовании не подлежит сомнению: князья сами основывают города или при их реконструкции руководят "горододельцами" из числа низшей знати, под эгидой которых проходило непосредственное планирование и строительство. Возникновение так называемых основанных городов, часто имевших стратегически важный крепостной характер, происходило вполне осознанно и в плановом порядке. Как и при первых Каролингах, с ростом военной, политической и религиозной экспансии нового государства они превращаются в жизненно важные полифункциональные центры. Подобно Меровингам и Каролингам, у русских князей не было приверженности к постоянным резиденциям; при существовании "предпочитаемых пунктов пребывания" укореняется практика "кочевания" от ставки к ставке. Духовным и нередко пространственным центром города служит не княжеская резиденция, а главный храм.

Никак нельзя признать всеобъемлющим тезис о непрременной социально-топографической структуре древнерусских городов по схеме: княжеско-дружинный детинец (замок – внутренняя крепость – кремль или кром) и примыкающий к нему торгово-ремесленный посад (преградье, предгордье). Так, в результате раскопок стало очевидно, что первый пояс укреплений Рязани окружал не детинец, а более древнюю часть города без каких-либо следов пребывания представителей правящей элиты. Когда же около середины XII в. происходит обособление Рязанского княжества, размеры огражденной стенами территории увеличиваются в 8 раз (60 га), а вместе с предместьями достигают 75 га. Административный центр перемещается в юго-западную часть города, где по сторонам главной площади воздвигаются княжеский Борисоглебский и кафедральный Успенский соборы.

Теория "двух культур русского феодализма"

Проблемы городского развития на Руси и культурологически ориентированная история тесно взаимосвязаны. На основе совокупности источников, в том числе археологических, не выдерживает критики основанный на догматическом, как я считаю, подходе тезис о двух культурах в средневековом обществе. Фетишизация противоборства культур отразилась в высказывании В.И. Ленина о двух культурах при капитализме – буржуазной и пролетарской, что было механически перенесено в эпоху древней Руси. При этом "феодалская культура", отождествляемая с дружинной и городской противопоставляется культуре "народной", то есть деревенской. В этой безапелляционно декларируемой противоположности отчетливо проявляется тенденция идеализации язычества и умаления роли христианства на Руси:

"... Яд религиозной идеологии проникал (глубже, чем в языческую пору) во все сферы народной жизни, он притуплял классовую борьбу, возрождал в новой форме первобытные воззрения... Религиозная идео-

логия во всеоружии всего средневекового искусства была препятствием на пути к свободному миропониманию"¹⁸. До середины 80-х гг. в официальной советской историографии утверждалась изначальная классовая сущность русской "феодальной церкви", учение и искусства которой оставались якобы чуждыми народным массам.

Д) Между тем [культура древнерусских городов – целостная система, где религия играла главную роль в сохранении этических ценностей в коллективном сознании, обеспечивающем взаимопонимание и коммуникацию людей. Вместе с распространением христианства на Руси создается классически ясная по стилю, тонкая по духовности и преисполненная внутреннего благородства культура. Любуясь шедеврами древнерусского зодчества, мозаиками, фресками и иконами, нельзя забывать, что лучшие художественные памятники XI–XIII вв. связаны с деятельностью церкви, что не противоречило их общенародному звучанию.]

Сторонники биполярной культурной модели игнорируют тот факт, что суеверия и магические действия, дохристианские фольклорные начала, тяга к празднествам и развлечениям, связанным с языческими поверьями, были присущи как верхам, так и низам общества. Разумеется [при усложнившейся общественной структуре, когда в городе формировалось новое единство из разных социальных групп с их особым мировосприятием, стилем жизни и стилем мышления, возникает и многообразие разных уровней культуры, более разветвленной и многогранной. Тем не менее между интеллектуальной элитарной культурой даже высших представителей духовенства, светской дружинной и престолярной мифопоэтической культурами не было непроницаемых перегородок. В воззрениях почти любого человека той эпохи христианская умонастроенность совмещалась с языческими традициями предков, верой в оберегающую силу всевозможных талисманов.] На серебряных браслетах из кладов, запрятанных при монгольском нашествии и принадлежавших женщинам из княжеско-боярской среды, сцены скоморошьих игрищ переносят нас в мир языческой старины. Они рисуют те "служения идольские", возможно приуроченные к аграрным празднествам, против которых на протяжении столетий безуспешно выступали ортодоксальные церковники. Масса орудий труда, бытовых вещей и украшений рядового городского населения, составлявшего большинство, практически не отличается от вещей, обнаруживаемых археологами на сельских поселениях и в курганных комплексах XI – первой трети XIII вв. Это сходство свидетельствует о тесной связи городов и неукрепленных весей и в области материальной культуры об отсутствии столь резкого разделения между городом и деревней в области ремесленного производства, сельского хозяйства и промыслов, как это утверждают историки, переносящие в Средневековье явления последующих эпох. Следовательно [конститутивными элементами городской жизни являлись численность и плотность населения, густота застройки, наличие укреплений. Но при сосредоточении в городах различного рода власти – религиозной, политической, военной – они в первую очередь становятся очагами культурного прогресса.]

Тезис о жестких классовых антагонизмах и, значит, существовании и противоборствующих культур археологически опровергается тем, что

социальное расслоение почти не нашло отражения в топографии городов и системе их застройки. Это отчетливо проявляется при раскопках крупными площадями (Новгород, Рязань), но множество примеров дают и другие города: боярские дворы, церковные владения и усадьбы ремесленников соседствуют друг с другом. Окружающие их частоколы или заборы конструктивно не различаются.

* * *

При междисциплинарном подходе к изучению древнерусских городов, когда подвергаются сомнению казавшиеся еще вчера нерушимыми догматы, роль археологии с ее практической неисчерпаемостью материалов будет неизменно возрастать. В то же время ничем не подтверждаются теории континуитета. Такие["протогородские" образования, как Гнездово под Смоленском, Рюриково городище под Новгородом, Сарское городище под Ростовом, Шестовицкое поселение под Черниговом, Тимеревское селище под Ярославлем, ориентированные на обслуживание внешних связей Руси и сбора полюдья при помощи княжеских дружин, — качественно иные типы поселений, чем позднейшие города¹⁹. С их исчезновением происходит не трансурбанизация, т.е. перенесение "города" на другое место, а возникновение на новом месте качественно новых полифункциональных центров в иной исторической обстановке конца X в. одновременно со стабилизацией Древнерусского государства, переходом от активной внешней экспансии Рюриковичей к упорядоченной внутренней политике.]

Итак, о развитых городах VI–IX вв. в рамках позднеплеменного строя говорить не приходится (в Новгороде, Киеве, Ростове, Смоленске не обнаружено слоев IX в.). X столетие — переходный период: наряду с предгородскими образованиями появляются центры, подобные Новгороду и Киеву, столицы огромного государства, где уже происходит синтез всех городских функций. Возникновение городов как наиболее прогрессивных образований стоит в прямой зависимости от сложения государственности, в частности, в связи с усложнением аппарата управления, становлением церковной организации. Но подлинно "городская революция", когда город выступает уже вполне сформировавшимся учреждением, происходит, как и в Западной Европе, с XI в. Именно с этого времени, особенно с распадом "империи Рюриковичей" после смерти Ярослава Мудрого, начинается интенсивный рост старых городов и возникновение новых на местной основе в пределах новых земель княжений. Их количественный рост, связанный с культурным подъемом на Руси, приобретает скачкообразный характер: согласно М.Н. Тихомирову, если в IX–X вв. летописи дают сведения о существовании 23 городов, то в XI столетии встречаем 64 новых города, а в источниках XII в. появились еще 134, но эти подсчеты явно неполны²⁰.

Вследствие стремительного роста городского населения (и демографического увеличения сельского, стекающегося в города) во много раз увеличивается укрепленная площадь и размеры предместий, расположенных непосредственно у стен. Обычным явлением становится многократное перемещение центров общественной жизни города и его

архитектурных доминант. Города превращаются в центры культуры, расцвету которой в качестве активной творческой силы содействовали правящие слои. Среди многочисленных функций города (особенно крупного) интеллектуальная, религиозная, административная по крайней мере, не менее важны, чем военная, торговая и промышленная. Горожанам присуще чувство гордости за свой город, стремление возвыситься над другими городами: в их среде складывается специфическое самосознание – "особое состояние духа".

¹ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 98.

² Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 433.

³ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С. 20.

⁴ Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 52.

⁵ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 58–64.

⁶ Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 23.

⁷ Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 148, 149.

⁸ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 229.

⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 163.

¹⁰ Тимощук Б.А. Восточнославянская община VI–X вв. н.э. М., 1990.

¹¹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. С. 94 сл.

¹² Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 242, 243.

¹³ Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 134, 135.

¹⁴ Там же. С. 136.

¹⁵ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 110.

¹⁶ Степун Ф.А. Мысль о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 232.

¹⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь. С. 231.

¹⁸ Рыбаков Б.А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 32.

¹⁹ Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4.

²⁰ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 13 сл.

ГОРОД РОССИИ НА ПОРОГЕ УРБАНИЗАЦИИ

В.Л. Глазычев

Лишь на первый взгляд название статьи может быть воспринято как нарочито парадоксальная риторическая фигура. Название со всей точностью выражает смысл того процесса, что начался или даже только еще начинается сегодня в России.

Несмотря на привычность употребления слова "город", города у нас существуют преимущественно как надписи на картах и строки в статистических сводках. В России не было и нет городов, если под городом понимать прежде всего социальную организованность граждан. Новгород и Псков – неорганичные исключения из правила насильственно приведенные в соответствие норме еще при Великом князе Иоанне III. То, что здесь привычно именуется городом, не столько сложилось, сколько было

выстроено властью в качестве инструмента подавления и удержания под контролем как правило слабозаселенных сельских и природных территорий. Городом именовался единственно кремль, тогда как ни посад, ни тем более слободы и усадьбы, примыкающие к нему и входящие в его "тело", не было и нет оснований причислять к городу.

"Дмитров, город, земляной вал, по осыпи 4 башенных мест, по мере около города и башенных мест 459 сажен, стоит на реке Яхrame, разстоянием от Москвы в 60 верстах. В том городе магистрат, в котором бурмистр 1, ратманов 2. Канцелярия их и приказные служители особые. Купечества в том городе по нынешней переписи 1011 человек. В том же городе из шляхетства фискал Федор Зевитов. В Дмитрове ж, и в Клину и на Волоку Ламском судебной камисар 1, при нем копистов 2. В Дмитрове ж крепостная сантора, в ней надсмотрщик 1, писец 1... А по ведомости Камор-коллегия показано монастырей в городе 4, в уезде 1. Церквей в городе 9, в уезде 80... В Дмитровском уезде имеется компанейская стеклянная фабрика¹.

Все "производственные" доходы с городов, к примеру, Смоленской губернии (это не точно, так как многие окладные места были вне городской черты) планировались на 1723 год: "с лавок, полков, шелашей и кузниц"; "с клейменя кубов", "с торговых бань"; "с садовников и с садовых овощей" и "с постоянных дворов" составили 1.195 рублей или 5% общих поступлений. Доходы же с, так сказать, системы обслуживания, – "кабацкие", "таможенные", "табашные", "с челобитчиковых и с ысцовых дел пошлин", "с письма крепостей" и "с разночинцовых бань" составили ни много ни мало 29.123 рубля или около 75%.

Отвечая на знаменитый опросный лист Российской Академии Наук 1792 г., бурмистры уездных городов все как один показывали, что городские обыватели "упражняются черною огородной работою, а торговли никакой не бывает". Обстановка никак существенно не изменилась и к середине прошлого века². Лишь к семидесятым его годам, когда разорившиеся помещики потянулись в город, сугубо сезонное его прежнее оживление сменилось более-менее постоянным, да и то за счет удвоения "города" в системе дачного бытия.

Полноценному городскому самоуправлению, а вместе с ним и началам городского сознания не находилось места в российском жизнеустройстве ни до реформы 1861 года, ни после нее, ни тем более к концу царствования Александра III, когда круг лиц, имевших избирательные права в 1870 г., сузился втрое. Особенно ярко это видно из того, что и такое убудочное избирательное право домовладельцев при формировании городских дум не использовалось и на треть³.

Широко известно, что российская промышленность возникала при усадьбе и в селе⁴, прежде чем начать свое двустадийное проникновение в город – через – и посредством формирования заводских слобод. Соответственно, и советская индустриализация, продолжая давнюю, глубоко укорененную традицию, вела к тому, что я предпочитаю именовать тотально "слободизацией" поселений. Дух слободы, ее стиль, нравственность слободы, блестяще отображенные российской литературой от Лескова и Успенского до Горького и Зощенко, средовой стандарт слободы последовательно наползали на поселение, именовавшееся городом и претендовавшее на городской стандарт, пока полностью не поглотили поселений, разве что за исключением репрезентативных их центров.

Новые или "молодые" города, разом учреждавшиеся с первых пятилеток, прямо формировались как промышленные слободы крупного и сверхкрупного размера. Поскольку между "городом" как некоей предметно-пространственной формой и приличествующим ей набором внешних атрибутов и городом как сообществом людей, связанных именно фактом совместного бытия, не делалось различия слободе придавалась "форма города". Отсюда и необычайно завышенная роль так называемого градостроительного проектирования (physical planning в международном словаре) как формы организации деятельности профессионалов – в XX в. мы можем найти аналог лишь в развивающихся странах с длительным господством тоталитарных режимов⁵.

Итак, место городов – в евроамериканской трактовке этого классического понятия – в России все еще занимают слободы, имеющие одну лишь внешнюю форму города.

Представление о гражданской ответственности, повсеместно вырабатывавшееся именно на уровне муниципальной политической жизни и именно на этом уровне проявляющееся с особенной силой, до настоящего времени не стало принадлежностью отечественного менталитета.

Полевые исследования 1984–87 годов, а затем 1991–92 годов заставили нас окончательно освободиться от литературного мифа относительно устойчивости городской "глубинки". Так, на, соответственно, шесть и девять тысяч жителей в старом Мышкине и древней Старице нам удалось обнаружить всего около ста двадцати в первом случае и ста сорока во втором – семей, члены коих могли подтвердить третье поколение пребывания в статусе местных жителей. Всего чуть более 500 человек на два города с совокупным населением 15.000 человек, т.е. 3,3% населения.

Эти-то несколько сот человек составляют более половины того специфического контингента слобожан, который может быть определен как активное "градское" меньшинство – неформальную группу, которая демонстрирует определенную установку на личностную ответственность за судьбу слободы, на программу преобразования таковой в собственно город. Не столь существенно, что большая часть этого активного меньшинства тешит себя иллюзией реституции или восстановления легендарного "городского" прошлого и отнюдь не осознает себя в роли пионеров реальной "урбанизации". Гораздо существеннее неформальное воздействие этой старожилкой части активного меньшинства на все активное меньшинство и – в меньшей степени, но также заметно – на объемлющий круг поддержки (по нашей оценке до 7% горожан), наконец, пусть в ослабленном виде, на пассивно-положительное большинство, составляющее порядка 40%.

Совершенно естественно, что образ "правильного" города, бытующий в сознании обитателей слобод, соотносим исключительно с "формой города", но не с его социальной сущностью, о коей они в абсолютном большинстве не имеют понятия. Как в старой, так и в новой слободе в равной степени культивируются идеи относительно некоего базового набора элементов "формы города".

До "перестройки" основа такого набора черпалась в первую очередь

из прямого опыта кратковременного пребывания в Москве, Ленинграде или хотя бы в областном центре. Любопытно при этом, что равно в Тихвине и Набережных Челнах "правильная форма города" непременно ассоциировалась с наличием неких избыточных элементов благоустройства – фонтанов прежде всего. В последние годы рамки такого набора последовательно расширяются по мере углубления личного знакомства с западными городами.

Качественные различия между классами слобод начинаются в другом слое образов. Хотя местная элита и проживает как правило в новых районах, которые ближе к новой слободе, чем к чему-либо в старом "городе", жители старой слободы, включая элиту, в целом воспринимают структурные элементы традиционной "формы города" как положительную ценность. Неширокая улица, небольшая по размерам площадь, малый городской сад, сомасштабные старой жилой застройке торговые ряды – эти и иные элементы "формы города" опознаются как некоторая ценность. При внедрении в местное сознание программ деликатной реконструкции новослободских жилых районов по образцу старой "формы города" наблюдается теперь уже положительная реакция, даже если та немедленно бывает ослаблена неверием в способность осуществить какое-либо конструктивное действие самостоятельно, в опоре на местные ресурсы и силы.

Первым шагом к переосмыслению слободы в город или хотя бы протогород оказывается само признание индивидуальности всякой конкретной урбанизированной территории, трактуемой не в одних физических, но также и в социально-культурных параметрах. Этот первый шаг имеет принципиальное значение. Сделав его, мы уже предопределяем движение "вверх" и "вниз" как последовательную и необходимую дестандартизацию подхода.

"Вверх", потому что и регион и страна в целом начинают восприниматься пространством, между однотипными точками которого непременно существует и имеет тренд к нарастанию *неравномерность развития*⁶. "Вниз", потому что за признанием особенности, индивидуальности данной урбанизированной территории непременно следует также признание органической и в тенденции нарастающей неравномерности развития элементов слободской и городской среды в пределах условной городской черты.

В целом оба движения задают направленность уяснения и, соответственно, работы на повышение неравномерности, а вслед ему – многообразие слобод на их пути к городу. Рост такого многообразия, рост перепадов между способностью различных поселений использовать свои ресурсы есть вообще принципиальное условие для перехода от установки на выживание к установке на развитие.

При внешней эффектности трансформаций властной элиты как в старой, так и в новой слободе, развертывавшихся на наших глазах с 1985 по 1991 год, т.е. до конца "перестройки", лишь несколько характерных особенностей процесса имеют значение для нашей темы. Литературно-драматургический характер "борьбы за власть" внутри элиты не должен закрывать от нас тот простой факт, что с падением "идеологии" власть и

самое технология администрирования отождествились практически полностью.

Разумеется, мы должны быть внимательны к тому факту, что внутри властной элиты в целом завершилась смена поколений и это привело к существенному повышению ее образовательного ценза. Мы не можем упускать из вида и то, что произошло некоторое ослабление, снижение престижа "производственного" крыла элиты и, напротив, – некоторое увеличение престижа "гуманитарного" ее крыла, развитие внешнего демократизма поведенческих стереотипов членов властной элиты и т.д.

Тем не менее, все эти существенные социокультурные сдвиги не могут скрыть тот факт, что технология администрирования все еще остается тождественной себе с прежних времен. Равно радикальные "консерваторы" и радикальные "реформисты" единодушны во всяком случае в том, что управление есть однонаправленный процесс "сверху-вниз", "от общего к частному". Как те, так и другие, независимо от вербального флера, едины в негативном отношении к любым росткам действительного территориального низового самоуправления и используют весь богатый арсенал административных действий, чтобы не допустить формирования и политической зрелости самоуправления.

С этой точки зрения властная элита слобод является в настоящее время серьезнейшим противником становления города как социального института, отстроенного "снизу-вверх" путем делегирования "наверх" лишь тех функций, которые не могут быть исполняемы на уровне самоуправления. При некоторых исключениях персонального характера, властная элита в целом являет собой ярчайшее проявление именно слободского сознания.

Выше отмечалось, сколь ничтожна по размерам прослойка горожан третьего поколения в старых слободах. Хотя в отношении новых слобод такого рода исследования проводились в совершенно недостаточном объеме, предварительные оценки исследований автора позволяют утверждать, что и здесь мы в состоянии выявить особый слой "градориентированного" населения, сформированного по преимуществу переселенцами из старых слобод, хранящих память о "правильной форме города". Поскольку существенная часть властной элиты также относится к этому слою, мы должны зафиксировать весьма существенный факт по крайней мере их частичного взаимоналожения.

Уточняющая работа в так называемых малых городах позволяет выявить до трех десятков относительно автономных социокультурных групп, совокупность которых также может быть грубо разделена на "прогородскую" и "прослободскую" части. Не лишено любопытства то обстоятельство, что наиболее сильные "прогородские" начала (некое тяготение к отстройке дееспособного самоуправления), наряду с "гуманитариями" и частью инженерно-технической группы, проявляются в группах, отчетливо ориентированных на развитие подсобного сельского хозяйства внутри слободы и за ее чертой. Наиболее сильные "прослободские" тенденции отмечены нами в той части властной элиты, что восходит корнями к колхозному начальству; в крупном массиве промышленных рабочих, особенно, если они заняты на несамостоятельных

предприятиях (филиалы и пр.), и в люмпенизированном слое, по грубым оценкам не превышающим 5–7% населения слобод.

По предварительной, весьма огрубленной оценке массив "прогородского" населения не превышает 30%, тогда как активное меньшинство "прогородского" направления составляет не более 5–7% населения по самой оптимистической оценке, т.е. примерно равно люмпенизированному меньшинству.

Наш опыт работы в малых городах на первый взгляд мог лишь подтвердить общее мнение относительно острейшего дефицита на деятельное отношение к окружающей реальности. Затянувшееся на годы "ожидание Годо" весьма характерно, равно как и склонность к гипнотическому мечтательству.

Инстинкт просительства и пассивного ожидания с одной стороны, а также застарелая убежденность в том, что принятое после долгих дискуссий *решение уже есть деятельность*, по-прежнему характерны. И все же по крайней мере декларативная готовность к действию в опоре на собственные силы по крайней мере не вызывает прямого и немедленного отторжения.

На первый взгляд, это неизмеримо мало. Однако при более внимательном анализе того, как воспринимаются конструктивные идеи, проступает на поверхность – по меньшей мере в некоторых слободах – своего рода перенасыщенность раствора. Мы уже почти достигли момента, когда потенциальная готовность к действию, имеющему опредмеченную форму, может перерасти в актуальную.

Властная элита (включая в нее часть местных бизнесменов) и частично перекрывающая ее культурная элита, а также активное меньшинство, состоящее из индивидов, способных к действиям по укреплению и поддержанию семейного бюджета, – единственный ресурс порождения конструктивного действия, выходящего за рамки собственного подворья.

Разумеется, и в составе элит заметны практически полное отсутствие гражданского инстинкта, псевдогражданственность, мгновенно рухнувшая и распавшаяся на семейные "атомы" при "отмене идеологии", воспринятой как освобождение от крепостной повинности. При отдельных рецидивах повсеместно наблюдается угасание тех советских форм бытия (субботники и иной добровольный труд), которые все же сближали модус вивенди и с российской традицией соседских "помочей", и с европейской традицией разумного территориального корпоративного эгоизма.

Говоря вполне строго, нам следует зафиксировать полное отсутствие того, что следовало бы называть гражданским инстинктом. При этом не столь уже важно, идет ли речь об угасании такого инстинкта, несколько развившегося в 70-е, 90-е годы прошлого века или о *tabula rasa* в этом отношении. Лишь для освобождения от ретроспективного идеализма полезно помнить что централизованно контролируемая слобода и в это время довлела над зажатым и неразвитым городским началом.

Не удивительно, что традиционная технология власти движет властную элиту к подавлению или извращению идеи самоуправления – краеугольного камня проявления гражданского инстинкта. Важен другой наблюдаемый факт – эта идея по преимуществу экзотична и для активного

меньшинства в составе культурной элиты, которое все еще продолжает следовать сервиллистскому инстинкту в пустой надежде на "просвещенного градоначальника". И в этом случае по меньшей мере полезно отдавать себе отчет в реальной давности закрепления этого феномена.

Длинные выписки из уже старинных записей, сохранивших жар полемики и упрощенность подхода, в одной бюрократии видевшего корень всех бед, но не осознававшего, насколько бюрократия есть следствие культурно-исторического стереотипа, необходимы для уяснения простого факта: иного субъекта действия нет!

Программа социально-культурного развития слободы в город оканчивается в первую очередь программой сложения условий для самостроительства города из материала слободы.

Несколько неуклюжее выражение "самостроительство" имеет принципиальное значение. В отличие от традиционного проекта, предписывающего ответ на вопрос, КАК конкретно решается та или иная задача; в отличие от традиционного плана, предписывающего раскладку средств воплощения проекта по календарному времени, т.е. отвечающего на вопрос КОГДА и ЧЕМ, программа ориентирует адресата на самостоятельный выбор стратегии при ответе на вопрос ЧТО. Обратная связь заложена в самой природе программы и сама программа возникает исключительно в системе обратной связи, ибо предполагает реальность, обычно оставляемую за скобками при разработке проектов и планов, – само ДЕЙСТВИЕ.

С персонализации слободы уже начинается ее метаморфоза в протородской организм. В принципе речь идет о нехитрой операции, в результате которой осуществляется замещение некой статистической реальности слободы N "сводом" всех значимых персонажей местного урбанизированного ландшафта и относительно достоверных взаимоотношений между ними. Очевидно, что речь идет о наложенных друг на друга сводах наиболее ярких (по должности и лично или только лично) персоналий, что дает вполне охватный корпус информации. Важно, что такого рода карта или, если угодно "бархатная книга", непременно вбирает в себя тот неформальный пласт культурной элиты, значение которого гораздо больше, чем это улавливается стандартными социологическими процедурами. Когда это происходит, движение к городу уже труднообратимо.

По достижении персонализации слободы первичное социальное пространство выработки программы обретает конкретность, вслед за чем технология обратной связи становится реализуемой при экономном расходовании сил, времени и средств. Это отнюдь не программа реконструкции "формы города", хотя таковая неизбежна и необходима. Это в первую очередь перестройка пространства культурной элиты за счет установления новых горизонтальных связей, каковые предыдущей эпохой убирались, вытравливались даже как гипотетическая возможность.

Переброс первоначальных горизонтальных связей-мостиков между "единицами" социального пространства слободы можно – при грубости аналогии – все же сравнить с теми углеродными связями, без которых невозможно формирование двойной спирали ДНК. Если же горизон-

тальные связи удается дополнить новыми "диагональными" (по косой ориентирующими представителей разных элитных групп на осмысление конкретной задачи), то на наших глазах возникает "зародыш города", которому еще предстоит доказать способность к росту и развитию.

Косвенным и немедленным результатом самого процесса программирования непременно оказывается некоторая перестройка конфликтного поля: усиливается та его часть, что образована взаимоналожением властной и культурной элит, тогда как деконструктивная часть культурной элиты саморазоблачается в своем пассивном отказе от всякого положительного действия. Ускорение и уплотнение процессов усложнения средовой структуры слободы в ее потенциальном движении к городу достижимы за счет синергетического эффекта, который возникает при активном *о-свое-нии* этих процессов активным культурным меньшинством, если оно способно действовать не вразрез с поведением пассивного культурного большинства, но в технологии подхватывания его жизненных повседневных интересов.

¹ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского Государства. М., 1977. С. 127.

² Подробно об этом см.: Рындзюнский П.Г. Городское право в дореформенной России. М., 1957.

³ В 1901 г. Воронеже (80 559 жителей) избирателей было 1 268, а приняли участие в выборах – 248; в Костроме (413336 жителей) из 638 избирателей – 168; в Орле (69 858) из 902 избирателей – 172; в Саратове (137 109) из 1 438 избирателей 543; в Чите (11 480) из 132 избирателей – 28 человек, которым надлежит избрать 23 гласных (сумели избрать 20) и т.д. Наконец, в столичном Петербурге (1 439 613) – и это в политически напряженном 1904 году – из 11 601 избирателей приняли участие в выборах – 4 909 человек.

⁴ См. подробно: Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – перв. пол. XIX в. Л., 1981; Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1982 и др.

⁵ См., в частности: Hall Peter. The Cities of Tomorow. Oxford, 1988.

⁶ Озеров И.Х. Большие города, их задачи, и средства управления. М., 1906.

ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ПРАГЕ XIV–XVI вв.: ГОРОД И ГЕТТО

Г.П. Мельников

Города Центральной Европы в макрорегионе немецкой колонизации уже в начальной стадии своего зарождения и становления в качестве самостоятельных социальных организмов, существование которых гарантировано особыми, юридически закрепленными привилегиями, по составу своего населения были биэтничны. Местный субстрат и пришлые колонисты репрезентовали различные типы культуры. Этим следует объяснять этнокультурную дивергентность городского социума на ранних стадиях развития городского организма.

Постепенно возобладали тенденции гомогенизации юридического статуса городского населения независимо от его этнической принад-

лежности. В городах Центральной Европы начинает формироваться единый тип городской культуры, в которой этнокультурная дифференциация редуцировалась на ряд социальных феноменов вторичного характера. В городах Чешского государства чешско-немецкая дихотомия в XIII – начале XV в. сохраняла антитетический характер, однако прежде всего в этносоциальной сфере, тогда как городская культура в стране приобрела метаэтнический характер, особенно в таком крупнейшем европейском городе, как Прага. Однако конвергентные процессы в городском макроорганизме не затронули его еврейское население, занимавшее маргинальное положение в системе внутригородских этнических, конфессиональных, социально-экономических и социокультурных отношений.

Замкнутое в специальном городском квартале – гетто – еврейское население средневекового города оставалось анклавом в социальной структуре общества. Однако реальность постоянного сосуществования в одном социально-территориальном макроорганизме обусловила формирование многообразных связей между двумя этносоциальными образованиями – собственно городом и гетто, причем их многоуровневая вариативность охватывала как функционирование городских институтов, так и формы бытовых контактов и стереотипы поведения¹.

Положение евреев в Европе определялось традицией, идущей от постановлений IV Латеранского собора, согласно которым евреям разрешалось заниматься только торговлей и осуждаемым христианской моралью ростовщичеством, запрещалось находиться на какой-либо службе, регламентировалось их поведение в христианском обществе и предписывалось ношение особой одежды или специального знака. В целом применялось понятие канонического права "servitus judeorum", означавшее, что евреи в наказание за распятие Христа навечно должны оставаться на положении "слуг"².

В Праге статус и привилегии еврейского населения официально были зафиксированы в 1254 г. в грамоте короля Пршемысла Отакара II, евреи считались собственностью королевской коморы (в формулировке этого положения использованы термины "слуги" и даже "узники"). Им гарантировалась охрана их религии, образа жизни и дозволенных занятий. Эта привилегия, названная "большой хартией еврейских свобод" стала образцом для аналогичных документов в других странах от Венгрии до Литвы. Подтвержденная в 1356 г. она явилась основой, определявшей все аспекты существования еврейского населения в городах Чешского королевства³. С течением времени зависимых евреев было разрешено иметь крупному дворянству и городам. В Праге юридический статус евреев оставался неизменным: они являлись "имуществом" королевской коморы. В этом качестве они платили в казну установленный денежный "урок", что, собственно, и было основой предоставления им права проживания, охраны и привилегий со стороны сеньориальной власти. Именно фискальные интересы обособляли гетто от города, изымая его из единой системы городских финансов.

Сосуществование христиан и евреев в городе основывалось на принципе сегрегации. Евреям запрещалось владеть домами вне гетто,

посещать городские питейные заведения и бани, нанимать слуг из христиан, принимать пищу совместно с христианами, вместе отмечать праздники. Христианам запрещалось покупать мясо у евреев, дискутировать с ними по вопросам веры, но особенно строго наказывались нарушения запретов вступать в сексуальное общение. Интересно отметить, что сегрегационные установления предписывались городским правом, тогда как со стороны гетто можно наблюдать противоположные тенденции: состоятельные евреи стремились покупать дома в центре города и нанимать складские помещения для товаров в домах полноправных горожан, что, безусловно, способствовало экономической интеграции города и гетто. Однако последнее встречало яростное сопротивление со стороны цеховой организации. Очевидно, определяющим фактором здесь была боязнь конкуренции. Еще Н.А. Бердяев справедливо отметил, что "у обвинителей чувствуется желание самим спекулировать более успешно, чем спекулируют евреи"⁴.

Однако такое объяснение представляется не вполне достаточным. Оно не объясняет неудачи попыток еврейского ремесла интегрироваться в цеховую систему, чтобы пользоваться охранными привилегиями цеха, не составляя ему конкуренцию, а наоборот, становясь частью большого общегородского цеха. Так, в 1610 г. евреи-портные подали прошение о вступлении в цех портных. Несмотря на то, что руководство цеха было склонно удовлетворить просьбу, исходя из корпоративно-экономических соображений, большинство мастеров высказались против после того, как один из них выкрикнул, что "неприличествует принимать в цех поганых"⁵. Следовательно, этноконфессиональная конфронтация оказалась сильнее здравых экономических соображений.

Безусловно, конфессиональный фактор был определяющим в сегрегации еврейского населения. Можно утверждать, что в Чехии до XVI в. он полностью совпадал с этническим. Еврейство воспринималось как этнос-религия. В XVI в. появляется один нюанс, заставляющий видеть в чешском антисемитизме чисто этнический аспект. Выкрестов до конца жизни называли даже в официальных записях "крещеными евреями". Следовательно, постоянно акцентировалась их социально-религиозная неполноценность на основе чисто этнического фактора. Со стороны христианского общества отношение к таким людям было двойственным. Охранялись их имущественные и наследственные права. С другой стороны, если они возвращались в иудаизм, то власти рассматривали их не как представителей иного вероисповедания, но как еретиков со всеми вытекающими последствиями. Не всегда одобрялся переход в христианство, так как это уменьшало доходы казны. Не поощрялась женитьба выкрестов на христианках⁶.

Все это не позволяет считать причиной антисемитизма экономический и религиозный факторы, не учитывая этническую ксенофобию.

Единство и борьба дивергентно-конвергентных тенденций в системе отношений город-гетто обусловила двойственность ситуации, в которой находились торговля и ростовщичество – основные виды деятельности еврейского населения.

Поскольку официально евреям было разрешено торговать лишь старьем, основная часть их торговой деятельности относилась к "теневой" экономике. Практически торговали всем: галантереей, мехами, драгоценными металлами, сукном, даже сельскохозяйственной продукцией. По мнению Й. Яначека, Пражское гетто во второй половине XVI в. становится двигателем чешской торговли⁷. Этому способствовала новая привилегия, данная в 1585 г. Рудольфом II, по которой евреям разрешалось заниматься любой торговой деятельностью⁸.

При этом несколько ослаблена жесткая регламентация участия евреев в городской торговле. Если ранее им разрешалось посещать ярмарки лишь вечером и только по пятницам весь день, причем исключительно для покупок, то затем им стали разрешать торговать на ярмарках определенным ассортиментом товаров в специальных лавках. Официальная легализация пражской еврейской торговли сделала возможным социально-экономическое и правовое возвышение отдельных личностей, которые получали от Рудольфа II личные привилегии и почетное звание "купец и еврей пражский". Эта формулировка, закрепляя этно-конфессиональную сегрегацию, фиксировала, тем не менее, что несмотря на это, индивид наделен правом быть купцом⁹.

Специфической формой деятельности было еврейское ростовщичество. Собственно, оно и составляло главную причину, побуждавшую христианские власти иметь зависимое еврейское население.

Христианская мораль осуждала ростовщичество, считая его делом "нехристианским, противным Богу и праву". Однако эти финансовые операции объективно оказывались общественно необходимыми, поэтому они отдавались как бы на откуп евреям. Естественно, что в таких условиях ростовщический процент становился очень высоким. Следует отметить, что королевская власть хорошо понимала необходимость высокого "еврейского" ростовщического процента и при дозволении ростовщичества христианского. В указе 1497 г. говорится, что "если бы еврей брал так мало, как христианин, то он не мог бы существовать", ибо ему нужно платить своему господину, да и "вряд ли какой чиновник отпустит еврея без того, чтобы тот не заплатил ему"¹⁰. Таким образом фискальные интересы инспирировали ростовщичество, в то же время низводя его до маргинального положения в системе экономики.

Несмотря на запреты, существовали подпольные объединения христианских и еврейских ростовщиков. Здесь деловая кооперация, носившая криминальный характер, безусловно была интеграционным фактором социально-экономического развития города.

Торгово-финансовая деятельность евреев была основной причиной недовольства ими среди городского населения. У бюргерства в XVI в. сформировался негативный этностереотип евреев. Утверждалось, что "еврейскому народу" в Чехии живется "лучше, чем всем другим людям", что евреи "грабят" и "лишают нас нашего имущества". Символичны слова горожан Опавы: "Если евреев не будет, то людям сразу же станет лучше жить"¹¹.

Обострение межэтнической конфронтации сопровождалось погромами и изгнаниями евреев. Сопоставив их хронологию в XIV–XVI вв. с

событиями общественной жизни, можно заключить, что они совпадают с наиболее напряженными социально-политическими моментами, что позволяет считать акции против евреев своеобразным громоотводом, средством относительно безопасного снятия социально-психологической агрессивности низших городских слоев. В середине XVI в. королевская власть пыталась осуществить изгнание евреев из страны. Казалось бы, это должно было обрадовать пражское бюргерство. Однако хорошо сохранившиеся источники молчат: ясно, что никаких выгод от этой акции бюргерство не могло получить и не получило. Само изгнание было неполным, осуществлялось непоследовательно, многие семьи возвращались, заплатив большие суммы денег¹². Ясно, что изгнание было лишь экстраординарной мерой для пополнения королевской казны.

С реализацией рудольфинских привилегий для евреев отношение к ним в бюргерской среде принципиально не изменилось. Следовательно, легализовавшаяся торгово-финансовая деятельность не затронула баланса между городом и гетто. Из этого можно заключить, что она прочно заняла отведенную ей нишу в городском социуме. Будучи маргинальным городским образованием гетто стало неотъемлемой его частью, поэтому попытки его ликвидировать были безуспешными и неискренними: их можно рассматривать как средство дополнительного давления с целью получения экстраординарных доходов.

Характерно, что в самосознании евреев начинает укрепляться аутоидентификация с городским населением, осознание себя его составной частью. Известен случай, когда еврей Штястный Мунка сказал пражскому бюргеру, что "он такой же, как и тот". За эту дерзость Мунка был посажен в тюрьму. Приговор гласил: "Он утверждает, что он такой же в своем сословии, что и тот в своем. Однако еврейское сословие в этом королевстве никаким сословием не является, поскольку евреи – народ бесславный и презренный и горожанами считаться не могут". Поэтому, если "еврей назвал себя горожанином", его следует изгнать из города для острастки остальных¹³.

Ставя барьеры интеграционным тенденциям гетто, город тем не менее претендовал на юридическую супремацию над ним, стремясь утвердить принцип "всякий еврей обязан предстать перед городским судом". Имущество евреев фиксировалось в специальных городских книгах. По вопросам юрисдикции над гетто городским властям приходилось сталкиваться с королевскими судами, однако показательно, что население гетто признавало право апелляции от своего суда старейшин к суду Старого Города Пражского, обладавшему этим правом по отношению к другим городам Чехии. Назначение органов самоуправления гетто по представлению самой еврейской общины осуществляли эмиссары короля. Пражскому магистрату удалось присвоить себе это право лишь на несколько лет (перед 1538 г.). В целом организация управления гетто была создана по образцу общегородской. *Communitas Judaeorum* обладала органами, самоуправления и судебным иммунитетом во внутриобщинных делах¹⁴.

Однако будучи "городом в городе" гетто в сфере права тяготело к муниципальным институтам. Хотя между еврейским и городским судами

возникали трения, в принципе их функции были разграничены и согласованы. Христианин мог обвинять еврея только перед городским судом. Этот же суд рассматривал жалобы евреев на христиан. В этих случаях от истца требовались особо суровые клятвы. При "удвоенной" присяге еврей в одной рубашке босиком стоял на свежесодранной свиной коже и присягал на десяти заповедях, призывая на свою голову страшные кары, если он лжет. Таким образом при дискриминационной форме самого обычного евреем обеспечивалось участие в судебном процессе в городском суде. Интересно, что иногда сами евреи предпочитали разбирать свои внутренние тяжбы в городском суде. Как показал З. Винтер, магистрат и городской суд при разборах конфликтов между христианами и евреями часто принимал сторону евреев, признавая за ними право на защиту вплоть до нанесения телесных повреждений обидчику¹⁵. Так складывалось мнение об объективности городского суда, игравшее значительную роль в поддержании положительного стереотипа городских институтов в сознании всего городского населения.

Дань королю с евреев собиралась городскими властями. Общегосударственный налог – "берна" распределялся среди евреев также магистратом. Евреи были обязаны платить и все общегородские налоги (по выражению XVI в. – "терпеть вместе с городом"). В случаях неуплаты налогов магистрат имел право закрыть синагоги¹⁶. Таким образом гетто входило в правовую систему города и в значительной мере было интегрировано в его финансовую систему.

В социокультурной сфере у пражских евреев на рубеже XVI–XVII вв. возникают элементы бикультурализма. Это заметно в еврейской антропологии, где весьма значителен процент чешских имен и прозвищ. Среди них встречаются даже антропонимы, связанные с чешской патриотической традицией (Слава, Либуше, Гус)¹⁷. Это явление следует расценивать как знак уважения к тому народу, среди которого жили евреи, так как никаких выгод от этого носители таких имен не получали.

О прочном месте, занимаемом гетто в макросистеме города, свидетельствует участие еврейского населения в общегородских мероприятиях, имевших репрезентативный характер, таких как церемонии торжественных встреч всеми горожанами короля при его въезде в столицу. Участие евреев в этом ритуале носило эмблематический характер и было строго регламентировано. Представители гетто стояли последними перед Карловым мостом, держа знамя с магеновидом и подобие шатра – "небеса", под которыми стоял раввин с торой. Дети, одетые как при богослужении, "пели по-своему и кричали", славя короля¹⁸. Таким образом конфессиональный и этнокультурный голос пражского еврейства вливался в общий хор населения столицы в акте праздничного манифестирования своей лояльности, при котором элиминировалась дискриминация евреев.

Чертами культурно-бытовой интеграции отмечена такая важная для аутоидентификации этноса сфера, как одежда. В конце XVI в. богатые пражские евреи одевались "как дворяне", носили шляпы с перьями. В поведении богатых евреев можно отметить черты подражания дворянству. Как отмечается в жалобе пражан от 1594 г., некоторые евреи

разъезжали по городу и ездили к императорскому двору на конях и в каретах¹⁹. Следовательно, при трансформации поведенческой модели верхний слой пражского еврейства ориентировался на дворянскую модель общественной репрезентации, что было оскорбительным для бюргерской среды. Интеграция в европейскую культуру грозила евреям новым обострением отношений с городской средой.

В целом стремление к интеграции более характерно для гетто, чем для города. Ксенофобия и вытекающий из нее антисемитизм имел негативные последствия для развития чешских городов и экономики страны. В результате этнорелигиозной сегрегации в Чехии, остро ощущавшей недостаток капитала для торгово-экономической деятельности и ограниченной в своих внешнеэкономических связях, большие суммы денег, аккумулированные в руках еврейских предпринимателей, и их международные связи оказались невостребованными и изолированными от экономики страны, образовав анклав ростовщичества и торгово-финансовой деятельности, не интегрированной в систему чешской экономики. Еврейские капиталы в форме бессрочных займов использовались в основном на финансирование королевской политики.

Этносоциокультурный диалог гетто и города развивался неравномерно. В системе чешского позднесредневекового города гетто занимало место неотъемлемой, но лишь терпимой части, которую город стремился подчинить себе юридически и экономически. Периодически возникала тенденция к отторжению еврейской части города, погромам и изгнаниям евреев, наиболее четко проявлявшаяся в период острой социально-политической напряженности, конфронтации различных группировок чешского общества. Однако отторжение не смогло полностью реализоваться, наоборот, с развитием чешского общества возобладала тенденция к интеграции, оказавшаяся уже в Новое время исторически наиболее перспективной и плодотворной. Актуализируется проблема полиэтничности и поликонфессиональности города как модели макросоциума, в которой диалог культур ведет к созданию метакультуры по принципу дополнительности. Анализ диалога гетто и города свидетельствует о позитивности интеграционных тенденций и стойкости отрицательных стереотипов, что в итоге создавало перманентную ситуацию притяжения – отторжения, консервантную по отношению к внутригородскому развитию.

¹ Мельников Г.П. Еврейское население Праги в системе внутригородских конфессиональных, этнических, экономических и социокультурных отношений (XIV – начало XVII в.) // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 28–54.

² Hoffmann F. České město ve středověku. Praha, 1992. S. 237.

³ Winter Z. Dějiny řemesel a obchodu v Čechách v XIV. a XV. století. Praha, 1906. S. 387–389.

⁴ Бердыев Н.А. Христианство и антисемитизм // Дружба народов. 1989. № 10. С. 208.

⁵ Herrmann I., Teige J., Winter Z. Pražské ghetto. Praha, 1902. S. 58.

⁶ Ibid. S. 52; Winter Z. Kulturní obraz českých měst. D. I. Praha, 1890. S. 208, 210.

⁷ Jandžek J. Dějiny obchodu v předbělohorské Praze. Praha, 1955. S. 66–73.

⁸ K historii Židů v Čechách, na Moravě a ve Slezsku / Vyd. B. Bondy F., Dvorský. D. I. Praha, 1906. S. 613.

- ⁹ Мельников Г.П. "Еврей и купец пражский" // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Средние века – начало Нового времени. Сборник тезисов XII Чтений памяти В.Д. Королюка. М., 1993. С. 75.
- ¹⁰ Urfus V. Právo, úvěr a lichva v minulosti. Врно, 1975. S. 71–78; Archiv Český. D.V. Praha, 1910. S. 478.
- ¹¹ Winter Z. Kulturní obraz... S. 172, 190, 205; *Idem*. Dějiny řemesel... S. 962; Jandčėk J. Op. cit. S. 73.
- ¹² Winter Z. Kulturní obraz... S. 204–208.
- ¹³ *Ibid.* S. 172.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 173–174.
- ¹⁵ *Ibid.* S. 201.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 176.
- ¹⁷ Herrmann I., Teige J., Winter Z. Op. cit. S. 49–50; Winter Z. Dějiny řemesel... S. 962; *Idem*. Kulturní obraz... S. 196.
- ¹⁸ Tomek V. Dějepis města Prahy. D. XII. Praha, 1901. S. 125, 252.
- ¹⁹ Jandčėk J. Op. cit. S. 73.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ГУМАНИСТЫ XV в. О ГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Л.М. Брагина

Средневековая Италия – страна высокой степени урбанизации, где многочисленные города, особенно в северной и центральной части Апеннинского п-ва, достигли в XII–XIII вв. полной самостоятельности не только в экономической, но и политической сфере. Автономизация городской жизни наложила яркий отпечаток на самосознание горожан – локальный патриотизм, приверженность интересам "родной коммуны", которой всемерно гордились, стали характерной чертой их менталитета. В городской литературе эпохи расцвета итальянских коммун складывались представления о городе как наиболее удобной форме социального бытия, к которому человек предназначен изначально. Поэты и хронисты писали о городской коммуне в приподнятых тонах, наделяя ее всяческими достоинствами и подчеркивая разумную упорядоченность ее устройства основанную на законах. Город воспринимался как пространство внутри городских стен, отграничивающих его от сельской округи. Высокие стены с башнями – обобщенный символ города, художественное клише, широко распространенное в изобразительном искусстве эпохи¹.

Автономный итальянский город, покоившийся на статутном праве, имевший конституцию, чаще всего обнимаемую понятием "свобода" (*libertas*), легко приобретал в сознании горожан идеализированные черты, за которыми просматривалось осмысление города как неповторимого феномена, созданного человеком себе во благо и обретавшем в ходе исторического развития универсальное значение. В политическом плане городская коммуна расценивалась ее гражданами как оплот законности и порядка, противостоящий феодальному произволу. В то же время в ней видели и средоточие культурной жизни.

Восхваление городских коммун уже в XII в. становится неременным

атрибутом местных хроник, складываясь постепенно в устойчивый и весьма распространенный жанр городской литературы. Считается, что начало этому жанру положило сочинение Мозеса де Брوليو, воспевшего в начале XII в. свой родной город Бергамо – красоту его архитектуры, высокий нравственный облик горожан, уважающих законы и справедливость, царящие в городе мир и согласие². В XIII в. панегирики своим городским коммунам создают жители Асти и Милана, Венеции и Флоренции, в следующем столетии эта традиция крепнет и обогащается новыми подходами к оценке города. Доминирует мысль о тесной взаимозависимости города и закона, в котором фиксируется разумная и справедливая организация всех сторон городской жизни. В литературе такого рода в XIV в. заметно усиливается стремление авторов опереться на статистику, выразить в цифрах достижения городского ремесла и торговли, доходы коммуны, ее градостроительные успехи. Иначе, чем прежде, воспринимается и подчиненная городу сельская округа. Освоенное горожанами контадо – ближняя округа, отличительной чертой которой стали не столько замки, сколько возведенные горожанами виллы, не противопоставляется теперь городу, но рассматривается как его естественное продолжение, хотя и за пределами городских стен³. Распространение влияния городской цивилизации вовне, урбанизация окружающего город пространства расценивается хронистами одобрительно; в этом, пусть не всегда четко, сказывается понимание исторической роли города.

Эпоха гуманизма стала новым этапом в понимании цивилизаторской миссии города, и в его оценках как комплексного социального и культурного явления. У средневековых писателей еще не сложилось понятие городской цивилизации, которое обнимало бы все стороны городской жизни и подчеркивало ее преимущества перед деревенским бытом. В хрониках нет и серьезного осмысления культурной миссии города, а также понимания важности градостроительных задач и общего эстетически окрашенного взгляда на городскую жизнь. Ко всем этим проблемам приходит гуманистическая мысль итальянского Возрождения. Гуманисты воскресили античные представления о развитии человечества от дикости к цивилизации, которая ассоциировалась прежде всего с урбанизацией, и обогатили эти взгляды новыми идеями, разработав само понятие городской цивилизации и выдвинув проекты идеального города.

Заемствованное у римских авторов понятие "гражданская жизнь" (*vita civilis*) в сочинениях гуманистов обрело более широкий и собственно ренессансный смысл. Причем разработка этого понятия в эпоху Возрождения шла разными путями. Характерными были два подхода. Первый – это стремление рассматривать "гражданскую жизнь" как более высокую стадию в развитии человечества, которая сменяла эпоху дикости. При таком подходе доминировала идея прогресса, подъема жизни на более высокую ступень. Гуманисты, однако, не склонны были негативно оценивать начальную пору истории человечества. Наоборот, по традиции они видели в ней "золотой век", когда люди довольствовались самым необходимым, жили в мире и согласии⁴. Отличительными чертами эры дикости считалось отсутствие частной собственности, городов, ремесел,

обмена. Считалось, что развитую экономическую, политическую и культурную жизнь принесла городская цивилизация.

Второй подход в осмыслении гуманистами цивилизации был связан со стремлением наметить характерные черты "гражданской жизни" и дать определение этого понятия. И здесь также город рассматривался как основа гражданской жизни, ибо именно с ним связано возникновение ремесел и торговли, законов и права, государства и культуры, но нельзя не подчеркнуть, что при таком подходе гуманисты строили концепцию "гражданской жизни" как выражения прогресса человечества, опираясь уже не только на опыт и мысль древних, но и на анализ средневековой истории итальянских городов⁵. В этом проявлялись и новые взгляды на значение городской цивилизации, и патриотическая тенденция, наметившаяся еще в средневековой городской литературе.

Различные подходы к разработке понятия "гражданская жизнь" (самостоятельного термина "цивилизация" в ту эпоху еще не существовало), нашли наиболее яркое и последовательное выражение в гуманистической мысли Флоренции XV в. Сама специфика города, в течение нескольких столетий сохранявшего республиканский строй и испытывавшего мощный импульс торгово-промышленного развития в XIV–XV вв., стимулировала и "патриотическую литературу" панегирического жанра, и глубокое осмысление характерных черт гражданской жизни в ее цивилизационном значении. В XV в. Флоренция лидировала в развитии новой, ренессансной культуры, что привлекало к ней внимание гуманистов всей Италии, хотя оценки ее политической роли были не всегда однозначны. Политическая позиция гуманистов нередко окрашивала в один какой-либо тон образ города на р. Арно в их сочинениях. Но главное увидеть общие подходы гуманистов к пониманию специфики городской цивилизации, типологизирующие схемы которой строились на примере Флоренции⁶.

В сочинениях флорентийских гуманистов в конце XIV – начале XV в. стало заметным публицистическое направление, имевшее целью возвысить политическую и культурную роль Флоренции в итальянских делах⁷. Первым задал тон литературе так называемого гражданского гуманизма канцлер Флоренции Колюччо Салютати. В "Инвективе против Антонио Лоски" – антимиланском памфлете, написанном в разгар военно-политического конфликта между Флорентийской республикой и Миланским герцогством, Салютати слагает подлинный гимн флорентийской свободе (*florentina libertas*), возвышающей город на Арно над прочими городами Италии. Именно Флоренция, по мысли Салютати, получила в наследственный дар от римской эпохи гражданские свободы, поэтому быть флорентийцем значит быть свободным человеком, а не рабом⁸. Для гуманиста славу Флоренции принесли не только свобода, но и ее великие писатели – Данте, Петрарка, Боккаччо. Именно это сочетание, по его мнению, и выдвинуло Флоренцию в лидеры Италии. Еще более последовательно и обстоятельно обосновывает первенство Флоренции во многих областях жизни ученик Салютати гуманист Леонардо Бруни Аретино. В "Диалоге к Пьеру Паоло Верджерио" (1401 г.) он, выходец из Ареццо, говорит о великом счастье жить во Флоренции – этом выдающемся

городе, многолюдном, с масштабным предпринимательством, с прекрасной архитектурой и блестящими проявлениями духовной культуры⁹. Несколько лет спустя Бруни создает речь-апологию "Восхваление города Флоренции" – блестящий образец панегирика городу, надолго ставший образцом идеализации городской республики и оказавший прямое воздействие на политический менталитет флорентийцев, о чем свидетельствуют, в частности, официальные речи магистратов¹⁰.

В изображении Бруни Флоренция во всех ее ипостасях – как город, социальная система, политическая структура – предстает в виде непревзойденного образца всяческих совершенств. Проблему города гуманист рассматривает комплексно, в разных аспектах и в то же время подчеркивает взаимосвязь, гармонию облика и социально-политического строя Флоренции. Весь строй сочинения Бруни, его четкая, исполненная патриотизма концепция не оставляют сомнения в глубокой вере автора в то, что Флоренция действительно являет собой наилучший пример и города, и государства¹¹. Начать с расположения Флоренции – оно очень разумно и соответствует наилучшему замыслу, замечает Бруни. Ведь на вершинах гор – ветры, сильные бури, там климат неблагоприятен для жителей, а среди равнины на жизнь города плохо влияли бы влажность почвы и туманы, рассуждает он¹². Практическая польза удачного расположения города – не второстепенный момент для Бруни-гуманиста, убежденного в необходимости комфортной среды обитания для человека, идущего по пути цивилизации. Столь же необходима городу чистота: Флоренция – "единственный в мире город – с гордостью утверждает Бруни – где ты не встретишь ничего противного взору или обонянию и никакой грязи под ногами"¹³. Несмотря на многочисленное население, улицы города на Арно всегда опрятны, на них нет нечистот, да и дождевая вода не скапливается, а по специально прорытым канавам уходит в землю (эта важная черта благоустройства улиц отмечена им как особенность Флоренции). По убеждению гуманиста, чистота города – непременный атрибут ее красоты.

Красоту Флоренции – и об этом Бруни пишет с особым удовольствием – создают великолепные здания, многие с роскошным убранством. "В городе нет ни одной улицы, которая не была бы украшена громадными, прекрасными зданиями... Какой же великий дух зодчих проявляется в этих строениях и какой совершенный вкус тех, кто в них живет"¹⁴. Ставя Флоренцию выше всех прочих городов, Бруни возводит богатство в число ее высших достоинств. "Подобно тому, как граждане, и это очевидно, превосходят всех прочих людей разумом, роскошью и блеском, так и сам город намного превосходит все остальные города великолепием"¹⁵. Восхищение гуманиста вызывают и храмы с пышным убранством, и частные здания с вестибулями и атриями, с мозаичными полами и филеичатыми потолками, так же, как красота и удобство интерьеров. Особенно величественна возвышающаяся в центре города крепость (Палаццо Синьории), "величайшей красоты и чудесного устройства"¹⁶.

Идеализация облика Флоренции сочетается у Бруни с построением не менее идеализированного образа его социально-политической системы. В

"Восхвалении города Флоренции" гуманист наделяет флорентийцев всеми гражданскими добродетелями – мужеством, справедливостью, щедростью, человеколюбием, а также мастерством и умением вести дела, замечая, что и в нравственном отношении они превосходят другие народы. Бруни обращает внимание и на совершенство общественного устройства Флоренции: в республике царят свобода, равенство и справедливость. Пополанская республика Флоренции, по убеждению Бруни, – лучший образец демократии. Разумеется, и эта идеализация продиктована спецификой жанра сочинения, но лишь отчасти: молодой Бруни еще верил в согласованность попалански-демократической конституции Флоренции с ее политической практикой. Позже гуманист куда более трезво оценит флорентийское общество первых десятилетий XV в., усматривая в его политической жизни мощную тенденцию к установлению власти олигархии¹⁷.

В своей хвале Флоренции Бруни, оставаясь верным избранному подходу к оценке города-республики как целостного организма, в жизнедеятельности которого нет диссонансов, выступает страстным апологетом градостроительных и архитектурных достоинств Флоренции, ее внутреннего устройства, а также внешней политики. В отношении с другими городами страны Флоренция проявляла свои лучшие качества – бескорыстие, верность, покровительство слабым, так что стала "своего рода предводителем всей Италии"¹⁸. Доблесть и слава возвысили ее над всеми остальными городами, а щедрое гостеприимство сделали ее второй родиной для жителей полуострова, "общей родиной и убежищем для всей Италии"¹⁹.

Когда Бруни, многие годы прослуживший канцлером Флорентийской республики, в 1444 г. умер, с речью на его похоронах выступил его друг Поджо Браччолини. В своей речи он подчеркнул еще одну, новую грань в идеализированном образе Флоренции. Превознося заслуги Бруни в красноречии, Поджо отметил, что именно они были высоко оценены Флорентийской республикой, постоянно вознаграждавшей труды гуманиста. "Где на свете слышим мы, граждане, о таких благодетелях государства, столь расположенного к прославлению выдающихся мужей, о таком высоком одобрении занятий красноречием?"²⁰. Конкретный случай дает Поджо повод сделать важное обобщение – подчеркнуть величие города, способного как никакой другой ценить культуру, а значительный вклад в нее рассматривать как крупную заслугу перед обществом.

Молодые годы Поджо прошли во Флоренции, где в кружке Салютати он вместе с Бруни и Никколо Никколи восторженно предавался занятиям гуманитарными науками новой, ренессансной ориентации (*studia humanitatis*). Теперь, спустя сорок лет, он мог оценить путь, пройденный и Бруни, и самой Флоренцией. Он приходит к убеждению о ее бесспорном научном лидерстве, о ее притягательности для многих чужеземцев как центра новой культуры: "Право же это государство, превосходящее прочие народы духовной культурой (*humanitas*), должно называться всеобщей родиной прекрасных искусств и мастерской красноречия, которая всех, кто предан гуманистическим занятиям, принимает к себе, возвращает их, лелеет, украшает высочайшими почестями и при жизни, и

после смерти"²¹. В благородной роли покровительницы наук Флоренция, как подчеркивает Поджо, превосходит Афины и Рим – они не вознаграждали за труды своих биографов и апологетов. "Только Флоренция, среди прочих государств словно убежище мудрости и вдохновительница наилучших наук оказала величайшие благодеяния при жизни и беспримерные почести после смерти Лино Колюччо Пьеро Салютати, человеку удивительной добродетели и превосходной души, тому, кто первым начал в своих сочинениях проливать свет на ее деяния, и она показала, сколь любезны ей те, чей труд свершается в ее честь и славу"²².

Поджо был убежден, что республиканские устои Флоренции как нельзя лучше способствовали ее культурному развитию, превращению в подлинный центр новых штудий. Покровительство, оказываемое наукам, – "сильное побуждение и для других посвятить себя этому роду учености, в котором неутомимо действующие достигают высоких наград за свои труды и бдения"²³.

Представления о Флоренции как центре гуманистической культуры Италии обогатились новыми аргументами во второй половине XV в. Одним из страстных почитателей Флоренции, высоко ценивших ее культурную миссию, был известный гуманист Кристофоро Ландино, многие годы преподававший поэтику и риторику во Флорентийском университете. В своих лекциях он неизменно обращался к мощной литературной традиции родного города, зачинателем которой считал великого Данте. В 1481 г. в речи перед Синьорией при вручении ей своего комментария к "Божественной комедии" (это печатное издание было широко иллюстрировано Сандро Боттичелли), Ландино подчеркнул гражданственный смысл предпринятого им труда по истолкованию поэмы "божественного флорентийца". "Долг перед отечеством призывает меня к еще более тщательному рассмотрению творения... Данте Алигьери"²⁴. Ландино выражает уверенность в необходимости освободить язык Данте от чуждых ему наслоений, привнесенных толкователями...²⁵

Флоренция воспринимается гуманистом как языковое пространство, а флорентийское наречие – как важнейший носитель культурного прогресса. Ландино видит важную научную задачу в охране чистоты языка Данте – литературной флорентийской речи, высокие качества которой во многом предопределили, на его взгляд, культурное первенство Флоренции. Она может и должна гордиться своим великим поэтом, "составившим гордость флорентийского имени и явившего редкий пример учености и красноречия"²⁶. Филолог-гуманист открывает еще один важный аспект в восприятии и прославлении Флоренции как ведущего центра городской цивилизации. Весь комплекс ее совершенств, о которых писали предшественники Ландино – Салютати, Бруни, Поджо – как бы аккумулируется в языке города, всем строем своей жизни способствовавшего формированию литературного флорентийского наречия, претендовавшего на то, чтобы стать основой складывавшегося итальянского языка. Лингвистическое пространство города ставится таким образом в ряд с другими проявлениями его цивилизаторской миссии.

Совершенный город, обладающий богатством культуры, не мыслим,

по Ландино, без искусства слова – не только флорентийской речи, но и латинской риторики. И здесь велик вклад флорентийских писателей. В речи, посвященной началу университетского курса о поэзии Петрарки, Ландино отметил заслуги Данте и Петрарки, Боккаччо и Бруни, Альберти и Пальмиери, других гуманистов-флорентийцев в совершенствовании латинской речи, рассматривая их как прямых продолжателей дела античных писателей, делая акцент на преемственности культурного развития как фактора городской цивилизации. В этой речи гуманист призывает сограждан ценить и постигать искусство красноречия, ибо "ораторское искусство есть источник высшей пользы и украшения для свободной и хорошо управляемой республики"²⁷. Оно способно вести общество к нравственному совершенству и благополучию. Велика роль красноречия и в передаче исторического опыта человечества. "Красноречие древних – говорит Ландино – донесло до нас известия о выдающихся и удивительных событиях прошедших времен. С его помощью живущие сегодня передадут о себе то, что достойно памяти, потомкам, которые родятся через много столетий"²⁸. Культура слова, по убеждению гуманиста, – главный хранитель исторического опыта, она имеет и общечеловеческое значение, фиксируя знания, без которых невозможно поступательное развитие общества.

Мысль о городе как такой форме человеческого бытия, при котором только и происходит переход от дикости к цивилизации, а инициаторами этого процесса выступают "умудренные знаниями", Ландино развивает в главном своем сочинении "Диспуты в Камальдоли" (ок. 1474 г.). "Бродивших по полям и лесам людей эти мудрецы объединили в города, обучив и подчинив их законам"²⁹. Ландино тесно связывает понятие гражданской жизни и культуры, делая особый акцент на духовной культуре, высшее достижение которой видит в сочетании поэзии, риторики, философии: в этом главный путь перехода человечества от дикости к цивилизации. Город выступает в рассуждениях Ландино не только центром объединения людей на основе законов, но и средоточием их культурного развития. В одной из речей гуманист так рисует этот процесс: "Даже во времена седой древности тому, кто превосходил прочих красноречием и мудростью, легко было убеждать толпы людей, чтобы они покидали леса и пещеры, в которых жили порознь, как дикие звери, и соединялись для совместной гражданской жизни в городах, управляемых ими сообща на основах природной правды и человеколюбивой взаимопомощи"³⁰. Именно это, замечает Ландино, связывают поэты с образом Орфея Фракийского. – "Красота и глубокомыслие его речей... воспитывали грубые и неподатливые умы дикарей, смягчали гордыню и жестокосердие и насаждали дружелюбие, необходимое для общежития"³¹. Как видим, для Ландино путь прогресса – это прежде всего путь духовного совершенствования человека, путь развития культуры. Именно ее успехи и определяют ценность городской цивилизации.

Наиболее развернутая концепция городской цивилизации, или "гражданской жизни", принадлежит Маттео Пальмиери, видному гуманисту и государственному деятелю Флоренции XV в. В обширном сочинении "Гражданская жизнь", написанном в конце 30-х годов, и в

отличие от рассмотренных сочинений других гуманистов не на латыни, а на вольгаре (флорентийском наречии), Пальмиери выдвинул широкую трактовку понятия *vita civile*, включая в него все стороны общественного бытия человека. Гражданская жизнь, по Пальмиери, – выражение естественного или божественного закона, предназначившего человечество к жизни сообща³². Пальмиери исходит из тезиса, что стремление к социальным связям – от семьи до государства – неотделимо от природы человека. Ход исторического развития человечества ведет, полагает Пальмиери, от дикости к возникновению городской жизни, основанной на экономических связях и нормах права³³. Причем, писанные законы изменчивы, они – плод человеческой деятельности, но их благой смысл определяется вечным законом божественной справедливости³⁴.

В правовой упорядоченности человеческого сообщества гуманист видит фундамент гражданской жизни. На этом фундаменте вырастают государственный строй и политическая жизнь – представление, выраженное словами *il politico vivere*, Пальмиери включает как важный смысловой компонент в понятие *vita civile*. Цель законов и государства – общее благо, но оно не должно противоречить частному интересу отмечает Пальмиери. Здесь необходим разумный баланс, полагает он, мерилом которого и является последовательно проведенный принцип справедливости. Гармония общего и частного, по Пальмиери, – норма правильно устроенной гражданской жизни³⁵.

Исторической реальностью, в которой, как подчеркивает гуманист, воплотилась вся сложная структура "человеческой жизни сообща", стали города. Их возникновение было, по его убеждению, следствием раскрытия творческих способностей людей, породивших разнообразные ремесла, "без которых жизнь человеческая была грубой, дикой, подобной жизни животных"³⁶. "Ремесла облагородили и украсили нашу жизнь – заключает Пальмиери – благодаря им возникли застроенные зданиями и населенные множеством людей города"³⁷. В городах сложился обмен, сначала натуральный, а затем и денежный. В развитии ремесла и торговли, подчеркивает гуманист, проявилась взаимная полезность людей, сочетание частной и общей пользы. Ремесло и торговля в концепции Пальмиери выступают как определяющий фактор исторического прогресса, перехода человечества от дикости к цивилизации. И хотя непритязательная жизнь в эпоху дикости была мирной и добродетельной, человек во всех его возможностях раскрылся не в ней, утверждает Пальмиери, а тогда, когда научился возделывать землю и создавать своими руками великое множество вещей³⁸.

Особое значение гуманист придает эстетическому облику города, обобщая реальные черты итальянского города и выводя из них некую норму. Город должны украшать мощные крепостные стены с башнями, величественные храмы, изысканные частные жилища, подчеркивающие достоинство живущих в них граждан. Красивыми и удобными должны быть площади и рынки, мосты, портики, дороги, улицы³⁹. Городу придают величие достойные магистраты, призванные поддерживать авторитет и благосостояние республики, уважение к власти гражданского правительства. Этому служат и пышные одеяния должностных лиц

различного ранга, и вся символика власти, и торжественные богослужения в храмах, поражающих красотой облачений служителей культа⁴⁰. Да и частные граждане в высшей мере способствуют славе города, превосходя других в доблести и разнообразной деятельности⁴¹.

Подчеркивая все величие городской цивилизации, ее несомненные блага для живущих в городе людей, гуманист оказывается в то же время перед проблемой оценки ее с позиций нравственности – ведь обмен и деньги стимулируют не только труд, но и жадность, несправедливость и многие другие пороки. В сочинении "Гражданская жизнь" Пальмиери, бесспорно, выступает как апологет цивилизации, пытающийся "снять" ее противоречия с помощью утопического конструирования норм идеальной гражданской жизни. В более поздней поэме "Град жизни" (1464 г.) он меняет свою позицию, восхваляет скромную, но зато справедливую начальную пору человечества, приходит к отрицательной моральной оценке частной собственности и связанных с ней пороков⁴². Проблема исторической роли городской цивилизации была широко поставлена Пальмиери, раздумья над ней не оставляли его на протяжении всего его творчества, однако, однозначного решения эта проблема у него не получила.

Итак, в гуманистической мысли XV в. складывалось целостное представление о городской цивилизации как воплощении лучших сторон общественного бытия человека. Гуманисты – Салютати и Бруни, Поджо и Ландино, Пальмиери – раскрывали разные аспекты проблемы городской цивилизации. В городе видели и средоточие развитой торговоэкономической деятельности, и центр социально-политической активности, и фундамент правовой жизни, и лингвистическое пространство, и, наконец, главное историческое условие развития культуры, которому способствуют все городские структуры, как властные, так и общественные. Городская цивилизация, или гражданская жизнь, получила очень высокую оценку в трудах гуманистов прежде всего потому, что в их представлении она создает надежную основу для процветания культуры, новое понимание общественной роли которой они утверждали в своем творчестве.

Представления о специфике городской цивилизации, сложившиеся преимущественно во флорентийском гуманизме XV в. во многом были обусловлены той исторической ролью, которую играла ренессансная Флоренция в судьбах европейской цивилизации. При очевидной идеализации реальной Флоренции, что было характерным для большинства гуманистов, нельзя не заметить в их сочинениях трезвых оценок ценности городской жизни во всех ее проявлениях, глубокого понимания цивилизаторской миссии города как средоточия материальных богатств и духовных ценностей, как формы человеческого общежития, в которой наиболее полно выявляются творческие, созидательные способности людей. Возможно, именно в Италии – стране высокой степени урбанизации, это сознание ценности городской цивилизации могло сложиться раньше, чем в других странах Европы, и выразиться наиболее полно. Важно подчеркнуть и наметившийся в гуманистической литературе комплексный подход в понимании города – исторического феномена, главного носителя прогресса.

- ¹ Прокопович С.С. Об идеальном городе в городской литературе XIII–XIV веков и в "Декамероне" Боккаччо // Средневековый город. Саратов, 1989. Вып. 9. С. 44–51.
- ² Waley D. The Italian City-Republics. L., 1969. P. 141.
- ³ Ibid. P. 142; Aurigemma M. Studi sulla cultura letteraria tra Tre e Quattrocento. Roma. 1976.
- ⁴ Levin H. The Myth of the Golden Age in the Renaissance. L., 1970.
- ⁵ Брагина Л.М. Итальянские гуманисты XV в. о культурно-исторических традициях средневековья // Культура Возрождения и средние века. М., 1993. С. 42–51.
- ⁶ The World of Renaissance Florence / ed. G. Martinelli. N.Y. 1968.
- ⁷ Baron H. The Crisis of the Early Italian Renaissance. Civic Humanism and Republican Liberty in the Age of Classicism and Tyranny. Princeton, 1966.
- ⁸ Prosatori latini del Quattrocento / A cura di E. Garin. Milano; Napoli, 1952. P. 15, 33.
- ⁹ Ibid. P. 45; Nam cum frequentia populi, splendore aedificiorum, magnitudine rerum gerendarum civitas haec florentissima est, tum etiam optimarum arium totiusque humanitatis, quae iam penitus extincta videbantur... P. 46–48, 66.
- ¹⁰ Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983. С. 59–92.
- ¹¹ Bruni Leonardo. Laudatio Florentinae urbis // H. Baron. From Petrarch to Leonardo Bruni. Chicago; London. 1968. P. 231–263.
- ¹² Ibid. P. 233–234.
- ¹³ Ibid. P. 235.
- ¹⁴ Ibid. P. 236.
- ¹⁵ Ibid. P. 233.
- ¹⁶ Ibid. P. 237.
- ¹⁷ Брагина Л.М. Город в итальянской гуманистической мысли XV в. // Средние века М., 1992. Вып. 54. С. 35–54.
- ¹⁸ Baron H. From Petrarch to Bruni, P. 256.
- ¹⁹ Ibid. P. 257.
- ²⁰ Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сборник текстов. Саратов, 1984. Ч. 1. С. 190.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. С. 190–191.
- ²⁴ Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М., 1985. С. 209.
- ²⁵ Там же. С. 209–210.
- ²⁶ Там же. С. 210.
- ²⁷ Там же. С. 193.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Prosatori latini. P. 782.
- ³⁰ Сочинения итальянских гуманистов... С. 208.
- ³¹ Там же.
- ³² Брагина Л.М. Социально-этические взгляды. С. 28–59.
- ³³ Palmieri Matteo. Vita civile / ed. G. Belloni. Firenze, 1982. P. 173–174.
- ³⁴ Ibid. P. 104.
- ³⁵ Ibid. P. 110.
- ³⁶ Ibid. P. 155.
- ³⁷ Ibid. P. 155–156.
- ³⁸ Ibid. P. 154.
- ³⁹ Ibid. P. 194.
- ⁴⁰ Ibid. P. 195.
- ⁴¹ Ibid. P. 183.
- ⁴² Кудрявцев О.Ф. Ренессансный гуманизм и "Утопия". М., 1991. С. 141–148.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ГОРОД НА ЗАРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Л.С. Чиколини

Для понимания роли города в социальном и культурном развитии общества богатейший материал дает история Италии, ранее других европейских стран вступившей на путь урбанизации. Ее историческая эволюция в эпоху феодализма отмечена неповторимой спецификой. В стране еще окончательно не сложились феодальные отношения, а на развалинах римских поселений уже начали возникать города, ставшие центрами экономической и общественной жизни. Многие из них, используя выгодное географическое положение, конкурируя друг с другом, развернули активную торговую деятельность, вышли за пределы Апеннинского полуострова, заняли передовые позиции на континенте, которые сохраняли на протяжении нескольких столетий. Обретя независимость от феодалов, итальянские города-коммуны превратились в самостоятельные государства. В них зарождались ростки раннебуржуазных отношений, расцвела культура Возрождения.

Но на исходе феодальной эпохи итальянские città вступили в новую фазу развития. Пора процветания городских коммун с их республиканскими демократическими учреждениями миновала. На их месте формировались синьории и принципаты, имевшие тенденцию превращения в абсолютистские княжества, в сохранившихся республиках утвердились олигархические режимы. Под влиянием изменившейся обстановки в Европе после географических открытий и Реформации, а также под воздействием начавшейся в Италии рефеодализации и торжества контрреформации замедлилось экономическое развитие итальянских государств, оживали и вновь крепили феодальные и полуфеодальные порядки, усиливалось противоборство и вместе с тем сосуществование и взаимопроникновение различных экономических укладов.

Главными центрами общественной жизни в Италии оставались города. Одна из особенностей исторической эволюции Италии на данном этапе – упадок и деградация многих мелких городов, их аграризация, нередко приводившая к оживлению деятельности горожан в контадо. (Э. Серени приводит в пример небольшой тосканский город Монтепульчиано, в XVI в. окруженный цветущими садами и виноградниками¹). По мере уменьшения удельного веса заморской торговли и сокращения промышленного производства усиливался отток населения из города в деревню, пробуждался интерес к сельской жизни городской верхушки, вкладывавшей в землю освобождавшиеся капиталы, что также отражалось на демографических процессах. Однако это не повлияло на численность населения тех городов, главным образом в Северной и Средней Италии, где продолжалась торгово-промышленная деятельность, а также столиц итальянских государств (Рим, Неаполь, Венеция, Генуя), где наблюдалось увеличение числа жителей преимущественно за счет пришлого элемента. В то же время исследователи отмечают рост паразитизма в городах, особенно в Риме и Неаполе².

© Чиколини Л.С.

Изменения в области экономики оказали заметное влияние на социальные процессы. Укреплялись позиции дворянства, складывалось новое соотношение между различными группировками горожан: происходило сращивание феодальной аристократии с патрицианской городской верхушкой (приобретавшей земли и дворянские звания), слабел и размывался основной, "средний" слой городского населения – пополанство, численно возрастала бесправная плебейская прослойка общества. Процессы эти, начавшиеся в XV в., усилились во второй половине Чинквеченто.

К культурному развитию изменения в социально-политической сфере имели самое непосредственное касательство. Главными заказчиками художников, мастеров-строителей все более становится не коммуна, а государь, нобиль, князь церкви. Важную роль приобретает меценатство.

Вместе с тем в ренессансную культуру были привнесены новые веяния: гуманистическое движение теряет свою однородность, дробится, в нем возникают неизвестные прежде тенденции, более четко обозначаются, в частности, две струи – пополанская и аристократическая. В гуманистических идеалах элиты, отвечавших потребностям усилившегося класса дворян и новой знати, слабели мотивы гражданственности, усиливались эпикурейско-гедонистические настроения.

Постепенно менялся и внешний облик города. Оживление феодальных и полуфеодальных отношений, возросший интерес к сельской жизни не приостановили урбанизацию. В больших городах, крупных экономических и административных центрах, особенно в столицах региональных княжеств в XVI–XVII вв. наблюдалось активное градостроительство. Возводились великолепные дворцы, выпрямлялись и расширялись улицы, украшались площади, сооружались монументы, лоджии, арки, фонтаны, проводились акведуки и т.п. За городской чертой вырастали великолепные виллы, строительство коих предусматривало сочетание приятной жизни на лоне природы с престижностью и безопасностью, ради чего возводились соответствующие укрепления. Беспокойная жизнь заставляла думать о фортификационных работах, строительстве на границах государств и морских побережьях городов-крепостей³.

Крупным заказчиком зодчим оставалась церковь, усилившаяся в ходе контрреформации. В Италии сооружались многочисленные храмы, часовни, монастыри. В XVI в. развернулось грандиозное строительство в Риме, над украшением папской столицы трудились лучшие зодчие эпохи – Браманте, Рафаэль, Микеланджело, Антонио да Сангалло Младший, Доменико Фонтана и другие. Яркий пример широкого размаха работ – собор св. Петра, на сооружении которого в течение века были заняты тысячи рабочих. Активное строительство наблюдалось во Флоренции, в Венеции, где также возводились многочисленные церкви, дворцы патрициев, знаменитая библиотека св. Марко, по проекту Якопо Сансовино, мост Риальто, сконструированный Антонио да Понте.

Но город не только место обитания знати и духовенства. Его основные жители простые люди, ремесленники, торговцы, а также масса неустроенной "черни". Рядом с аристократическими кварталами ютились

лишенные удобств убогие жилища бедняков. Неудивительно, что зодчие, мечтавшие о идеальных городах, порой стремились отделить рабочую часть города от "чистой" (например, Леонардо да Винчи), создавали проекты домов для простолюдинов⁴. Заметим, однако, что подобные проекты, как правило, не претворялись в жизнь. Итальянский город оставался городом контрастов.

В XVI–XVII вв. он стал центром острых социальных противоречий. Горожане играли важнейшую роль и в еретическом движении, развернувшимся на полуострове в 30–50-х годах Чинквеченто. Видимо, не случайно события, происходившие в Италии, навели Ортенцио Ландо (писавшему в 40-х годах XVI в.) образ корабля, побывавшего на острове Утопии. Для мятежных городов родины он вез цепи, кандалы, удила и вожжи, а также басни, напрасные надежды и микстуры для тяжелобольной страны⁵.

Таковой была противоречивая итальянская реальность XVI–XVII вв. Она вызывала у современников потребность осмыслить происходившие процессы, наложила отпечаток на формирование общественных идеалов. Центр тяжести в теоретических штудиях гуманистов переместился от этики к политике, выдвинув на первый план проблему государства.

Характерная черта социальной мысли Чинквеченто и Сеиченто – раздумья о совершенном устройении человеческого общежития, о "наилучшем" государстве, стабильном и прочном, способном гарантировать благополучное существование. Этим объясняется обострившийся интерес к истории государств прошлого. Образцы, достойные подражания, стремились отыскать и в самой Италии. Отсюда живучесть так называемого "венецианского мифа", восхваление республики св. Марка, в устройении которой усматривали черты, присущие идеальному государству⁶.

Не оставляли надежды на возможность построения прекрасных городов архитектуры. Образцами в XVI в. оставались проекты зодчих предшествующего столетия – Антонио Аверлино-Филарета, создавшего чертеж города-крепости Сфорцинды в виде восьмиконечной звезды; Леона Баттисты Альберти, задумавшегося о городе с функциональной целесообразностью архитектурных сооружений, хорошим водоснабжением, с удобно устроенными домами, в которых размещено все население (бедняки занимают нижние этажи); Леонардо да Винчи, оставившего чертежи двухъярусного города с просторными улицами и площадями, обилием источников чистой воды, где рабочая часть города размещена внизу, а город благородных – наверху⁷. Архитекторы XVI в. находились также под влиянием античных образцов, многие из них опирались на трактат Витрувия, заново открытого в эпоху Возрождения. Из проектов XVI в. привлекает внимание идеальный город, спланированный Фра Джокондо да Верона (в виде двух колец стен, опоясывающих город, с радиально расположенными улицами, сходящимися в центре, где высится храм); а также Джорджо Вазари Младшего в виде равнобедренного восьмиугольника, в который вписаны улицы, расположенные в квадратах⁸.

Сходство итальянского города-государства с античным вызывало повышенный интерес к политическим теориям древних – Платона,

Аристотеля, Полибия, Цицерона, Тацита и других. У древних философов была заимствована, в частности, идея смешанного правления (сочетания элементов монархии, аристократии и демократии), казавшаяся наиболее приемлемой в условиях переходного состояния государства – формирования мелких абсолютистских княжеств, наличия привилегий олигархов и аристократов, сочетавшихся с остатками былых вольностей городов-республик.

Об актуальности темы государства свидетельствует богатая политическая литература Чинквеченто и Сеиченто. Сочинения на эту тему нередко принимали форму утопий.

В исторической литературе сложилась традиция противопоставлять проекты идеальных городов, разрабатывавшихся архитекторами, и утопии XVI–XVII вв. Первые рассматриваются, и вполне обосновано, как отражение реальных явлений, связанных с градостроительством эпохи Возрождения⁹.

Что же касается утопий XVI–XVII вв., то исследователи часто относят их то к области чисто умозрительных построений, к поэтическому творчеству, либо, впадая в другую крайность, говорят об их направленности в будущее, о предвосхищении утопистами черт грядущих времен – коммунистического или буржуазного обществ.

Думается, однако, что для резкого противопоставления проектов архитекторов и утопий кануна нового времени все же нет оснований. В сущности перед теми и другими стояла одна и та же цель – сохранить итальянские города-государства (как заметил однажды Кампанелла, "убережь то, что Италии еще осталось") и совершенствовать "земной град". В этом смысле утопии, как справедливо заметил Д. Симончини, – "продолжение проектов идеальных городов XV в."¹⁰. И те и другие исходили из конкретной жизни, которая не оставалась неизменной. Великие архитекторы XV в. творили в условиях, когда города-государства Италии не вступили еще в полосу жестокого кризиса, хотя признаки его уже обозначились. Утопии XVI–XVII вв. – попытка ответить на запросы своего времени, когда положение в Италии весьма осложнилось. В утопиях центр тяжести перенесен на решение социально-политических задач, их авторы пришли к заключению, что для совершенства гражданской жизни недостаточно только строительства хорошо спланированных городов, кроме того, необходимы преобразования общественных институтов. Отсюда разработка не только проектов рациональной планировки города, но и забота о формах правления, конституции, соответствующем распорядке жизни идеальных граждан.

Но по-прежнему в описаниях "наилучшего" государства формой общежития остается *città*, *città-stato* город-государство, самодостаточное целое (говоря словами Гарэна, "большой дом", город, тесно связанный с округой). Несмотря на мистификацию, к которой часто прибегали авторы утопических произведений, помещая воображаемые государства на неведомые острова, либо придавая своим идеалам форму сновидений и аллегорий (желая, видимо, сделать эти сочинения более занимательными, а, быть может, вынужденные говорить эзоповским языком), они ясно обнаруживали намерение отыскать выход из тупика, в котором оказалась

их родина. Большинство итальянских утопий XVI–XVII вв. нельзя отнести к беспочвенным фантазиям. Их авторы чутко реагировали на явления своих дней, выступали с суровой критикой недугов общества, стремились повлиять на ход событий, предлагали проекты преобразований. Показательны примеры Людовико Агостини, систематически посылавшего герцогу Урбино проекты судебных и других реформ, а также Лодовико Цукколо и Кампанеллы.

Об Италии думал и такой экстравагантный писатель-полиграф, как Антон Франческо Дони. Академику мудрецу приснилась большая страна (Мудрый или безумный мир), разделенная на провинции, "как Ломбардия, Тоскана, Романья, Фриули, Марка, каждая из которых имела по большому городу". Один из них и описывает академик Мудрец¹¹. Агостини высказывался еще яснее – его "Воображаемая республика", о которой толкуют аллегорические персонажи, – "Конечное" и "Бесконечное", расположена, "не выходя за пределы Италии", на берегу Адриатического моря, где расположилась отчизна писателя. Жители ее, самые добрые на свете, поистине созданы для жизни в совершенном государстве¹². В Италии находится и "Счастливый город" Лодовико Цукколо – идеализированное воспроизведение реально существовавшей республики Сан Марино¹³.

Социальная сущность подобных сочинений весьма различна. Отсюда многообразие предлагавшихся образцов социально-политических структур. Но примечательно, что в них обнаруживается и разительное сходство: за редким исключением, во всех идет речь о городе, городе-государстве. В произведениях утопистов как бы суммированы идеи философов и политиков о "наилучшем" государстве и проекты архитекторов, мечтавших о рационально спланированных городах.

Показателен, к примеру, город "удивительной красоты", изображенный в одной из первых утопий Италии Чинквеченто флорентийцем Антонио Бручоли (будущим переводчиком Библии на итальянский язык)¹⁴. Стронник пополанства, он считал наиболее совершенным город средней величины, в котором нет ни бедных, ни богатых, царит равенство людей среднего достатка (*mediocri*). Бручоли помещал его на некоем острове Монлучче, в живописной местности, на берегу реки, впадающей в море, что, способствовало торговле. Планировка города напоминает некоторые проекты архитекторов. Улицы прямые, как стрелы, от центра, подобно лучам, расходятся в разные стороны. В центре на искусственно насыпанной горе – неприступная цитадель. Город опоясан мощной стеной, глубоким и широким рвом. На берегу реки – большое поле, где граждане занимаются гимнастическими и военными упражнениями; вокруг поля – лоджии и здания, принадлежащие купцам. Жилые дома построены все на один манер, зато великолепием выделяются общественные палаты, места заседаний магистратов и должностных лиц. Особое внимание уделено описанию городских укреплений: указана толщина стен, размеры башен и ворот (их 8, по две с каждой стороны), так что при желании каждый может сделать чертеж и приступить к строительству. Такое внимание к фортификационным сооружениям понятно. Бручоли жил в самый разгар итальянских войн, вторжения на Апеннинский полуостров французов и

военных полчищ императора Карла V. Примечательны размеры всего города: в окружности он имеет 6 миль (примерно 10–12 км¹⁵), что составляет 6–8 кв. км и приближается к размерам ренессансной Флоренции. Таким образом, идеальное государство Бручоли выступает как обустроенный укрепленный населенный пункт, соединивший в своей конструкции черты города ренессансного и средневекового (мощные укрепления и цитадель в центре); отдельные части его напоминают город античный (палестра, форум).

Молодой Франческо Патрици, будущий философ-неоплатоник, оставил описание "Счастливого города"¹⁶, опираясь в данном случае еще на Аристотеля, на раздел его "Политики" ("О наилучшем государстве"). Размеры города Патрици невелики – все "жители хорошо знают друг друга". Они делятся на шесть разрядов, три из которых (правители, воины и священники) полноправные граждане, три другие (крестьяне, ремесленники и торговцы) к числу истинных граждан не относятся (крестьяне, просто зависимые люди, рабы). Их удел тяжкий труд и заботы, они не могут достичь высот созерцательной жизни. Счастливый город имеет контадо, в достатке обеспечивающий население продуктами. В сущности, в этом описании нет ничего фантастического. Город напоминает и античный, и обычный город Италии, или Далмации, откуда был родом Патрици.

Воображаемый город Дони, пригрезившийся академику Мудрецу, по внешнему виду схож с идеальными городами архитекторов. Он построен в виде большого круга и обнесен стеной, в которой 100 ворот. От них к центру города ведет 100 прямых, как стрелы, улиц. В центре – храм с куполом, более величественный, нежели сооружение Брунелески во Флоренции. Функции храма не только религиозные, его лестницы – место отдыха жителей города, здесь звучит музыка, по вечерам собирается народ отметить "праздник труда".

Дони подчеркивал гармоничность и рациональность архитектуры: в храме 100 дверей, так что стоявший в центре его мог, поворачиваясь по кругу, обозреть сразу весь город. Разумная планировка позволяет легко ориентироваться в городе и делает жизнь в нем приятной. Каждая улица в городе отведена для обитания ремесленников двух родственных специальностей (врачам и аптекарям, ткачам и прядильщицам и т.д.).

В Мудром или безумном мире введен трудовой принцип жизни, "кто не работает, тот не ест", уничтожена частная собственность, нет торговли и денег, введено общественное распределение, безденежный обмен, все питаются в общественных столовых. С округой город образует единое целое; крестьяне, равные в правах с горожанами, сдают продукты в общественные склады, взамен получая в городе все необходимое. Следуя за Платоном, Дони уничтожил семью, дети воспитываются всем обществом. Но утопические построения Дони навеяны не только чтением Платона или буйной фантазией его самого. В XVI в., как хорошо известно, идеи обобществления собственности, жен и детей разделяли некоторые анабаптистские общины и пытались претворить их в жизнь. Таким образом, одна из самых фантастических утопий XVI в. во многом оказывается тоже своеобразной рефлексией итальянских реалий.

А уже упоминавшийся "Счастливый город" Цукколо и вовсе опирается на конкретную действительность. Реально существовавшая республика Сан Марино расположена на обрывистой горной круче и подобна естественной крепости. Ее обитатели бедны, заняты тяжелым сельскохозяйственным трудом, обрабатывают каменистую почву, но пребывают в естественном равенстве, мире и покое, так как никто не беспокоит их войной. Они ведут замкнутый, патриархальный образ жизни, основанный на натуральном хозяйстве, торговля у них не играет большой роли. В сущности это пример малого итальянского города-государства, благодаря своеобразию географического расположения, сохранившего независимость в трудных условиях XVI–XVII вв.

Воображаемая республика Агостини знакомит нас с иным типом città – реформированным и заново обустроенным городом эпохи контрреформации. Здесь сохранены и частная собственность, и индивидуальная семья (как, впрочем, во всех итальянских утопиях XVI–XVII вв., кроме утопий Дони и Кампанеллы), но дела граждан взяты под контроль общественных надзирателей. Все население обитает в одинаковых добротных, сухих, хорошо проветриваемых домах, построенных без излишних украшений за счет государства, плебс занимает нижние этажи. Все имеют право на равную долю продуктов (питаются в общественных столовых или дома). В городе введен строгий распорядок жизни: все начинают работу, делают перерыв на обед, отправляются спать в одно и то же время по звуку колокола. Тунеядство, роскошь, азартные игры запрещены. Но жители получают удовольствие, слушая музыку, в свободные от трудов часы на улицах играют оркестры. Особое внимание Агостини уделял чистоте города, правилам гигиены, организации медицинской помощи, водоснабжению, канализации, иначе говоря, узким местам итальянских городов той эпохи. Он думал о спокойствии граждан и правопорядке, запрещал ночные гуляния, вводил справедливое, краткое судопроизводство. Как видим, город Агостини реформирован с учетом интересов простого народа, мелких собственников-тружеников.

При ближайшем рассмотрении оказывается не оторванным от реальности и Город Солнца Кампанеллы, во многом и он своеобразное преломление итальянской действительности, что справедливо подметил еще В.И. Рутенбург¹⁷. Воображаемый город Кампанеллы, где обитатели ведут "философский образ жизни", как и у других авторов, состоит из собственно города и контадо, образующих вместе единое целое. Солярии заняты ремеслом и сельским хозяйством, в достатке обеспечивая себя всем необходимым. С точки зрения градостроительной, Город Солнца перекликается с проектами архитекторов. Он сооружен на склонах холма, возвышающегося посреди широкой равнины, и опоясан семью кольцами крепостных стен, делающих его неуязвимым для врагов. По размерам он несколько больше города Бручولي, не считая предместий, имеет в окружности 7 миль (т.е. более 15,5 км, если взять за основу неаполитанскую милю, равную 2226 м), а в поперечнике – 2 мили (около 4,5 км). Таким образом, по тем временам это не малой величины город, занимающий без предместий площадь приблизительно 16–17 кв.км.

Новым у Кампанеллы, по сравнению с утопиями XVI в. был огромный интерес к науке, на достижениях которой строится вся жизнь в государстве. И Кампанелла заботился о благоустройстве города, его украшении (крепостные стены расписаны картинами, имеющими и педагогическое значение, обращено внимание на красоту городских сооружений), он тоже думал о гигиене и чистоте, водоснабжении и канализации. В конструкции последних, наряду с обычными, использованы сложные, известные лишь соляриям механизмы.

При этом в поле зрения Калабрийца остается все тот же город-государство, самодостаточный организм, семью стенами отгородившийся от остального мира, мира в ту пору враждебного итальянскому народу. И в этом отношении несмотря на всю самобытность построений Кампанеллы (обобществление собственности, невиданное развитие наук – как основы всей жизни общества, обязательный труд граждан, переставший быть изнурительным и неприятным, воспитание детей коллективом как важное государственное дело и т.д.), Город Солнца подобен другим воображаемым городам XVI – начала XVII вв.; солярии замкнуты в пространстве своего города-государства как жители Евандрии или Счастливого города Цукколо в пространстве своего.

Особняком стоит, пожалуй, лишь город, о котором мечтал Джованни Ботеро¹⁸. Он предложил читателям образец città "открытого" типа, с развитой международной торговлей. Народу нужен "хороший хлебный рынок", писал Ботеро. Силой, заставляющей людей "бегать", "поворачиваться туда-сюда", он считал деньги. "У кого есть деньги, можно сказать, что у него есть все, что нужно иметь в этом мире"¹⁹. Столь откровенные восхваления мирских богатств духовным лицом, каким был Ботеро, противоречившие официальному учению церкви, показательны для кануна нового времени. Замкнутое, рассчитанное только на собственные силы хозяйство Ботеро не устраивало. Его идеал – не общество средневекового типа и даже не обычный ренессансный город. В сущности это крупный экономический центр переходной эпохи от феодализма к капитализму. Но и он еще не стал городом Нового времени. Обнаруживая тесную связь с общественной мыслью своего времени, Ботеро тоже говорил о городе, органически связанном с округой. Его размеры лимитированы: город, полагал Ботеро, не может расти бесконечно, как не могут быть беспредельно раздвинуты рамки контадо, город должен быть средней величины. В целом его идеал похож на итальянский город типа Венеции или Генуи, или на торговые города Европы, выдвинувшиеся после великих географических открытий. Но особенно притягательным примером для Ботеро был Китай. В нем он узрел столь развитые ремесла и сельское хозяйство, такое множество городов, что Китай казался ему "сплошным городом".

Итак, проблема города занимает важное место в многочисленных проектах преобразования общества, возникавших в Италии на заре нового времени²⁰.

Мысли философов, политиков, архитекторов Италии, мечтавших о совершенствовании человеческих отношений и нормализации жизни своей страны, как правило, вращались вокруг города, города-государства,

поскольку именно город в XVI–XVII вв. оставался важнейшей ячейкой гражданской жизни, "большим домом", который и хотели, подобно архитекторам XV в., заново обустроить мыслители Чинквеченто и Сеньченто.

Город был не только административным и экономическим центром, он был средоточием духовной жизни и культуры. Проекты его переустройства – результат отражения в них, пусть неадекватного, опосредованного, реальных явлений, в том числе в определенной мере и многообразия типов городов, существовавших на Апеннинском полуострове: крупных торговых центров, как Венеция и Генуя, больших городов-столиц, значение которых выходило за рамки Италии (Рим, Неаполь), столиц мелких региональных княжеств (Мантуя, Феррара, Модена, Римини, Урбино), городов, в которых не прекратилась промышленно-торговая деятельность (Северная и Средняя Италия), и множества мелких городков и поселений городского типа, в которых оживали феодальные, полufeодальные и даже патриархальные отношения. Таким образом, будучи своеобразной рефлексией на реальную действительность, проекты идеальных городов практически раскрывали важную роль последних в социокультурных процессах Италии, сложность и высокий уровень городской жизни в эпоху позднего Возрождения. Проекты эти – порождение культуры эпохи, но одновременно, являясь феноменом ее, они оказывали влияние на формирование общественного сознания, развитие общества, отражали особенности урбанизации Италии, влияли на нее.

¹ *Sereni E. Storia del paesaggio agrario italiano.* Bari, 1976. P. 223–226.

² См.: *Delumeau J. Vie économique et sociale de Rome dans la second moitié du XVI-e siècle.* P., 1957. V. 1. P. 11.

³ Интересно была спланирована город-крепость Пальманова, построенная в 1593–1600 гг. венецианцами на границе с Австрией (архитектор Джулио Саворньяр) в виде большого девятиугольника. В Тоскане в XVI в. был расширен и укреплен порт Ливорно, с 1548 г. получивший статус свободного порта; в течение века его население выросло с 2-х до 30 тысяч.

⁴ Леонардо да Винчи предлагал герцогу Миланскому соорудить 5 тыс. домов для 30 тыс. людей, чтобы в каждом обитало по 6 человек; проект удобных двухэтажных жилищ для рабочих предложил Себастьяно Серлио. См.: *Simoncini G. Città e società nel Rinascimento.* Torino. 1974. V. 1. P. 60.

⁵ *Lando O. Commentario delle più notabile et mostruose cose d' Italia, e altri luoghi di lingua Aramea in italiano tradotto.* Venetia. 1553.

⁶ Подробнее см.: *Gaeta F. Alcune considerazioni sul mito di Venezia // Bibliothéque d'Humanisme et Renaissance.* T. XXXIII. Genève. 1961. P. 58–75; *Bouwisma W.J. Venezia e la difesa della libertà repubblicana.* Bologna. 1977; *Брагина Л.М. Культ государства в Венеции в XV в. // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения.* М., 1988. С. 153–162; *Чиколини Л.С. Венеция в итальянской публицистике XVI–XVII вв. и "Antiveneti" Кампанеллы // Средние века.* 1990. Вып. 53. С. 167–190.

⁷ Подробнее см.: *Garin E. La città ideale // E. Garin. Scenza e vita civile nel Rinascimento italiano.* Roma; Bari. 1975. P. 33–56; *La città ideale nel Rinascimento / A cura di L. Firpo.* Torino. 1963; *Simoncini G. Op cit. V. II. P. 76–81; Гарэн Э. Леонардо да Винчи и "идеальный город" // Э. Гарэн. Проблемы итальянского Возрождения.* М., 1986. С. 214–235.

⁸ *Simoncini G. Op. cit. V. II. P. 99, 172–173.*

⁹ *Гарэн Э. Леонардо да Винчи и "идеальный город" // Э. Гарэн. Проблемы итальянского Возрождения.* С. 214–230; *Он же. "Изящные искусства": архитектура, скульптура, живопись // Там же.* С. 286.

¹⁰ *Simoncini G.* Op. cit. V. 1. P. 269.

¹¹ *Doni (A.F.) I Mondi.* Venetia, 1552.

¹² *Agostini L.* La Repubblica immaginaria. Testo critico con bibliografia dell'autore / A cura di L. Firpo. Torino, 1957.

¹³ *Zuccolo L.* La città felice // L. Zuccolo. Dialoghi. Venetia, 1625.

¹⁴ *Brucioli A.* Dialogi. Vinegia, 1526.

¹⁵ В итальянских городах мила была различной протяженности: венецианская равнялась 1739 м, римская – 1489 м., неаполитанская – 2226 м.

¹⁶ *Patritio F.* La città felice. Venetia, 1553.

¹⁷ *Рутенбург В.И.* Кампанелла. Л., 1956.

¹⁸ *Botero G.* Delle cause della grandezza e magnificenza delle città // G. Botero Della ragion di stato. Delle cause della grandezza delle città / A cura di C. Morandi. Bologna, 1930. P. 316–382.

¹⁹ *Botero G.* Op. cit. P. 350.

²⁰ Подробнее см.: *Чиколини Л.С.* Социальная утопия в Италии. XVI–XVII вв. М., 1980.

МУСУЛЬМАНСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД (термин и архитектурное выражение)

Т.Х. Стародуб

Широко принятое определение средневекового города Ближнего Востока и Северной Африки как мусульманского, или исламского¹, в действительности дает исторически неточную информацию.

Состав городского населения и в Машрике и в Магрибе² во многих случаях был неоднородным: "купцы и ремесленники, мусульмане и христиане, арабы и евреи жили бок о бок не только в соседних домах, а даже в соседних квартирах и комнатах"³. Особенно ярко эту неоднородность демонстрируют такие космополитические и поликонфессиональные города как Иерусалим, Дамаск, Каир, Стамбул и даже Багдад – в традиционном представлении, казалось бы, классически арабский и классически мусульманский⁴.

Архитектурное содержание ближневосточных и североафриканских городов соответственно не было однозначным, достаточно вспомнить о существовании, наряду с мусульманскими, христианских и иудейских кварталов, "оснащенных" своими церквями и синагогами, или об интеграции в городскую архитектуру Палестины, Ливана и Сирии XI–XII вв. крепостных и культовых сооружений крестоносцев.

В типологии градостроительства, в принципе исключающей классификацию по конфессиональному признаку ("христианский", "буддийский", "индуистский") практика исследований не выделяет тип "мусульманского города" как замкнутую, моделируемую по единой парадигме систему. Как верно заметил О.А. Грабар, "в том же смысле, что не было чисто исламского типа дворца, не было и чисто исламской формы города"⁵. Отсутствие типологической общности в градостроительстве мусульманских стран объясняется, помимо регионально-географических и экономических особенностей, множественностью исторически обусловленных различий в урбанистических процессах Халифата.

© Стародуб Т.Х.

В издревле густонаселенных районах Восточного Средиземноморья, где арабское завоевание нередко принимало форму договора⁶, мусульмане, руководствуясь принципом целесообразности и, возможно, известным хадисом⁷: "самая бесполезная вещь, пожирающая богатство верующего, – строительство"⁸, охотно осваивали старые города, используя античное и византийское наследие и приспособлявая к своим нуждам не только социально-административное городское устройство⁹, но и инокультурные гражданские и культовые объекты. По договору разделяли жилые и церковные здания¹⁰. Существует версия, что в Дамаске мусульмане, получившие часть территории церкви Иоанна Крестителя, в течение нескольких десятилетий совершали свои обряды бок о бок с христианами¹¹. В Дамаске, Хаме, Хомсе, Халебе Большие мечети Омейядов были построены на откупленных у христиан храмовых участках с использованием материалов и сохранением фрагментов предшествующих сооружений. Как показывают эти здания, первые памятники культового зодчества ислама стилистически были связаны с предшествующей эпохой; их архитектурные решения, хотя и отвечали задачам культа, но не давали адекватного новым религиозным представлениям специфического образного выражения, которое можно было бы охарактеризовать как исламское. Например, в дамасской мечети Омейядов колоннады молитвенного зала и галереи двора возвращают нас к образам римской и византийской архитектуры, а знаменитые мозаики многими историками искусства рассматриваются в качестве образцов ранневизантийской живописи.

Новые города в эпоху арабских завоеваний возникали, как правило, вдали от метрополии. Южномесопотамские Куфа и Басра, северомесопотамский Мосул, египетский Фустат, тунисский Кайруан выросли из города-лагеря, или муаскьяра¹², – места квартирования гарнизона и расселения иммигрировавших арабских племен. На окраинах дар аль-ислам – мусульманского мира для защиты и расширения его границ строились рибаты – укрепленные обители благочестивых воинов-аскетов, борцов за веру, получивших прозвище "мурабитун" – "живущие в рибате", или марабуты. В отличие от муаскьяра, рибат редко становился ядром формирования города, по своему архитектурному выражению сближаясь с омейядскими "замками пустыни" – удаленными от больших городов дворцово-крепостными сооружениями¹³. Однако, судя по установленным планам Куфы (VII в.) и Ухайдира (VIII в.) в Ираке, "замков пустыни", построенных в первой половине VIII в. для представителей династии Омейядов (661–750 гг.) в Сирии и Палестине, рибатов VIII–IX вв. в тунисских Сусе и Монастире¹⁴, при всей нестандартности их архитектурных решений, в планировке и застройке новых городов (первоначально в буквальном смысле арабских и мусульманских по составу населения) широко эксплуатировались идеи римского военного лагеря и, возможно, ранневизантийского форта. Мусульманское начало архитектурно здесь было выражено слабо или совсем не выражено. В рибатах и замках мечетью обычно служил зал, включенный в общую периметральную композицию помещений различного назначения¹⁵. В основанных в 635 г. Басре и в 638 г. Куфе первые мечети, по сообщению

арабского историка IX в. аль-Балазури, были "нарисованными"; верующие молились внутри очерченных на земле границ, которые в Куфе "установил человек, бросивший стрелу в направлении киблы"¹⁶, затем на север, на запад и четвертую на восток. Так был образован квадрат со стороной в два полета стрелы. Эта территория не была заключена в стены, а только обведена рвом и единственной архитектурной чертой в ней была крытая коллонада (зулла) 200 локтей длиной, которая проходила по всей длине южной стороны"¹⁷.

В сущности первые мечети Ирака были следствием практицизма ранних мусульман, религиозная установка которых не требовала никакого специального культового здания. Мухаммаду приписывали высказывание: "Земля сотворена для меня как масджид¹⁸ и место чистоты, и где бы ни возникла у человека из моей уммы¹⁹ необходимость в молитве, пусть он молится"²⁰. Однако именно в Ираке в VII – начале VIII в. в процессе развития новых городов формировался архитектурный тип колонной мечети как специфически мусульманского культового здания, основу которого составил "перистильный" двор с глубокой теневой зоной – зуллах на стороне киблы – многостолпным молитвенным залом. Именно здесь выделился класс Большой мечети – джами аль-кабир²¹. Возвыгнутые в конце 60-х – начале 70-х гг. VII в. Большие мечети Басры и Куфы в ансамбле с административно-жилым комплексом Дар аль-Имара – резиденцией наместника были первыми монументальными сооружениями ислама, но сведения о них явно не достаточны, чтобы представить их вклад в архитектурную характеристику города; во всяком случае, таких выразительных ориентиров, как купол и минарет, эти ранние джами не имели.

В правление Аббасидов (750–1258 гг.), переместивших центр Халифата из Сирии в Ирак, сложилась тенденция строительства городов-столиц и городов-резиденций, которые должны были воплотить в материальных формах и образах могущество новой династии.

Идея города как символа власти (подчеркнем – именно власти, а не религии), по мнению О.А. Грабара²², была выдвинута омейядским наместником в Ираке аль-Хаджаджем, построившем в первые годы VIII в. город-резиденцию Васит, но достигла кульминации в возведении новой столицы Аббасидского халифата – Багдада в 762–766 гг. В дни своего основателя халифа аль-Мансура Багдад назывался Мадинат ас-Салам – Город мира, поскольку был задуман как идеальная столица, заселенная представителями всех социальных и этнических групп державы, в чем, безусловно, нельзя не увидеть имперских устремлений правителя. Насколько большое значение придавалось созданию столицы, свидетельствуют арабские авторы, сообщающие, что халиф лично осматривал намеченный на земле золой план будущего города и поручил астрологам выбрать время его закладки²³.

Согласно реконструкции проф. Кресвелла²⁴, Мадинат ас-Салам был идеально круглым в плане двойным городом, компактная композиция которого больше напоминала замок или древний укрепленный дворец-храм²⁵. Внешний город, защищенный стенами и рвом, разделенный на равные секторы жилой и торгово-ремесленной застройки, кольцом

охватывал закрытый внутренний город с немногими административными зданиями и правительственным дворцовым комплексом Дар аль-Хилафа. Это было квадратное в плане, принципиально симметричное сооружение; центр композиции дворца отмечали внутри – два расположенных один над другим купольных зала для официальных приемов, снаружи – знаменитый Зеленый купол с навершием в виде бронзовой статуи конного всадника с копьём, которому арабская традиция приписывала способность указывать направление приближающегося врага²⁶.

Купол со всадником венчал центр дворца, правительственного города, столицы и всей империи и, таким образом, служил монументальным выражением тотального могущества государственной власти, в то время как культовое здание – мечеть примыкала к дворцу халифа, нарушая идеальную симметрию комплекса, но, как и ее предшественница в Васите²⁷, собственных архитектурно оформленных символов не имела. Между тем, к этому времени в Иерусалиме на заповедной территории – Харам аш-Шариф уже возвышался Купол Скалы – Куббат ас-Сахра (691 г.) именно как символ победы и приоритета ислама в иудейско-христианском окружении²⁸; перестроенная в 707–709 гг. мечеть Пророка в Медине уже получила четыре угловых башни для призыва верующих к молитве, что послужило импульсом к развитию минарета как детерминирующего признака мечети и мусульманского символа; в переделанной из базилики Иоанна Крестителя Большой мечети Омейядов в Дамаске поднятые над молитвенным залом трансепт и купол уже обозначали сакральную "ось ислама" указанием киблы и местоположения михраба²⁹.

Однако отсутствие внешних архитектурных символов ислама в мечети Мадинат ас-Салам отнюдь не означает отступления духовного начала перед государственно-политическим. Совершенная композиция города-дворца с четырьмя золотыми куполами над входами на координатных осях с точкой схода у трона "повелителя правоверных" должна прочитываться, на наш взгляд, не как ориентированное на вселенскую модель патетическое выражение идеи имперской власти³⁰, а как символическое воплощение развитой Аббасидами теократической концепции, согласно которой глава всех мусульман объявлялся заместителем (халифом) самого Аллаха, а не его посланника³¹. Этот аспект возвращает архитектурному решению Мадинат ас-Салам его религиозную основу и объясняет попытки повторения его композиции в 770-х гг. в Ракке³² и в 948–949 гг. в столице фатимидского халифа аль-Мансура в Тунисе Сабра аль-Мансурии³³.

Багдад менее чем за 10 лет вырос из своей идеальной формы и в течение нескольких столетий превратился в средневековый мегаполис с несколькими городскими центрами, пестрым населением и сложной судьбой³⁴.

Парадоксально, но имперская в своем внешнем восприятии архитектура Круглого Багдада, по-видимому, была глубоко мусульманской, в то время как города-резиденции IX в.: аббасидские Самарра и Джаафария на Тигре, тулунидский аль-Катаи близ Фустата на Ниле, наделенные исламскими символами в виде огромных соборных мечетей с впечатляющими

спиралевидными минаретами, прежде всего были выражениями имперских амбиций их основателей. Это подтверждает не только вызывающе монументальный стиль резиденций, где каждый дворец был построен как город, напоминая своей планировкой царские резиденции Ассирии и Вавилона, но и переданные арабским историком IX в. аль-Йакуби слова Аббасида аль-Мутаваккиля, создателя Джаафарии: "Теперь я знаю, что я действительно царь, потому что я построил город и живу в нем"³⁵.

Аббасидская интерпретация города и монументального сооружения как выражения власти была активно воспринята новыми династиями Машрика³⁶ и Магриба, что стимулировало процессы урбанизации в XI–XIV вв. и не могло не отразиться на характере градостроительства, которое бурно развивалось вопреки и благодаря завоеваниям сельджуков, крестоносцев, монголов, экспансии Айюбидов и особенно Мамлюков, движениям Альморавидов и Альмохадов.

Как бы ни были великолепны дворцы правителей, в эпоху развитого средневековья они перестают играть роль смыслового и композиционно организующего центра. Обращенные к городу глухими стенами и внешне невыразительные дворцовые комплексы, подобно домам горожан и культовым зданиям, становятся объектами специфической для мусульманского образа жизни "скрытой архитектуры", формирующей и оформляющей замкнутый пространственный мир семьи или общины, недоступный чужаку или иноверцу. Во многих средневековых городах дар аль-ислам принцип "скрытой архитектуры" распространился на все типы жилых и общественных построек, включая больницы-маристаны, бани и крытые рынки. Главными архитектурными и смысловыми ориентирами города стали крепость (если она возвышалась над городом в какой-либо его точке³⁷), обычно включавшая дворцовый комплекс; Большая мечеть, во многих случаях узнаваемая по куполу перед михрабом и одному или нескольким минаретам, и базар, который был и остается "системой жизнеобеспечения" любого мусульманского города.

Ислам, возникший в купеческой среде, всегда поощрял коммерцию. Мусульманские законы и мораль стимулировали развитие рынков как средоточия торговли и ремесла, не только допуская их расположение вблизи культовых объектов, но и внедряя эти объекты в рыночные инфраструктуры. Религиозно-этическая подоплека этого отношения отчасти раскрывается хадисом: "Базары – накрытые столы Всевышнего, кто приходит туда, тот получает свою долю"³⁸. Возможно поэтому строительство базаров было одной из распространенных форм благотворительных пожертвований в пользу мусульманской общины. На протяжении средневековья рынки сформировались в сложные многосоставные организмы, которые нередко поглощали главные городские артерии, опутывая центры городов вокруг джами аль-кабир сетью торговых улиц с мастерскими, лавками, небольшими мечетями-масаджид, банями, гостиницами и постояльями дворами³⁹. Непосредственно связанные с рыночной торговлей гостиничные здания – ханы, караван-сарай, фундуки, приспособленные к содержанию вьючных животных и скота и к хранению товаров, стали неотъемлемой частью любого мусульманского города. Их архитектурное выражение в каждом регионе имело местные черты, но

повсюду обязательными были "приглашающий" монументальный портал, массивные защищающие стены и просторный, обстроенный по периметру двор.

Ячейки рыночной сети заполнялись как жилыми, так и культовыми комплексами; в больших городах в лабиринте базара мог скрываться харим – свободная от застройки территория близ особо почитаемого места – мазара (например, в Старом Фесе близ мавзолея Мулай Идриса), которая имела статус убежища для верующих, преследуемых законом.

Итак, базар со всей его многоликостью и многозначностью, с его сложной инфраструктурой и неопределенным разностильным архитектурным воплощением оказывается в наибольшей степени создателем колоритного образа средневекового мусульманского города. Особенно это заметно в больших центрах, где старые города – медины, противостоят (и архитектурой, и образом жизни) современным агломерациям.

В XV–XVII вв. появление на арене истории могучих государств Тимура и Тимуридов, Сефевидов и Османов привело к существенным изменениям в градостроительстве. Однако теперь эти изменения проявились не столько в создании новых, сколько в радикальной реконструкции старых "потомственных" городов, веками удерживавших значение крупных государственных, экономических и культурных центров⁴⁰. Наступила эпоха грандиозных столичных ансамблей, имперское величие и пафос которых апеллировали не к богу, а к подданным султана – независимого и могущественного светского (в отличие от халифа) правителя. Просторные площади и зеленые эспланады с водоемами, общественными фонтанами-сабиями, щедрым дарением воды, напоминавшими о райском источнике-силъсабиле, открыли возможность оценить великолепие окружающих зданий с обращенными к городу монументально и декоративно оформленными фасадами в обрамлении садов и перспективе парковых аллей⁴¹, осознать могущество и великодушие монарха.

Ведущее место в городских ансамблях заняли крупномасштабные культовые и религиозно-благотворительные комплексы и сооружения – мечети, медресе, ханаки или такия⁴², хотя нередко в одну композицию с ними объединялись и караван-сарай, и дворцы. Организующим центром ансамбля и общественным центром города стала большая открытая площадь для парадов, официальных церемоний или торжественных выездов. Дворец как средоточие власти мог быть обозначен в перспективе ансамбля, но в целом он оставался объектом "скрытой архитектуры".

В Османской державе выражением имперского величия стал не дворец, а величественная мечеть. Именно в архитектуре и убранстве соборных мечетей сформировался и наиболее полно проявился парадно-официальный "классический турецкий" стиль⁴³. "Огосударствление" культовой архитектуры ислама в Турции началось еще в сельджукский период (XI–XIII вв.) и сказалось как в помпезности архитектурных и монументально-декоративных форм, так и в названиях сооружений, которые увековечивали тронное имя основателя, например, султанские мечети

Сулеймание в Стамбуле и Селимие в Эдирне, воздвигнутые знаменитым архитектором Синаном во второй половине XVI в. Эти позднесредневековые сооружения, во многих случаях скрывшие в своих фундаментах или вовсе уничтожившие ранние постройки, по-видимому, в наибольшей степени повинны в формировании в европейском сознании архитектурной мистификации – экзотического образа ирреального "мусульманского города" с минаретами и куполами с полумесяцем на фоне безоблачного южного неба.

Между тем, экскурс в историю средневековых городов Машрика и Магриба, из которого мы намеренно исключили разряд запретных для иноверцев священных городов мусульман (Мекка и Медина в Саудовской Аравии, Мулай Идрис в Марокко, Кербела и Неджеф в Ираке), еще раз подтверждает проблематичность классификации средневекового города по конфессиональному признаку и призывает с осторожностью применять привычные, но не отвечающие исторической реальности термины.

- ¹ The Islamic city. A Colloquium. Oxford. 1970; The Islamic city. Paris: UNESCO, 1980.
- ² Машрик и Магриб – в узком смысле, Арабский Восток и Арабский Запад, в широком – Восточный и Западный мусульманский мир.
- ³ *Большаков О.Г.* Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры. М., 1982. С. 197.
- ⁴ Этно-конфессиональная пестрота городов дар аль-ислам отчасти обусловлена признанием исламом "людей Писания" – ахл аль-Китаб (см.: Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 28) как "покровительствуемых" – ахл аз-зимма, к которым причислялись иудеи и христиане (подробнее см.: *Семенова Л.А.* Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. М. 1990. С. 52–64).
- ⁵ *Grabar O.* The Formation of Islamic Art. New Haven: Yale University Press, 1973. P. 179.
- ⁶ *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII–XIII в. Социально-экономические отношения. М., 1984. С. 26–35.
- ⁷ Хадис – предание о словах, высказываниях и поступках пророка Мухаммада.
- ⁸ *Creswell K.A.C.* A Short account of early muslim architecture. L., 1958. P. 4.
- ⁹ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 36–45.
- ¹⁰ Там же. С. 28–29.
- ¹¹ *Creswell K.A.C.* Op. cit. P. 72.
- ¹² Термин "муаскяр" (араб. – лагерь) введен О.А. Грабаром, см. Architecture of the Islamic world: Its history and social meaning / Ed. by George Michell. L., 1984. P. 70.
- ¹³ *Grabar O.* The Formation of Islamic Art. P. 32.
- ¹⁴ *Grabar O.* Op. cit., ill. 51, 58, 60–64. *Ettinghausen R., Grabar O.* The Art and Architecture of Islam 650–1250. L.; N.-Y., ill. 16, 77.
- ¹⁵ *Ettinghausen R., Grabar O.* Op. cit. ill. 16, 18, 54, 77.
- ¹⁶ Кибла – ориентация мечети на Каабу в Мекке, направление молитвы мусульман со 2 г. хиджры – 624 г., здесь – юг.
- ¹⁷ *Creswell K.A.* С. Op. cit. P. 9.
- ¹⁸ Масджид (араб. – место прострации, поклонения) – место молитвы; мечеть для ежедневной индивидуальной пятикратной молитвы. Подробнее см.: *Стародуб Т.Х.* Мусульманские культовые здания в системе средневекового арабского города // Городская художественная культура Востока. М., 1990. С. 190–192.
- ¹⁹ Умма – община верующих.
- ²⁰ *Hasan S.M.* Glimpsis of Muslim art and architecture. Dhaka, 1983. P. 67–68.
- ²¹ Джамы – соборная, или Джума – пятничная, мечеть для еженедельной коллективной молитвы, совершаемой всеми мусульманами города в полдень в пятницу – "день сбора" (йаум уль-джума) под руководством имама-хатиба (предстоятеля-проповедника). Подробнее см.: *Стародуб Т.Х.* Указ. соч. С. 192–193.

- ²² Architecture of the Islamic world. P. 70.
- ²³ *Creswell K.A.C.* Op. cit. P. 163.
- ²⁴ *Ibid.* P. 164–170. Fig. 31.
- ²⁵ О возможных предшественниках Круглого Багдада см.: *Creswell K.A.C.* Op. cit. P. 170. Сходство плана Круглого города аль-Мансура с планами некоторых сооружений Древнего Хорезма, например, Кой-Крылган-калы (см.: Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967. С. 265–309. Рис. 129) расширяет ареал поисков далеко на восток. Сопоставление планов городов древнего и средневекового Востока см. также в кн.: *Brentjes B.* Die Stadt des Yima. Weltbilder in der Architecture. Leipzig, 1981.
- ²⁶ Дворец не сохранился; схематичное изображение его центральной части можно видеть на миниатюре XIII в. в рукописи "Книги автоматов" аль-Джазари: *Grabar O.* Op. cit., ill. II. По мнению О.А. Грабара, зеленый купол с эпохи Омейядов стал символом власти: *Grabar O.* Op. cit. P. 70.
- ²⁷ *Creswell K.A.C.* Op. cit. P. 42.
- ²⁸ *Ibid.* Op. cit. P. 18.
- ²⁹ Микраб – священное место в мечети, отмеченное изображением арки ("плоский" микраб) или архитектурно сконструированной арочно-сводчатой нишей ("вогнутый" микраб). Устанавливается в стене или на стороне киблы. Со времени устройства "вогнутого" микраба в мечети Пророка в Медине в 707–709 гг. символизирует сакральное присутствие Пророка в мечети.
- ³⁰ О.А. Грабар объясняет эту композицию как "сознательную попытку создать нечто, что символизировало бы тотальное правление мусульманского принца.
- ³¹ Ислам. Энциклопедический словарь. С. 268.
- ³² *Creswell K.A.C.* Op. cit. P. 183.
- ³³ *Кантерева Т.П.* Указ. соч. С. 77.
- ³⁴ *Михайлова И.Б.* Средневековый Багдад. М., 1991.
- ³⁵ *Creswell K.A.C.* Op. cit. P. 282.
- ³⁶ В этом аспекте интересна статья: *Шнайдер Р.* Политические центры и художественные силы в сельджукском Иране. Проблемы перехода // Мусульманский мир. 950–1150. М., 1981. С. 221–230.
- ³⁷ Цитадель в Дамаске, построенная в XIII в. на одном уровне с городом, фактически не выделялась среди окружающих домов.
- ³⁸ *Большаков О.Г.* Указ. соч. С. 291.
- ³⁹ Наиболее яркое представление о средневековых рынках арабского мира дают знаменитые комплексы XVI в. в Халебе, см.: *Сидорова Н.А., Стародуб Т.Х.* Города Сирии. М., 1979. С. 189–192. О типах торговых сооружений см.: *Маньковская Л.Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 51–67.
- ⁴⁰ См.: *Пугаченкова Г.* Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976.
- ⁴¹ О садово-парковом искусстве Тимуридов см.: *Пугаченкова Г.А.* Среднеазиатские сады и парки XV века // Г.А. Пугаченкова. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987. С. 172–185.
- ⁴² *Стародуб Т.Х.* Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989. С. 268–279.
- ⁴³ О зодчестве Конийского султана и Османской империи см.: *Unsal B.* Turkish islamic architecture in Seljuk and Ottoman times. L., 1973.

Говоря о восточном городе и рассуждая о давно поставленной востоковедами проблеме – общее и особенное в историческом развитии города Запада и Востока, – следует отметить, что города Ирана, так же как и соседних стран Ближнего Востока и Индии, ведут свое происхождение с глубокой древности. Это древнейшие городские центры эламитян, неиндоеропейского еще населения, города-государства Аван, Симашки, Аншан, Сузы (III тыс. до н.э.). Эти города очень рано возвысились до уровня столиц. Сузы упоминаются в Библии (Книга пророка Даниила). В эллинистический период древние Сузы – это Селевкия на Эвлее, имевшая статус города-полиса, в котором действовало народное собрание, использовалось греческое право и своя записанная конституция, проводились священные игры, имелся стадион и другие соответственные атрибуты греческого полиса со значительным греко-македонским населением.

Вопрос о древнем городе на территории Ирана и, в частности, о полисном самоуправлении и его упразднении требует специального внимания (его история интересна и тесно связана с древней историей Передней Азии), но не входит в задачу рассмотрения в данной статье. Отметим лишь, что процесс ликвидации полисного самоуправления, начавшийся в парфянский период, не был одномоментным актом. Укрепление власти Сасанидов и достижение более высокого уровня централизованного управления привело к изживанию автономии и самоуправления городов-полисов в III в., в некоторых случаях это произошло к началу IV в.; полис в Сузах был ликвидирован между 45 и 47 гг. н.э.¹

Попытаемся в рамках статьи дать характеристику, однако, другого города, преимущественно средневекового периода и даже нового времени вплоть до начала XX в., основные характеристики которого, отличаются, как представляется, определенной устойчивостью и стабильностью. Очевидно, что этот город, обычно определяемый в историографии как "традиционный город" или "мусульманский город" (для данного региона) генетически связан с древним городом; но это другой город, формирование и развитие которого происходит в других исторических условиях. Нас интересует традиционный город как определенная функциональная система и самодостаточный социальный организм в ситуации исторического развития Ирана.

Значительный вклад в изучение истории развития средневековых городов Ирана, Средней Азии и Закавказья внесли известные исследователи: В.В. Бартольд, В.Л. Вяткин, А.Ю. Якубовский, Н.В. Пигулевская, И.П. Петрушевский, А.М. Беленицкий, С.П. Толстов, М.Е. Массон, Г.А. Пугаченкова, Н.А. Кузнецова, А.П. Новосельцев, В.А. Абрамян, Г.Г. Берадзе, М.Х. Гейдаров, К.К. Куция, Э.В. Сайко, О.Г. Большаков, И.Б. Бентович и др. Для многих исследователей характерно распространение выводов и представлений о городах Средней Азии и Закавказья на города средневекового Ирана (общерегиональный подход).

Изучение иранского города началось в конце XIX в. с осмысления его исторической топографии. Представление о сложившемся городе стало связываться у исследователей с весьма характерной для него топографией: арк – крепость, замок (перс., кухендиз); мадина (араб.) – старый город (перс., шахристан) и рабад (араб.) – ремесленное предместье (перс., бирун). Анализ имевшихся тогда материалов по средневековому иранскому и среднеазиатскому городу дал Бартольд возможность создать свое концептуальное видение развития города и сделать вывод об отмирании шахристана и о переходе центра городской жизни в XI в. из шахристана в рабад.

В этой связи интересны свидетельства современников, например, арабского путешественника X века Абу Дулафа, описавшего города Ирана, которые он посетил. В Кенгаваре его удивила постройка замка: "Дело в том, что он находится на каменной площадке, высота которой около 20 локтей от поверхности земли... Вокруг этого замка расположен большой город с соборной мечетью". О таких крупных городах как Хамадан (древн. Экбатаны) и Рей он писал: "в середине Хамадана – древняя мадина. Это большой город, построенный на каменной площадке высотой в 30 локтей, у него четверо высоких сводчатых ворот"; ..."в середине ар-Рея находится также мадина, примечательная своими железными воротами и огромной стеной; в городе есть соборная мечеть. По середине медины находится также высокая гора, на которой стоит укрепленная цитадель, построенная Рафи ибн Харсамой [правитель ар-Рея в 888–895 гг.]. В настоящее время она разрушена"². Абу Дулаф сообщает и об одиночных крепостях в окрестностях города Рея (но без посадов).

Крупнейший город Ирана того времени Нишапур неизменно вызывал восхищение у современников своими масштабами, пестротой этнического состава, чистотой протекавшей под землей по специальным каналам воды и др. По ал-Мукаддаси, в Нишапуре имелось 44 махалла (квартала) и некоторые из них по площади превосходили половину Шираза, и сам этот город, по его представлениям, был обширнее Фустата и населеннее Багдада. "В нем внутренний город (мадина), цитадель (кухендиз), рабад; цитадель его и внутренний город заселены. Соборная мечеть в рабаде... Рынки его находятся в рабаде, вне старого города и цитадели"³. Насир-и Хосров (XI в.) восхищался размерами Исфахана, его внешних стен и крытых базаров. Путешественники, как правило, фиксируют свое внимание не только на многолюдности городов, наличии крепости и городских стен, но и на пятничной (соборной) мечети и месте ее расположения, и здесь можно увидеть некоторые критерии того времени для определения "города". Выше цитированное описание ал-Мукаддаси свидетельствует в пользу выводов Бартольда, оказавших большое влияние на востоковедов. Их разделял В.А. Жуковский⁴ и затем развивали А.Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский и др.⁵ Однако среди более поздних исследователей (на основании археологических данных) постепенно стало утверждаться мнение, что это не совсем верно (С.П. Толстов, М.Е. Массон и др.⁶), что отсутствует единая схема развития городов. О.Г. Большаков⁷ утверждает, что развитие среднеазиатских городов в конце VIII –

начале XIII вв. шло на базе шахристанов, существовавших с VII–VIII вв., что городов, вновь возникших в IX–XII вв., очень немного.

Традиционный город с его наиболее характерной топографией возникает, по нашему мнению, вероятно, уже в VI в., что подтверждается данными археологических раскопок (городище Канка, Ташкентский оазис⁸), в районе Средней Сырдарьи, и сохраняет общую схему развития.

Анализ литературы показывает, что иранский город не только средневековья, но и XIX в. должен быть отнесен к городам "традиционного типа", под которым понимается город "докапиталистический" или "доиндустриальный". К этому же типу городов фактически относятся иранские города XX в. Так, в начале 20-х годов XX в. столица Ирана – Тегеран "оставался типичным традиционным городом, – пишет З.А. Арабаджян, – внешне он мало отличался от других иранских городов". Автор процитировал при этом воспоминания последнего шаха: "В то время Тегеран все еще был обнесен стеной и сухим рвом. Войти в него можно было только через ворота, которые закрывались на ночь, чтобы внутрь города не могли проникнуть разбойники и головорезы. Все это было разрушено по приказу моего отца, когда он, став во главе страны, стремился показать, что намерен модернизировать Иран"⁹. Конечно, модернизация, понимаемая в самой стране таким образом, "порезашаховски", как ликвидация старого во внешнем архитектурно-строительном и ландшафтном облике, отнюдь не меняла традиционной сущности города.

Обратимся еще раз к историографии, к тому ее периоду, который начинается с середины 50-х – 60-х гг. Не ставя в данном случае задачу специального анализа истории изучения иранского города, отметим ряд сделанных далее обобщений, выводов и характеристик, относящихся к его "специфике". Представление о "специфике" этого города возникло в связи с представлением "об отклонении" направления его эволюции от пути развития города Запада. Тем не менее, следует считать важным появление у исследователей стремления к более глубокому теоретическому осмыслению развития восточного города в общесторическом процессе. Недостаточность источников, их разработки и археологического изучения средневекового иранского города объясняет в какой-то мере сравнительную малоизученность многих вопросов, подробно разработанных на примере Индии, городов Средней Азии и Ближнего Востока¹⁰.

Иранский город традиционно определялся исследователями как центр ремесла и торговли, поэтому главной особенностью городов и отличия их от сельских поселений указывалось наличие в них развитого ремесла, а также их роль в качестве экономического центра своего района, округа, области и как культурного центра. Отмечалось, что в IX–XI вв. крупные иранские города по численности населения и занимаемой территории превосходили столицы многих европейских стран. Если в обычае мусульманских правителей¹¹ было определять город по наличию в нем не менее 32-х видов ремесла, то в XVII в. в городах Ирана было около 70–100 отраслей¹², а в столице – г. Исфахан проживало 500–600 тыс. жителей.

В среде городских ремесленников определялись три категории: личновободные (объединенные, как правило, в цехи в крупных городах, а в небольших городах составлявших общество ремесленников различных специальностей, либо работавших в одиночку); приписанные к государственным предприятиям (карханэ) и принадлежавших отдельным феодалам¹³. По мнению одних, в XVI в. среди них самый многочисленный слой составляли цеховые ремесленники, объединенные в ремесленных организациях – цехах (аснаф, хамкар)¹⁴. Другие полагают, что помимо цеховых ремесленников и мастеров в карханэ, в Иране существовала многочисленная прослойка ремесленников–единоличников, и в XVII в. именно они являлись наиболее многочисленным слоем ремесленников¹⁵.

Касаясь проблемы уровня и характера развития производства в XVII–XVIII вв., исследователи пришли к выводу о том, что "карханэ" – крупные мастерские шаха и богатых феодалов ("типа мануфактур") носили феодальный характер¹⁶.

Вопрос о времени возникновения цеха вызвал разные суждения и остается нерешенным: в X в., с XIII в. или XIV в.¹⁷.

В Иране организации ремесленников типа цехов являлись отдельными фискальными единицами государственной налоговой системы и находились под постоянным, бдительным надзором со стороны системы центральной (шахской власти). Утверждение глав и старейших цехов, избираемых членами самого аснафа, исходило в конечном итоге от представителей центральной власти, также сверху решались вопросы налогообложения и даже установления цен на готовую продукцию и др. Спецификой цеха было посвящение ученика (шагерда) в разряд мастера (остад) без промежуточной стадии, так как института "подмастерье" (халифэ) не было¹⁸, цех экономически не был в нем заинтересован. На тесную связь ремесленников с различными религиозными и суфийскими братствами указывали А.Е. Бертельс, В.А. Гордлевский и др.¹⁹ Исследования по истории народных движений показывают, что крупное купечество не противопоставляло себя господствующей в городе феодальной верхушке, выступая против движений ремесленников и городской бедноты. Эти движения имели местный характер протеста против несправедливого налогообложения, гнета правителя и др. Они не сопровождались выдвижением политических требований, не велись за получение права на самоуправление²⁰. Таким образом, особенность средневекового города в Иране проявилась в инертности роли города как элемента социально-политической системы.

В целом, исследователи выделяли четыре типа городов Ирана, определявшихся ими как "феодальные". Временный расцвет одних связывался с их военно-административным значением как города-резиденции, столицы (пример – история г. Султание²¹). Другой тип города – торгово-ремесленные центры прилегающей к ней сельской округи; третий – центры международной торговли, порты; четвертый – религиозные центры (Мешхед, Кум, Ардебиль и др.). Данный подход оказался полезным на начальном этапе изучения. Однако сравнение между собой или с аналогами их в средневековой Европе городов–портов, городов–крепостей, городов–столиц и т.д. еще не давало ответа на вопрос о

собственно специфике иранского города, ибо в лучшем случае позволяло лишь констатировать различия между данными категориями городов.

Рассматривая город как сложный культурно-экономический феномен попытаемся показать, что же определяет особенность (традиционность) иранских городов и под воздействием каких факторов наиболее активно начинался или может происходить процесс их осовременивания.

Начнем с рассмотрения основного комплекса функций города Ирана, поскольку в подходе к определению особенностей традиционного города вопрос о функциях города скорее всего является ключевым. Интересно и то, что в историографии само определение города, которое остается предметом дискуссии, предложено решать с учетом его функций²³. И в древнейшие времена, и в XX в. в городах Ирана обязательно в той или иной форме получали свое внешнее выражение следующие, как представляется, базовые функции города, имеющие системообразующее значение для городского уклада; иначе говоря, – функции, без которых поселение не являлось городом:

1) "функция власти", исходящая от верховного правителя страны (дворцовый комплекс, здания системы управления). Сокращение, ослабление "властной функции", например, из-за перенесения центра страны в другой пункт (город) никогда не означало ее ликвидации в данном городе; 2) "снабжения" или жизнеобеспечения (базары, сооружения для ввода в город воды, для хранения воды и водоснабжения, и др.); 3) "обеспечения (внешней) безопасности", которая часто называется "военной функцией" (арк, крепостные стены и башни, казармы и др.); эту функцию можно определить как важную, применительно к восточному городу, учитывая "угрозу со стороны "кочевой степи", но по своему значению она явно уступает первой, так как не играет (подобно первой) определяющей роли по отношению к другим функциям; 4) "накопления, сохранения и передачи знаний" (медресе и другие учебные заведения, библиотеки, центры медицины, астрономии и др.); 5) "организация производства" (улицы и кварталы ремесленников одной отрасли, мастерские и др.); 6) "международной коммуникативности", в том числе "очага этнического смешения" (кварталы иноплеменников, караван-сарай и др.); 7) "организации общественного досуга" (стадион полиса, театр и т.п.), хотя она менее выражена, гораздо слабее оформлена, чем на Западе); 8) "функция культового центра" (храмы, мечети, гробницы) для людей разных населенных пунктов, порой далеко отстоящих друг от друга, приезжавших как паломники и, одновременно, по торговым и другим делам, или на пятничную молитву, так как именно в городе была пятничная мечеть.

Отметим, что указанные функции иранского города, их набор, мало чем отличались от аналогичных у города исторической Европы (хотя основные черты городской архитектуры были весьма различны).

К началу XX в., под воздействием западной цивилизации функции иранского города явно пополнились еще одной – "инкультурации" (здесь – приобщение жителей к западной культуре – через светскую школу, лицей и т.д., музеи, галереи, кинотеатры, супермаркеты и др.).

Однако, вряд ли оправданно с научной точки зрения связывать

яркое проявление "функции инкультурации" в жизни иранского города последних десятилетий с исключительным влиянием Запада. Ведь город и на Западе и на Востоке всегда служил более всего средством выделения человека из окружающей природной среды, из старой социальной среды и являлся катализатором перемен. Он сохранял традиции культуры, и он же способствовал внесению в общество черт нового. Развитие города повсюду шло по пути создания все менее "органичных" условий жизнедеятельности людей, и в этом смысле городу везде и всегда была свойственна функция инкультурации (на Западе ее выделение связано с эпохой Возрождения). В данном случае использование этого термина специфично, если иметь в виду, что само проявление функции инкультурации в жизни городов Ирана стало возможным (и заметным исследователю) только в результате наложения на эту имманентно присущую им функцию дополнительной нагрузки, связанной с возросшим давлением Западной цивилизации. Возможно, дальнейшие исследования позволят более убедительно обосновать тезис о существовании универсального культурно-экономического феномена в истории человечества – города.

Итак, под воздействием Западной цивилизации возможно проявление или выявление и актуализация целого ряда функций, посредством которых ускоряется взаимодействие культур и ход эволюции в направлении к "современному городу". Функционирующий как традиционный уже с X–XII вв. средневековый иранский город как социальный организм со своим духовным миром существенно отличался от средневекового европейского города. Сюда относятся и отмеченные исследователями отсутствие общегородского самоуправления, автономного статуса и органов муниципалитета. Раис не являлся мэром города. Ошибочным является также и представление о возможности самоуправления кварталов (оно отрицается и на материале арабского города Ближнего Востока). Но дело не только в этом. В городах Ирана реализовывалась, на наш взгляд, следующая модель социальной организации и управления. Шахский двор (шахский наместник) через уполномоченных лиц (раис, судья и др.) доводил указания шаха (наместника) до городского люда ("городской мир") и обеспечивал получение желаемого результата. Однако реальное выполнение этих повелений осуществлялось не под надзором дворца, а на уровне конкретных микросоциумов, организованных по функциональному признаку (кожевники, гончары и т.п.), что было дополнено развитием махалла. Именно здесь были сосредоточены реальные механизмы регулирования жизни "организованного" городского населения, то есть в рамках цеха, махалла, где действовали устойчивые традиции и определялся духовный мир и образ жизни человека.

Можно сделать поэтому вывод о двуслойной социальной стратификации иранских городов, в рамках которых существовала жесткая внутренняя иерархия и распределение ролевых функций. Наиболее наглядным примером здесь может считаться структура шахского двора при безусловном подчинении и подчинении всех шаху-деспоту. Второй слой в чем-то напоминал соты, первичным ядром которых выступала семья с ее собственной иерархией. Структурная организация деревенского социума не имела принципиальных различий с социумом "городского

мира" и "шахского двора". Поэтому, в частности, при смене династий восточное общество в Иране сохраняло свои основные социокультурные характеристики, устойчивость и неизменность. По сути дела, одновременно существовали три самостоятельных социальных организма, исчезновение первого из них грозило разрушением второго и третьего только путем насильственного уничтожения внешним врагом, но не в силах было поколебать древние устои жизни населения в случае, когда пришельцы брали на себя функции прежних властителей.

В отмеченной двуслойности социальной стратификации рассматриваемого города можно, видимо, найти ключ к объяснению феномена раннего развития здесь практики взимания налогов в денежной форме. В отличие от феодального хозяйства Европы, в котором хозяин-собственник и непосредственный производитель (севр, крепостной) были связаны между собой совместным участием в производственном процессе (натуральное хозяйство), на Востоке натуральное хозяйство реализовывалось на уровне самих производителей. Властители непосредственно не участвовали в нем, но они были заинтересованы в конечном результате работы своих подданных и в возможности достаточно точно обеспечивать поступление податей. Денежная форма как нельзя лучше соответствовала этому.

История существования города в Иране показывает, что города сохраняли высокий уровень самодостаточности и целостности как функциональная единица. На протяжении веков их существования они представляли собой (в сравнении с городом Запада) стабильный и самодостаточный социокультурный феномен. Устойчивость воспроизводства социальных структур и отмеченная выше специфика их стратификации и взаимодействия между собой были таковы, что их не смогли нарушить многократные смены династий и иноземные вторжения.

Эволюция города Ирана на современном этапе находится под воздействием ряда общих для стран Востока факторов, прежде всего: 1) "демографического взрыва", 2) нового политического структурирования в Азии, 3) развертывания глобальных экономических проектов, например, "трансасиатские магистрали", что может стимулировать функцию инкультурации. Вопрос состоит в том, повторятся ли здесь традиции городской среды или откроется возможность устойчивого развития "современного города", с новым укладом городской жизни, появлением другого уровня человека, иной ментальности, с иными в сравнении с "традиционным городом" условиями социализации индивида.

¹ О Сузах см.: Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 120, 259 и др.

² Вторая записка Абу Дулафа / Изд. текста, пер., введ. и комм. П.Г. Булгакова и А.Б. Халидова. М., 1960. С. 44, 48, 52.

³ Материалы по истории туркмен в Туркмении. Т. I. М.; Л., 1939. С. 171.

⁴ Жуковский В.А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. СПб., 1894; МАР. Вып. 16; Бартольд В.В. Надпись на стене анийской мечети Мануче // В.В. Бартольд. Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964; Он же. К истории Мерва // В.В. Бартольд. Соч. Т. IV. М., 1966. С. 192; Он же. Соч. Т. VIII, М., 1973. С. 261.

- ⁵ Якубовский А.Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XI вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933. Ч. I. С. 4–5; *Он же*. Главные вопросы изучения городов Средней Азии // Труды Тадж. филиала АН СССР. Сталинабад, 1951. Т. 24. С. 3–17; *Тревер К.В., Якубовский А.Ю., Воронец М.Э.* История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. 1. С. 127, 204–216, 237–245; *Заходер Б.Н.* История восточного средневековья (халифат и Ближний Восток). М., 1944. С. 93; *История Ирана*. М., 1977. С. 142.
- ⁶ *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 240; *Он же*. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 351–352; *Массон М.Е.* Городища Старого Термеза и их изучение // Труды УзФАН. Сер. 1. Вып. 2. Ташкент, 1940; *Он же*. К периодизации древней истории Самарканда // ВДИ. IV. 1950. С. 155–166; *Он же*. К изучению истории старого Мерва // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1963.
- ⁷ *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. Ч. 2; *Он же*. Город Средней Азии в конце VIII – начале XIII вв. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1974. С. 24.
- ⁸ Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. ЮНЕСКО. Информационный бюллетень. М., 1987. Вып. 13. С. 111.
- ⁹ *Арабаджан З.А.* Тегеран (некоторые особенности города до и после революции 1978–1979 гг.) // Города на Востоке. Хранители традиций и катализаторы перемен. М., 1990. С. 139.
- ¹⁰ См. например: *Ашрафян К.З.* Средневековый город Индии XIII – середина XVIII века (Проблема социальной и экономической истории). М., 1983; *Сайко Э.В.* Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973; *Мукминова Р.Г.* Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976; *Культура и искусство народов Средней Азии*. М., 1979; *Видясова М.Ф.* Средневековый арабский город в освещении современной буржуазной историографии // Вопросы истории. 1984. № 12. С. 159.
- ¹¹ *Гаврилов М.* Рысоль сартовских ремесленников. Ташкент, 1912. С. 7.
- ¹² *Гейдаров М.Х.* Об организации и развитии крупных ремесленных мастерских в городах Сефевидского Ирана XVII века // О генезисе капитализма в странах Востока (XV–XIX вв.). М., 1962. С. 326.
- ¹³ *Кузнецова Н.А.* Материалы к характеристике ремесленного производства в иранском городе XVIII – начале XIX века // Учен. зап. ИВ АН СССР. 1959. Т. XVII; О генезисе капитализма... С. 345.
- ¹⁴ *Куция К.К.* Города Сефевидского Ирана // Очерки по истории городов Ближнего Востока. Сборник / Под ред. В.Н. Габашвили. Тбилиси, 1966 (Выражаю благодарность Л.И. Надирадзе за перевод этой работы с грузинского языка).
- ¹⁵ *Гейдаров М.Х.* Ремесленное производство и торговля в городах Азербайджана в XVII в. Баку, 1971. С. 43; *Новосельцев А.П.* Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII–XVIII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1959. С. 14.
- ¹⁶ *Гейдаров М.Х.* Об организации и развитии крупных ремесленных мастерских в городах Сефевидского Ирана ... С. 330–331.
- ¹⁷ *Якубовский А.Ю.* Вопросы истории феодализма у народов Востока. М.; Л., 1934. С. 320; О генезисе капитализма ... С. 345–346; *Пигулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М., Л., 1956. С. 222.
- ¹⁸ О генезисе капитализма ... С. 352, 355. Иное мнение см.: *Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 286; *История Ирана*... С. 142.
- ¹⁹ *Бертельс А.Е.* Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959. С. 46; *Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 106; *Гейдаров М.Х.* К вопросу о ремесленных организациях в городах Азербайджана в XVII в. // Изв. АН АЗССР. 1961. № 1. (Сер. общ. наук).
- ²⁰ О генезисе капитализма... С. 335.
- ²¹ Там же. С. 333.
- ²² *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984. С. 10.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИНДИИ

Е.Ю. Ванина

Изучение средневекового города Индии в отечественной, да и в зарубежной индологии сосредоточено, главным образом, на проблемах социально-экономической истории. В ряде работ нашли отражение различные факторы развития городской экономики, рассмотрена социальная структура городского населения; роль города в экономике страны и административно-политические функции города также стали предметом исследования ряда авторов¹. Но практически не рассматривается такой важный вопрос, как культурная среда города, само понятие "городская культура" в применении к средневековой истории Индии, хотя хорошо известно, что городская культура является одним из важнейших факторов и показателей прогресса любого средневекового (и не только) общества.

Со страниц многих произведений средневековой индийской литературы встает яркий образ средневекового города с его мощными крепостными стенами, узкими, кривыми улицами, пышными храмами и дворцами, шумным многоголосием и разноцветьем базаров². Средневековые источники позволяют нам не только представить себе развитие ремесленного производства и торговли – главных отраслей городской экономики, – не только проследить, какие отношения существовали у горожан с феодальной администрацией, но и определить культурную среду города.

С точки зрения некоторых исследователей, средневековый индийский город был либо просто придатком феодальной ставки, ("военным лагерем", полагал известный французский путешественник Бернье, и это определение было воспринято многими индологами как непреложная истина)³, либо увеличенной копией деревни⁴. Некорректность таких представлений с точки зрения социально-экономических отношений может быть доказана с помощью разнообразных фактических данных, отражающих специфические черты городского производства и городской торговли в сравнении с сельскими, а также особенности социальной организации города⁵. Но еще более специфичной предстает культурная среда города, о которой пойдет речь ниже. Средневековый город Индии был центром не только ремесла, торговли и администрации, но и культуры. Базар – сердцевина городской жизни – воспринимался, разумеется, прежде всего как место кулли и продажи, но, наряду с этим, описывая городской базар, средневековый поэт не забыл упомянуть о том, что там:

Пандит читает пураны, толкует о пути дхармы,
Где-то рассказывают истории, где-то танцуют,
Там птицелов показывает птиц, там выступает кукольник,
То читают стихи нараспев, то разыгрывают пьесы...⁶

Во многих индийских языках слово "городской" одновременно означало "образованный", "ловкий", "утонченный", в противовес этому

"деревенский" имело синонимом "грубый", "невежественный". "Живя в городе, человек становится культурным", – писал великий маратхский поэт Днянешвар (XIII в.), а Видьяпати из Митхилы (XV в.) выразился так:

Того, кто живет в деревне,
Называют дураком-деревенщиной.
Горожане считают таких никчемными⁷.

Источники свидетельствуют о том, что среди городских ремесленников, не говоря уже о торговцах и так называемых "людях пера", была весьма распространена грамотность. Горожане первыми узнавали о различных новинках, будь то очки или стеклянные зеркала, кофе или табак⁸.

Вообще, когда читаешь городскую литературу, приходишь к выводу, что ее мир, сам кругозор горожан был гораздо шире, чем даже у наиболее образованных сельских жителей. Мир "сельской литературы", как правило, ограничен рамками деревенской общины, и даже близлежащий город словно находится где-то на другой планете, хотя крестьяне поддерживают с ним торговые отношения. Об отдаленных регионах Индии, не говоря уже о чужих странах, даже не упоминается⁹. В то же время автору-горожанину ничего не стоило перенести действие в Иран, Китай, Бухару, Непал; во многих произведениях мы встречаем в качестве действующих лиц персов, арабов, тюрков, китайцев, жителей Туркестана, "франков" (сначала последние выступают как единое целое, потом выделяются португальцы, англичане, французы, голландцы и "руси")¹⁰. Подчеркнем, что в данном случае речь идет о произведениях художественной литературы, рассчитанной на среднего образованного горожанина, не о научных трактатах, географический материал которых был гораздо обширнее: в конце XVI в. образованные индийцы знали, что европейцами был открыт Новый Свет¹¹.

Многонаселенные города средневековой Индии отличались удивительно пестрым этническим и конфессиональным составом жителей. Индусы жили бок о бок с мусульманами и представителями других религий. Межконфессиональные отношения были, как свидетельствуют источники, непростыми и нередко наталкивались на взаимное непонимание, предрассудки, религиозный фанатизм. И это неудивительно, ибо, говоря словами Видьяпати, "что для одних – дхарма, для других насмешка"¹². Вместе с тем, и это очень важно, процесс индо-мусульманского культурного взаимодействия, оказавший сильнейшее положительное воздействие на литературу, науку, искусство средневековой Индии, имел главным своим источником именно культурную среду города, где практически каждая каста индусов имела собратьев по профессии – мусульман, где никого не удивляло изучение мальчиками-индусами языка фарси в школах при мечетях и празднование мусульманами индусских праздников. Именно в среде горожан получили распространение идейные течения, отвергавшие религиозный фанатизм и утверждавшие, что все религии равно истинны, что бог един, а люди лишь именуют его по-разному, что нет истинно верующих и неверных. Процесс этот развивался как бы в двух плоскостях: снизу и сверху. Снизу,

в среде ремесленников, купцов, мелкого чиновного люда, городской бедноты особой популярностью пользовались проповедники религиозно-реформаторских течений в индуизме (бхакти) и в исламе (суфизм). Отстаивая мистическую любовь к богу как единственно верный путь спасения, они называли всю внешнюю форму религиозного культа "мишурой", называли священнослужителей всех религий одинаковыми обманщиками, отрицали обрядность, авторитет священных книг, канонический язык. С этой точки зрения разница между конфессиями практически стиралась, главным становились любовь к богу и моральная чистота человека, вне зависимости от того, ходил ли он в храм, мечеть или церковь. Крупнейший поэт бхакти, ткач Кабир из Бенареса говорил:

Город Хари на востоке, обитель Аллаха на западе,
Но в сердце, в сердце ищите своем, там и Аллах, и Рама¹³.

Сверху, в среде образованной элиты города, идеи суфиев и бхактов соединялись с получившим широкое распространение рационализмом. Именно в городах жили мыслители, которые осмелились подвергнуть научному сравнению догматы различных религий (индуизма, ислама, позже – иудаизма и христианства) и показать, что эти религии имеют много общего, что ни одна не свободна от устаревших догм и неразумных обычаев¹⁴. Идеи религиозного универсализма, представления о равной истинности всех религий, неприятие фанатизма и вражды между конфессиями стали важнейшей детерминантой развития средневековой индийской культуры и были непосредственно связаны с городской средой. Их питал городской базар, где ремесленники – индуусы и мусульмане, джайны и сикхи – работали бок о бок, а купцы, заключая сделки, меньше всего интересовались религиозной принадлежностью партнера, где чаще всего проповедовали суфии и бхакты. Эти идеи звучали на собраниях "просвещенных философов" при дворе императора Акбара, сделавшего межконфессиональное согласие основой своей религиозной политики, в знаменитых литературных салонах Дели, Агры, Ахмадабада, Лахора¹⁵.

Городское население было пестрым и в кастовом отношении. Многие запреты на межкастовое общение здесь смягчались, ибо, по меткому выражению Видьяпати, "(в городской толпе) кастовый знак одного переходил на лоб другого, а священный шнур брахмана оказывался на груди неприкасаемого"¹⁶. Поскольку ремесло и торговля были основой городской экономики, то с развитием городов происходило повышение кастового статуса ремесленников и торговцев. В раннесредневековых источниках ремесленники однозначно считались неприкасаемыми или низкокастовыми; такой же статус сохраняли они в сельской общине и впоследствии. В городах же позднего средневековья большинство ремесленных каст претендовали на высокий статус и в лице своих старшин участвовали в решении многих дел¹⁷. Развитие идей бхакти было во многом связано в городской торгово-ремесленной среде с растущим самосознанием ремесленников, их чувством собственного достоинства, которое и понуждало их искать для себя такую веру, в которой, в отличие

от традиционного индуизма, они не ощущали бы себя низкими. Равидас, известный поэт бхакти, был по касте чамаром-кожевенником, неприкасаемым, презираемым всеми. Но бхакти помогло ему обрести достоинство:

О горожане, всем известно,
Что я кожевенник из касты чамаров,
Но благородные брахманы кланяются мне с тех пор,
Как обрел Равидас защиту в Твоем (божьем) имени¹⁸.

Бхакти, суфизм, иные религиозно-реформаторские течения индийского средневековья объединяли представителей самых разных социальных слоев. Каждое из течений представляло собой целый спектр направлений, школ, сект, придерживавшихся разных, порой полярных социально-этических воззрений. Но важно, что наиболее радикальные социальные взгляды отстаивали, как правило, представители торгово-ремесленной среды города. Именно она дала Индии Кабира, резко осуждавшего кастовое неравенство, Акхо Бхагата, заявившего, что "только дурак гордится своей кастой", и многих других мыслителей, выдвигавших эгалитарные идеи и высмеивавших понятия "кастовой чистоты"¹⁹. Городская культура средневековой Индии неразрывно связана с историей религиозно-реформаторских течений и еретических движений, направленных на пересмотр многих религиозных догм и социально-этических устоев.

Среди историков нет единого мнения о том, можно ли говорить о существовании в средневековом индийском обществе сословий, в том числе сословия горожан. Видимо, процесс консолидации сословий так и не был завершен; исследователи довольно хорошо представляют себе как препятствия, вставшие на его пути (прежде всего – кастовая и конфессиональная разобщенность), так и факторы, объективно стимулировавшие сословную консолидацию²⁰. Важным, однако, представляется то, что горожане воспринимались в самом средневековом обществе как единое целое, что отразили многие источники²¹. О развитии тенденции к сословной консолидации свидетельствует само наличие городской культуры, специфические черты которой были частично отмечены выше. Специфика городской культуры нашла отражение и в литературе, вернее – в литературах (на разных языках), которые мы можем назвать городскими литературами средневековой Индии.

Городская литература представляет собой особый пласт в литературном наследии индийского средневековья и отличается разнообразием жанров (басни типа фаблю, любовно-авантюрные романы, анекдоты, обширная литература бхактов, суфиев, сикхов и других ересей), при этом важно, что в большинстве случаев все это создавалось на народных разговорных языках в противовес санскриту. Главный критерий, позволяющий считать весь этот пласт литературы городским, состоит не столько в том, что авторы и большинство персонажей происходили из городской среды (как правило, мир городской литературы разнообразен, и действуют в нем представители всех общественных слоев), сколько в том, что мироощущение авторов, мотивы поведения героев, социально-этические взгляды отражали воззрения горожан, главным образом,

ремесленников, купцов, служилого люда. Эти воззрения сильно отличаются от тех, которым следовали создатели, скажем, героической, "рыцарской" литературы.

Если в "рыцарской" литературе, как и в ее западных аналогах, правит подвиг (авантюра), то в городской литературе правит хитрость. Даже благородный царь Викрамадитья, изображавшийся в санскритской литературе как герой без страха и упрека, мудрый судья, в городском любовном романе позднего средневековья превращается в хитреца²². Ловкость, изворотливость, нередки – обман – вот положительные черты героев городской литературы, неприемлемые для благородных раджей и рани из героических поэм и баллад, равно как и бережливость, расчетливость, накопительство, которые для горожанина – добродетель, а для феодала – позор. Защищая свою часть от домогательств, благородная дама убивает себя, а добродетельная горожанка умудряется запереть в сундук и выставить на всеобщее посмешище влюбленного в нее царя²³. Вообще персонажи городской литературы представляются гораздо менее зарегулированными, более динамичными и разнообразными, отличаются разнообразием человеческих типов и характеров. Благородный герой "рыцарских" баллад и эпических сказаний, его прекрасная возлюбленная, его мудрый брахман-министр и даже противник, не менее доблестный, чем герой, всегда таковы, как предписывают кастовые добродетели и литературные каноны. Городской купец или ремесленник может быть наивным или хитрым, подлым или благородным, хитрецом или простофилей; горожанка – героиня фавлю или авантюрной повести – может сравниться в добродетели с любой благородной рани, а иногда способна оставить далеко позади героинь "Декамерона". Все это не значит, разумеется, что такое разнообразие характеров в реальной жизни было присуще только горожанам. Важно, что сама принадлежность к городской культуре наложила отпечаток на мировосприятие авторов, многие из которых прямо заявляли, что достоинства человека не зависят от его кастовой и конфессиональной принадлежности, что человек способен противостоять многим испытаниям, воле сильных мира сего и даже богов²⁴.

Изучая городскую культуру индийского средневековья, литературу, отражавшую мироощущение горожан, мы можем выделить некоторые черты, составлявшие специфику этого культурного пласта. Прежде всего, это "единство в многообразии"; социальная, этническая и конфессиональная пестрота городского населения неизбежно приводила к тому, что в создании общего культурного наследия участвовали представители разных социумов и культурных традиций. Сохраняя все свои особенности, эти традиции вливались в единое целое, но при этом не терялись, не растворялись. В отличие от деревни с ее замкнутостью, значительной разобщенностью населения, неизменностью жизненного уклада, городская жизнь была открыта внешним влияниям, противоречива и динамична, и все эти черты были присущи городской культуре, которой на протяжении всего средневекового периода приходилось осваивать новшества, приносимые как очередными завоевателями, так и купцами или паломниками, постоянно находить компромисс между старым и

новым, исконным и пришлым. Городской культуре был присущ динамизм, проявлявшийся в самых разных сферах: в литературе (традиционная "рыцарская" литература довольно быстро исчерпала себя, в то время как городская литература активно осваивала новые жанры, расширяла языковое разнообразие, искала выразительные средства), в архитектурных стилях, в искусстве, даже в повседневном быту (быт крестьян, известный по средневековым источникам, почти не менялся до XX в., в то время как городской быт постоянно включал новые элементы, будь то среднеазиатская кухня, очки, кофе, табак, зеркала и т.д.). Разумеется, большинство новшеств всегда было доступно лишь сравнительно узкому слою городской элиты, который, впрочем, вряд ли отличался в процентном отношении от слоя европейцев, воспринявших принесенные крестоносцами с Востока новшества, или наших соотечественников, усвоивших на первых порах нововведения петровской эпохи. Главное, по нашему мнению, состоит в том, что именно городская культура была способна воспринимать новое и изменяться в зависимости от требований времени.

Характеризуя развитие городской культуры в средневековой Индии необходимо подчеркнуть такой важный аспект, как возрастание, во-первых светского характера, а во-вторых, личностного начала. Именно авторам, отражавшим воззрения горожан, индийская литература обязана большинством произведений светского характера, при этом светские черты приобретают и многие произведения, созданные на религиозный сюжет, чему во многом способствовало распространение идей бхакти и суфизма с присущим им обожествлением человеческого и очеловечиванием божественного. Личностное начало в городской культуре проявлялось многообразно. Это и эволюция миниатюрной живописи, приобретение ею многих черт реального портрета, совсем не случайное увлечение в XVI–XVII вв. техникой и сюжетами западноевропейской живописи, особенно портретной. Что же до литературы, то, в отличие от раннесредневековых произведений, об авторстве которых и отнесении к той или иной эпохе ученые спорят до сих пор, произведения позднего средневековья чаще всего датированы и содержат сведения об авторе и его эпохе, но главное – это внимание к индивидуальным особенностям человека, что обусловило развитие в позднесредневековой городской литературе жанров автобиографии и реальной биографии (т.е. не "жизней"), интерес к эпистолярной литературе. Именно городская литература позднего средневековья дала Индии авторов, по произведениям которых трудно определить, был ли поэт индусом или мусульманином, настолько мала конфессиональная обусловленность идей, мотиваций и сюжетов, настолько велика личностная и общечеловеческая окрашенность произведений²⁵.

Средневековый город Индии играл огромную роль в социальном, экономическом, политическом развитии общества, он во многом определял эволюцию культуры. Трагические события XVIII в., связанные с распадом империи Моголов и началом колониальной эры, нанесли особенно тяжелый удар по городам, их экономике и культуре, и в поэзии урду этого времени сложился даже особый жанр – "шахр-е ашоб" (букв. потрясенный город), описывавший гибель экономики и культурной среды

городов, своего рода плач по гибнущей культуре²⁶. Но важно, что города стали основой духовного и экономического развития Индии в колониальную эпоху, именно там зарождалась новая культура, возникали просветительские организации, национально-освободительное движение. Роль европейского воздействия в этом процессе велика, однако новые идеи легли как зерно в подготовленную почву; сами просветители и реформаторы нового времени считали себя наследниками ученых, поэтов, мыслителей средневековья, которым была обязана своим богатством и динамизмом городская культура.

- ¹ Среди отечественных исследователей отметим: *Ашрафян К.З.* Феодализм в Индии. М., 1978; *Она же.* Средневековый город Индии XIII – середины XVIII века. М., 1983; *Она же.* Дели. История и культура. М., 1987; *Чичеров А.И.* Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием (ремесло и торговля в XVI–XVIII вв.). М., 1965; *Ванина Е.Ю.* Средневековое городское ремесло Индии. М., 1991.
- ² См., например: *Видьяпати Тхакур.* Киртилата. Джанси, 1962. С. 58–67 (хинди).
- ³ *Бернье Ф.* История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М.; Л., 1936. С. 2175; *Антонова К.А.* Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556–1605). М., 1952. С. 129.
- ⁴ *Антонова К.А.* Очерки... С. 128; *Алаев Л.Б.* О характере общественного строя средневековой Индии // Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973. С. 121; *Он же.* Типология индийской общины // Народы Азии и Африки. 1971. № 1. С. 72.
- ⁵ См. подробнее: *Ашрафян К.З.* Феодализм... С. 109–116; *Ванина Е.Ю.* Средневековое городское ремесло... С. 22–32, 108–115, 132–144.
- ⁶ *Джаяси грантхавали.* Аллахабад, 1935. С. 18 (хинди).
- ⁷ *Jnaneshwari /* Tr. by V.D. Pradhan. L., 1967. P. 27; *Серебряный С.Д.* Видьяпати. М., 1980. С. 220.
- ⁸ *Шривастав Ш.* Сауда ки хинди кавита // Нагари прачариния патрика. 1941. № 4. С. 347 (хинди); *Мишра К.* Матирам грантхавали. Лакхнау, 1951. С. 94; *Gode P.K.* Studies in Indian Cultural History. Poona, 1969. Vol. III. P. 103–108.
- ⁹ См., например: *Сурдас, Сурсагар.* Матхура, 1970 (хинди).
- ¹⁰ *Бхушан грантхавали.* Аллахабад, 1954. С. 71–72; *Серебряков И.Д.* Литературы народов Индии. М., 1985. С. 145; *Macauliffe M.A.* The Sikh Religion. Oxford, 1909. Vol. V–VI. P. 275–285; *Dimmock (tr.).* The Thief of Love. Bengali Tales from Court and Village. Chicago, 1963. P. 33–35.
- ¹¹ *Abu-l Fazl Allami.* Ain-i Akbari / Tr. by H. Jarrett. Delhi, 1978. Vol. III. P. 49.
- ¹² *Видьяпати Тхакур.* Киртилата. С. III.
- ¹³ *Даведи Х.* (изд.) Кабир. Бомбей, 1960. С. 273 (хинди).
- ¹⁴ См. подробнее: *Ванина Е.Ю.* Некоторые особенности развития общественной мысли Индии в XVI–XVIII вв. // Общественная мысль Индии: проблемы человека и общества. М., 1992. С. 69–72.
- ¹⁵ *Abu-l Fazl Allami.* The Akbar Nama / Tr. by H. Jarrett. Delhi, 1979. Vol. III. P. 366; *Naik C.R.* Abdur-Rahim Khankhanan and His Literary Circle. Ahmadabad, 1966. P. 463–466.
- ¹⁶ *Видьяпати Тхакур.* Киртилата. С. 86.
- ¹⁷ См. подробнее: *Ашрафян К.З.* Средневековый город... С. 51–85, 107–114.
- ¹⁸ *Шарма Б.П.* (изд.) Санттуру Равидас вани. Дели, 1978. С. 90–91 (хинди).
- ¹⁹ *Даведи Х.* Кабир. С. 231; *Munshi K.M.* Gujarat and Its Literature from Early Times to 1852. Bombay, 1954. P. 233.
- ²⁰ См. подробнее: *Павлов В.И.* К стадильно-формационной характеристике восточных обществ в новое время // Е.М. Жуков, М.А. Барг, Е.Б. Черняк, В.И. Павлов. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979. С. 243–244; *Ашрафян К.З.* Средневековый город... С. 51–85.
- ²¹ *Ашрафян К.З.* Средневековый город... С. 56.

- ²² См. например: *Двиеди Г.* Хинди премгатха кавья санграх. Аллахабад, 1953. С. 214–225 (хинди).
- ²³ *Munshi K.M.* Gujarat and Its Literature... P. 216; *Crump L.* The Lady of the Lotus. Oxford, 1926. P. 60.
- ²⁴ См., например, *Двиеди Г.* Хинди премгатха. С. 192.
- ²⁵ Там же. С. 184–231; *Шарма Б.П.* Санттуру Равидаствани. С. 102–106; *Рахим-ратнавали.* Аллахабад, 1950. С. 1–27 (хинди).
- ²⁶ *Назир ки бани.* Аллахабад, 1953. С. 29–33 (урду в графике хинди).

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОРОДА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Т.В. Степугина

В процессе становления и развития города в древнем Китае можно выделить несколько этапов. На начальном этапе город выступает как первичный очаг возникновения цивилизации в древнем Китае. Он датируется примерно III–II тыс. до н.э. Во второй половине III – первой половине II тыс. до н.э. на территории Китая складываются локальные культуры протогородского и раннегородского типа. Самые ранние поселения, обнесенные стенами из утрамбованной земли, относятся к эпохе позднего неолита, когда во второй половине III тыс. до н.э. в бассейне Хуанхэ появляются луншаньские городища (в частности, в Хэнани – Хоуган, Ванчэнган, Дачжучжуань). Однако, поздненеолитические укрепленные поселения носили спорадический характер.

С наступлением в Китае бронзового века на рубеже III/II тыс. до н.э. поселки протогородского типа становятся своего рода знаменем времени, как в Северном, так и в Южном Китае. Обычно это прямоугольные в плане поселения, с правильной планировкой, следами монументального зодчества, культовыми сооружениями и ремесленными кварталами; толщина их стен колеблется от 2 до 30 и более метров, а занимаемая площадь – от нескольких га до нескольких кв. км. Среди протогородских культур начала бронзового века в бассейне Хуанхэ древнейшей является Эрлитоу в Хэнани (XXIV/XXI – XV/XIII вв. до н.э.), площадью 3,75 кв. км; в бассейне Янцзы–Паньлунчэн в Хэбэе, с протяженностью стен, окруженных десятиметровым рвом, 290 м x 260 м и остатками крупного строения культового назначения, площадью 420 кв. м. Следы дворцово-храмового комплекса обнаружены и в Эрлитоу (в районе г. Лояна). На городских поселениях в Эрлитоу и Паньлунчэне впервые были найдены могилы с погребенными людьми.

Типичный раннегородской комплекс с монументальной архитектурой дворцово-храмового ансамбля и специализированным ремеслом обнаружен в районе г. Чжэнчжоу в Хэнани. По радиоуглероду он датирован 1542–1520 гг. до н.э. Это почти квадратное в плане поселение площадью 3,2 кв. км (320 га), обнесенное мощной стеной из спрессованных слоев земли, высота сохранившейся части которой достигала 9 м, а толщина

стен у основания – 30 м, с общим периметром стены 7195 м. По сравнению с Эрлитой и Паньлунчэном чжэнчжоуский комплекс является собой более высокую стадию развития, как в области материального производства, так и в сфере социокультурных и общественно-политических отношений. У его носителей, судя по всему, шел активный процесс классов- и государствообразования.

На обширной территории Китая, от Шэньси до Шаньдуна и от Хубэя до Хунани и Цзянси, во второй половине II тыс. до н.э. по берегам рек спонтанно возникали разрозненные городские поселения – носители бронзовой индустрии, в которых создались условия для образования социальных структур типа первичных городов-государств. Граница их распространения на юге выходит за пределы Янцзы достаточно далеко, захватывая область к югу от озер Дунтин и Поян. Среди них – комплекс под Ученом (южнее оз. Поян, в 200 км к югу от Янцзы) представляет собой независимый очаг цивилизации с местной металлургией бронзы, протофарфором и зачатками собственной пиктографической письменности.

Городской тип первичных государственных образований в древнем Китае не был связан с таким эколого-географическим природным фактором, как ирригация, как то имело место в древнем Египте и новых городах-государствах древней Месопотамии, где возникновение городов было обусловлено необходимостью организации широких ирригационных работ. Это составляло специфику перехода от первобытности к государственности и накладывало отпечаток на процесс градостроительства в древнем Китае, не знавшем ирригационного земледелия вплоть до середины I тыс. до н.э., когда древнекитайская цивилизация прошла уже тысячелетний путь развития. Известную типологическую аналогию первичной древнекитайской цивилизации, известной под названием “шаньиньской”, можно, как кажется, найти в неречной цивилизации Эблы – северосирийского города-государства II-I тыс. до н.э.

Первичные очаги зарождающейся цивилизации в древнем Китае складывались в масштабе одной или нескольких территориальных общин-“городов”. Объединение таких общин диктовалось и территориально-хозяйственными, и военно-политическими нуждами. Важнейшей общественно-экономической причиной возникновения этих раннегосударственных образований было все усиливавшееся имущественное расслоение (о чем свидетельствует различие в погребальном инвентаре захоронений, раскопанных на этих городских поселениях). До последнего времени в нашей литературе недооценивался социально-культурный и религиозно-идеологический фактор урбанизации, игравший едва ли не определяющую роль в процессе возникновения раннегородских структур в древнем Китае. Городские территориальные общины становились полем образования государственного устройства, что принципиально отличало их от множества племенных организаций, в которых общины группировались по родовому, а не по территориальному принципу. В Северном Китае подобного рода шанское “городское общество”, выделившееся из иньского союза племен, в последние века II тыс. до н.э. встало во главе довольно крупного этнически неоднородного и неста-

бильного объединения. Его предводитель назывался “ваном”, он обладал чрезвычайными военными полномочиями и функциями верховного жреца.

Шанская цивилизация является в настоящее время самой изученной из всех раннегородских культур древнего Китая. Городское шанское общество обладало самостоятельным бронзолитейным производством и таким высоким культурным потенциалом, как протокитайская иероглифическая письменность. Площадь шанского города-государства, раскопанного под Аньяном (в Хэнани), занимала 24 кв. км. Здесь были обнаружены фундаменты крупных строений дворцово-храмового комплекса с бронзовыми базами колонн, ремесленные кварталы, остатки жилых строений и множество могил, среди которых выделяются огромные подземные усыпальницы десятиметровой глубины. В аньянских так называемых “гадательных надписях” упоминается “Великий город Шан” и другие города, которые состояли с ним как в союзных, так и во враждебных отношениях. Многие иероглифические знаки обозначают понятия, связанные с городской жизнью, например, “город”, “городское укрепление”, “внешние стены города”, “строительство города” и др. “Город Шан” возглавлял коалицию городских обществ, не составляя с ними, однако, единого стабильного государства. Встречающееся в надписях на “гадательных костях” наименование “Чжун Шан” – “Центральный Шан”, возможно, означало его главенствующую роль среди других поселений. Несомненно политическое и культурно-культурное лидерство “Великого города Шан” в шан-иньском объединении.

Период первичных городов-государств, открывающих эпоху цивилизации в древнем Китае, завершается на рубеже II–I тыс. до н.э. покорением шанцев уже давно угрожавшими им с запада, и очевидно родственными им, чжоусцами, у которых интенсивно шел процесс сложения государственности.

Следующий этап развития города в древнем Китае как фактора культурно-исторического процесса, связан с возникновением западно-чжоуского, относительно обширного государственного образования, обладавшего сравнительно устойчивым политическим единством. Город выступает теперь в составе “территориального” царства Чжоу (традиционная дата создания 1122 г. до н.э.). На этот период падает расширение сети городов. Номинально они подразделялись иерархически, в зависимости от их административно-политической и культово-религиозной значимости, на столичные (чжунду), резиденции подчиненной знати (ду) и прочие города (и). Все они в обязательном порядке имели алтари бога Земли и храмы предков. В числе первостепенных дел государственной важности чжоусцы предприняли строительство новой, второй столицы Ванчэн (букв. “Царский город”) в районе г. Лояна. Но главная оставалась прежняя, первая столица чжоусцев г. Хао (в районе г. Сиань в долине р. Вэй), в которой находился основной алтарь бога Земли страны (затем, с переносом в 771 г. до н.э. чжоуской столицы в Ванчэн, туда же переместился и главный алтарь бога Земли). О строительстве городов в начале этого периода источники сообщают неоднократно. Многие из них

имели характер крепостей, обнесённых двойными стенами, иногда окруженных рвом. Толщина городских стен составляла в среднем 8–15 м, их высота – до 15 м. То, что стены были неотъемлемой принадлежностью города, показывает и этимология чжоуского иероглифа “город”, означавшего буквально – “стена”. Зачастую внутренние городские стены были толще, и намного, внешних. Именно во внутреннем городе располагались все административные и ритуально-культурные службы. Причем сакральные функции западно-чжоуских, так же, как и шанских городов, выступают, как наиболее важные. Очевидно, на этом этапе урбанизации, в эпоху чжоуской цивилизации определенный статус в государстве, помимо городских, получают функционально отличные от них собственно сельские общинные поселения.

Ранне-чжоуские города, ориентированные топографически по частям света, прямоугольные в плане (во всяком случае в традиционном-типовом варианте; однако, как показывают археологические раскопки, встречались также круглые и овальные), как правило, были очень небольшими. Периметр их стен обычно не превышал 700–1000 м. Но раскопанный в Шаньдуне западно-чжоуский город Дань располагался на площади 450 × × 390 м. Население в наиболее крупных из них не превышало 3 тысяч семей, но многие насчитывали от 10 до 100 семейных общин. Чжоуские города были неразрывно связаны с окружающей земледельческой территорией, большинство городских жителей занимались сельским хозяйством. Оторванные от земледелия ремесленники, торговцы и другие горожане составляли, как правило, меньшинство населения даже в крупных городах и не только в чжоускую, но и позже, в цинь-ханьскую эпоху древнекитайской цивилизации. Даже в столице восточно-ханьской империи Лояне в середине II в. н.э. земледельцы составляли известную часть населения; причем то обстоятельство, что торгово-ремесленное население Лояна в то время значительно превышало количество горожан-земледельцев, считалось тогда явлением ненормальным и нежелательным, – правда здесь давала себя знать общая натурализация хозяйства страны. В целом же, соединение с сельскохозяйственными угодьями составляло особенность древнекитайского города вплоть до эпохи средневековья.

Тем не менее, развитие ремесла и торговли приводили к росту городов и изменению их характера. Утверждение города, как торгово-ремесленного и промышленного центра, возрастание его культурно-идеологической и интеллектуально-образовательной роли в общественно-политической и социально-экономической жизни древнекитайских царств VIII–III вв. до н.э. знаменуют следующий, третий этап процесса урбанизации в древнем Китае. Новая эпоха в развитии древнекитайского города наступает с возникновением на территории Китая во 2-ой четверти I тыс. до н.э. множества самостоятельных царств – по данным нарративных источников (Цзочжуань и др.) количество их колеблется от 107 до 209. На периоды Чуньцю (VIII–V вв. до н.э) и особенно Чжаньго (V–III вв. до н.э.) падает своего рода бум градостроительной деятельности. По суммарным данным источников, в это время было возведено 585 городов, что дает наивысший абсолютный показатель градо-

строительства за почти двухтысячелетний период, – с VIII в. до н.э. до X в. н.э. Наиболее интенсивное строительство и реконструкция городов велись в царствах на Великой китайской равнине. Особое внимание уделялось благоустройству столиц. Размеры городов в это время колеблются в огромном диапазоне, судя по их площади: от 300 м × 300 м (г. Янь, ок. Чжоукоудянь в Хэбэе) до 8300 м × 3930 м (г. Сяду, ок. Исянь в Хэбэе). Но материал раскопок здесь очень невелик. Лишь недавно подвергся раскопкам г. Юнчэн, бывший столицей царства Цинь с 771 по 282 гг. до н.э. Этот почти квадратный в плане город был окружен мощными стенами 8,8 м ширины и 7,9 м высоты. На его территории, общей площадью 11 кв. км, были обнаружены остатки крупного дворцового и храмового комплексов. Характерной чертой городской планировки являлась обширная базарная площадь. Рядом с городом, за рекой, простирался большой некрополь из 13 могил циньских царей и 33 – высшей знати, здесь же находилась огромная усыпальница Цзингуна (577–537 гг. до н.э.). В ней обнаружено 186 человеческих жертв. Человеческие жертвоприношения обнаружены и в храмовом комплексе. Юнчэн и после перенесения циньской столицы в Сяньян оставался второй сакральной циньской столицей.

Почти такой же по размеру была чжоуская столица Ванчэн; как показали раскопки, она занимала площадь в 8 кв. км, каждая из четырех стен города достигала почти 3 км в длину при ширине стен ок. 15 м и высоте (на сохранившихся участках) в 4 м.

Крупнейшим городом в эпоху Чжаньго и, пожалуй, самым знаменитым была столица царства Ци г. Линьцзы (в Шаньдуне), где проживало 70 тысяч семей, что составляло (по данным Чжаньгоцэ, гл. 8) 210 000 жителей. Обнаруженные археологами остатки городской стены Линьцзы (прямоугольной в плане) имели размер 4000 м × 3000 м, в центральной части города находился дворцово-храмовый комплекс и расположенный на овальном возвышении из плотно утрамбованной земли алтарь бога Земли. Линьцзы известен как крупный торговый и ремесленный центр. На примере Линьцзы можно видеть, как в это время город становится генератором духовной и материальной культуры. В Линьцзы находилась прославленная на весь чжаньгоский Китай “академия Цзися”, где одновременно собирались на философские диспуты до тысячи “мужей, искусных в споре”, состязавшихся в красноречии. Многие из известнейших мудрецов древнего Китая были выходцами из этой “академии”.

“Города с населением в десять тысяч семей ныне – обычное явление”, – свидетельствует о городах эпохи Чжаньго “Чжаньгоцэ”¹. Даже в небольших городах, по сообщению Сыма Цяня (146–86 гг. до н.э.), “жителей, повозок и лошадей было такое великое множество, что казалось, будто в городе расквартировано три войска – такой стоял страшный грохот от уличного шума”, а “усадеб и домов так много, что негде пасти скот”.

С самого начала восточночжоуский город, как социально-культурный организм, играл исключительно важную роль в общественно-политической жизни древнекитайских царств. Особенно это ощущается в начальный период Чуньцю, когда в Китае насчитывались десятки

государственных образований. В это время в целом ряде царств прослеживается активное участие в делах государственной важности так называемых “гожэнь” – свободного населения городов, прежде всего столичных, полноправных граждан государства, обязанных военной службой, уплатой податей и несением ряда повинностей. Конкретные случаи вмешательства “гожэнь” во внутреннюю и внешнюю политику отмечаются в царствах Вэй, Цзинь, Ци, Чжэн, Сун, Чу, Чэнь, Шэнь, Ду, Цзюй, Чжу, Цзан, Чэн, Чжао, Хань, Цао и др. С “гожэнь” правители царств заключали договора, причем за городской стеной. Так было, например, в 542 г. до н.э. в царстве Чжэн.

Активное участие “гожэнь” в общественно-политической жизни дает основание предположить наличие там института народного собрания, или его пережитков. “Гожэнь” вершили суд, созывали местное ополчение, организовывали городскую самооборону, самостоятельно сносились с внешним миром и заключали союзы с “гожэнь” других городов и царств. При чрезвычайных обстоятельствах “гожэнь” ставили и смещали правителей царств, например в Цзинь в 613 г. до н.э., в Вэй в 641 г. до н.э. и др. Упоминания источников о подобных событиях, связанных с “гожэнь”, относятся в основном к середине VII – началу V вв. до н.э.

По мнению ряда синологов, многие древнекитайские царства периода Чуньцю носили характер городов-государств. Их можно было бы назвать вторичными городами-государствами, в отличие от первичных городов-государств шан-иньской эпохи. В городах-государствах эпохи Чуньцю прослеживаются демократические черты в общественно-политическом строе, сохраняются традиции народного собрания и совета старейшин, как органов управления. Институты городского самоуправления продолжали функционировать в ряде царств и в эпоху Чжаньго.

В значительной мере именно материальные и духовные достижения восточножюуской городской культуры заложили основу для возникновения в древнем Китае в середине I тыс. до н.э. феномена “осевого времени” – того великого взлета идейно-философской мысли, который дал китайской и всей мировой цивилизации такие непреходящие духовные ценности, как даосизм, конфуцианство, моизм и другие гуманитарные системы. Из всех них ближе всего к идеологии свободной самоуправляющейся городской общины стоял моизм. Договорная теория Моде связана, очевидно, с политической идеологией города-государства, истоки ее можно проследить в тех конкретных фактах заключения договоров между “гожэнь” и правителями, о которых сообщает Цзочжуань. От идей, связанных с демократическими традициями самоуправляющихся городов, вероятно, берет начало и положение Моцзы о праве (но освященном “Волей Неба”) народа свергать несправедливых, жестоких правителей. Сам Моцзы (479–381 гг. до н.э.) был выходцем из городских низов, и горожане составляли основной контингент в его школе. Моисты были самоотверженными защитниками свободы городов. В трактате “Моцзы” специальные главы посвящены строительству городских оборонительных сооружений и охране городов органами городского самоуправления.

Традиции общинно-городского самоуправления оказались исключи-

тельно стойкими, что проявилось в их сильном влиянии на характер древнекитайских городов эпохи Чуньцю-Чжаньго. Показательно, что вплоть до конца III – начала II вв. до н.э. многие города Поднебесной выплавляли собственную монету, и даже в имперский период это не сразу прекратилось.

Следующий этап культурно-исторического развития древнекитайского города начинается с эпохи Цинь-Ханьской империи. Несмотря на последовательное территориально-административное деление империи Цинь, жесткую централизацию и бюрократизацию управленческого имперского аппарата, в ней, помимо циньского административного аппарата, самостоятельно функционировали органы местного городского самоуправления, возглавляемые “отцами-старейшинами” (“фулао”) города. Городская община представляла собой коллектив граждан, состоящий из “отцов и старших братьев” (“фусюн”) – полноправных глав больших семей, и всей остальной массы горожан – “сыновей и младших братьев” (“цзыди”), составлявших основную силу ополчения города. Из истории антициньского движения известно, что, захватывая города и уничтожая в них представителей циньской администрации, повстанческие отряды Чэнь Шэна не создавали в них своих органов власти, поскольку там и до и после ухода отрядов Чэнь Шэна действовали органы местного городского самоуправления. К их представителям апеллировал Чэнь Шэн, когда в 209 г. до н.э. занял город Чэнь, и именно представители местного самоуправления в лице “саньлао” и “хаоцзе” провозгласили Чэнь Шэна чуским правителем. В дальнейшем, несмотря на сложные перипетии повстанческого движения Чэнь Шэна и резкое недовольство аристократического “крыла” повстанцев действиями “мужицкого царя”, никто так и не решился до гибели Чэнь Шэна открыто оспаривать решение органов городского общинного самоуправления. Подобным же образом опирался на городское самоуправление и повстанческий вождь Лю Бан – будущий основатель династии Хань (202 г. до н.э.).

Примером городской самоуправляющейся общины может служить город Пэй. Сюда в 209 г. до н.э. пришел отряд Лю Бана. Примкнув к антициньскому движению, “отцы-старейшины” города (“фулао”) подняли народ против имперских чиновников, свергли циньского начальника города и избрали Лю Бана правителем Пэй (Пэй-гуном). Непосредственно к местным “фулао” Лю Бан обратился после захвата им циньской столицы г. Сяньяна, домогаясь у них признания и провозглашения его ваном-правителем Гуаньчжуна. Именно с представителями органов городского самоуправления в лице “фулао” Сяньяна Лю Бан заключил свой знаменитый “договор о трех статьях” – первый свод законоположений новой ханьской династии – и перед ними объявил об отмене всех циньских законов. Приведенные примеры показывают действенность органов городского самоуправления, продолжавших оставаться реальной общественно-политической силой в раннеимперский период. Города имели свою организацию управления, не совпадавшую и не зависевшую от общегосударственной администрации, сохраняли в известной мере право собственности на землю, выражавшееся, в частности, в практике контроля купли-продажи земли членами общины. Как пред-

ставляются, имперские чиновники, в частности и по крайней мере циньские, не имели права гражданства в городах, будучи назначаемыми туда на свои посты извне государственными властями.

Городская община представляла собой коллектив граждан – полноправных членов семей, а именно глав семей, которые, пусть в разной мере, участвовали в системе общинного самоуправления, имели собственные наделы в пределах общегородского земельного фонда. Самоуправляющиеся города являлись неотъемлемой структурной единицей древнекитайской империи вплоть до конца эпохи поздней древности.

На всем четырехсотлетнем ее временном протяжении в империи Хань шел процесс расширения старых и возведения новых городов. Причем темпы градостроительства держатся на еще более высоком уровне, чем в предшествующие периоды доимперской эпохи, правда, это в известной мере объясняется значительным увеличением территории империи за счет внешних завоеваний. Всего в ханьской империи было построено 540 новых городов. Крупнейшими городами продолжали оставаться прежние столицы крупных царств эпохи Чжаньго. До полумиллиона выросло население уже упоминавшегося города Линьцзы – бывшей столицы царства Ци. Самым крупным городом страны была западноханьская столица империи город Чанъань, насчитывавший полмиллиона жителей. Общая протяженность городской стены Чанъани превышала 30 км при высоте 8 м и толщине 3,5 м. В столице было 160 жилых, четко распланированных кварталов с прямыми улицами. На девяти главных рынках Чанъани обычно собиралось несколько десятков тысяч человек. Столица была крупным центром международной торговли, фокусом всей культурной жизни страны, отличалась многообразием видов деятельности. Благоустройство столиц Чанъани и Лояна была предметом постоянной заботы императоров, в чем они весьма преуспели, создав высокие образцы градостроительного искусства. Столицы предстают символами социо-культурного прогресса и общественных противоречий. Города ханьской империи становятся более масштабными, многие из них насчитывали свыше 50 тыс. жителей. Самая плотная сеть городов была на Великой китайской равнине. Здесь в I–II вв. н.э. было сосредоточено до 50% населения империи (примерно, около 25–30 млн человек).

Древнекитайская цивилизация – городская цивилизация, но, называя ее “городской”, надо иметь в виду специфический характер древнего города и его культуры, его типовую модель. Большинство ханьских городов оставались сравнительно небольшими поселениями, обнесенными земляными стенами, где проживало несколько общин, неразрывно связанных с земледельческой территорией и где горожане имели свои поля. В них функционировали органы городского самоуправления, что составляло характерную особенность древнекитайской городской культуры. О том, что и крупные города были связаны с земледелием, говорилось уже выше.

Как известно, город – функциональный элемент общества, его социокультурной, политико-экономической, общественно-производственной структуры, отражающий основные закономерности исторического развития. Процветание городов в ханьской империи было непосред-

редственно связано с общим подъемом культуры, экономики, развитием товарно-денежных отношений, укреплением частнособственнического хозяйственного сектора. Была здесь, конечно, и обратная связь – воздействие города, его духовного потенциала и процесса урбанизации в целом на все сферы общественного бытия.

Кризис политической и социально-экономической древнекитайской империи, наметившийся к рубежу I–II вв. н.э., привел к натурализации хозяйства позднеханьской империи и постепенному упадку городской жизни. Если раньше, начиная с конца эпохи Чуньцзо – начала Чжаньго, город был притягательным центром, фокусом производственной деятельности и духовной культуры, то в последние десятилетия позднеханьской империи появляется тенденция переселения населения целыми общинами в сельскую местность. Городская жизнь замирала. Если на рубеже нашей эры в западноханьской империи насчитывалось 37 844 города, то в середине II в. н.э. их осталось 17 303. Таким образом, количество городов в ханьской империи сократилось более, чем вдвое, что является одним из ярких симптомов гибели древнекитайской цивилизации. Если в начале имперского периода самоуправляющиеся города составляли характерную черту общественно-государственного строя, и именно их поддержка принесла на первых порах победу в борьбе за власть основателю ханьской династии Лю Бану, то теперь источники о них не упоминают. Наступил этап кризиса древнекитайского города, а вместе с тем и крушения цивилизации древнего мира в древнем Китае. Город средневекового Китая, возникший на развалинах империи Хань, коренным образом отличался от древнекитайского города.

¹ Чжаньгоцэ. Шанхай, 1958. С. 83.

² Сьши. Шичзи. Шанхай, 1935. С. 385.

³ Васильев К.В. Данные о социальном слое гоэнь в период Чуньцзо // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 10–19.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ЯПОНСКОГО ГОРОДА

Г.Б. Навлицкая

В формировании культурного ареала японского города имеет большое значение зарождение еще в добуддийский период социокультурных систем с ориентацией на принципы жизни японца во взаимодействии, в согласии с природой, а длительное сохранение такого рода систем в организации городского пространства является одним из важнейших компонентов и проявлений формирования исторической памяти этноса.

Показательно, что именно ранние этапы японской цивилизации, самое начало складывания культурного комплекса, отмечено формированием системы ментальной организации пространства, которая во

многим характеризует социально-психологическую сущность личности японца, его отношение к окружающему миру природы и миру, созданному им в процессе длительной жизненной практики.

Сложилась специфическая пространственная система, возникновение которой определялось анимистическими воззрениями японца, одухотворением им окружающего органического и неорганического мира. Отсутствие антропоморфного воплощения религиозных представлений сделало возможным наделение пространства функцией божественной сущности, превращение его в знаковое обозначение сакральности, в символическую значимость его геометрической очерченности.

Первые попытки древнего японца выразить свое понимание Вселенной, образного осмысления структуры мироздания через пространственную форму, стали основой организации ранних поселений, храмовых сооружений и мемориальных комплексов. По-существу, этот процесс определил начальный этап формирования генетического кода урбанистической традиции.

Возникла своеобразная геопропространственная парадигма, определявшая на многие века систему формирования стереотипов физической и социальной структуры разнообразных поселений на территории японских островов, в том числе, городского образования.

Геометрическая значимость пространства очевидна уже в расположении примитивных землянок-татэана, бывших в период каменного века основным типом жилища в Японии. План археологического раскопа неолитического поселка Торо в современной префектуре Сидзуока (круг – образ солнца) представляет в символической форме как осмысление структуры космогонического единства человека и природы, так и очевидное понимание неоднородности пространства, ценности и значимости выделенного, освоенного пространства, отделенности его от всего остального мира.

Магическая система взаимодействия с силами окружающей природы, символические структуры, в том числе сакрального пространства храма, поселения, захоронения, города с течением времени не исчезают, они получают дальнейшее развитие как часть многочисленных компонентов, формирующих социальные и художественные системы японской протокультуры. Символика геометрических фигур (круг, ось, квадрат, прямоугольник), как основа пространственной и физической организации жилища, поселений и резиденций древних правителей Японии, используется уже в первые века нашей эры. Этот принцип очевиден и во временных культовых сооружениях – сайдзэ, возведение которых ранние письменные памятники Японии относят к периоду Кофун (Курганный период) III–VII вв. Примером подобных культовых комплексов с линейным расположением зданий и ориентированностью по странам света с разработанной композиционно-пространственной схемой, были Дайдзёкю, соорудившиеся при восшествии на трон царствующего правителя. Такие храмовые сооружения были построены императрицей Дзинго на северном Кюсю, представителями рода Имубэ в районе Ямато.

Развитие земледельческой культуры, тайна произрастания злака дали серию новых символов, одним из которых стал амбар (мякэ), хранив-

ший собранный урожай риса. Амбар, вместе с окружающим его пространством, превратился в своеобразный храм, пространство и форма которого стали образом божества. Конструкции сайдзё и “амбарная” архитектура первых культовых сооружений с ее символами, подчеркивающими реальное пространство, стала основой и воплощением концепции пространства древнего японца и художественных нормативов, давших канонические, классические образцы.

Структурные схемы амбаров (постепенная контаминация татэаны и свайной конструкции с поднятым полом) сыграли важную роль в дальнейшем развитии как самого японского жилища, так и всех видов поселений на японских островах.

Вместе с тем пространственные решения древних культовых сооружений, рассчитанные на создание образа божества, были тесно связаны с обыденной каждодневной жизнью японца. Пространство вокруг храма, будучи воплощением символической идеи, становилось территорией максимальной концентрации социальных действий. Храмовый комплекс Сумиёси (территория современного Осака) в значительной мере сохранил архаические формы и пространственную организацию сооружений, где некогда двор Ямато устраивал празднества в честь богов, используя мифопоэтическое сознание японца. Обширная территория мавзолея Нинтоку (первая пол. V в.), на которой воспроизводится классическая композиция царских усыпальниц-кофунов, с размещением множества разнообразных объектов, фактически представляет систему проектирования развитой поселенческой структуры. Действительно, сведения первых письменных памятников и свидетельства археологических изысканий говорят о существовании в курганный период на Японских островах нескольких крупных городских образований – так называемых “столиц” династий. Из этих древних городов наиболее ранним и показательным с точки зрения его социального места в японском обществе того времени и развития урбанизационных процессов, является Нанива, первое упоминание о которой в японских документах на месте современного Осака относится к 320 г. н.э.

На протяжении двух с половиной веков до переворота Тайка (645 г.) в районе Ямато была построена 31 “столица” – города, возникавшие как резиденции, в которых за этот период правили 23 представителя царской династии. Фактически, все они, за исключением Оцу (на озере Бива) и Нанива, были расположены в юго-восточной части долины Ямато, называемой Асука, где располагались свыше 20 дворцовых резиденций правящих фамилий.

Перенесение резиденций (обычно в связи со смертью правителя), возведение новой городской застройки, содействовало накоплению разнообразных достижений градостроительной практики, развитию строительного мастерства в возведении деревянной архитектуры, ориентированной именно на этот материал, целесообразность использования которого была определена климатическими, природными условиями японских островов. Формирование элементов урбанистической и общей культурно-исторической традиции включало не только четкую практику социально-пространственной организации территории городского посе-

ления, но и постепенно усложняющиеся навыки созидательных действий от примитивных сооружений до сложных пространственных структур с тысячами исполнителей архитектурно-планировочных работ.

Таким образом, при переносе резиденции практически не возникало разрыва в формировании и развитии социальной основы культурно-исторической традиции. Можно полагать, что существование временных столиц в Ямато, по-существу создавшее единый ареал с культурным полем урбанизационной среды, оказало определенное влияние Центрального района Хонсю на последующих этапах исторического развития страны.

Представляет интерес и то, что каждая из “столиц” обнаруживала очевидную двойственность факторов, определявших морфологическую структуру. С одной стороны, первейшее значение отводилось сакральному, и строгая ориентация по странам света, выделение северной части как императорской, как центра города и вселенной, было связано именно с этим фактором. Ориентация структур сакрального пространства (запретный город) осуществлялась также в соответствии с геометрической выраженностью символики. Дайри – императорский дворец, и Тёдоин – приемная резиденция с официальными зданиями, располагались в четком следовании один за другим по оси север – юг.

Это наглядно представляют планы сакральной зоны Нанива, Киёмихара, Фудзивара, Нагара но Тоёсаки. Геометрия их пространств отражает символику, характерную и для градостроительной практики на материке, прежде всего Китая. Но совершенно очевидно типологическое сходство и с символикой первых сайдзё, с более ранним культовым строительством на японских островах, показывающим использование тех же линейных ориентиров.

С другой стороны, не менее важным оказывается (фактически в каждом случае) для складывания физической структуры города его географическая характеристика. Специфика ландшафта является не только определяющими моментами в складывающейся морфологической структуре, но и обычно выступает в числе тех основных составляющих, которые формируют генетический код городского пространства, в значительной части сохраняющийся в его дальнейшем историческом развитии.

Уже древние “столицы” обнаруживают определенные свидетельства сложившейся системы пространственной организации, проявление которой не только в строгой ориентации по странам света, но и очевидной разграниченности территории. Геометрия пространственного расположения разных городских структур (выделенной сакральной части, торговых и ремесленных кварталов) точно отражала картину социальной дифференциации городского населения.

Именно этот период (IV – VI вв.) добуддийской Японии свидетельствует о появлении в городских образованиях специфического пространственного ареала – квартала, блока кварталов – кайвай, вместивших тесных семейных, соседских и прочих связей и контактов. Отсутствие агоры – площади, места общегородской концентрации социальных действий населения содействовало активизации жизни квартала и превра-

щения его в территорию общественной активности – различных форм взаимодействия, взаимопомощи и контроля. Средневековые сословные регламентации с их пригвожденностью каждого к его социальной ячейке, еще более упрочило единство социальной и морфологической структуры.

Специфической чертой, которая была характерна для всех сфер пространственной организации городского поселения Японии была ориентация на сочетание равновесия форм и геометрической четкости. Облик средневекового города, отраженный в гравюрах, росписи ширм, предстает компактным и одномерным массивом, расластанным вокруг возвышающейся громады феодального замка или храмового комплекса. Физическая структура здесь дает однозначную социальную картину.

Морфологическое равновесие, гармония и уравновешенность форм, геометрическая четкость и ясность общего плана, как города в целом, так и его структурных компонентов, были рассчитаны на формализацию, конституирование образа жизни японца с определенной иерархией традиционных ценностей. Даже региональное расположение разных уровней раннесредневековых городов отражало ритмичность и четкость геопространственного равновесия, оказавшего определенную роль в формировании относительно устойчивой сети городов в развитии и темпах урбанизации последующих периодов исторического развития страны.

Средневековый период истории Японии был временем, когда сложился общенациональный тип японского города. Три типологические характеристики японского города (храмовый, транспортный и призамковый), сложившиеся в эту эпоху, стали той основой, на которой идет и до настоящего времени развитие градообразования в Японии.

Средневековый город – это и период завершения формирования его малых структурных компонентов – формирования единого пространства квартала и улицы – кайвай, кластера – блока кварталов – ареалов социальной активности, завершения структурной организации эталона национального дома.

Групповое мышление и коллективистская практика жизни, сделавшие дом вместилищем большой феодальной семьи, определили и пространственную характеристику сооружений – двухэтажное, деревянное, свайное строение (первый этаж – лавка, мастерская, второй – жилое помещение) – для значительной части городской территории. Объединение в единое целое отдельных зданий (под разными крышами) – стиль сёин-дзукури – в основном для элитарных слоев города.

Идет завершение процесса дифференциации социального пространства: “ути” – “внутреннее”, “свое”, “сото” – “внешнее”, “чужое”. Сочленение этих автономных зон происходит через промежуточное звено “ма”, осуществляющее расширение, протяженность пространства, его текучесть и ритм.

Эта система – точный морфологический слепок социального контекста города, где две замкнутые зоны (большая феодальная семья – иэ, индивидумы, торговые и промышленные компании и группы, т.е. “ути” и “сото”) сообщаются, используя символический промежуточный “мостик” – посредничество – “эн”.

“Открытие” страны (середина XIX в.) после длительной изоляции не принесло японскому городу кардинальной смены пространственной организации. В морфологическую структуру феодального города вводились (на основе слома кварталов) несвойственные прежней застройке промышленные предприятия, “деловые” здания строились в центральной части. Город Японии терял прежний облик, прежнюю, достаточно органично представлявшую жизненную практику японца морфологическую и социо-пространственную организацию. Только в 60-х годах в послевоенный период группой архитекторов-метаболистов¹ во главе с известным зодчим К. Тангэ, была предпринята попытка разрешить кризисное состояние, меняющего пространственную организацию и стихийно расплзающегося города.

Градостроительное содержание концепции архитекторов-метаболистов – системность пространственной организации города, так же как ее архитектурная часть, опиралась на аналогию, которую эти архитекторы видели в законах органического мира. Циклическая последовательность стадий его развития, как они считали, свойственна и человеческому обществу.

Символическим воплощением теории метаболистов была “растущая структура” с ее принципом незавершенности. В архитектурном плане – это здания, комплексные сооружения, пространственная организация которых по существу, запроектирована на дальнейшее расширение объемов, модификацию формообразования.

Ориентация на постоянное изменение всего организма (города и сооружения) объединяла в единую систему элементы постоянные и нестационарные, меняющиеся композиционные элементы в соответствии с общественными потребностями.

В то же время откровенный техницизм “растущей структуры” обнаруживал очевидную обращенность к традиционному принципу пространственного решения архитектурной композиции – соединения ее завершенности и одновременно готовности к дальнейшему развитию. Примером этого служит “текущее пространство” интерьера японского национального дома, постоянно изменяющее свои границы и общую конфигурацию при помощи ширм, фусума (раздвигающиеся перегородки) и сёдзи (раздвигающиеся стены), а также и промежуточное пространство внутренних двориков, энгава (веранды), гармонически соединяющее внешние и внутренние объемы здания.

Генетическая основа сложившейся в веках концепции пространственной организации городской застройки, национального дома, культового сооружения, была настолько устойчива и стабильна во времени и пространстве, что смена композиционных элементов была не только для нее разрушительна, но даже необходима, в силу приобретаемой таким образом гибкости и подвижности. Здесь был очевиден случай, отличный от общепринятого пьетета в отношении долготности шедевров исторического пространства мировой культуры (скульптура, архитектура, нарративные памятники и т.д.). В сложившейся культурной традиции Японии приоритет отдается идее, именно она нетленна, и ценность ее передается из поколения в поколение, а точное воспроизведение может

осуществляться в современных, но того же характера материалах и руками современных мастеров.

На градостроительном уровне – это обязательная смена храмовых сооружений через 20 лет, наконец, сама стоечно-балочная конструкция национального дома, рассчитанная на возможно быстрое возрождение в специфических природно-климатических условиях Японии (частые землетрясения, тайфуны).

Практика метаболистической перестройки городского образования не оказала серьезного влияния на дальнейшие попытки разрешения сложных городских коллизий. Опубликованный в 1960 г. К. Тангэ “План перестройки Токио”, предполагал на основе грандиозной пространственной метаструктуры создание города в токийской бухте, с переселением сюда 5 млн (из 10 млн) столичных жителей, и разрешение таким образом жилищной проблемы. Но несмотря на, казалось бы, найденное соединение высокой технизированности в градостроительной системе с подчеркнутой традиционностью материальных структур, воплощающих специфически японское образное восприятие мира (блоки кварталов с пространством – кайвай, располагались в косых, наклонных стенах громадных конструкций, напоминающих древние японские жилища), наиболее близкими к осуществлению оказались лишь технические части проекта, предполагавшие осушительные работы в бухте и возведение искусственных островов на сваях.

В то же время стало очевидным, что провозглашение прогрессивным и естественным динамическое и бескрайнее разрастание большого города, превращение его в мегалополитическое образование, оказалось рождением очередной грандиозной социальной утопии. Для последующих десятилетий (70–80-е гг.) характерна ориентация на средний и малый город, как резерв использования при реконструкции и в новых застройках, его типа традиционной социо-пространственной организации.

Так осуществляются попытки в той или иной степени восстановить структуры традиционного городского образования с социально-активной территорией квартала – кайвай. При этом акцент, естественно, переносится не на чистое воспроизведение старой морфологической схемы, а на максимальное возрождение соседских связей и конструирование некоего “социального содружества”, “социальной гармонии”, “равновесия” – “ва”, которые разрушает интернациональная, микрорайонная модель застройки. Реконструкция городских районов использует, например, проект восстановления компактного блока-квартала. Шесть двух-трехэтажных домов (по три напротив друг друга) образуют замкнутую систему (муко сан рёдонари), фактически восстанавливающую практику создания “соседства” – “кайвай”, характерную для старого города.

Не менее характерно и широко значимо понятие “оку” – в переводе “глубина”, в данном случае глубина пространства. Это не только задняя часть национального дома, но и внутренняя часть квартала и даже всего городского образования. “Оку” включает и отражает механизм осуществления японской концепции пространства – соединение казалось бы несоединимого – открытости и закрытости, целей иерархии пространств, соединяющихся через различные переходные структуры. Используются и

другие варианты пространственной организации и социальной практики, дающие интересные примеры действия традиционного механизма связей и контактов, достижения социального консенсуса.

Размах городской реконструкции, начавшейся в Японии во второй половине 80-х годов, отметил впервые начавшуюся за всю историю города перестройку “деревянной Японии”, т.е. традиционных структур города. Но в современных условиях это приводит не к смене модели и генетического кода города, в ориентации на интернациональную застройку и ее знаковую характеристику, как это было десятилетие назад, а к явлению гораздо более сложного плана. Основу его составляет обращение в самых разнообразных вариантах к традиционным стереотипам жизнедеятельности японца. Осуществление этого идет иначе, чем раньше, – на путях осуществления программы “качества жизни”, являющейся системой приоритетности и объединения для самых различных общественных слоев.

Стереотип социо-пространственной организации города, с формированием на самых начальных этапах развития этноса, прошел длительную эволюцию, но сущностное содержание его осталось неизменным – освоенное пространство в древности – священно, территория города, квартала, жилища имеет строгую систему оппозиций. Это дихотомия понятий “сото” – “внешнее”, “чужое” и “ути” – “внутреннее”.

Очевидная специфика пространственной организации остается неизменной в древнем, средневековом и даже капиталистическом городе Японии – в его районах с традиционной застройкой. В современном городе система социального ареала – “кайвай” и дихотомия “сото” – “ути” претерпевает некоторую модификацию, но даже реконструкция 80-х годов не только не уничтожает ее, но, наоборот, рассматривает как необходимый элемент современной социальной среды города. В градостроительных решениях, использующих традиционные архитектурно-строительные системы, обычно обнаруживается та же система оппозиций – высотное здание ставится на платформу, над улицей создается территория вокруг него (зеленая зона отдыха, паркинг и т.д.), это – “ути”, улица, наполненная транспортом – “сото”. В то же время система “сото” – “ути” – это морфологический слепок социального контекста города. Фактически это система соединения двух автономных, как пространственных так и социальных зон. В пространственной организации промежуточное звено – “ма” – улица, соединяет два морфологических ареала – квартал, объединение кварталов, в социальном контексте – институт посредничества “эн” необходим в деловых, формальных и неформальных контактах отдельных индивидуумов, семей, организаций. Этими необычайно прочными связями морфологической и социальной городской структуры объясняется превращение строгой системы кварталов феодального города в хаотическую застройку традиционной части современного японского города. Пожары – фатальное бедствие деревянного городского образования Японии ликвидировали его физическую структуру, но не могли уничтожить социальные связи, на основе которых воссоздавалась (нередко со значительно меньшей точностью) прежняя морфология городского ареала.

Определенное социально-психологическое отторжение микрорайонной застройки в послевоенном городском строительстве, несмотря на ее широкое распространение, объясняется нарушением стереотипа социально-пространственной городской организации и разрывом традиционных социальных связей.

Вместе с тем истинный смысл понятий “сото”–”ути” в социальной жизни японца гораздо глубже и сложнее, чем просто социально-пространственная организация жизненной сферы. По-существу, это уровень воспроизведения традиционного культурного опыта, принцип особенно внимательно сохраняемого и в наши дни социального конституирования мира японца в самом широком диапазоне.

Развитие урбанистической традиции является важной составляющей формирования культурного пространства города. Эволюция строительной традиции, формирование архитектурно-строительного облика города в его хронологической протяженности на примере складывания типа городского поселения, жилища, социальных ареалов городской застройки, показывают место и значение городской традиции и ее генетических форм в развитии культурного комплекса японского этноса. Рассмотрение традиции в поступательном движении в пространственно-временном континууме показывает преемственность культурной традиции, развивающуюся с древнего времени до наших дней².

¹ “Тоё кэйдзай”. 1992, август № 51 Токио (“Экономика”).

² В статье использованы материалы из следующих изданий: “Мати дзукури”. 1991. Токио (“Формирование городов”); “Дзинко сосу”. 1985, т. 1. Токио (“Общенациональные переписи населения”); “Дзинко сосу”. 1980, т. 1. Токио (“Общенациональные переписи населения”); “The уароu architect” 1968, 1970, 1989, 1990, 1992 г. Токио. (“Японский архитектор”).

ГОНДЭР – ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА ЭФИОПИИ

Э.С. Львова

История городской цивилизации Эфиопии складывалась своеобразно. В первый период (аксумское время – II–VIII вв.) на ее территории существовал ряд городов: Аксум – столица, давшая название государству; Адулис – торговый порт на побережье Красного моря; Матара, Кохайто и другие. Второй период – загвейский (по названию династии Загве), как и первые века правления Соломоновой династии (с XIII столетия) не знали городов и постоянных столиц. Его называют “эрой лагерей”: правитель вместе со своим двором кочевал по маршруту полюдья, и его временные резиденции и считались в данный момент столицей. Лишь в конце XVI в. появляется устойчивая тенденция к “оседлости” двора негуса. Вначале выделялась ставка, где он начал постоянно проводить сезон дождей (“зиму”). Новый негус создавал и новую ставку. Некоторые из них

начинали и возведение дворцов. Таковы были Дэбре Берхан при Зара Якобе (1434–1468, построен в 1454 г.), Айба-Уорега при Сарса-Денгеле (1563–1597); Данказ при Сисиннии (1608–1632).

Третий этап градостроения начинается в первой половине XVII в. С этого времени и до конца XIX в. столицей, ставшей постоянной резиденцией правителей страны, оставался Гондэр, к северу от оз. Тана. Сейчас это столица одноименной провинции, расположенная высоко в горах (ок. 3000 м над уровнем моря), площадью в 4800 га (120 "гацща") и с населением более 100 000 человек. Город был построен в 1636 г. Василидасом (1632–1667).

Старый центр города – большой дворцово-храмовый комплекс, расположенный на Гимпе – "Царском холме". Он занимает обширную территорию (около 7 га), окруженную высокой стеной каменной кладки. В стене было 12 ворот, над некоторыми из них – надвратные башни. Сейчас открыты лишь одни. Несколько правителей Эфиопии в течение более полутора столетий отстраивали его; практически каждый соорудил собственный дворец. Комплекс неоднократно разрушался. Еще в XVII–XVIII вв. он пострадал от пожаров, затем в XIX в. был разрушен махдистами, а в нашем столетии дважды подвергался бомбардировкам: сначала итальянской артиллерией, затем британской авиацией. До наших дней в целостном виде (да и то после проделанной реставрации) дошло лишь несколько зданий – дворцы Василидаса, Йоханнуса (здесь размещился провинциальный отдел Министерства культуры и спорта); императрицы Мынтуваб (ныне городская библиотека). Сохранилось и несколько сооружений за пределами комплекса (сейчас это музей), – церковь Марьям; дворец раса Микаэля Сухута, "Бани" Василидаса и рядом с ними отдельное здание (предположительно гробница), загородные монастыри Дебре Бырхан Селассие и Кускам Марьям. В городе встречаются остатки башен и стен, нередко встроенные в более поздние здания.

Гондэр – яркий пример многофункциональности города и значительной роли городских центров в развитии страны. Он послужил и катализатором, и местом объединительных процессов (и в политическом, и в этническом аспекте), развития экономических отношений (и ремесел, и торговли); культурным и религиозным центром государства. Прежде всего, он становится политическим ядром страны, олицетворением сильной централизованной власти. Здесь был сформирован сложный аппарат управления, сосредоточивались значительные отборные воинские подразделения (своеобразная "гвардия"). Так осуществлялась власть над всеми провинциями страны. Если до этого правители Эфиопии, как и короли раннефеодальной Европы, буквально (по выражению А. Блока) "не вылезали из седла", то уже Василидас, отправляя войско в сухой сезон в поход, нередко оставался в "столице своей". Именно отсюда управлялась складывающаяся обширная страна, именно отсюда рассылались приказы о назначении и смещении наместников, вельмож разного ранга: цари заботились о том, чтобы те не успели укрепиться и пресекали возможность роста центробежных тенденций. Еще Франсишку Алвариш, посетивший Эфиопию в XVI в., писал, что "царь смещает и назначает их,

когда хочет, за дело или без дела; а если за этим кроется что-то, то это тайна, потому что за то время, каковое мы оставались в стране, я видывал многих великих вельмож, смещенных с наместничества и других, назначенных на их место, и я видел их вместе, и они выглядели добрыми друзьями (бог весть их сердца)".

Гондэр, как и столицы других полиэтнических государств, стал и местом этнических контактов и смешений. Здесь амхара (шоанцы) завоевали землю оромо, куари, фалаша и др. народов. Завоевание проходило нелегко. Особенно ожесточенно сопротивлялись иудайсты фалаша, сохранявшие память о собственном государстве X в. и царице Эзато (Эдит, Юдифь). Эфиопские хроники и истории жизни гондэрских правителей полны рассказами об этих войнах. Однако, потерпев военное поражение, местные народы вливались в число подданных Гондэра. Хроника рассказывает, например, о послах оромских племен к Иясу в 1684 году: "Помилуй нас, господин наш, царь, по обычаю милосердия твоего, дабы стали мы тебе рабами и вошли сюда, в стан твой. А если нет и по воле твоей будем мы жить, где пребываем (сейчас) здесь, то будем мы твоими земляпашцами, перековав мечи свои на орала и копья свои на серпы"¹. Знатные люди из этих народов вошли в состав двора, став высшими придворными, военачальниками, советниками; нередко совершались смешанные браки на самых разных уровнях. Иясу II получил даже прозвище "куариец", по названию этноса матери. А военные отряды оромо стали составной частью государственной армии, им нередко поручались самые ответственные операции.

Немалую роль Гондэр сыграл и в религиозной жизни страны, после ожесточенной борьбы католиков (которыми были два предшественника Василидаса) и борцов "за веру отцов" – монофизитов. Город стал центром религиозной жизни, местом проведения соборов. Последние проводились нередко по инициативе не церковников, а светской власти. Здесь всегда было много церквей и монастырей (даже сейчас на 100 тысяч с небольшим жителей – более 40 соборов). Самые знаменитые, сохранившиеся с "гондэрского периода" Кускам Марьям, построенный "ычеге" (императрицей) Мынтуваб и Дебре Бырхан Селассие, возведенный Иясу I, о котором хроники писали: "И дал им в удел всю землю Кабла, возвышенности ее и долины, и Камбамба, и Сарако..."². Впоследствии они стали крупными земельными собственниками. Здесь сохранились церкви квадратные (Марьям), есть переходный тип – прямоугольник с закругленной апсидой (Дебре Бырхан Селассие) и первые круглые храмы (Марьям в комплексе Кускам Марьям) – тип, ставший господствующим до II половины XX столетия. Священники Гондэра до сей поры считают себя оплотом ортодоксальной церкви и свято соблюдают древние правила. Так, именно гондэрские священники были основными противниками в 1991–1992 гг. выборов нового "абуны" (главы церкви) вместо Меркороса, обвиненного в сотрудничестве с авторитарным режимом Менгисту Хайле Мариама на основании того, что по древним правилам абуна назначался пожизненно.

Но Гондэр изначально был не только полиэтническим, но и поликонфессиональным центром. При отце Василидасе католичество было

объявлено государственной религией. И хотя позднее этого статуса оно лишилось, и католики-иностранцы были в основной массе изгнаны из страны, но небольшая община местных католиков сохранялась, и сегодняшние католики Гондэра считают себя их потомками. Уже в XVII в. появились и первые мечети. Жили в городе и иудайсты-фалаша. При Иоханнэсе, сыне Василидаса (1667–1682) в городе появились кварталы иноверцев. "История царя царей Аэлаф Сагада" (тронное имя Иоханнэса. – Э.Л.) пишет: «Мусульманам же было сказано: "Да не живут они вместе с христианами, но отделятся и живут отдельно, устроив поселения. И да не живет с ними никто из христиан, ни раб, ни свободный, что у них на службе, ни мужчина, ни женщина да не живет с ними. Фалаша же, называемые кайла, пребывающие в вере иудейской, да не живут вместе с христианами, но да отделятся и живут отдельно, устроив поселения"»³. Это квартальное расселение сохранилось практически до наших дней. Правда, в 80–90-е годы городские фалаша практически все были вывезены в Израиль, но мусульмане по-прежнему живут в старых кварталах, вокруг мечети и городского рынка.

С Гондэром связан и культурный подъем Эфиопии. Он сказался заметнее всего в строительстве и архитектуре XVII в. Строительство было развернуто и в самом городе, и в окрестностях. Нередко сооружение всех памятников приписывалось португальцам. Действительно, и португальские, и индийские строители принимали участие в этих работах. Однако, как убедительно показал Ф. Анфрей, главным было использование местных традиций⁴. Особый "гондэрский стиль" сформировался еще за 100 лет до строительства самого Гондэра, есть сооружения такого стиля в других районах страны (не только дворцы, монастыри и замки, но и мосты, и укрепления). Характерные особенности этого стиля: темный камень как строительный материал; монументальность; многоэтажность; сводчатые или плоские крыши; внешние каменные лестницы под прямым углом к зданию; зубчатые стены; круглые конические башни; балконы; декоративные украшения из красного туфа; барельефы, изображающие человека, животных, кресты, геометрические узоры. Каменщики-исполнители – местные жители, главным образом фалаша, искусные гончары и ремесленники. В одном из залов дворца Василидаса до сих пор сохранился своеобразный автограф строителей: на белой штукатурке стены киноварью изображены окна индийского и португальско-андалузского стиля и звезда Давида.

Расцвела и фресковая живопись. Ее непревзойденный пример – роспись главного храма монастыря Дебре Бырхан Селассие (Троицы на горе Света), построенного в конце XVII в. Все стены его и потолок покрыты фресками. История церкви, ужасы ада, прелести ада, святой Георгий, распятый Христос, и над алтарем – Троица – вот темы стенной росписи. Потолок же, как и крупные балки, сплошь покрыты изображениями серафимов. Росписи сохранились (хотя местами и требуется реставрация) в том виде, как были созданы, и по хронике, рассказывающей о строительстве храма, можно точно проследить все сюжеты стенной росписи. Как правило, и строители, и художники остались анонимными. Хроники пишут так: "И все это построил Иясу руками мастеров своих".

Лишь единицы стали известны потомкам. Так, дворец Йоханнэса "возвел... мудрый разумением Вальда Георгис", а из художников известен Хайлу – "эфиопский Рафаэль".⁵

Василидас устраивал на террасе своего дворца своеобразные музыкальные состязания слугителей разных церквей и щедро награждал победителей. А его преемники приглашали бродячих музыкантов-азмари; жили в дворцовом комплексе и придворные музыканты и певцы. Давид (тронное имя Албар Сагад – 1716–1721) остался в памяти прежде всего как любитель и покровитель музыки и музыкантов. Он, по преданию, "соединил древнюю и современную музыку". И сейчас стены его дворца с двумя рядами окон (увы, лишенные крыши) показывают как первый в Эфиопии "концертный зал".

Покровителями литературы и искусств были практически все правители "гондэрского периода", но особенно Иясу (и I и II) и императрица Мынтуваб. Ими приглашались певцы, поэты, острословы, проводились на широкой открытой веранде дворца (ее называют "терраса споров") ученые беседы. При дворе появилась особая должность "цехафе-гаэзаз" – придворного историографа. Был написан целый ряд "Историй царей" и их "Житий". Созданию их придавалось большое значение. Вот как, например, открывается "История царя царей Адьям Сагада" (Иясу I): "Слушайте же все и читайте книгу сию, ибо даст она вам душу бодрую и разум твердый. Она снимает ржавчину с помышления страшящегося и удерживает, как якорь корабельный, мятущегося сердцем и сомневающегося, когда повествует, как господь, которых спасает от смерти боящихся его... Эта история вкуснее соли".⁶ В другой хронике, рассказывающей о деяниях Йоханнэса, читаем, что история "слаще меда и сахара, лучше золота и камня топаза драгоценного, ...побуждает уста вещать, а уши слушать".⁷ Остались и имена их авторов – Вальда Хайманота, Вальда Гиоргиса, Хаварья Гиоргиса, Синода, Кенфа Микаэля. Ими не только записывалась история Гондэра, но сочинялись и произведения чисто литературных жанров. Так, Синода в 1723 г. к поминкам матери правившего в то время негуса, написал элегию "Забвение печалей".

Город выступал как сосредоточие и организатор экономической жизни. Он стал крупным ремесленным центром. Здесь были кварталы ремесленников: кожевников, гончаров, портных, ювелиров, оружейников. Местные кузнецы (чаще всего фалаша) славились как лучшие мастера по изготовлению щитов (которые укреплялись и украшались металлическими кругами и полосами) и ковке копий. Тяжелые серебряные украшения – работа местных ювелиров – ценное приобретение для любого современного музея. Наиболее интересные их работы – кованые многоярусные короны правителей, украшенные резьбой по металлу и драгоценными камнями. Из серебра изготовляли и имеющие хождение еще и сейчас цилиндрики-обереги на цепочках: в них вкладывали написанные на пергаменте, а затем на бумаге цитаты из Библии или изречения из Корана и носили на шее. Знаменит Гондэр гончарами. Из светлой глины они делали горшки для воды и зерна (вмещающие от 0,5 до 8 литров); из черной – посуду, чашечки и кувшины для кофе, подсвечники и

т.п. Из серебра и золота делали церковную утварь. Хроника о строительстве храма Дебре Бырхан Селассие рассказывает о чашах и кадильницах, кувшинах, чашах для омовения рук, венцах и крестах золотых.

В Гондэре сложился и крупнейший рынок, как городской, так и придворных купцов. Последние занимались широкой внешней торговлей. Среди них были и местные уроженцы, и чужеземцы – египтяне, индийцы, португальцы, армяне, действовавшие в течение не одного столетия. Хроника, посвященная жизни Иясу, рассказывает: "Был... человек, купец египетский, много лет торговавший по морю в стране египетской, и сирийской, и индийской, по имени Мурад. И привозил он много различных прекрасных одеяний и добра со всеми купцами, начиная со времени государя Алам Сагада и государя Аэлаф Сагада и до сего времени"⁸.

По хроникам и описаниям европейцев, побывавших в Гондэре того времени (Ф. Понсе, Дж. Брюса) видно, как год от года росла роскошь дворцов, как все больше иноземных товаров появлялось в Гондэре. Аскетичный строгий стиль дворца Василидаса сменился более пышным во времена Иясу I, а особенно Иясу II и Мынтуваб. О дворце Иясу I пишут: "А из чертогов его царских одни были возведены с украшениями золота червонного и серебра чистого, а другие расписаны красками заморскими цвета разного", "А все стены были в зеркалах заморских, чистых и отражающих, и видели себя все люди стана ясно. А еще растелены были внутри ковры заморские, дорогие и многокрасочные. А еще была башня, построенная из изразцов заморских".⁹ Дворец Иоханнэса был украшен "слоновой костью" с тронном эбеновым; его паланкин – "одр носильный" имел "столпцы из серебра", а локотники из золота"; престол был сделан из слоновой кости и дерева кипарисового, "и сделана была кровля престола из кости слоновой и дерева кипарисового, а на ней – пять шаров золотых. Ни в каком царстве нет ничего подобного", – не мог удержать восхищения хронист.¹⁰ Во дворце Мынтуваб, помимо подобной же роскоши, был и паркет из розового палисандра, богато инкрустированного слоновой костью.

В Гондэр стекались заморские товары и дань со всех покоренных земель. Уже Василидас был вынужден построить для сокровищницы отдельное здание. Правители Гондэра способствовали сосредоточению в руках гондэрских купцов, а затем и двора монополии торговой и таможенной. Одно из самых значительных деяний в этом направлении – установление единой пошлины, особенно на соль. Этим достигались, как показал С.Б. Чернецов, как экономические, так и политические цели.¹¹ Этим указом Иясу от 1698 г. ослабились силы регионов, где либо вообще запрещалась торговля ("И да не ходят купцы дорогами Ластва, неся соль или что иное"),¹² либо возбранилось взимать пошлины. Но усиливался Гондэр, получая и пошлины, и возможность пользоваться дешевой солью, а затем и перепродавать ее.

Таким образом, Гондэр показывает пример организующей функции города (особенно столичного) во всех областях социокультурного процесса.

¹ Эфиопские хроники XVII–XVIII вв. М., 1989. С. 82.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 12.

⁴ Anfray Fr. Les monuments gondariens des XVII–XVIII siècles // Proceedings of the VIII International Conference of Ethiopian Studies. Addis-Abeba, 1984. Vol. 1. Addis-Abeba, 1988. С. 9–24.

⁵ Бартицкий А., Мантель-Нечко И., История Эфиопии, М., 1978. С. 222.

⁶ Эфиопские хроники XVII–XVIII вв., М., 1989. С. 198–199.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Там же. С. 145–146.

⁹ Там же. С. 261.

¹⁰ Там же. С. 68.

¹¹ Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия XVII в., М., 1990. С. 276.

¹² Эфиопские хроники XVII–XVIII вв. М., 1989. С. 169–170.

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ ГОРОДА ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ (по материалам доколониальных "городов-государств" Верхнегвинейского побережья)

Д.М. Бондаренко

В мировой науке господствует взгляд на возникновение городов, в частности так называемых "городов-государств", как на признак перехода общества в принципиально новое качественное состояние – от "варварства" к "цивилизации" или – в отечественной науке – от первичной формации ко вторичной. Однако в последнее время все чаще высказываются иные точки зрения по вопросу о стадийной обусловленности появления городов. При этом, к сожалению, редко анализируется африканский материал. Я же обращусь к городам Верхнегвинейского побережья – Бенину и городам йоруба (современная юго-западная Нигерия), возникшим в XI–XIV вв. и бывшим центрами социального и потестарно-политического развития соответствующих социумов. Все этапы иерархической структуры этих обществ скрепляла община как основополагающий, базовый социальный институт, отражая и выражая суть исследуемых социумов. Доминировали общинные по характеру связи и отношения. На этом зиждилась их цельность, гомогенность, некий континуитет как "по вертикали" – сугубо социальный, так и взаимосвязанный с ним "по горизонтали" – форм пространственной организации социумов, деревенской и городской.

Последнее, в частности, становится очевидным при рассмотрении города Бенина, истории его возникновения и возвышения, характера, производственной и общественной организации. Возник он, вероятно, в XI в. в результате демографического, экономического и вызванного им территориального роста соседних общин, приведшего к их слиянию.¹ Произошло это на сравнительно небольшой незаселенной части региона, что в условиях завершения именно к этому времени перехода к

земледелию и с учетом высокой плотности населения уже в то время ограничивало необходимость и возможность миграций.

В дальнейшем, между XIII – серединой XV вв., город обрел свои специфические атрибуты – стены, валы, рвы, но, будучи целостностью пространственной² и культурной, никогда не представлял собой единства социального³: он оставался расчлененным на кварталы, занимавшиеся общинами и домохозяйствами, в которых проживали составлявшие общины большие семьи. То есть социальная организация города была однотипна и подобна деревенской, как и сами общины и большие семьи. В отличие от классического средневекового европейского города, где люди существовали в наибольшем числе как правило добровольных ассоциаций, в Бенине и городах йорубы сохранялся общинный принцип изначальной закреплённости за индивидом его социальной роли и места. Но именно такова специфика структуры предгосударственного города, проявляющаяся в том числе в его планировке и архитектуре⁴. И "нет свидетельств, что тогдашняя модель городской жизни вела к ослаблению линиджа или создавала повышенную мобильность" горожан на Верхнегвинейском побережье⁵. Таким образом, город как бы воспроизводил в миниатюре социальную организацию общества как организма-системы общин и связей внутри них и между ними, так же, как будучи в представлениях африканцев центральной точкой Мироздания, содержащей в себе "суперточку" – дворец верховного правителя, город воспроизводил одновременно и его организменно-системную организацию. Города отражали также в своей планировке и архитектуре особенности властных структур и их эволюции⁶.

В связи с вопросом об однотипности и внутреннем подобии города и деревни в Бенине и у йоруба следует обратить внимание на то, сколь показательно с этой точки зрения протекал процесс возвышения городов. Так, в Бенине процесс роста и пространственного объединения общин протекал одновременно в разных частях страны и приблизительно в одно и то же время возникло десять⁷ протогородских центров притяжения деревенской округи. Но в предгосударственном обществе не может быть более одного города, "город-государство" – его практически универсальный стадийный тип. Потому между протогородскими центрами началась борьба за монопольное обладание функцией административно-потестарного центра всего общества, борьба, исход которой мог быть двояким: либо победа одного из центров и объединение всего общества вокруг него, либо распад единого общества на несколько меньших, каждого со своим центром. В Бенине реализовался первый вариант, у йоруба – второй. Однако оба эти процесса длительные: в Бенине, например, борьба одноименного города с самым сильным соперником – Удо окончательно завершилась лишь в начале XVI в.,⁸ хотя лидерство Бенина вывильось, похоже, изначальное.

Показательна же дальнейшая судьба Бенина и протогородских центров, потерпевших в борьбе с ним поражение: поскольку не могло существовать не только более, но и менее одного города – деревня не способна в процессе становления государства выполнять функцию "стягивающего" административного и религиозно-культурного центра, первый

превратился в полноценный город, вторые же, включая Удо, с протогородского опустились на уровень больших деревень⁹. Процесс градообразования оказывается, таким образом, обратимым на его ранней стадии именно в силу сущностно важной принципиальной структурной однородности предгосударственных города и деревни. В случае поражения в борьбе за функциональное соответствие статусу предгосударственного города, структура всецело торжествует над необретенной, свойственной исключительно городам и формирующей их функцией, и протогород скатывается с высот, на которых так и не смог закрепиться.

Но сущностная однотипность и подобие предгосударственных города и деревни, специфика предгосударственного города вообще не исчерпываются тождественностью социальных структур. Города в рассматриваемом регионе являлись "территориально-родственными земледельческими общинами"¹⁰. Их важнейшая характерная черта – занятость подавляющего большинства жителей в земледелии. Нет оснований утверждать, что, подобно городам античности, поля в них являлись частью городской территории, в Бенине, например, некоторые семьи имели наделы далеко от города и переселялись туда на весь период земледельческих работ,¹¹ однако участки горожан были отделены от участков жителей деревень рвами и валами¹². Хотя соотношение земледелия с ремеслом в городе было, вероятно, несколько иным, нежели в деревне, ничто не указывает на то, что, подобно Древнему Риму, большая семья бенинских и йорубских горожан делилась на две части – городскую и сельскую, обеспечивавшие друг друга соответственно ремесленными изделиями и продовольствием. Очевидно, что на Верхнегвинейском побережье земледелием и ремеслом занимались преимущественно одни и те же люди.

Факт занятости горожан в земледелии остается "камнем преткновения" для ученых, и те из них, кто считает определяющим признаком города незанятость его населения в сельскохозяйственном производстве, вообще нередко не признают таковыми города рассматриваемого региона. Но представляется¹³, что правы все же авторы, обращающие внимание на сочетание в них в определенных формах земледелия с ремеслом, а также торговлей, создающих тип традиционного доиндустриального города¹⁴. И вообще вне всякого сомнения следует пересмотреть классический постулат и признать, что "выделение ремесла из сельского хозяйства нельзя относить к числу непосредственных причин градообразования, – наоборот, градообразование послужило катализатором этого процесса"¹⁵. В то же время, раз город еще не отделился от деревни, нет возможности говорить о существовании классового, то есть государственного в полном смысле слова общества, стратифицированного не на половозрастных, а на социально-экономических принципах. Городское землевладение существовало, например, и в средневековой Европе, но там, в отличие от Африки, оно не было условием обладания горожанином определенным социальным статусом. В Бенине же и у йоруба сохранялся важнейший принцип доклассового общества – прямая зависимость наличия или отсутствия земельного участка от принадлежности человека к общине.

Влияние города на все стороны общественной эволюции, как извест-

но, всегда больше удельного веса горожан в населении страны. Но и его оказалось недостаточно, чтобы у бенинцев и йоруба, хотя бы в самих городах совершился переход к классовым отношениям, территориальной организации социума, гражданскому обществу, что позволило бы говорить о бенинском и йорубских государствах в полном смысле слова, а не об обществах, где лишь существует соответствующего типа административный аппарат, но не общественно-экономическая система, и которые я предпочитаю называть "позднепотестарными"¹⁶. Бенин и города йоруба, как и данные общества в целом, были позднепотестарными, чей характер определяли общинные социальные структуры, существование которых поддерживалось теми же идеологическими подпорками, что и в деревенской округе¹⁷.

Отсутствие внеобщинных форм социальной организации было напрямую связано и с полным доминированием общинного способа производства, как в городах, так и в деревнях, как в земледелии, так и в ремесле. Природно-климатические условия позволяют практиковать в регионе только мотыжное земледелие, а задачам по занятию им адекватен вполне определенный тип социальной организации – общинный в форме родовой (Меланезия) или большесемейной (Верхняя Гвинея), в том числе в рассматриваемых городах, поскольку их жители также были земледельцами. Притом существование общины и полное доминирование общинного способа производства в таких условиях оказывается оправданным на длительную историческую перспективу, что само по себе не исключает появление классов, государственных отношений на стыке общин друг с другом и с надобщинными институтами: в процессе становления государства община не разлагается, как принято считать, а вплоть до наступления индустриальной эры в большинстве случаев адаптируется и трансформируется; разложение общины нельзя считать предпосылкой, тем более важнейшей, становления классов и государства.

Бенинцы же и йоруба – типичные представители хозяйственно-культурного типа подсеčno-огневых мотыжных (ручных) земледельцев жаркого пояса. Выращивание различных сортов ямса и масличной пальмы, а также целого ряда других культур было не только экономической, но и культурно-хозяйственной основой бытия каждого бенинца или йоруба, всего его общества.

Организация же городского земледельческого и ремесленного производства была различна. В земледелии основная его ячейка у горожан и у жителей деревень совпадала – это была классическая для большесемейной общины структура, названная Р.И. Брэдбери, изучавшим Бенин, "земледельческой группой"¹⁸. Из того, что она собой представляла, становится очевидным также и характер кооперации и разделения труда в большой семье и общине, все мало-мальски трудоспособные члены которых входили в ту или иную земледельческую группу и принимали участие в сельскохозяйственном производстве¹⁹: "земледельческая единица – группа лиц, которые обычно кооперируются при обработке одной и той же земли и имеют долю в произведенном продукте (то есть кооперация регулярна и обязательна). Она как правило мала и в общем (но далеко не всегда)²⁰. – Д.Б.) соответствует малой нуклеарной или полигамной семье,

включая любые другие зависимые от главы семьи лица. Нуклеарная или полигамная семья, состоящая из мужчины и его жены или жен и детей, образует первичную ячейку экономической кооперации и социальной солидарности²¹. Разделение труда внутри земледельческой группы, как в большой семье и общине в целом, и в середине нынешнего столетия оставалось сугубо половозрастным²². При этом, помимо взаимопомощи земледельческих групп одной большой семьи, существовали и межсемейная взаимовыручка, и работы, выполнявшиеся всей общиной. Взаимовыручка поощрялась общественной моралью, отразившейся в фольклоре²³. Таким образом, в середине XX в. мы застаем общину в рассматриваемом регионе на достаточно ранней стадии перехода от большесемейного типа к соседскому. Есть основания полагать, что и социальная, и соответственно производственная организация бенинцев и йоруба в прежние времена имела еще более архаичный характер, но в данный момент наиболее важно обратить внимание на другое: то, что даже такая форма организации производства, хорошо вписываясь в рамки так называемого "социального" типа производительных сил, не подрывает непосредственно общинные устои социумов, не изменяет большесемейный характер их общин.

В городском же ремесле, в отличие от сельского, основной производственной ячейкой следует считать большую семью в целом, по отношению к которой подчиненное положение занимали земледельческие группы горожан. То есть в ремесле, в отличие от земледелия, производственная структура была совершенно идентична социальной, что и определило характер ремесленных объединений в Бенине и городах йоруба. Некоторые из них уже к приходу европейцев (конец XV в.), несмотря на неотделенность ремесла от земледелия, были уже достаточно крупными центрами процесса становления профессионального ремесла.

Хотя основой городского ремесленного производства была большая семья, те или иные ремесла практиковались и развивались все же в рамках городских общин, населявших кварталы, а не их подразделений – больших семей, владельцев домохозяйств. Возникающее при переходе от позднепотестарного общества к государству противоречие между общинным и большесемейным производством²⁴ в доколониальных обществах бенинцев и йоруба еще не выявилось. При этом ремесленные объединения в их городах обычно называют "цехами" или "гильдиями". Однако в большинстве городов, в наиболее крупных ремесленных центрах из них только к приходу европейцев был достигнут обрисованный в его социоисторической динамике Э. Дюркгеймом промежуточный этап специализации ремесла – на уровне не индивидов, но традиционных социальных единиц. Однако на этой ступени в силу особой устойчивости, фундаментальности, базисности общинной организации в бенинском и йорубских социумах она осталась практически до наших дней. Но если согласиться с тем, что "рост разделения труда происходит... от того, что социальные сегменты теряют свою индивидуальность, что разделяющие их перегородки становятся более проницаемыми, словом, между ними происходит сращивание, делающее социальное вещество

свободным для вступления в новые комбинации"²⁵, следует признать, что, хотя города рассматриваемого региона и находились на промежуточном этапе этого процесса, в социальном плане они все равно представляли собой явление более прогрессивное, пусть в какой-то мере и менее органичное, нежели деревня.

В сложении ремесленных объединений в этих городах большую роль сыграла деятельность верховных властей, часто насаждавших их сверху. В ремесленных объединениях бенинцев и йорубе, как правило, практиковалось лишь одно ремесло, профессиональные навыки передавались из поколения в поколение, и человек не имел права заниматься ремеслом не своей общины. Причем ремесла делились на "мужские" и "женские" (тоже своего рода естественное, а не общественное – на "высокие" и "низкие" – деление), а следовательно, могли в известных пределах различаться и внутриобщинные отношения, и соотношение престижной значимости для них ремесла и земледелия. Но в любом случае торжествовали мужчины: с одной стороны, их высокий статус во многом основывался на их ведущей роли в земледелии, а с другой, наиболее престижные ремесла, например, в Бенине – связанные с двором верховного правителя бронзовое литье, резьба по кости, охота на слонов и леопардов, некоторые другие, были чисто мужскими.

Во главе же социально-производственных объединений стояли, естественно, лидеры общин, а их подразделениями – большими семьями – руководили главы последних. Производственные вопросы, таким образом, не выделялись особо среди других, общих для членов коллектива, существовали, рассматривались и решались в их контексте, а человек обретал право принимать в этом участие в зависимости от своего места в общественной, но не производственной иерархии, которое просто автоматически соответствовало ему.

В одной из своих предыдущих работ я, как кажется, смог показать неправомочность отождествления такой организации ремесленного производства с цеховой²⁶. В настоящей статье повторю лишь, что на Верхнегвинейском побережье структура ремесленных объединений была неотделима от структуры кровнородственных объединений, положение которых в обществе зависело от их связей с землей, а не с ремеслом, тогда как в классических цехах Западной Европы людей объединяли связи экономические, территориальные. В ремесле у бенинцев и йоруба господствовали возрастное разделение труда на уровне каждого отдельного профессионально-родственного объединения и половое – на уровне производства в целом, то есть общинные по сути, доклассовые отношения.

Гораздо больше сходства у профессионально-родственных объединений народов Верхней Гвинеи с ремесленными группами Шумера и других древневосточных обществ, что отметил Ю.М. Кобищанов. Прав этот ученый и называя их "протокастами"²⁷. Именно в направлении каст эволюционировали в доколониальные времена группы африканских ремесленников. "Тенденция к формированию каст так же присуща феодализму, как и сословные деления, но она в общем еще древнее"²⁸, однако, в частности, на Верхнегвинейском побережье полностью не сложились и они²⁹,

будучи, как и сословия и классы, также формой общественного разделения труда. И то, что, хотя городские общинно-родственные коллективы выступали одновременно как и земледельческие, и ремесленные, и торговые, окружающими они воспринимались уже в первую очередь как общины гончаров, ткачей и т.д., свидетельствует о протекании в бенинском обществе процесса общественного разделения труда, но в то же время – о его незавершенности и эволюции именно в направлении кастогенеза.

В наше время действительно можно говорить о существовании в городах некоторых народов Верхнегвинейского побережья, в том числе йоруба, ремесленных цехов³⁰, но основная форма организации ремесленного производства, существовавшая в исследуемых городах в прошлом, характерна для завершающей фазы первобытной стадии³¹. Подобные ремесленные объединения не были замкнуты сами на себе, но рынок в экономическом смысле слова не сложился, как не сложились в городе сословия – один человек совмещал в своем лице земледельца, ремесленника и часто торговца. Таким образом, еще раз подчеркнем, что говорить о существовании необщинных форм производства и социальной организации в доколониальных Бенине и городах йоруба не приходится.

Предпринятый же анализ убеждает, что именно на стадии разложения первобытного строя, на его последней, позднепотестарной фазе, а не в уже государственном в полном смысле слова – классовом обществе возникают города. Более того, "города-государства" – практически универсум в историческом процессе. При относительной неразвитости в ту эпоху общественного производства, средств коммуникации, необширности информационной сети и т.д. – территориальная не по признаку родства, а по квазитерриториальному или, общинно-территориальному принципу – организация большого пространства была невозможна. "Город-государство" представлял собою предел возможностей в ту эпоху хозяйственной, социально-политической и культурной общинно-государственной интеграции³².

Эволюция же "городов-государств" заключалась в разрастании их округа, превращении за счет войн и торговли в "империи" с соответствующей трансформацией их административной системы и социальной структуры в сторону сложения сословий, классов, то есть государственного общества, каковым "город-государство" сам по себе не является, почему я и предпочитаю называть их "позднепотестарными городами"³³, показывая, что они существуют еще в догосударственную в социальном отношении эпоху. Как известно, в виде исключений, города-государства существуют и в последующие эпохи (города Ганзы, Италии и другие), но они уже имеют характер практически исключительно – территориальной общности. Города же предклассовой, догосударственной эпохи сохраняют общинную суть, хотя именно в них формируется государственный административно-управленческий аппарат, но не территориальная организация и неполо-возрастное социальное деление общества, что и отличает, по моему мнению, государство в полном смысле слова, государственное общество.

- ¹ Бондаренко Д.М. Производственная и социальная организация городов Йоруба и эдо (бини) в "предъвропейский" период (XIV–XV вв.) // Сов. этнография. 1991. № 4. С. 109; Кларк Дж.Д. Доисторическая Африка. М., 1977. С. 206; Кочакова Н.Б. Рождение африканской цивилизации. Ифе. Ойо. Бенин. Дагомея. М., 1986. С. 76; Connah G. The Archaeology of Benin. Excavations and Other Researches in and around Benin City, Nigeria. Oxford, 1975. P. 249; Darling P.J. Emerging Towns in Benin and Ishan (Nigeria) // State and Society: The Emergence and Development of Social Hierarchy and Political Centralization. L., etc., 1988.
- ² Connah G. Archaeology in Benin. P. 33.
- ³ Бондаренко Д.М. Указ. соч. С. 112.
- ⁴ Eluyemi O. Thirty Years of Archaeology in Ife // Нигерия: 30 лет независимости. М., 1990. С. 85; History of West Africa. L., 1976. Vol. 1. P. 242; Lloyd P.C. Yoruba Land Law. L., etc., 1962. P. 54; Mabogunje A.L. Yoruba Towns. Ibadan, 1962. P. 6–8; Ср., например: Гуляев В.И. Экология и урбанизм в доиспанской Мезоамерике // Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988. С. 164; Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992. С. 274–277.
- ⁵ Vascom W. Urbanisation among the Yoruba // Cultures and Societies in Africa. N.Y., 1960. P. 262.
- ⁶ African Art as Philosophy / Ed. by D. Fraser. N.Y., 1974. P. 71–72.
- ⁷ Darling P.J. Op. cit. P. 127.
- ⁸ Bradbury R.E. The Benin Kingdom and the Edo-Speaking Peoples of South-Western Nigeria. L., 1957. P. 20; Egharevba J.U. A Short History of Benin. Ibadan, 1960. P. 27–28; О борьбе Бенина с другими протогородскими центрами см. также: Darling P.J. Op. cit. P. 129–131; Egharevba J.U. Benin Law and Custom. Port Harcourt, 1949. P. 90; Idem. A Short History of Benin. P. 11–12, 85; Sidahome J.E. Stories of the Benin Empire. L.; Ibadan, 1964. P. 164–196.
- ⁹ Talbot P.A. The Peoples of Southern Nigeria. A Sketch of Their History, Ethnology and Languages with and Abstract of the 1921 Census. L., 1926. Vol. 1. P. 160.
- ¹⁰ Кочакова Н.Б. Указ. соч. С. 252.
- ¹¹ Egharevba J.U. Benin Law and Custom. P. 67.
- ¹² Elliott K. Benin. L.; Cambridge, 1973. P. 14.
- ¹³ Бондаренко Д.М. Указ. соч. С. 113.
- ¹⁴ Дискуссия см.: Африканский город. Критический обзор зарубежных концепций. М., 1979. С. 18–22; Coquery-Vidrovitch C. The Process of Urbanization in Africa (From the Origins to the Beginning of Independence) // African Studies Review. 1991. Vol. 34, N 1. Исторические факты подтверждают такой вывод, в том числе, вопреки мнению Н.Б. Кочаковой (Кочакова Н.Б. Указ. соч. С. 252), в отношении Бенина (Onokerhoraye A.G. Urbanism as an Organ of Traditional African Civilization. The Example of Benin, Nigeria // Civilization. Vol. 25, N 314). По словам К. Маркса, вся "классическая древность" была историей "городов, основанных на земельной собственности и земледелии" (Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. Критика политической экономии (Черновой набросок 1857–1858 гг.) // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 46. Ч. 1. С. 470).
- ¹⁵ Сазонова Н.Е. К вопросу о сложении города // ВДИ. 1988. № 2. С. 62.
- ¹⁶ Бондаренко Д.М. К вопросу о соотношении классогенеза и политогенеза в процессе становления государства // У Всесоюз. конф. африканистов. Тез. докл. и научн. сообщения. М., 1989. Вып. 2. С. 110.
- ¹⁷ См.: Da Hajar F. Relazione sulla missione al Benin del 1651 // V.A. Salvadorini. Le Missioni a Benin e Warri nel XVII secolo-La relazione inedita di Bonaventura da Firenze. Milano, 1972. App. 2. P. 249.
- ¹⁸ Bradbury R.E. The Benin Village // R.E. Bradbury. Benin Studies. L., etc. 1973. P. 150–151, 153–154.
- ¹⁹ Egharevba J.U. Benin Law and Custom. P. 69.
- ²⁰ Bradbury R.E. The Benin Kingdom. P. 28.
- ²¹ Idem. The Benin Village. P. 150–151, см. также P. 153.
- ²² Ibid. P. 154.
- ²³ Butcher H.L.M. Four Edo Fables // Africa (L.). 1937. Vol. 10, N 3. P. 346–349.

- ²⁴ Ляпустин Б.С. Место и роль семейного ремесла в структуре древнеримской экономики // ВДИ. 1992. № 3. С. 65.
- ²⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Э. Дюркгейм. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 21, 174, 179.
- ²⁶ Там же. С. 239.
- ²⁷ См.: Бондаренко Д.М. Производственная и социальная организация городов...
- ²⁸ Кобищанов Ю.М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М., 1982. С. 157, 159.
- ²⁹ Он же. Значение комплекса полюдья в истории Африки. Дис. ... докт. ист. наук. М., 1992. С. 194.
- ³⁰ Африканская деревня вчера и сегодня. Традиционные и современные формы хозяйства. М., 1987. С. 21. Ср., например: *Sinha S., Dasgupta B.K., Banerjee H.N.* Agriculture, Crafts and Weekly Markets of South Manbhum // Bulletin of the Anthropological Survey of India. 1961. Vol. 10, N 1. P. 37–132.
- ³¹ *Lloyd P.C.* Craft Organization in Yoruba Towns // Social Change in Colonial Situation. N.Y. etc., 1966. P.383, 390–397.
- ³² Вайнхольд Р., Рабинович М.Г. Ремесленники // Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. Вып. 1. С. 170.
- ³³ Павленко Ю.В. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 181.
- ³⁴ Бондаренко Д.М. К вопросу о соотношении... С. 110.

КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ГОРОДА И ГОРОДСКАЯ СРЕДА

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО: ДОМ, ГОРОД, ОБЩЕСТВО

Г.С. Кнабе

Непосредственно история дана нам как совокупность человеческих поступков, и поэтому для понимания ее первостепенно важны стимулы этих поступков – регуляторы общественного поведения. Они могут быть двух родов; назовем их регуляторами первого и второго порядка. Регуляторы первого порядка – те, что прямо связаны с выживанием человека и действуют на него извне, как некоторые объективные силы. Таковы регуляторы экономические и правовые.

Человек должен что-то производить, приобретать, добывать, регулируя при этом свое поведение по нормам, которые в данном обществе приняты. Точно так же обстоит дело и в государственно-правовой сфере: жизнь человека в обществе регулируется нормами и законами и, хотя в идеале гражданин как член общества, участвует в их создании, непосредственно они даны ему как нечто внешнее, чему он должен подчиниться.

Именно этим "внешним" своим характером регуляторы общественно-исторического поведения первого порядка в корне отличаются от регуляторов второго порядка. Последние основаны на интериоризации общественных процессов и выступают не столько как проявления внешнего принуждения, сколько как содержание сознания. Так, каждая эпоха представляет себе категории времени, пространства, собственности, власти, права, семьи, по-своему, и эта особенная, лишь данному обществу присущая система представлений, или, как иногда принято ее называть, "картина мира", оказывает существенное влияние на мировосприятие, на сознание и, следовательно, на поведение людей.

Время, например, издавна существовало в человеческом сознании в двух обликах: циклическом и линейном; и нам сейчас трудно себе представить, какой трагический слом в сознании и культуре, был сопряжен с переходом от уютного, размеренно и спокойно возвращающегося ненапряженного циклического времени к времени линейному. "Циклический

человек" жил в мире возвращающихся приливов и отливов; каждую весну с пробуждением природы он закладывал основы урожая, который должен был спасти его на следующий год; каждую осень собирал плоды трудов своих, каждую зиму вместе с природой как бы погружался в сон. Цикл этот перебивался некоторыми событиями личной жизни, тоже, впрочем, обычно вписанной в нерушимый природный ход вещей. Линейное время – это время истории, которая, неуклонно развиваясь, стремясь вперед, каждый день ставит человека перед чем-то новым и неожиданным, перед необходимостью бороться, защищать свое достоинство, свое племя, от кого-то обороняться, или кого-то завоевывать, и потому требует постоянного колоссального сосредоточения духовных и материальных сил.

Бессознательным сопротивлением этике линейного времени объясняется низкий уровень производительных сил некоторых древних обществ, восприятие труда как тяготы, которой надо по возможности избегать. Поэтому же у древних народов столь щедро выделялись в году дни, в которые запрещалась производственная, военная, государственная деятельность, другими словами – периодически табуировалась цивилизация и обнаруживалось стремление вернуться в исходное природное бытие – в до-линейное циклическое время. В наши дни в качестве таких интериоризированных регуляторов общественного поведения второго порядка выступают социальная психология, престиж, мода.

Попытаемся сосредоточиться лишь на одном из таких регуляторов – на архетипе внутреннего пространства в его опосредованности пространством внешним. Термин архетип был, если не предложен, то насыщенный новым содержанием швейцарским психологом и культурологом Карлом-Густавом Юнгом в начале нашего века. Архетип для Юнга – это структурный элемент психики, который возник в примитивном мире первобытного человека и изначально нашел себе выражение в его мифологии, Юнг был убежден, что такого рода архетипы живут в каждом из нас до сих пор, "являются неоспоримым общим наследием всего человечества", и что основу человеческой психики, следовательно, составляют некоторые древние образы, с которыми мы знакомы по мифологемам и отчасти – по сновидениям. "То, что мы называем психикой, – писал Юнг, – ни в коем случае не тождественно сознанию и его содержанию": сознание опирается на реальный жизненный материал, тем самым входит в сферу так называемой дневной логики и допускает непосредственную верификацию, то есть проверку истинности каждого представления с точки зрения соответствия его опыту; архетипы же живут в глубинах коллективного подсознания и опираются на бесконечно архаический и примитивный, а не на актуальный общественный и культурный опыт. Однако, кроме специального значения, которое ассоциировал со словом "архетип" сам К.-Г. Юнг, термин этот приобрел сегодня и более широкий историко-культурный смысл. Дело в том, что в сознании коллектива и в сознании личности обнаруживается некоторый фонд представлений, которые опираясь на генетическую память и не соответствуя актуальному эмпирическому опыту или даже прямо противореча ему, в то же время возникают не столько из архаических пластов коллективного бессознательного, сколько как результат примитивно-архетипических связей или в

дополнение к ним, а подчас и вне прямой связи с ними. Ограничимся двумя примерами.

В древнем Риме в начале империи на одного жителя приходилось 600–900 литров воды в сутки (в Москве и в Нью-Йорке сейчас около 500, в Петербурге начала века – 200), так что обеспечение ею граждан не представляло никакой проблемы. Тем не менее, разрешение на проведение воды в дом было сложнейшей процедурой, всячески затрудненной: следовало обращаться к императору, император передавал просьбу отпущеннику, который ведал этим участком хозяйства, отпущенник советовался с распорядителем водопроводов, а это был сенатор, вельможа, по положению – член Совета принцепса, и тогда, учитывая все, давалось, а чаще и не давалось, разрешение. Такой характер процедуры объясняется чисто архетипическими навыками мышления. Снабжение водой искони было условием существования самодостаточного сельского хозяйства, того, что в Риме называлось "вилла", а в городах зависело от способности общины сохранить запасы питьевой воды на случай осады. В начале империи семейный особняк в Риме, так называемый домус, не имел уже с виллой ничего общего, его хозяин не вел в городе никакой обработки земли, а о вероятности осады Рима врагами и говорить не приходилось – ближайшая граница проходила за сотни миль. Но водоснабжение мыслилось не как часть окружающей эмпирической реальности, а в категориях архаической стилизации, на основе архетипов "гражданин – всегда землевладелец", "город – всегда община, противостоящая остальному, враждебному, миру". Исходя из них и надо было беречь воду, хотя решительно никаких практических причин для этого не было.

В число таких глубинных архетипов входит и образ внутреннего пространства. Если подопытное животное выпустить в новое для него закрытое помещение, оно прежде всего obeжит его по периметру, обнюхивая все, что в нем есть. Биологи называют такое поведение исследовательским инстинктом: у любого живого существа есть потребность убедиться в том, что закрытый объем, в котором оно оказалось, не таит опасности и представляет собой "спокойное" внутреннее пространство. В ряде языков существуют разные слова (а, следовательно, и отдельные понятия) для обозначения дома как строения и дома как обжитого внутреннего пространства. Есть, например, английская пословица "men make houses and women make homes" – "мужчины строят дома, а женщины создают очаг". В древнем Риме была распространена старинная формула, согласно которой магистрат должен был проходить службу *domi et militiae*. Здесь ясно противопоставлены пространственные представления с их характерными обертонами: *militiae* значит в легионах, на границах, вне Рима, то есть в сфере напряжения и опасности; *domi* – дома, "у себя", не выезжая за пределы родной общины и за пределы священной ограды города, внутри которой гражданин находился под покровительством богов. Иногда такое различие приобретает очень тонкий характер, как, например, при противопоставлении во французском языке выражений *à la maison* и *chez soi* (или *chez lui*). *Il est à la maison* означает лишь, что он находится внутри того дома и той квартиры, в которой живет; *il est chez lui* – он находится у себя, то есть в некотором привычном обжитом

пространстве; для французского сознания это не одно и то же.

В истории искусства внутреннее пространство нередко противопоставляется внешнему как культурно обжитое, генерирующее сложный спектр комфортных эмоций. Если в живописи Ренессанса, например, интерьер обычно не акцентирован, за широкими оконными проемами видны улицы города или фантастический пейзаж и в мышлении художника оппозиция внутреннего и внешнего вообще мало ощущается, в голландской живописи XVII в. обжитой, бытовой, человеческий характер интерьера чаще всего подчеркнут, выступает как ценность и в имплицитном противостоянии внешнему миру определенным образом структурирует восприятие действительности. Можно сослаться и на более близкие по времени примеры. Зрелое творчество А. Тарковского образует как бы единую эпопею, и единство ей придает мотив дома, как лирически переживаемого внутреннего культурного пространства, в которое – благотворно или разрушительно – вторгается пространство внешнее – большой, чужой и новый мир. Отсюда – пожар дома как некоторый архетип культурной катастрофы – мотив, проходящий через творчество режиссера от "Зеркала" до "Жертвоприношения", затопление дома в последних кадрах "Соляриса", двусмысленность образа дома в "Зеркале". Само воздействие фильмов Тарковского основано на том, что архетипы дома, огня, воды дремлют в подсознании зрителя и оживают в художественной ткани картины. Язык архетипов отчетливо выступает здесь как язык искусства, а тем самым и как язык культуры.

Последнее положение действительно не только для сферы художественного вымысла, но и для вполне реальных исторических ситуаций. «Наше национальное возрождение в прошлом веке началось со сбора фольклора – говорил эстонский социолог в интервью, опубликованном в журнале "Дружба народов" (1991, № 2), – можно сказать, что наша вера – в нашем языке, и потому для эстонца защита языка это защита святого места. Все это во многом подсознательно связано с таким понятием, как kodu, дом, – не "дом" в смысле постройки, нет, это – все, чем ты живешь». – "По-русски, – задает вопрос интервьюер, – есть еще и слова Отечество, отчизна – земля отцов, Родина – место, где родился... Они не точнее выражают смысл?" – «Нет, нет. Это больше похоже на слово "очаг". Что-то более интимное, что не может быть от края и до края. Когда эстонские социологи в 1974 году исследовали отношение к kodu мы долго не могли решить, как точнее перевести его слово для анкеты. Тут, наверное, какое-то основное различие в типе культуры. Наша культура, как и у многих северных народов, сконцентрирована вокруг домашнего очага, и мы очень болезненно переживаем все, что нарушает его целостность. Это иначе, чем у народов, живущих на больших просторах, – просторов у нас просто нет... И мы строили свой очаг внутри: в песни, в культуру, в язык».

Как понятие культурное архетип внутреннего пространства обладает двумя коренными свойствами: он многозначен и он существует лишь через свою противоречивую и неразрывную связь с внешним пространством, причем оба эти свойства постоянно взаимодействуют между собой.

На ранних стадиях исторического развития ограниченные, этнически относительно однородные коллективы обычно воспринимают противостоящие им иные коллективы и все вообще лежащее за пределами освоенной ими территории географическое пространство как нечто неожиданное и потому как угрозу своему существованию и целостности. Это отразилось в греческих легендах о разного рода чудовищах, с которыми сталкивается человек, вышедший за пределы эллинской ойкумены, но особенно выразительно эта картина мира оказалась представлена у германцев.

Для древнего германца мир, им освоенный, простирается во все стороны до горизонта, а может быть, и далее горизонта на расстояние четырех-пяти дней пути и носит название "митгард" – срединное селение, срединная усадьба. За его пределами лежит внешний мир – "утгард". Он бесконечен, почти лишен света, там дует ледяной ветер и текут реки, полные яда; повсюду сидят чудища, полулюди, полужвери, глаза которых излучают противоестественный свет, а дыхание режет как ножом. Локализация утгарда двойственна. В определенном смысле он всегда "там" в противоположность "здесь", в дали, неотделим от представления о человеке, ушедшем из дому и либо сгившем в безднах утгарда, либо вернувшимся неузнаваемо преображенным. В другом смысле, однако, утгард не предполагает никакого отдаления, ибо лежит не только вдали от дома, но и под ним. Поэтому любая пещера, глухой овраг могут быть ходом в утгард или даже им самим. При такой двойственности утгарда двойственным оказывается и митгард. С одной стороны, он действительно простирается до горизонта и за него; он везде, где светит солнце и люди пахут землю. Но в той мере, в какой чудища утгарда угрожают непосредственно моему дому, именно он воспринимается как единственное защищенное от них место, а митгард сокращается до размеров моей усадьбы. Поэтому самое страшное в утгарде – не чудища, ледяной ветер и ядовитые реки, а то, что его действительность абсолютно чужда моему миру, подчинена другим, не нашим законам. Вода в реке живет, обладает волей и губит вступившего в нее человека, скала расступается, чтобы открыть проход в логово дракона, мертвые вещи при прикосновении оживают. Соответственно и в митгарде главным становится то, что все в нем свое, понятное, привычное, соответствующее обычаю и здесь заведенному порядку. По замечанию старого проницательного исследователя, В. Грэнбека "люди здесь стоят на своей земле, окруженные дружиной своих. Деревья и камни, животные, оружие, даже земля и природа существуют для них. Все, что их окружает, им известно, является тем, чем кажется, они знают, что здесь царит порядок, на который они могут положиться"¹.

Иногда отношения между так понятыми внутренним и внешним пространством становятся противоречивыми. Утгард ужасен, однако он же может выступать как иная, блаженная форма существования именно в силу своей противоположности тому, что "здесь". Уйдя из митгарда, человек попадает во многих случаях на острова блаженных: раз нет "здесь", то нет и бед, которые так нередки дома. Среди произведений великого римского историка I – начала II в. н.э. Тацита значительное

место занимает очерк "Германия", посвященный описанию нравов и мест обитания германских племен. Германцы – это антимир по отношению к Риму. Антимир потому, что у них нет государственного принуждения, нет настоящей армии, нет высокоразвитой цивилизации и т.д. Но именно поэтому они не знают поборов, ростовщичества, налогов; они свободны, и жизнь их есть как бы некоторая положительная противоположность миру римского государства с его застарелыми пороками.

Архетипы внутреннего и внешнего пространства специфичны для каждой эпохи и потому соотношение их образует ее содержательную характеристику. Уникальным, эталонным, образцом воздействия диалектики внешнего и внутреннего пространства на всю систему культуры до сих пор остается древний Рим. Суждение это основано на анализе основополагающих явлений его исторической жизни – дома, социальной микрогруппы и города-государства.

Дом, domus, в Риме есть пространство сакрально замкнутое, внутреннее пространство по преимуществу. Семья, здесь живущая, имеет свой культ, положение ее зависит от благосклонности домашних богов и, соответственно, от обрядов, которые выполняются в их честь. Так, в каждом доме живут пенаты. Имя их происходит от слова *penus*, кладовая – не только как помещение, но и как совокупность запасов продовольствия в доме и тем самым как источник довольства и самостоятельности. Семья, которая живет в доме, разумеется, ячейка общества, но ячейка замкнутая, имеющая не только свои культы, своих пенатов, но и свою внутреннюю организацию. Во главе ее стоит *pater familias*, отец семьи, располагающий над членами ее неограниченной властью. Всевластие вышестоящего в государстве смягчено и ограничено законами, во "внутреннем пространстве" дома оно сохраняется полностью. Сохраняются, например, семейные суды – нарушения некоторых норм поведения, особенно нравственных, подлежали разбору, осуждению и наказанию в пределах семейной юрисдикции.

Дом самодостаточен, в нем есть запасы не только еды в кладовой, охраняемой пенатами, но и воды, потому что имплювий – квадратное углубление в полу атрия, в которое через отверстие в крыше собирается дождевая вода, обеспечивает возможность держаться против внешней осады достаточно долго. Никакой осады нет и быть не может, но запас воды и продовольствия дому необходим, потому что актуальна не эмпирически данная реальность, а архетип сознания: дом – модель самодостаточного замкнутого внутреннего пространства со своим управлением и нормами, своим населением, своей обжитостью.

Но дом – резиденция семьи, семья же органически входит в городскую общину, принадлежит к ней и потому живет как бы на границе закрытого и открытого пространства. С архитектурной точки зрения положение это было связано с тем, что внутренние помещения домуса выходили на перистиль и на парадный зал – атрий и почти не имели окон; между стенами этих помещений и внешними стенами дома оставалось пространство, глубина которого доходила до четырех-пяти метров; оно делилось на части, так называемые таберны, – самостоятельные помещения с выходом на улицу, которые уже с конца республики сдавались

под ремесленные мастерские или под склады. Ремесленник, который снял таверну, поселялся в ней чаще всего со своей семьей, использовал ее как производственное помещение, а в верхней части надстраивал деревянные антресоли, где и жил с женой и детьми. Такова же была внутренняя архитектурная организация нередко располагавшихся в тавернах лупанаров (публичных домов): внизу помещения для посетителей, для еды и питья, т. е. "таверна" в позднейшем смысле слова, наверху – интимные комнаты. У дома как правило имелся аттик, то есть как бы второй этаж; там проходила часть жизни семьи, там находились летние столовые, использовавшиеся повседневно, тогда как пиршественный зал в первом этаже использовался только изредка для приема гостей. Эти летние столовые тоже могли быть сданы, причем вход в них часто устраивался из таверны или с внешнего балкона, который продолжался и на соседний дом. Если отдельные помещения в аттике сдавались внаем и при этом еще соединялись с тавернами, от замкнутой независимости и самостоятельности и самой семьи и ее резиденции, которая в идеализованном историко-архитектурном представлении составляла сущность римского домуса, не оставалось и следа. Строение, в принципе бывшее резиденцией одной семьи, в реальной жизни превращалось в своего рода жилой муравейник.

Принцип муравейника окончательно торжествует в I в. н.э. в так называемой инсуле. По историко-архитектурным работам мы привыкли к тому, что инсула – это многоквартирный дом, противостоящий домусу как резиденции одной семьи. Но само слово "инсула" означает "остров". Вторичное его значение – застроенный квартал, независимо от того, чем он застроен – многоквартирными домами или домусами, самостоятельными или соединенными между собой. Поэтому в римской реальности I в. инсула – не просто многоквартирный дом; это скорее – именно жилой муравейник с бесчисленными переходами, обиталище. При этом теснота воспринималась не как неудобство, а как ценность. Она давала ощущение демократической сплоченности, равенства и обжитости и как бы противопоставляла хороших людей, правильную жизнь жизни в изоляции, в отдельных резиденциях. В них живут те, кому есть что прятать от соотечественников. На Альбанской вилле прячется император Домициан – извращенное чудовище, чье времяпрепровождение описано в IV сатире Ювенала; в Тиволи живет странный, ни на кого не похожий Адриан – как будто бы обычный римлянин и в то же время человек загадочный, грек и космополит. Отдельно живут, таким образом, люди странные или скверные, нормальный же обычный римлянин живет в тесной бесконечной путанице жилых помещений, переходов и тупиков. Теснота на улицах и жилища-ульи в описываемую эпоху были еще двумя слагаемыми единого ощущения жилой среды, воспринимавшегося императивно: быть всегда на людях, принадлежать к плотной живой массе сограждан, смешиваться со своими и растворяться в них.

Положение *pater familias*'а, самостоятельного и самодостаточного хозяина, все время опосредовано его же положением члена общины, и он только тогда по-настоящему у себя дома, когда он и вне своего дома. Поэтому утро с восхода солнца примерно до двенадцати часов, до часа

бани, римлянин проводит на форуме, в городе. Он делает дела, участвует в сходках, то есть в политической жизни города; он – гражданин. Но и как гражданин на форуме он полноценен лишь в той мере, в какой он самостоятельный, ни от кого не зависящий хозяин, то есть в той мере, в какой он имеет возможность вернуться в свой замкнутый самостоятельный мирок – дом. Однако, и там он остается во власти той же двойственности: он уважаем и уважает себя как самостоятельный хозяин, но и самостоятельность его как хозяина полностью реализуется так, что он в то же время глава клана. Вот почему, завтракая и ранним утром и днем в одиночестве, обедать он должен непременно в обществе. Обед (после половины второго зимой, после двух или половины третьего летом) никогда не проходит наедине. Обедать одному – для римлянина величайшее несчастье. Только когда человек у себя дома окружен друзьями и членами семьи, когда проводит с ними вместе время, играет в игры, слушает декламацию или музыку, беседует об общественных делах, то есть только тогда, когда "внешнее пространство" жизни проникло во внутреннее, живет через него и в постоянном с ним взаимодействии, такой человек чувствует себя полноценным римлянином.

Точно так же обстоит дело с другой разновидностью внутреннего пространства – с *социальной микрогруппой*. Социальная микрогруппа – это малый коллектив, соседская или дружеская, производственная, родственная или возрастная ячейка, в которой человек чувствует себя как бы в митгарде, ячейка общества, где осуществляются непосредственные социальные контакты микросреды. Римлянин на всех этажах общества жил так – в семье с примыкающими к ней традиционными друзьями дома, в землячествах и похоронных сообществах, в коллегиях, посвященных культам неофициальных богов и в коллегиях ремесленников. Человек никогда не оставался один-на-один с государством. Он всегда – сначала член микрогруппы. Соседская, семейно-родовая, дружеская ("амикальная") община выражает здесь единый архетип внутреннего пространства, обжитой ячейки существования. Императоры в Риме долго не знали, как относиться к микросообществам. С одной стороны, они выражали глубинную потребность народа, исторически обусловленные формы его жизни; с другой – по мере отчуждения государства и отделения его интересов как целого от непосредственной жизнедеятельности населения такие сообщества становились подозрительными: нет ли там какого злоумышления на власть? Императоры то разрешали их, то засылали туда своих соглядатаев; Нерон вдруг объявил себя патроном вообще всех микросообществ в Римской империи; к концу II в. они были окончательно поделены на официально разрешенные и не разрешенные, но в общем и целом сообщества существовали в Риме на протяжении всей его истории, постоянно возрождая в человеке ощущение того, что он защищен, ибо живет в обжитом маленьком микропространстве.

Однако, и микрогруппы в Риме так же как домысы были постоянно опосредованы макроструктурами и государства, и общества в целом. Цицерон в пятой главе второй книги "О законах" развивает давнее учение греческих стоиков о "двух родинах". У римлянина – разъясняет Цицерон, – всегда две родины: обжитая, пережитая, основанная на дру-

жеских связях – община, где он появился на свет, его "малая родина"; и бескрайняя Республика римлян, перед которой он ответственен как гражданин, которой должен служить как воин или как магистрат – его "великая родина". Первая существует лишь через вторую, вторая не существует реально без первой. Микромножественная структура государственного целого и тем самым постоянное взаимопроникновение непосредственно продолжающего человека контактного микромира и более или менее отчужденного большого мира республики (а впоследствии и империи), другими словами – в определенном смысле взаимопроникновение внутреннего и внешнего пространства, и в этом случае остается одной из самых постоянных и разительных черт антично-римской цивилизации. Первые императоры создали особый орган государственного управления, который не имел официального наименования и лишь впоследствии стал называться Советом принцепса. Он выполнял важнейшие государственные функции и в конце концов стал состояться из руководителей ключевых ведомств, но на протяжении первого столетия своего существования, пока были живы еще исконные римские традиции политической жизни, представлял собой перенесенный в государственную структуру кружок друзей и родственников императора или его семьи. Таких примеров очень много.

Наконец, на диалектике и взаимодействии внутреннего и внешнего пространства, переживаемых в то же время как отдельные сущности, основано и бытие *римского города-государства* в окружающем мире. Исконно и изначально город-государство противостоит своему окружению. Рим – единственное и неповторимое место на земле, отличное от всей остальной ойкумены. Здесь Ромул кривым жреческим посохом обвел в небе священный квадрат, в этом квадрате, как доброе предзнаменование, появились посланные богами двенадцать коршунов, и тогда Ромул спроецировал квадрат на землю, тем обнаружив единственное во Вселенной место, которое должно стать Римом. Плуг, запряженный быком и коровой, провел границу города, священную борозду, отвал из нее образовал первую ограду Рима, его сакральную границу – померий. Вне священной границы померия римлянин дает волю самым изменчивым своим инстинктам, но возвращаясь в священную границу померия, он должен очиститься. Ни один народ не знает такого количества обрядов очищения и искупления сколько их было у римлян, в основном при возвращении во внутреннее пространство – в границы города. Храмы чужих богов, впоследствии столь в Риме распространенные, изначально располагались только по границе померия, а не внутри его. Город долго воспринимался и ценился его гражданами как неповторимо-данное и в этом смысле абсолютно замкнутое пространство.

Но то была, однако, лишь одна сторона дела. Провиденциальная миссия Рима, по убеждению тех же граждан, состояла в постепенном втягивании всего остального мира в эту уникальную сферу законности, богопочитания и цивилизации, которая была изначально сосредоточена в пределах померия. Вся история Рима есть история его экспансии. В этом процессе принято подчеркивать военно-грабительские мотивы. Для такого взгляда есть все основания. В эпоху республики Рим вел войны

постоянно, решение об объявлении войны принималось народным собранием, и если граждане голосовали за войну, значит они рассчитывали, что она принесет им выгоду, то есть в первую очередь – их обогатит. Но в конечном историческом итоге главное все же оказывалось в другом. Рано или поздно (в основном уже при империи, то есть в I–III вв. н.э.) поселения на завоеванных территориях – давние или отстроенные после покорения – получали статус римского города, а жители становились римскими гражданами. Организация местного управления, характер и расположение общественных зданий, формы быта и досуга копировали порядки, существовавшие в Городе на Тибре, а сам Рим впитывал постепенно новшества, возникавшие за его пределами, в городах империи. "Ты сделал городом то, что прежде было миром", – писал, обращаясь к Риму, поздний античный поэт.

К середине II века н.э. Рим действительно, казалось бы, обрел идеальное равновесие между внутренним и внешним пространством; противоречие между ними было устранено и тем осуществлена мечта всей поздней античности – их живое взаимопроникновение. В так называемый золотой век Антонинов (второй век христианского летоисчисления) империя достигает солнечной полноты бытия: города стали частью единой империи, но сохраняют облик автаркии, Рим правит империей, но с опорой на провинции и с учетом их интересов, греческая и римская культуры сливаются, дополняя друг друга. Но еще несколько десятилетий, и наступает 167 год, Маркоманская война – первое грандиозное столкновение с варварами, в котором Рим фактически не смог добиться решающей победы, наступает военный кризис империи, распространяющийся на остальные сферы жизни, и в кризисе обнаруживается, что под покровом цивилизации, казалось бы, упразднившей древнюю противоположность "мы" и "они", неизбежно живет все тот же архетип внутреннего пространства: как только сняли внешние скрепы, ослаб военно-бюрократический и правовой контроль, в провинциях – в первую очередь в Галлии, в Малой Азии, появляется исконная местная керамика, которой почти не видно было здесь триста или четыреста лет, но которая, оказывается, жила подспудно; в давно уже, казалось бы, единой космополитической армии разрешают составление завещаний на местных языках и совершенно неожиданно появляются документы на пунийском, галльском. А ведь у императоров золотого века – у Адриана, у Антонина Пия, даже еще у Марка Аврелия была иллюзия, что таких языков вообще давно нет в природе, что есть единый Рим, преодолевший оппозицию внутреннего и внешнего. Оказалось не так, ибо противоречие не просто философская категория, а основа бытия и развития; выражающая противоречия бытия литературная форма трагедии – не просто жанр, а выражение того, что жизнь есть столкновение, борьба и гибель начал, каждое из которых имеет свою правоту, и культура предполагает постоянное преодоление вечной противоположности своего, внутреннего и чужого, внешнего, и постоянное возвращение к ней – ради нового ее преодоления.

¹ Grönbech W. Kultur und Religion der Germanen. Wand II. Darmstadt, 1961.

Обсуждение историко-культурных проблем города в период переоценки академических понятий не только естественно, но и необходимо, так как именно городская среда во всем многообразии ее проявлений служила ядром социума, своеобразным центром притяжения, вокруг которого и по направлению к которому стягивались силовые линии общественной и культурной динамики. Предлагая читателю поразмыслить над концепцией метафизики города, я хотел бы в первом приближении очертить неочевидные особенности магнетизма города. Эти особенности имеют как исторически переменный, так и неизменный системный характер. Поэтому проблема города может изучаться в единстве синхронного и диахронного подходов.

Здесь мы подходим к методике, которая в зарубежных гуманитарных исследованиях именуется *area studies* и не имеет в отечественной практике устоявшегося адекватного аналога. Это не исследование района в географическом плане, а скорее то, что мы именуем тяжелым словом "зона" со всеми наслоившимися на этот термин коннотациями. В самом деле, о какой ауре в зоне города можно вообще помыслить? Вот почему представляется столь важным отодвинуть в сторону авторитаризм предметничества, выйти за рамки формальной доказательности причинно-следственных связей и посмотреть на феномен города как бы со стороны, без претензии на несокрушимость логических построений.

Реально занимаемая площадь города, как представляется, имеет несколько измерений. Начнем с буквального физического видения городской площади. Это неприватизируемое и неотчуждаемое пространство. На нем не просто пересекаются или скрещиваются улицы, ведущие из разных кварталов. На нем фокусируется бушующее ядро сил, соревнующихся в гражданской направленности на множественность. Греческий город как средоточие творческой жизни Эллады представлял собой организующее пространство, некое составное, но целое число, отличное от неструктурированного внегородского ландшафта, наполненного периферийной популяцией. По прозорливому замечанию Я.Э. Голосовкера, исключительная организационная способность эллинов магнетической силой полиса обуздывала первичный оргиазм народной иррациональности. "И если оргиазм был выражением стихии народной, то число было выражением полиса с его в широком смысле понимаемой гражданственностью"¹. В понимании числа заложено два смысла. Первый – характеризует живую массу, площадь как социальное бытие живой множественности горожан. Какой контраст с нынешним комфортом обезличенности горожан – жителей современных мегаполисов. Человеческая ценность личности эллина может проявиться только в соединении с множественностью полиса, в кругу гражданственности на ристалище, в агонистике состязательности. Утверждение личности требует площади и наоборот: отрешение личности, потеря своего "я" означало изгнание из

города, остракизм как духовное отторжение площадью был страшнее физической гибели личности. Здесь масса людей выступает как общественность, которой отнюдь не чужда значимость человеческой единицы. Эта соотношенность единичности и множественности имеет свое возвышенное надмирское отражение – идеологию общности. Ее нельзя реально "потрогать" на городских улицах, но она витает в городском воздухе и испаряется за городской стеной. Это и есть одна из эманаций метафизики города, которая вполне доступна научному изучению. Противостоит этой площади площадка на оркестре, вынесенная в помещении театра с его сценой и амфитеатром, где осуществляется двойное отражение и где господствует не идеология неписанной городской нормы поведения, а написанный и условно представляемый текст. Представление как бы отстраняет горожан от повседневности и показывает ауру полиса со стороны, не расслабляет зрителя зрелищностью, а сублимирует его мироощущение трагедией, где тщеславие и богоборческое дерзание обречено каре богов. Таким образом метафизика городской жизни проявляется подобно фотонегативу в театрализованной трагедии мифологической жизни.

Другим антиподом гражданской множественности полиса была в более поздний период стихия рыночной площади. Неорганизованное вселивство многоликой разнопестронациональной стихии базара смяло массой своего несчитанного числа гармонию городской общности. И тут уже бывшая реальная множественность полиса стала преданием, полумистической эманацией уходящей культуры, уступив место эллина варварской стихийности торга. Справедливости ради надо сказать, что базар не извечный антипод упорядоченности. Иранская революция 1979 года, пожалуй впервые показала, что за видимым хаотическим нагромождением лавочек скрыта строгая иерархия соподчинения, поразительная по эффективности коммуникации организованность и способность к мобилизации масс в считанные часы, не говоря уже об отлаженной системе социальной защиты и вспомоществования².

Второе понятие числа – как несчитанного количества незначимых единиц ценных только своей массой примерно совпадает с современным толкованием понятия базарная толпа или с более архаичным выражением "чернь". Это явление, ценное своей анонимностью и безнаказанностью для политика, играло и еще не раз сыграет достаточно зловещую роль в истории города как социально-исторического явления. Науськанная толпа или толпа обезумевшая незаметна в сельской местности, как цунами неощутимо в открытом море. Но в тесноте городских перекрестков вполне проявляется всепоглощающая сила иррационального оргиазма. "Некогда оргиазм находил выход в кровавых ритуалах, ... в явлениях социального психоза, пока силой полиса не был введен в русло государственных мистерий... с их декоративной стороной, явно обращенной к народу, и эзотерической стороной, явно обращенной к избранным – к интеллектуальным, ко всяческим неопфитам, мистам, эпоптам, проходящим ступени посвящения, – и тайно к народу³". В условиях кризиса цивилизованности именно на площади города есть возможность таинственно организовать момент псевдоистины, подбросив

силу демоса в толпу разгневанной черни. Достаточно немногих боевиков, чтобы инстинкт к спонтанному утверждению справедливости вылился в кровавую резню и уличные погромы. У каждого на памяти немало названий наших городов, где в критический момент мистика демократии оборачивалась метафизикой якобы стихийного и непредсказуемого беспредела.

Но еще со времен Еврипида известен образ ужасающего трагизма, когда соревнования перенства ради отрывает героя от своего социума и блокирует контуры государственного управления. "И если теперь герой трагедии оторван от хора – это означало, что гармонизирующий дар эллина иссякает, это означало, что оргиазм вырвется наружу вместе с суеверной массой на рыночную площадь и что если массу не организовать высокой идеей труда и не приобщить к культуре, то высокая культура погибнет"⁴.

Наш диахронный экскурс в греческий полис с попыткой актуализировать сегодняшние структуры городской повседневности в нашем историческом сознании завершится там же на городской площади. Не только структуры духовной организации и/или дезорганизации имманентны в коллективном бессознательном; сохраняются в неизменном виде и чисто физические параметры, ограничивающие площадь. Форма замкнутого круга по происхождению организовывала яростный дифирамб гипорхемы, посвященной Дионису, а площадь в виде каре регламентировала исполнение гимнов, обуздавших исступление пляшущей на улицах толпы. Так чистота архитектурных городских форм с их скрытой метафизикой числовых соотношений через синтез форм искусства и форм народоправства эстетически примиряла непримиримое: "противоречие интересов личности и множественности". Эллинистическая демократия и в самой архитектонике города за щ и щ а л а л и ч н о с т ь г о р о ж а н и н а, сознательно гармонизируя анонимную множественность дикарской толпы в сублимированную гражданственность полиса.

Защита горожан – эта ключевая социальная функция города присуща всем без изъятия урбанистическим объектам. Примем ее как изначальную данность, как некий первичный и неделимый результат развития, без которого не возникает структура именуемая городом. Для человека, родившегося в городе психо-биологический стереотип этого искусственного ландшафта остается как бы врезавшимся в гены навсегда. Здесь в родовом гнезде, в знакомом до автоматизма жилище, в семье и в близком к дому соседстве сохраняется и пребывает духовная, биологическая и этическая среда безопасности. Эта духовная территория безопасного проживания транспонируется на систему материальных и социальных подбодий.

К первым отнесем городскую стену с ее извечно запираемыми на ночь воротами. Иногда ее прообразом выступает цитадель или кремль отгораживающий собственно внутренний город от посада или предместий. Ко вторым следует отнести храмовое пространство, места где пребывает трансцендентальная эманация защищенности души, а нередко и тела. Кроме того, ни один город не мыслим без своего некрополя, где

осязваемо пребывает родовая и клановая память об ушедшем. Таким образом город предстает как многосоставная структура предметных и духовных координат, как комплекс этико-социальных и биологических связей, образующих некое метафизическое поле притяжения. Здесь-то и гнездится цивилизационный д в и г а т е л ь развития. И только потом на этом географическом пространстве наращиваются экономические и политические мышцы, формируется д в и ж и т е л ь прогресса, концентрируются средства жизнеобеспечения столь явно отличающие городскую комфортабельность от внегородского, сельского бытования.

Мы можем сколь угодно логично доказывать последовательность хозяйственного развития и иерархичность способов производства с присущими им формами разделения общественного труда, отчуждения и сословного присвоения производимого общественного продукта, но все эти схематические построения не будут запущены в ход без предварительного завода той напряженной духовной пружины, которая служит внутренним источником всякого индивидуального человеческого движения. Способ общения, цементирующий социальный организм именуемый городом, определит и способы производства материальных потоков, отделит натуральный обмен и простое воспроизводство, выделит необходимую долю товарного производства, общественного распределения и свободного обмена. И для большинства исторически древнейших городов, наверное, способ общинного общения был той искрой зажигания, которая через регламентацию потребления определяла общественно приемлемую и допустимую эффективность способа производства.

Позитивистская экстраполяция эволюционной теории на генезис исторических обществ сделала тему прогресса доминантой научного гносиса. "Мы, как правило, забываем, что только поверхностный оптимизм наших прадедов из XVIII и XIX веков впервые связал с чисто геометрическим вектором "вперед" уверенность в bigger and better (больше и лучше). Ожидание, что каждое новое открытие или усовершенствование непременно выполнит обещание более высокой ценности или большего счастья, есть весьма наивная вещь, наследство чарующей поры интеллектуального, морального и сентиментального оптимизма XVIII века"⁵. За прошедшее с той поры время этот оптимизм неоднократно иссякал, но в России только сейчас ощущается достаточно широко тот гносеологический кризис обществоведения, который коренится в переносе естественнонаучного эволюционистского научного инструментария на сферу гуманитарных наук.

Собственно говоря, вся многовековая традиция исторического познания вовсе не искала легитимизации в заимствовании категорий стадияльного детерминизма. Вплоть до XVIII в. она направлялась непосредственными моральными и жизненными проблемами своего времени и была не столько объяснительной научной дисциплиной, стремящейся быть основной для других общественных наук, сколько описательным повествованием. Рационалистическая парадигма в истории выводит познание из причин. Линейная последовательность этих выведенных причин, наложенных на хронологию развития исторических обществ и лежит в основе современного исторического анализа, который является

единственным атрибутом достоверности среди профессионалов-марксистов. Но еще Г.Г. Шпет отмечал, что коллективный дух социума нельзя объяснять, исходя из генезиса.) Типические коллективные переживания пребывают в особом времени. Это субстанции, не подлежащие прогрессу, они относятся к категории устойчивых, хотя и модифицируемых постоянств. Непонятый наукой и игнорируемый политикой дух народа мстит за себя рекурсивной роковой повторяемостью, возвращает пресловутый общественный прогресс на десятилетия назад.

Проблематика метафизики исторического объекта, в нашем случае города как фактора развития социума, ставит вопрос о том, как переживается пространство, структуры, институты и духовная среда города данным обществом в данное историческое время. Задача тут не естественно-историческая, а описательная, проникающая в структуры отражения повседневности. В отличие от непосредственно верифицируемых "прямых" объектов в естествознании в истории факты всегда опосредуются восприятием, исторической памятью, которая что-то высвечивает и актуализирует, а мимо чего-то проходит не глядя. Даже археологическая реконструкция городского пространства не есть просто физический объект. Город познаваем лишь в отражении и в не всегда прямом зеркале фактов. В этом специфика объекта, имеющего метафизическую, духовную проекцию. Пребывая в исторически заданном времени, мы все равно привносим самонаблюдение в исследование генезиса городской среды, даже если академически рационально суживаем зеркало наблюдаемых и оцениваемых исторических явлений. Как справедливо отметил немецкий теоретик Йорн Рюзен: "Научная история, несмотря на ее рационалистические притязания, привела к тому, что я думаю будет уместно назвать иррационализацией истории"⁶.

Действительно, суживая поле видения, мы выхолащиваем такой сильный инструмент анализа как метафоры самопознания, который по сути дела превращается в мало что говорящую метонимию. Так происходит с такими достаточно затертыми клише, как частная собственность или социальное расслоение в городе. Это явления в ряду многих других дескриптивных категорий. Их можно систематизировать и учитывать при определении общей картины урбанизации, но отсюда вовсе не следует, что они детерминируют процесс развития города как модели общества.

Нам не менее важно проследить за тем, как именно сословная и корпоративная мозаика городской жизни сохраняет историческое и духовное постоянство, единство городской цивилизации. Как город притягивает инициативу, поднимает выше цеховой значимости индивидуальность, открывает широкое жизненное пространство активности субъекта, в результате чего аккумулируется особое силовое поле города. Городская жизнь генерирует суммарный духовный потенциал, удерживающий движущие силы общественной жизни. Жизненная сила, побудительные мотивы к воспроизводству социума, наконец, царящая в городском сообществе ответственность расстилают отнюдь не всех горожан. Первостепенное значение в городской цивилизации имеет способность к высвобождению и организации общественной энергии бытия. С феноменологи-

ческой точки зрения важно отметить, что в городской среде выживание движущей силы развития идет на "молекулярном", личностном уровне, но накапливаться эта общественная по своей природе сила может лишь в межличностном пространстве публичной коммуникативности.

Общественные институты города оформляют эту силу, усиливают ее проявление, сохраняя историческую память о судьбе города, проецируют городской устав на всечеловеческую мировую общность. *Urbi et orbi*. Город как организующий центр культуры, как место инноваций, как провозвестник будущего выступает в виде суперлокального сообщества. Такой город прорастает в столицу, в метрополию, в модель государства, империи, мира. Столичный город выступает как эманация грядущего. В нем фокусируется центр притяжения надежд и как бы ни рушились индивидуальные судьбы провинциалов, идущих покорять "этот" город, т. е. весь мир, он продолжает манить запредельной интеграцией надежд, метафизикой грядущего, колоссальной спрессованностью исторического времени, поэтикой искусственно созданной среды обитания. Вся эта центрирующая притягательность столицы сильнее поляризации внутренних городских структур. А может быть, городские контрасты трущоб и дворцов, музея и площади еще сильнее соединяют главные связи внутригородского сообщества? Ведь симбиоз городских явлений, его чрево и некрополь, его блеск и нищета олицетворяют жизненный путь индивида, неизменный и непредсказуемый цикл горожанина. Если вся эта метафизика не миф и не простая беллетристика, то может быть, мы попробуем предположить, что общественные институты, коммуникативные структуры и городские связи не только воспроизводят "тело" города, но вмещают в себя и душу общества, тот народный дух, который дает силу, возможность маневра и ресурс государству и его атрибутам. Именно в такой зависимости, а не наоборот осуществляется социальная индукция города и мира, социума и государства.

Завершая этот экскурс, вернемся к топографической привязке обсуждаемого предмета. Город, собственно говоря, не есть кружок на карте. Это точка роста кристалла цивилизации. Он прорастает в особо сформированных местах. Есть исторические культуры, где возможен только один город. Есть иные культуры, где тело города-мира распадается на центр и периферию. Там по своим особым законам живут провинциальные городки, по-своему соперничают порфиринозные вдовы и новые царицы, по-разному укрепляются стратегические узлы междугородных коммуникаций.

Особую проблему составляет задача осмысления урбанизационного процесса. Как определить формообразующие принципы? Какую роль играет ныне деградация села и всегда ли рост деревень рождал новые города? Может быть там, где стоит знак города мы имеем на деле псевдогород, или там, где город перерос все мыслимые размеры мы сталкиваемся с инволюцией и получаем квазидеревню, разбухшую до гипертрофированных размеров. Все эти синхронные проблемы, неотделимые от нашего восприятия городской среды требуют междисциплинарного серьезного обсуждения и исследования.

Ясно одно. Город и его проблемы не тождественны урбанизации и не

могут быть сведены к ней. Городская жизнь несомненно выходит за рамки просто вземзледельческой деятельности. Города-государства и города-удельные вотчины складываются в сложную сеть притяжения и отталкивания. Город может выступать как заслон от воздействий извне и как торговый перекресток межобщинных и межхозяйственных связей. Он может аккумулировать воспроизводственные потоки или перекачивать их на торговых путях континентов. Он может выступать как сакральный центр мироздания и/или выполнять функцию институализации власти, служить ее вместилищем. Город существует как стадийное явление и представляет собой саморазвивающуюся ценность. С каких бы сторон мы ни рассматривали его проблемы, сущность города сродни содержанию мира. Urbi et orbi.

¹ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987. С. 77.

² См. статью Амира Тахери. Kayhan, 8.10.1978, Tehran.

³ Голосовкер Я.Э. Указ. соч. С. 78.

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Хейзинга Йохан. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 267.

⁶ Rösen Jörn. New Directions in Historical Studies // Miedzy Historia a Teoria / Red. M. Drozdowski. Warszawa, 1988. P. 342.

К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ИТАЛЬЯНСКОГО РЕНЕССАНСНОГО ГОРОДА (Флоренция XV в.)

И.Е. Данилова

Ансамбли средневековых городов складывались на протяжении столетий, архитектурные формы менялись, вращая в общий комплекс города также органично, как органично сочеталась, незаметно переходя друг в друга, романская и готическая архитектура средневековых соборов. Однако планировка городов оставалась неизменной, или почти неизменной. Кватрочентистская Флоренция, остро ощущавшая себя новым организмом в области политической, социальной, культурной, художественной, стремилась сразу, при жизни одного поколения новаторов изменить свой город, перепланировать его, приспособить к своим требованиям, своим представлениям о мире, организовать его по воле отдельной личности творца-реформатора: теоретика, архитектора или заказчика.

Новые градостроительные модели, возникавшие в XV в. относились, за редким исключением, к области архитектуры воображаемой: прежде всего, словесной (идеальный город – главная тема трактатов о зодчестве), а также архитектуры “бумажной” (рисованные планы, проекты, отдельные архитектурные детали), живописной (в виде архитектурных фонов картин и фресок) или театрально-декорационной (бутафорские сооружения для разного рода театрализованных действий и шествий).

Охваченная творческим нетерпением Флоренция, в большей мере, нежели другие города Италии, жила в архитектурном пространстве, которое еще “предстояло сконструировать”¹.

В эпоху средневековья композиционной единицей городского комплекса, его главным модулем был объем отдельных зданий, и весь город, состоявший из тесно поставленных объемов, воспринимался как единый, многочастный объем.

Именно таким предстает город в средневековой живописи: изображенный извне, стиснутый кольцом стен. Средневековый город – феномен закрытый, труднодоступный. Чтобы проникнуть в него, нужно протиснуться в узкие щели ворот, в них всегда тесно, персонажи толпятся, образуя пробки; проемы ворот не только узки, они не высоки, почти ровень с человеческим ростом. Через такие ворота невозможно заглянуть внутрь; даже открытые сюжетно, ворота закрыты композиционно – образное воплощение реальной средневековой ситуации, когда городские ворота служили трудно преодолимой преградой не только в военное, но и в мирное время. Сбор пошлины за вход, долгие ожидания у закрытой решетки, строго соблюдавшиеся часы утреннего открытия и вечернего запираения ворот, торговля, которую потерявшие терпение продавцы часто развертывали перед воротами или непосредственно за ними в самом городе; торжественные встречи важных лиц с распаиванием створок или поднятием решеток, с символическим вручением ключей; торжественные проводы – все это создавало функциональное и смысловое напряжение в зоне городских ворот.

В средневековой живописи это получило не только композиционное, но и иконографическое воплощение: многие эпизоды как священной, так и светской истории изображались либо у ворот, либо в непосредственной близости от них. Ворота в этих сценах выполняют пограничную роль, отделяя закрытое, защищенное пространство города от незащищенного внешнего пространства².

Средневековый город остается закрытым даже тогда, когда действие переносится внутрь его стен. Даже тогда город не впускает в себя, не дает проникнуть в глубь своих площадей и улиц; здания образуют непроницаемую преграду – образ сакральной неприступности, ибо в каждом средневековом городе незримо проступают черты Небесного Иерусалима³ с его “запечатленными” вратами, охраняемыми серафимами. В средневековых иконах, фресках, миниатюрах персонажи не столько обитают в городе, сколько находятся в позиции благочестивого предстания ему; они располагаются на фоне зданий, которые высятся за ними, доступные скорее внутреннему зрению, нежели взору телесному. Фигуры и архитектура изображены в единой плоскости – и одновременно разведены по смыслу, существуя в различных, взаимосоотносимых пространственных зонах. Городское пространство в средневековой живописи существует как потенция, как нечто подразумеваемое, но невидимое.

В живописи XV в. возникает противоположная ситуация: человек не стремится проникнуть в город, отгороженный от него стенами, не созерцает его невидимое пространство очами духовными – он находится уже

внутри стен, проникнув в город, он композиционно завоевал его, сделал своим жизненным пространством. Происходит перестановка акцентов, меняется система координат, средневековое потенциальное пространство актуализируется, скрытое – раскрывается, становится доступным зрению, сакральное – профанируется; и именно в этой вдруг представшей взору открытости городского пространства состоит главное отличие ренессансного видения города. Композиционным ядром городского ансамбля мыслится теперь не архитектурный объем, но пространство, архитектурно оформленное, геометрически правильное пространство площади⁴. Таких идеальных площадей во Флоренции на протяжении кватроченто реализовано не было. Однако, идеальные площади уже существовали в замыслах, в проектах архитекторов, уже воспринимались как архитектурно-планировочная сверхзадача.

В искусстве, в скульптурных рельефах и особенно в живописи площадь становится изобразительным знаком или символом нового ренессансного городского ансамбля. Но площадь – это также образ свободного земного пространства, где человек должен чувствовать себя свободно.

Городская площадь возникает в итальянской живописи постепенно, складываясь из отдельных элементов, подобно тому, как на театральных подмостках составляется архитектурная декорация.

В одной из фресок церкви Сан-Франческо в Ассизи (начало XIV в.) изображена сцена, где простой житель Ассизи, желая почтить идущего по городу святого, расстилает перед ним свою одежду. Городские постройки образуют род архитектурного задника. Этот задник состоит из характерного для города набора зданий: палатцо с высокой башней, портик классического храма и обыкновенный жилой дом среднего достатка с сильно выступающей деревянной лоджией верхнего этажа⁵. Симметричное расположение построек с храмом в центре, композиционная пауза перед его ступенями, придающая месту торжественность, предполагают, что действие происходит на площади перед храмом. Однако, само пространство площади еще не сформировалось. Фигуры расположены на фоне архитектуры, она не пускает их в глубину, более того – архитектурные формы рвутся вперед, энергично вытесняя фигуры с узкой полосы просцениума к самой рампе.

В другой фреске того же цикла, где изображен св. Франциск, отказывающийся от имущества, действие происходит также в городе, но здесь архитектурный задник словно раздвигается в стороны, открывая в средней своей части голубой фон – потенциальное пространство будущей площади. Образовавшиеся две архитектурные кулисы по сторонам состоят из построек, представленных в различных, не всегда согласованных друг с другом ракурсах; однако в целом они создают впечатление не выступающих вперед, но уходящих в глубину, как бы в предчувствии тех перспективных исканий, которые более отчетливо обнаружатся в творчестве Джотто. Если в предыдущей сцене площадь начинает формироваться сюжетно, то во второй сцене она как бы подготавливается композиционно.

Новая ренессансная площадь появляется в начале XV в. в росписях капеллы Бранкаччи в сцене “Воскрешение Тавифы”, совместной работе

Мазолино и Мазаччо. Эта площадь имеет правильную форму и построена с соблюдением приемов прямой перспективы. В сущности, это такая же студия на перспективное построение, как и написанное Мазаччо примерно в те же годы стенное панно “Троица” в церкви Санта-Мария Новелла. Отличие, однако, в том, что прямая перспектива применена в капелле Бранкаччи для изображения не интерьера капеллы, как в “Троице”, но наружного пространства города, которое получает структурные признаки пространства внутреннего, т.е. городского интерьера.

Многие специалисты склонны считать, что в “Троице” архитектура была выполнена Мазаччо по чертежу Брунеллески. Напрашивается и другое предположение: что площадь в капелле Бранкаччи могла возникнуть под впечатлением живописных демонстраций, или, как сказали бы сейчас, художественных “акций”, которые осуществлял Брунеллески на Соборной площади и на площади Синьории⁶.

На фреске в капелле Бранкаччи возможно тоже изображена Флоренция⁷ – башнеобразные каменные палаццо на заднем плане, характерные жилые дома XIV в., похожи на сохранившиеся до наших дней здания, вроде палаццо Даванцатти. Однако, в отличие от Брунеллески, стремившегося точно, до оптического обмана воспроизвести в своих ведутах флорентийские площади, Мазаччо в капелле Бранкаччи создает скорее архитектурную фантазию. Он придает площади не свойственные реальным флорентийским площадям правильные очертания, замыкая ее с двух сторон лоджиями; однако, в отличие от “каменных” палаццо в глубине, на фоне.

Иконографически лоджии восходят к легким, похожим на деревянные, постройкам в живописи более ранней поры. Возможен и другой, более реалистический образец – временные, сбитые из досок и наспех расписанные декорации, воздвигавшиеся на улицах и площадях Флоренции для разного рода празднеств. Иными словами, представленная на фреске площадь либо сконструирована самим художником, либо воспроизводит площадь, искусно сконструированную “на случай” кем-то из флорентийских архитекторов-декораторов.

Влияние театральных уличных представлений сказалось у Мазаччо не только в трактовке лоджий, но и в изображении самих событий. Главное действующее лицо – апостол Петр – переходит от одного “луого театrale” (театрального места) к другому, последовательно разыгрывая сцены чудесного исцеления.

Как неоднократно отмечалось, Мазаччо, используя средневековый прием изображения действия, развивающегося во времени, объединяет различные временные моменты в едином пространстве фрески. Так в главной сцене росписи капеллы Бранкаччи – “Чудо с динарием” изображены три эпизода одной истории. При этом главный герой – Христос, в нарушение временной последовательности, но в соответствии с композиционным ритуалом, помещен в центре.

Во фреске “Воскрешение Тавифы” Мазаччо поступает по-иному. Сцены чудес, совершаемых Петром, раздвинуты в стороны, при этом главные действующие лица (точнее, одно и то же лицо, изображенное дважды), отвернувшись друг от друга расходятся к краям сцены, открывая

вид на площадь, как главный сюжет фрески. Происходит перестановка акцентов: в центре внимания – не события, разворачивающиеся на площади, но п л о щ а д ь, на которой разворачиваются события.

Большую смысловую нагрузку приобретают в этой композиционной ситуации фигуры двух случайных прохожих. Эти двое прогуливающихся франтов помещены в центре, в поле наивысшего семантического напряжения, на месте, композиционно предназначенном для главных действующих лиц, в то время как дважды повторенная фигура Петра образует род боковых кулис, обрамляющих свободное пространство площади, увенчанное трехчастной группой зданий. И именно в это главное пространство помещены двое случайных прохожих. Традиционная шкала ценностей оказалась перевернутой.

Двое юношей – “гуляки праздные” композиционно принадлежат переднему плану, однако – они лю д и с п л о щ а д и. Их промежуточное положение подчеркивается и промежуточностью масштаба: они значительно крупнее нежели фигуры заднего плана – но несколько меньше передних фигур. Попад в центр изображения, они не застывают в торжественной неподвижности, но продолжают прогуливаться (фигуры сдвинуты влево от центральной оси фрески). Они с подчеркнутой непринужденностью вторглись в зону, где разворачиваются главные события, нарушив незримую границу двух качественно различных городских пространств.

Противопоставление площади как далекого пространства – зоне переднего плана, еще недостаточно четко выраженное у Мазаччо, в дальнейшем по-разному реализуется в живописи кватроченто. Не всегда площадь осмысливается как ч и с т о е, пустое пространство, но всегда она трактуется как пространство д р у г о е. Люди на площади живут своей, отстраненной жизнью, они существуют в иной, как бы разряженной среде; если главные действующие лица, столпившиеся впереди, у рампы, образуют тесные группы, то на площади фигуры расположены по одной, по две, они прогуливаются, иногда бегут – как бы измеряя шагами ее пустую протяженность. Площадь – это всегда место просторное, спокойное, отличное от насыщенного людьми, действием, композиционно спрессованного переднего плана.

Большого смыслового напряжения достигает это разделение пространств во фреске Перуджино “Передача ключей” (Сикстинская капелла), написанной в начале 1480-х годов. Как и у Мазаччо, действие, разыгрывающееся на переднем плане, сходно со сценой уличных церковных празднеств, благодаря присутствию горожан в “современных” одеждах, представляющих зрителей: то, что изображено з д е с ь, происходит с е й ч а с. В то же время т а м, в глубине, в медитативном пространстве площади возникают образы евангельских событий, как бы представших мысленному взору тех, кто столпился у самого края фрески, в предельной близости к реальному пространству капеллы, тех, кто находится во временной зоне настоящего.

Еще более выразительно решена эта тема в картине Перуджино “Обручение Марии” благодаря ее вертикальному формату и полуциркулярному завершению, вызывающему ассоциации с пролетом триум-

фальной арки. Площадь здесь не просто противопоставляется переднему плану, как зоне реального действия, она – площадь – это действие пространственно увенчивает, монументализирует, переводит его в ранг торжественного события.

Путь от фрески Мазаччо к “Передаче ключей” и “Обручению” Перуджино прослеживается как путь становления и н о г о пространства площади, расположенной т а м, в его отношении к актуализированному з д е с ь переднего плана.

В архитектурных панелях второй половины века, авторы которых неизвестны и которые приписываются то кругу Пьеро делла Франческа, то архитектору Франческо ди Джорджо Мартини, площадь занимает все изобразительное поле, это как бы верхняя, идеальная часть фрески “Воскрешение Тавифы”. Ровная, свободная поверхность площади, у Мазаччо еще никак не расчлененная, здесь расчерчена геометрическим узором вымостки, отдельные фигурки людей лишь подчеркивают ее пустоту, ее молчащую протяженность.

Площадь в живописи кватроченто – это пространство, отстраненное как объект созерцания, это своеобразная метафора по-новому структурированного мира, сценическая площадка для новых исполнителей нового исторического действия, иконический знак новизны. Но площадь – это также воплощенная мечта гуманистов о городе просторном и чистом, без духоты, шума и “толкотни ремесленников”, без всех неизбежных недостатков городской цивилизации, от которых они пытались укрыться в своих загородных виллах, но с которой не могли расстаться, как с ареной не только политической, но и интеллектуальной активности.

Площадь – это образ города идеального. Город реальный получает изобразительный эквивалент в теме улицы. Сжатость, теснота близко поставленных домов придает улице композиционную напряженность, пространственный драматизм. Улица – это арена человеческой деятельности.

Реальные улицы реальной, а не воображаемой Флоренции – возможно, Виа делла Нинна или Виа Торнабуони⁸ – изображены у Мазаччо во фресках капеллы Бранкаччи, в сценах “Исцеление тенью” и “Раздача милостыни” из цикла Деяний апостола Петра.

Во фреске “Раздача милостыни” узкая кривая улица запружена толпой бедняков. Здания стоят не по одной линии, беспорядочно, под углом друг к другу, вправо отходит переулок, подобный щели между домами. Светлое башнеобразное здание, образующее главный композиционный акцент, поставлено под углом, оно активно выступает вперед, словно вклиниваясь в плотную группу людских фигур и усиливая впечатления тесноты; две грани четырехугольной башни, контрастно освещенные, определяют направление двух пересекающихся улиц – действие происходит на перекрестке, в наиболее динамичной части городской среды, там, где встречаются два взаимно перекрещивающихся движения: две улицы и два людских потока. Перекресток, особенно узкий, чреват опасностью столкновения⁹: Петр и сопровождающая его группа встречаются сдвигающейся им наперерез группой бедняков. Утаивший деньги Анания пал замертво к ногам апостола – преградив движение.

Доменико Венециано изображает на перекрестке несчастный случай с мальчиком, раздавленным повозкой и спасенным Св. Зиновием. Как и во фреске капеллы Бранкаччи, здесь сталкиваются две группы, два человеческих потока, которые разделяет простертое на мостовой тело ребенка.

В сценах “Чудес Св. Зиновия” кисти Боттичелли действие разворачивается также на перекрестке, или во всяком случае, на пересечении улицы с площадью, расположенной на этот раз не в глубине, но на переднем плане, сильно вытянутой по горизонтали и композиционно приравненной к улице. Разомкнутое, “уличное” построение переднего плана, его продольная динамика усилены разнонаправленным движением сметенной толпы и отдельных бегущих фигур, движением, которое осуществляется в беспокойном пространстве, словно пронизанном сквозняком лестниц, пересекающих плоскость крутой перспективой своих широких ступеней. Если у Доменико Венециано улица стремительно уходит вглубь, то у Боттичелли улица мечется лестницами на переднем плане, словно воссоздавая напряженные ритмы городского пространства.

Какой город изображает Боттичелли? Конечно, это не реальная Флоренция его времени, это город воображаемый; стерильная чистота и условность архитектурных объемов делают его похожим на макет, главная задача которого – воссоздание динамики городской среды.

Портретные изображения Флоренции XV в. дошли до нас главным образом в миниатюрах и росписях кассоне; в них, как правило, изображаются празднества, разного рода уличные шествия или военные игры. Подобные сцены имеют иллюстративно-бытовое значение, город представлен в них лишь иконографически. По композиции эти росписи вполне традиционны, они построены фризообразно, в виде шествия, где фигуры переднего плана заслоняют здания, и архитектурный образ города как предмет изображения, по существу, отсутствует; это сцены городской жизни, но не сцены жизни в городе.

Из крупных живописцев только Доменико Гирляндайо уже в конце столетия попытался, подобно Мазаччо, объединить “портретную” топографию Флоренции с целостной концепцией городского пространства. В сцене “Воскрешение младенца из семейства Спины” на фреске в церкви Санта-Тринита действие происходит на площади перед самой этой церковью, изображенной справа. Представлен “сегодняшний” день Флоренции, ее “сегодняшний” архитектурный облик. Как и во фреске Перуджино в Сикстинской капелле, здесь на переднем плане расположены главные действующие лица, а за ними глубокое пространство площади, с видом на мост через Арно. Однако, у Гирляндайо площадь не противостоит переднему плану как пространство медитативное – пространство действия. Площадь у Гирляндайо не идеальна, но “портретна”, и именно поэтому она не покоится, но стремительной перспективой уходит вглубь и завершается не триумфальным силуэтом храма или арки, но горбатым мостом, переходящим в узкую кривую улицу по ту сторону Арно. При этом Гирляндайо не делает резкого различия в масштабах фигур, он

постепенно уменьшает их размеры, стремясь объединить персонажи переднего плана с теми, кто находится вдалеке. Таким образом, площадь как бы функционально приравнивается к улице.

Площадь и улица – два главных мотива в изображении города в живописи кватроченто. Взаимосвязанные и взаиморазличные, они воплощают два аспекта восприятия и переживания города: как идеальной урбанистической модели и как реальной среды обитания; как пространства статического, централизованного, покоящегося в себе, и как пространства динамического, векторного. Но и в том и в другом случае это пространство, раскрытое вовне.

В живописи мотив средневековых ворот, которые семантически всегда закрыты, сменяется мотивом триумфальной арки. “Арка, – пишет Альберти, – это как бы всегда открытые ворота”. Она расположена как правило, в глубине на заднем плане, на границе городской территории, там, где средневековые ворота наглухо отделяли город от окрестностей; арка, напротив, распахивает город, через ее широко прорезанные пролеты открывается вид на природу, дали, на пространство не-г о р о д а. Арка рассчитана на то, чтобы через нее проходить, она не останавливает, но манит далью. Город мыслится проницаемым, уводящим взгляд. Для ренессансного человека, выражаясь словами Б. Пастернака, – “всего сильнее тяга прочь”, вдали, в глубь пространства, которое он стремится покорить, во всяком случае, зрительно. Моделируется ситуация, противоположная средневековой: взгляд не извне на город, как объект смыслового притяжения, но из города – вовне.

Мотив раскрывающихся далее, реальной и потенциальной возможности движения, выхода за пределы пространства, изображенного, как в реальной действительности – за пределы городских стен – сущностный признак переживания пространства в эпоху кватроченто, с ее напряженными поисками и предчувствиями еще не реализованных возможностей, эпоху кануна великих географических открытий, безгранично раздвинувших горизонты и смелых пространственных экспериментов в искусстве нового времени.

¹ Пьер Франкастель пишет об итальянской архитектуре XV в. “Правящие круги жили в мире, который “предстояло сконструировать” (*monde “à construire”*), отличным от окружающего их реального мира, и требовали от художников, чтобы те опережали архитекторов”. (*Francastel P. Imagination et réalité de l’architecture civile du Quattrocento // La Réalité figurative. P., 1965. P. 294*)

² О функциональном и смысловом аспекте стен и ворот средневекового города см.: *Saalmann H. Medieval cities. N.Y., 1982. P. 22–23.* Автор подчеркивает значение момента ожидания у ворот города. См. также: *Dufour Bozzo C. La porta di città nel medioevo come “testo” semiotico // Fortifications, portes de villes, places publiques dans le monde méditerranéen. Presses de L’Université de Paris-Sorbonne, 1987.* В статье говорится о присущей воротам функции защиты, которая имеет не только реальный, физический, но и ритуальный смысл. В том же сб. см. также: *Guglielmi N. L’image de la porte et des enceintes d’après les chroniques du Moyen Age. Italie du Nord et du Centre; Robin F. Les portes de villes: symboles et representations dans la peinture et l’enluminure italienne (XIV–XVs).* Автор анализирует сюжеты Ветхого и Нового Заветов, в которых изображение ворот имеет важную смысловую нагрузку. Это – врата Рая, Золотые ворота (Встреча Иоакима и Анны, Въезд Христа в Иерусалим, Шествие на Голгофу, История нахождения св. креста). О пограничной символике двери,

отделяющей пространство внутреннее от пространства внешнего, закрытое от открытого, здесь от там; о различном поэтическом и символическом осмыслении порога, двери – открытой, полузакрытой, закрытой – говорится в книге: *Bachelard G. La poétique de l'espace*. P. 1957. P. 200–201.

- ³ *Robin F. Jerusalem dans la peinture franco-flamande (XIII – XV-ème siècles). Abstractions, fantaisies et réalités // Jerusalem, Rome, Constantinople. L'image et le mythe de la ville. Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1986. P. 34.* Проекцией реальной средневековой ситуации: “у городских ворот” является фигура апостола Петра в роли ключника у врат Небесного Иерусалима.
- ⁴ О соотношении пространственной структуры средневекового и ренессансного города см. интересные наблюдения Бруно Зевви: (*Zevi B. Saper vedere l'urbanistica. Torino, 1971. P. 12–13*). В этой связи Зевви приводит, без ссылки на источник, слова Р. Барта: “...Город – это ткань, состоящая не из равнозначных элементов, в которых можно перечислить их функции, но из элементов значимых и не значимых... К тому же должен заметить, что все большее значение начинают придавать значимой пустоте вместо пустоты значимого. Иными словами, элементы становятся все более значимыми не сами по себе, а в зависимости от их местоположения” (С. 19–20). Тема городской площади, ее генезиса, ее семантики в последние годы вызывает большой интерес специалистов. В 1988 году в Штутгарте проводился симпозиум, на тему: “Площадь – общественное пространство. История – реальность – представление” (“Piazza-offentlicher Raum. Geschichte – Realitäten – Visionen”, *Kunsthronik, 1989, H. I. S. 31–37*).
- ⁵ При всей условности в изображении зданий, они очень точно воспроизводили сохранившиеся в основных чертах до наших дней в Ассизи архитектуру площади Коммуны, с античным портиком храма Минервы, встроенным в ряд средневековых домов.
- ⁶ Подробнее об этом в: *Данилова И.Е. Брунеллески и Флоренция. М., 1991, С. 96–98.*
- ⁷ См.: *Freedman L. Masaccio's St. Peter Healing with his Shadow: a Study in Iconography // Notizie da Palazzo Albani. Rivista semestrale di Storia dell'Arte. 2 / 1990. P. 16.* Автор приводит библиографию по этой теме.
- ⁸ См.: *Casazza O. La grande gabbia architettonica di Masaccio // Critica d'Arte. 1988. N. 16. P. 91–92; Freedman L. Op. cit.*
- ⁹ Во Флоренции ночью на перекрестках зажигали фонари, в то время как весь остальной город был погружен во тьму.

“ГОРОДСКАЯ СТЕНА” КАК ДУХОВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Л.В. Стародубцева

Пошел он за городскую стену,
чтобы предаться размышлению.

Платон. Федр

Как известно, определить понятие значит о-пре-де-л-и-ть его, т.е. буквально, установить п р е д е л ы его понимания. Не может ли выступать простейшей пространственной аналогией установлению пределов понимания сооружение городских стен? Ведь “поставить город” значит не что иное, как о-г-р-а-д-и-ть пространство, возвести городские о-г-р-а-д-ы, укрепления.

О-граждать. О-гороженное место. Очевидно, в самом понятии Города заложена онтологическая необходимость существования некоего предела, границы, стены, отделяющей Город от не-Города.

И отсутствие такого сущностного элемента, как “Городская Стена”, в

проектах “мирового” города не снимает проблемы его границ как явления особого.

Должно быть, городская стена – отнюдь не только та мощная, прочная конструкция, образы которой навевают извечные клише суровых и неприступных оборонительных сооружений. Стены строятся “на века”, но далеко не вечны. Ибо Город погружен в Историю. А понимание исторического развития города неразрывно связано с его экспансией вовне, на новые территории. Отсюда – подвижность городской черт, сквозь которую посады, предместья, застенья, околотки, слободы и прочие окружающие поселения входили в город. Следы защитных укреплений, валов, верков на городских планах обволакивают исторические центры городов как годовые кольца на спилах деревьев.

Но подвижность черты города не снимает актуальность идеи “огражденного” города как особого пространства, его осознания и познания. Во всяком случае, сегодня стена города свободно мыслится не только телесно осязаемой конструкцией крепости с глухими и проезжими башнями, бойницами, машикулями, но и вполне проницаемой, прозрачной и чисто символической преградой вроде монументальных ворот или знаков при въезде в город, отмечающих условный пунктир территориальной границы.

Однако черту, разделяемую Город и не-Город, вероятно, можно провести не только в пространстве реальном, но и в пространстве духовном. В таком случае “Городская Стена”, граница внутреннего и внешнего, своего и чужого пространства, могла бы быть трактована нами и шире, как чисто умозрительная интеллектуальная граница понимания. Как духовная конструкция, условно разделяющая представления о здешнем и тамошнем, земном и небесном существовании.

Стены небесного града

“Вот Я начертал тебя на дланях Моих; стены твои всегда предо Мною”¹. В Библии не раз указывается на Божественное, неземное происхождение города. Города конкретного и “города вообще”. Казалось бы, что может быть общего между двумя образами: затесненного, скованного здешнего жилья:

В этих узких улицах, где громоздка
даже мысль о себе...²

– и светлыми, свободными пространствами вечной обители, Небесного Иерусалима:

Улица города – чистое золото,
как прозрачное стекло³.

Неужели действительно мы проживаем в “стране несходства” и чело-
вечьим городам никогда не приблизиться к абсолюту идеального перво-
образа?

Но духовная связь человеческого и Божественного начал в идее
Города вряд ли может пониматься однозначно. Одно выстраивается в
сознании по образу и подобию другого. И должно быть, это именно тот

случай, когда имеет место сложное скрещение, взаимоотражение, взаимопроникновение двух начал: с одной стороны, в концепциях строения небесного Града отчетливо прочитываются его земные прототипы и, с другой стороны, земные города создаются как упрощенные копии небесного, “подобья небесного рая”. Неслучайно М. Элиаде выделяет Город, наряду с Храмом и Домом, в качестве одного из основных элементов, чья реальность является составной частью символики надземного центра, который уподобляет их себе и преобразует в центры мира⁴. Но если Город понимать как модель Мира, что не является ли Стена Города, собственно, границей миропонимания?

Ведь понимание, как известно, возникает именно на границах, даже если это и граница мирового и вне-мирового существования. Иначе было бы сложно объяснить, почему образ Небесного Иерусалима в “Откровении Иоанна Богослова” опирается на описание преимущественно одного главного элемента – Стены. В Библейском тексте нет развернутых описаний устройства Вечного Града. И это вполне объяснимо, так как Великий Город, нисходивший от Бога – не что иное как абсолютная форма: абстрактный куб из “чистого золота или прозрачного стекла” со стороны двенадцать тысяч стадий: “длина и ширина и высота его равны”⁵.

Святой Город, сходящий с неба, не имеет храмов (“Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель – храм его”⁶). Нет упоминаний площадей, каких бы то ни было строений. Лишь один раз упоминается “улица”, так что создается впечатление, будто бы Город состоит из единственной улицы⁷. И при этом – подробнейшее, детальнейшее описание городских стен и ворот:

Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов.

С востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот.

Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца.

И стену его измерил во сто сорок четыре локтя, мерою человеческою.

Стена его построена из ясписа.

Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями.

А двенадцать ворот – двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины⁸.

Поразительно, откровенное Слово Божье – и вдруг приземляющая конкретность, строгая описательность: исчислены ворота и измерена высота стены вечного Града, поименован каждый из двенадцати драгоценных камней, украшающих все ее двенадцать оснований. Перед нами – не метафора преграды, но конкретная Стена. Множество точно обрисованных деталей как бы призваны усложнить, затруднить символическое прочтение текста.

Что это, попытка “заземлить” тайное знание, данное в откровении, сделав его максимально доступным пониманию, измерив “человеческой

мерою”? Или аллегорический способ непрямого истолкования истин? А может быть, речь идет о произвольном, бессознательном “переносе” земных конкретных черт, образов и представлений на сферы за-предельного, трансцендентного знания.

Так или иначе, данный нам образ абстрактной “чистой” формы бытия-в-вечности заключен в о-граду вполне земных каменных стен, что, вероятно, имеет свою внутреннюю логику: вечная Жизнь – и с т и н н а я, п о д л и н н а я, н а с т о я щ а я (в отличие от мирской суеты), поэтому и тот самый последний, “окончательный” предел, который отделяет вечность от времени, наделен чертами истинности, подлинности, настоящести его зримого эквивалента, достаточно “правдоподобно и достоверно” описанной Городской Стены.

Следует ли сожалеть о том, что эта стена, существующая лишь в сознании твари и творения, но не Творца, может быть воспринята л и ш ь и з в н е, и н и к о г д а и з н у т р и: для блаженно пребывающих в при-сносущном стен еще или уже не существует. Здесь стена скорее не разделяет, но воссоединяет духовно разнородные пространства, потому что в вечном Городе по ту сторону жизни и смерти “ворота не будут заперты днем, а ночи там не будет”⁹.

Врата

Чем о-граниченное пространство отличается от без-граничного, если не способом фиксации движущихся пределов его осознания? А б с о л ю т н о з а м к н у т о е п р о с т р а н с т в о – чисто логическая абстракция, подобная понятию абсолютной пустоты. И наверное, никто не возьмет на себя смелость отрицать, что абсолютно замкнутого пространства в нашей реальной жизни либо вовсе не существует, либо его просто невозможно осознать. Ни изнутри, ни, тем более, извне.

Любые границы, в сущности, преодолимы и проницаемы. Или, фигурально выражаясь, любая Городская Стена имеет Врата. И неспроста этот несколько загадочный мотив условных т о ч е к “п р о - р ы в а” издавна наделялся глубокой символикой: Врата Ада и Рая, “врата вечности”. Иисус Христос о себе говорил “Я есть Дверь”.

Интересно, что в древнеиндийском эпосе упоминается множество городов: божественных и земных, радужно сияющих и опустошенных врагами (Айодхья, Ланка, небесный город Индры), и всякий раз город описывается, подобно Небесному Иерусалиму, с особым смысловым акцентом выделения двух стабильных элементов: Стены (с высокими башнями) и Ворот:

Под стать Амаравати – Индры столицы небесной,

Стеной золотой обнесен этот остров чудесный.

На Ланку, ее золотые ворота и храмы

Глядел в изумленьи сподвижник великого Рамы¹⁰.

В поэме “Буддачарита” Ашвагхоши тема Городских Ворот звучит более чем вносказательно. Мотив входа Гаутамы Будды в город и выхода Великого Учителя из города повторяется несколько раз, приобретая

характер символического действия. Будда переходит из города в город – Паталипутра, Раджагрига, Шравасти, Капилавасту, Анчавари, Бенарес, Гайя... Врата раскрываются перед Всемудрым и Совершенным – и закрываются за Ним. Само понятие городских ворот и имя Благого Сиддхартхи во многом сближаются. Так, в одном из эпизодов поэмы рассказывается о том, как воротам города Паталипутра было дано имя Будды:

За ворота городские
Будда вышел и пошел
Он к реке могучей Гангу,
Чтобы воду перейти.
И правитель из почтенья
Перед Буддой повелел,
Чтобы имя “Гаутамы”
Было имя тех ворот.

.....
Так ворота Гаутамы
Всем известны чрез века¹¹.

Ворота Гаутамы. В определенном смысле, и сам Будда становится Вратами. Вратами в истину, за которыми совершается отречение от себя и возвращение Домой. Иными словами переход от открытой пустыни призрачного мира – майи к Небу – бессмертному городу, оказываются тесно сплетенными с образом “Врат”, прохождение сквозь которые означает преодоление преграды между потоком жизнесмертия и Самобытием Самосущего.

Как понимал свою земную миссию Будда?

Я проснулся для правды.
Седлай же коня мне.
Скорее. Желая
Я в город бессмертный войти¹²,

Сам себя Будда именовал Путь, или Дорога. Таким образом, три символических элемента – Д о р о г а в бессмертный город, С т е н а его и В р а т а – переплетаются в прочный смысловой узел. Две линии, одна из которых – Путь к городу, а другая – Стена этого города, скрещиваются под прямым углом в символический крест. А в средокрестии лежит точка Ворот – средо-точие Ворот, точка пересечения пути к истине и границ гордыни самости, границ своего собственного “я”, которые необходимо преодолеть.

Врата. Точка. Предел окончаний, в котором выход равен входу:

Это разрушишь, и с этим
Также окончится то.
Верная точка одна.
Это предел окончанья¹³.

Врата, через которые пролегает “восьмикратный путь” к освобождению из круговорота рождений и смертей, приоткрывают завесу Вселенской Пустоты в точке соприкосновения двух сфер – этой и той. Врата – место разрыва Стены – и место разрыва цепи перерождений. Символ

схождения внутреннего и внешнего к тому свертывающему Единству, в котором не существует различий внутреннего и внешнего. Точка схождения земной перспективы. А стало быть, и Надежда на возможность преодолеть Стены. Выйти из города. Войти в Город бессмертный.

Преодоление стены

Достаточно взглянуть на аэрофотоснимок одинокой замкнутой крепости, разместившейся, к примеру, в живописной излучине реки, чтобы подметить более чем разительный контраст: искусственный мир идеально правильной формы – и необузданная, виталистская стихия природного ландшафта. Сухой расчетливый план – и непреднамеренный, свободный рисунок самой жизни. Стены между тем и другим нужны разве для того, чтобы “обороняться”. Но каменные ограды прочны лишь до тех пор, пока плоскость жизненного взгляда скользит горизонтально, вдоль земной поверхности.

Стоит подняться на высоту “птичьего полета” – те же стены окажутся ничемными, нелепыми. Метафора выхода из замкнутого пространства Города – вознесение в вертикальной плоскости. Метафора выхода (души) из замкнутого в границах рождения и смерти пространства умпостигаемого Мира – что это? Попадание в “поперечнике времени”? Медитативные “отлеты” в слои более тонкой материальности? Погружение в “метафизические глубины” действительности?

Небезынтересная деталь. Для описания наиболее отвлеченных философских споров о самых что ни на есть первопричинах бытия подлинно сущего в “Диалогах” Платона отчего-то в качестве фона-антуража избирается именно за городный ландшафт. Это кажется, по крайней мере, удивительным, если вспомнить, что, по замечанию самого Платона, истинный философ (а речь шла о Сократе) постоянно пребывает в городе.

На упрек, брошенный Сократу его юным другом Федром: “А ты, поразительный человек, до чего же ты странен!.. Из нашего города ты не только не едешь в чужие страны, но, кажется мне, не выходишь даже за городскую стену!”. Сократ отвечает: Извини меня, добрый мой друг, я ведь любознателен, а местности и деревья не хотят меня научить, не то что люди в городе. Впрочем, ты, кажется, нашел средство заставить сдвинуться с места”¹⁴.

Люди в городе, человек и его сознание занимают мысли философа. Городом замкнут круг его общения. Сократ настолько плохо знает лежащие за городом окрестности, что его даже называют иностранцем, которому нужен проводник!¹⁵ И тем не менее, как явствует из разъяснения Платона, все же именно загородные пейзажи более всего располагают к размышлению: “ведь по дороге в город удобно и говорить и слушать”¹⁶. Философ-горожанин, дабы предаться размышлению, вынужден выйти за городскую стену. Не скрывается ли здесь противоречие?

Очевидно, сам момент выхода за городскую стену представляется Платону существенным. Ибо существенно рязнятся и два

взгляда на город – горожанина и “иностранца”, “иностранца” по той простой причине, что “философия всегда несвоевременна. Это безрассудство”¹⁷. Что же разделяет “внутреннюю” точку зрения городского жителя и “внешнюю” – “иностранца”? Снова – Городская Стена?

Переход от обычности взгляда изнутри к отрешенности взгляда извне с известной долей условности можно охарактеризовать как ситуацию осмысления. Философская рефлексия в некотором смысле также преодоление некоей “бытийной стены”, преграды, отделяющей ноуменальную истину от феноменальной. Ведь понятийный предел между бытием в себе и его осмыслением, должны быть, не менее фундаментальное интеллектуальное сооружение, чем каменная стена между Городом и не-Городом.

Преодоление этой границы связано с неслишком-то уютным ощущением про м е ж у т о ч н о с т и. Прежнее жилище уже оставлено, новое – еще не найдено. Речь идет о ситуации попадания в такую “пограничную ситуацию”, где сама пограничность уже не осознается, поскольку давно стала нормой. Осознавание – по сути, состояние перехода.

Текучесть, подвижность, неустойчивость состояния “в е ч н о г о п е р е х о д а” – его едва ли не самая важная, существенная особенность. Переходы от некогда бывшего к некогда будущему, от “я” к “не-я”, от непонимания к мгновенным отблескам понимания – это всегда разрушение стен, фундаментов, прочных оснований – это всегда потеря статики и покоя, так как покинуть Дом – еще не значит обрести новый Дом. Так же как и потерять “здесь” еще не значит найти “там”. Но не в этом ли двойном оборачивании смыслов утраты и обретения преодоление Стены?

Вне истории

Утопию часто называют попыткой “выпрыгнуть из истории”. Прекрасные утопические города-иллюзии, наверное, тем и хороши, что они существуют на определенной смысловой дистанции. И стало быть, отделены от реальных, слишком уж серых и слишком уж грязных городов-спрутов модными мыслительными конструкциями Городских Стен, возведенных из строительного материала человеческих знаний и представлений о лучшем мироустройстве.

Поиски “иного места”, мотивы духовного кочевничества и переселения в “другие миры” пронизывают толщи философских систем, религий, концепций с неизбежным постоянством, вынуждая мечтательное человечество то и дело переселяться в миражные нереальные города, выключенные из потока времени – от затонувшего в океанах памяти Китеж-града до вознесшегося над земным существованием Града Божьего.

Печально известные попытки выстроить идеальные города и попробовать выжить в них еще здесь, на этой земле, увы, всякий раз оказывались неудачными. Интеллектуальное переселение с т о в м е ч т у – зыбка и шатко. Реальное – тем более.

Не оттого ли не суждено было осуществиться “Платонополису”.

этому городу философов, который мечтал основать в III в. Плотин, этому “плотиновскому поселку, ставшему монастырем”¹⁸?

Воображаемые города имеют право на существование, ибо они у же существуют в сознании. В том самом сознании “примышляемого мира”, где их существование подлинно. К тому же, в этих сияющих “сознаньевых” городах, которые пребывают “там и тогда”, дышится легко и свободно, в то время как в реальных городах “здесь и теперь” – тесно и душно. Но если стены между тем и этим Городом вдруг оказываются прозрачными, все утопические иллюзии мгновенно развеиваются. Растворяются в облаках подобно призрачным тибетским городам Ди – За – “пожирателям ароматов”¹⁹, которые лишь на миг показывались в небе и тотчас же рассеивались в тумане кажимости. Или попросту развеиваются как искрящийся во тьме город Ланка, однажды ставший “небесным, парящим в ночных облаках бестелесным виденьем”²⁰.

Любопытно, что не только “лучшие”, но и “худшие” миры могут опираться в представлениях той или иной культурной традиции на образы Города. Даже Дантов Ад, если воспользоваться словами О.Э. Мандельштама – а н т и л а н д ш а ф т е н: “там город развеян повсюду” – и действительно, с этим сложно не согласиться; архитектонику и конструкцию Ада не передать в виде воронки; мир “inferno” не изобразить на рельефной карте. “Ад висит на железной проволоке городского эгоизма”²¹.

Какое-то неодолимое “городолюбие, городострастие, городоненавистничество”²² лежит в основе метафизических представлений о тамошнем жизнеустройстве. Небесный Град Новый Иерусалим, индийские города Индры и “Верграды” Д. Андреева имеют много общего. Но принципиальное несходство утопии и жизни, наверное, естественно. По крайней мере, до тех пор, пока Стены между добрым и злым, между праведным и грешным понимаются как непроходимая смысловая преграда; как неразрешимая дилемма, вроде экзистенциального барьера жизни и смерти. Но если все же попытаться мысленно разрушить эти стены до основания, как это некогда сделал Блаженный Августин своей концепцией “Д в у х Г р а д о в”?

По мысли Августина, между незримым Градом Божьим, или незримой Истинной Церковью, сообществом праведных, и Градом земным, или Градом диавола – всеми людьми, живущими по велению гордыни – не существует непреодолимых границ. Божественное и человеческое, вечное и преходящее погружены друг в друга, существуют одно в другом. Одна из излюбленных мыслей Августина в том, что Два Града неразличимы для простого человеческого ока – они существуют в смешении. И что цель человеческой истории – драматический конфликт двух Градов – осуществляется за пределами временной истории²³.

Так, понятие Городской Стены внезапно может приобрести новый смысловой оттенок: это не только грань между жизнью и смертью, сущим и не-сущим, олицетворяемыми образами двух Градов, но и снимающие их условную противопоставленность границы “начал и концов” человеческой истории. Ведь мы всегда находимся “в н у т р и

и истории”, и тем не менее проникнуты вечным желанием “освободиться от истории, выйти за ее пределы, ускользнуть от нее во вне-временное”²⁴.

Именно поэтому, выходя из привычного пространства нашего каждодневного бытия в его вечностное измерение, идеальные построения урбанистических ландшафтов потустороннего мира остаются до-, послелили вне-историчными. Своими “чистыми” формами круга, квадрата, правильного многогранника они как бы очерчивают структуры метафизических “щелей” этой действительности, сквозь которые “прорываются” границы истории. В этом смысле любой концепт вымышленного города – это в какой-то мере и иллюзорная победа сущности над существованием, в о з н е с е н и е н а д и с т о р и е й, крушение возведенных нами же стен Миров-Здания.

“Спиритуализация” Города?..

Понятие Городской Стены как о-г-р-а-д-ы духовного Города-Мира многосмысленно и многоглубинно. Вероятно, в силу того, что это – прежде всего метафора. И в этом, отчасти, наверное, подобная метафоре “Городской Души”:

Душа огромная, смутная, подобная этим соборам,
Стушеванным дымною мглою.
Душа, что скрывается в каждой из этих теней,
Спешащих по улицам мрачных кварталов.
Душа, в которой прошедшее чертит
Сквозь настоящее смутные лики наступающих дней²⁵.

Душа города. А может быть, городская “самость”. Сущность, существо. Та сияющая аура, созданная веками духовных наслоений, каменных росчерков многослойной человеческой культуры, что окутывает неизъяснимым золотым свечением путаницу площадей и перекрестков, памятников и сонных кварталов.

Глубинная символика городских стен и ворот, так же как и своеобразная философия городской улицы, площади, переулка²⁶, должно быть, образует рядом с реальным городским ландшафтом, внутри него особый д у х о в н ы й л а н д ш а ф т, среди координат которого – время и вечность, сущность и существование, словом, перечень “первых и последних” вопросов человеческого бытия.

Сколько мыслителей, философов, поэтов стремились отыскать непостижимую городскую душу. Освальд Шпенглер с его философией “человечества городов”, свободно рассыпавший в пространстве истории китайский и индусский, аполлоновский и фаустовский “образы города” и порою отождествлявший сами понятия Город и История... Андрей Белый, утопивший образ города в “бесконечности проспекта, возведенного в энную степень”... Или Борис Пастернак, стусивший понимание всепроникающей городской духовности всего двумя строками о Городе:

Он сам, как призраки, духовен
Всею тьмой перебивавших душ²⁷.

“... Раскрыть душу города и душу, меняющуюся в историческом процессе, освободить ее из материальной оболочки города, в недрах которой она сокрыта, провести таким образом процесс спиритуализации города. Тогда явится возможность вызвать беседу с душой города, открывшейся для тихого созерцания”²⁸.

Эти слова принадлежат Н.П. Анциферову, удивительному искателю “Души города”.

К бесконечности, к небу обращены хитросплетения планировочных рисунков городского портрета. К бесконечности, к небу обращена гигантская геологическая исповедь города, его пространственная и духовная автобиография, в которой мелькают тысячелетия, города отстраиваются и разрушаются, цветут и пустеют; и в которой уже нет больше Вавилона, Афин, Рима, Константинополя, Парижа, Петербурга; лишь едва слышный шепот, лишь одно имя: г о р о д ч е л о в е ч е с т в а .

Впрочем, наверное, следует признать. Размышления о городской душе, урбанистических “мыслеземах”, залежах вековых культурных смыслов и значений – от пронизанных урботеистическими нотками свободных эссе до кропотливых научных исследований, от вольных поэтических метафор – до философских обобщений – остаются столь же эвристичными, сколь и, увы, исполненными чувства некоторой интеллектуальной безысходности. Очевидно, городскую душу от городского тела также отделяют своего рода ст е н ы. Движущиеся границы, пределы понимания. И их пра-образом, вероятно, может послужить все та же прозрачная и хрупкая интеллектуальная конструкция, условное название которой – “Городская Стена”.

¹ Исаия, 49, 16.

² Бродский И. Римские элегии // И. Бродский. Стихотворения. Таллинн, 1991. С. 213.

³ Откровение. 21, 21.

⁴ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 33.

⁵ Откровение. 21, 16.

⁶ Откровение. 21, 22.

⁷ См., например: Забельшанский Г.Б. Город как архетип культуры // Проблемы истории архитектуры. М., 1990. С. 25–29. ✓

⁸ Откровение. 21, 13–21.

⁹ Откровение. 21, 25.

¹⁰ Махабхарата. Рамайна / Пер. с санскр. М., 1974. С. 468.

¹¹ Ашвагхоша. Жизнь Будды / Пер. К. Бальмонта. М., 1990. С. 204, 205.

¹² Там же. С. 76.

¹³ Там же. С. 162.

¹⁴ Платон. Федр // Платон. Сочинения. М., 1970. Т. 2. С. 163.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Платон. Пир // Там же. С. 98.

¹⁷ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / Пер. с нем. М., 1991. С. 146.

¹⁸ Адо П. Плотин, или Простота Взгляда / Пер. с фр. М., 1991. С. 111.

¹⁹ Бардо Тедоль. Тибетская книга мертвых. М., 1991. С. 158. (рукопись).

²⁰ Махабхарата. Рамайна... С. 468; ср. также: С. 386, 403.

²¹ Мандельштам О. Разговор о Данте. Ardis., Ann Arbor, 1983. С. 63, 64.

²² Там же. С. 63.

- ²³ См., например: *Столяров А.А. Августин: Жизнь. Учение // А. Августин. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М., 1991. С. 5–50.*
- ²⁴ *Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М., С. 276–280.*
- ²⁵ *Верхарн Э. Душа города // Э. Верхарн. Избранное / Пер. с фр. М., 1955. С. 145, 148.*
- ²⁶ Интересно, что, к примеру, в книге воспоминаний “более или менее русского философа” А.М. Пятигорского “Философия одного переулка” (М., 1992) нашли отражение вопросы отнюдь не “переулочного” философского масштаба.
- ²⁷ *Пастернак Б. Город (“Зима на кухне, пенье петьки...”) // Пастернак Б. Избранное: В 2 т. М., 1985. Т. 1, С. 359.*
- ²⁸ *Анциферов Н.П. Душа Петербурга // Н.П. Анциферов “Непостыжмый город...” СПб. 1991. С. 30.*

ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДА КАК СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА

СПЕЦИФИКА АРХИТЕКТУРЫ ПСКОВА И ТРАДИЦИИ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ

А.И. Комеч

Своеобразная архитектура Пскова изучена до сих пор недостаточно глубоко и детально. При всей любви к "псковско-новгородскому братству" людям XIX в. псковские церкви казались маленькими и примитивными, как бы расползающимися в ширину различными пристройками, не имеющими художественной ясности. Интерьеры церквей поражали теснотой, загромаждением столбов, отсутствием структурной идеи. Как писал в середине XIX в. Н.Н. Голицын, "... псковичи были поставлены в условия, которые развивали в них гражданскую государственную деятельность, не дававшую времени развиваться чувству или вкусу. Ремесла и занятия, усвоенные издревле, не покидались, искусство не развивалось, те же многочисленные постройки, без вкуса и симметрии, являются в XIV и XV вв."¹ Церкви определялись как милые, уютные, тесные, но славные. Категории большого искусства казались к ним неприменимыми, их достоинства усматривались лишь в живописности композиции, сравнивавшейся с жилыми домами, и немногочисленных декоративных деталях, неправильном, лепном характере стенных поверхностей.

К тому же долгое время псковские церкви рассматривались лишь как подражания новгородским, лишенные собственного творческого начала.

Исследование затруднялось и сложностями датировок церквей. В начале XX столетия к псковской архитектуре XIV–XV вв. относилось не менее полутора десятков построек, что создавало потенциальную основу для развитых суждений. В настоящее же время выяснилось, что из пятидесяти церквей, воздвигнутых в Пскове от начала XIV в. до 1460-х гг., сохранились лишь три. Для важнейшего периода, середины XIV – середины XV вв. – ни одной. В этих условиях резко возрастает значимость уцелевших построек, становящихся единичными источниками суждений о столетних этапах развития. Волей судьбы такое место для XIV в. приобрела Никольская церковь в Изборске, а для XV в. – Успенская церковь в Мелетове. Обе расположены в псковских пригородах, но связаны с инициативой псковского веча, олицетворявшей князем и боярами. Оба памятника дают возможность представить подлинные формы псковской архитектуры, почувствовать разницу создавших их эпох.

XIII–XIV века были для Пскова эпохой формирования его самостоятельности. Если в предшествующие столетия он являлся окраинной территорией Киевской Руси, новгородской провинцией, лежащей в стороне от жизни главных городов, то теперь он оказывается в центре активной-

ших исторических процессов. Формирование прибалтийских государств, возникновение агрессивного и мощного ливонского ордена, превратили Псков в форпост Руси, пограничный город, вынужденный уделять огромное внимание политическому и военному противостоянию, защите не только своей самостоятельности, но и самого существования. Часто в этой борьбе Псков вступал в конфликт и с Новгородом – и тогда не было ему откуда ждать помощи, все зависело от Бога и собственной доблести.

Подобная историческая ситуация во многом формировала атмосферу духовной жизни города, его культуру. Никольская церковь в Изборске, помогает нам понять поэтику далекой эпохи не только своей архитектурой, но даже самими обстоятельствами своего возникновения.

Крепость в Изборске, псковском пригороде, была возведена в 1330 г. Для псковичей создание крепости было всегда неотделимо от строительства в ней церкви. Небесный патрон храма становился защитником и покровителем церкви. В 1342 г. немцы подходят к Изборску, "хотяше пленити дом святого Николы". При такой интонации псковской летописи мы можем быть уверены в создании Никольской церкви одновременно с крепостью, в 1330 г., хотя и не знаем, была ли она каменной или деревянной (Псковская первая летопись).

2 августа 1342 г. псковский князь Юрий Витовтович заперся в изборской крепости, а третьего августа ее окружили немцы. Псковичи обратились за помощью к новгородцам – "и новгородцы не даша псковичам помощи... и видевшие псковичи, что помощи им нет от края же страны, и положише уповаша на бога на святую троицу и на Всеволожу молитву и на Тимофееву". Вдруг, неожиданно, через десять дней, немцы, не зная, что в Изборске нет воды, снимают осаду и уходят "помощию святых Троица и молитвою святого отца Николы" (Псковская первая летопись).

История эта имела драматическое продолжение 13 апреля 1350 г. в понедельник святой недели, когда князь Юрий Витовтович "возмь с собою попов святыи Троица и диакона и поиха в Изборск свящати церковь святого Спаса Преображения, у святого Николы на полатях". Полати, придел на них – явное свидетельство существования в этой время уже каменной Никольской церкви. Если даже освящение маленького придела на хорах памятного князю храма проходило столь пышно, то о строительстве самого храма после 1342 г. летопись обязательно бы сообщила. Значит, он был выстроен в камне еще до 1342 г. Для ощущения связанности реальных событий с небесным покровительством укажем, что посвящение придела обусловлено событиями 1342 г. Праздник Преображения, 6 августа, совпал с осадой Изборска, освобождение крепости было истолковано как свидетельство божественной поддержки в ответ на молитвы этого дня.

Финал событий, начинавшихся как своеобразный триумф, оказался трагическим. Через день, в среду на святой неделе, 15 апреля под Изборском появились немцы. Псковичи и изборяне выступили против них и разбили, однако на первом же приступе был убит князь Юрий Витовтович: "бысть же тогда во Пскове скорбь и печаль велика; и проводиша князя все поповьство, положиша и во святей Троици" (Псковская первая летопись).

Изборск является самым ранним примером псковского оборонного строительства, в котором ясно видны особенности местных крепостей. В отличие от западноевропейской традиции, когда башни, донжоны, являлись доминантами оборонительных комплексов, псковские крепости были прежде всего оградами – не очень высокими и довольно тонкими (толщина стен около одного метра, как в церковном строительстве), с воротами, но без башен, которые пристраивались позднее постепенно. Крепости не подчиняли пейзаж каменной структуре, их стены гибко следовали очертаниям места. В самом их облике нет ничего угрожающего и наступательного, назначение стен – охранительное, защитное. Не случайно так пленителен пейзаж Изборска, где ландшафт, стены и церковь пронизаны общим настроением и ритмом, что так прекрасно выражено словами летописи "дом святого Николы".

Облик Никольской церкви определен новгородской архитектурной традицией первой половины XIV в. Это небольшой крестово-купольный одноглавый храм с одной апсидой. Стены его делились на три части лопатками и завершались кровлей на два ската, с ползучими арочками по верху стен. Барабан главы имел восемь окон, он завершается двумя рядами арок (верхний – нишки). Внешний вид церкви сильно искажен пристройками, тяжелой четырехскатной кровлей, закрывшей наполовину барабан, почти все окна грубо расгесаны.

Значительно лучше сохранился интерьер церкви. Квадратные столбы выявлены только в нижней зоне, выше рукава креста обрисованы глухими стенами. Угловые помещения отделены от центрального пространства и почти замкнуты. В средней зоне масса стен как бы скрыта за ровным движением стенных поверхностей, движение которых имеет равномерный огибающий характер. Единство стенных поверхностей неожиданно дробится в странных очертаниях сводов с двойными подпружными арками, поставленными тесно и как бы бессмысленно. Обычно подпружные арки концентрируют структурное начало, здесь же они его дробят и мельчат. Ритмика арок и сводов не имеет центрального характера, узкий барабан еще больше лишает завершения объединяющей роли. Барабан меньше ширины подкупольного компартамента, он как бы обужен, уплотнен массивными ступенями арок и сводов.

Само пространство имеет характер как бы следствия объемной структуры, которая сама по себе достаточно противоречива. Преобладает ощущение пассивности зрительной организации форм, отсутствия артистической концепции. Но эта разреженность, неконцентрированность формообразования рождает при восприятии этой архитектуры удивительную ненапряженность, простоту, доверчивость и открытость эмоционального состояния. Атмосфера храма полна смирения и некоторой тревожности. Подобный характер среднего пространства сосуществует со стремлением создать почти закрытые, укромные камеры, рассчитанные буквально на одного-двух человек. Они устраиваются в угловых частях во втором ярусе и становятся специфической чертой псковского зодчества. В юго-западном углу Никольской церкви располагался Спасо-Преображенский придел, столь памятно освящавшийся в 1342 г.

В Никольской церкви псковское искусство обретает собственную

выразительность, хотя композиционная схема остается новгородской в основе. Псковской культуре чужды горделивый масштаб, уверенность, властность Новгорода. Но в чистоте поэтического образа псковских церквей есть особая непосредственность кроткого смирения, доверительность молитвенного обращения к Богу.

Эти черты останутся характерными для Пскова и в XV в. Церковь Успения в Мелетове, возведенная в 1462 г., позволяет ощутить подобную преемственность, но она же свидетельствует о появлении иной определяющей интонации и новой архитектурной концепции. Церковь прошла полную реставрацию, поэтому ее изначальный архитектурный замысел воспринимается максимально полно.

Самое замечательное в мелетовском храме – это его интерьер. В нижней сумрачной зоне четко выявленные столбы дают опору конструкции и композиционному ритму. Темные угловые помещения, практически лишенные света, вносят в интерьер тревожный оттенок. Глухие стены второго яруса скрывают устройство угловых компартиментов, восточные и на самом деле являются недоступными и невидимыми вертикальными колодцами, в западных ритм проемов непредсказуем. Если юго-западный придел имеет обычную узкую входную арку, то северо-западная ячейка кроме такого же проема получает дополнительный прямоугольный проем, выявляющий наличие здесь еще одного помещения. Индивидуальность устройства всех угловых частей несомненна. Храм оказывается состоящим из зон разного характера и устройства.

Те же глухие стены ясно обрисовывают рукава креста, делают ощутимой центральную композиционную ячейку, которая оказывается к тому же достаточно освещенной парами окон в северной и южной стенах. При этом композиция все же не имеет доминирующего центра, несмотря на крестообразный характер. Подкупольный квадрат по величине либо почти равен рукавам креста (боковым), либо даже уступает им (восточному и западному). Сами эти пространственные зоны – центр и рукава креста – кажутся скорее существующими рядом, нежели едиными и слитыми.

В указанных формах много традиционного, того, что мы видели в Никольской церкви Изборска. Сумрачность, некоторая тревожность и неожиданность развития форм, отсутствие ясной доминанты, стремление к небольшим полузамкнутым пространствам, камерам или приделам, шероховатая поверхность стен, чья масса "не закована" четкими плоскостями и прямыми линиями, ощущение вещности, материальности, которая в зависимости от освещения и настроения воспринимается то как затесняющая, угрожающая, то как защищающая, укрывающая, – все это составляет постоянную интонацию псковского искусства.

Многие перечисленные черты выразительности псковских церквей можно соотносить с особенностями церковной жизни города. Во главе церковной иерархии официально стоял новгородский архиепископ, но с 1348 г. повседневное управление перешло к выбиравшемуся из псковичей владычному наместнику. На обязанности архиепископа оставались регулярные визитации для отправления владычного суда и получения "подъезда". Длительное, как бы постоянное отсутствие владыки вызвало возвы-

шение местного духовенства, коллективное руководство жизнью, и не только церковной, обычной формулой общественных постановлений и летописных известий стали слова "все божие священство и весь Псков". Церковная жизнь протекала во Пскове совсем не так обособленно и централизованно, как в Новгороде.

Показательна и история развития псковского монашества. Ни отшельничество, ни общежительные монастыри не получили развития в Пскове XIV в. Для первого не хватало отрешенности от мира и напряженности переживания, для вторых общинной соединенности молитв и отказа от мирских различий. Наиболее подходящими оказались келиотские, обособительные монастыри, небольшие, от двух до семи человек; имущественные вклады, делаемые при поступлении, возвращались при выходе из монастыря. Отдельный быт и отдельное питание ("особь койждо себе в келиях ядяху") – и совместное присутствие лишь в церкви. Но при таком сознании и образе жизни и в церкви искалась возможность обособления – небольшие камеры, приделы, иногда – кельи, иногда – просто ниши.

Стремление к укромности, к особой молитве прекрасно выражено в одной из псковских рукописей: "попом и простьцем держати пости и поклон, и милостини и пенье нелицемерное втайне идеже не видит никтоже, не слышит, но токмо един бог; в малей церкви, еже есть келья своя ти ту есть лепо; а в велицей церкви петии и кланяться до земы то есть не все за ся, но господня часть за ся, ако все за кристьяны и за князя: вернии бо человецы в своей клети бога моляща кланяются за кристьяны и за князя"².

Развитие пустынножительства и последующее создание на этой основе братства и общежительных монастырей началось во Пскове лишь в XV в. Основателем пустынночества стал преподобный Ефросин, начавший свой подвиг в Снетогорском монастыре, ушедший оттуда и основавший в 1430-е годы новую обитель – Елезаровскую.

Стремясь насадить правильный образ жизни, он дал постепенно растущему монастырю устав, тщательно регулирующий именно взаимоотношения братии.

Идеалы тихого добродетельного нестяжательного общежития распространялись на Руси деятельностью Сергия Радонежского и его учеников. Преподобный Ефросин было одним из лучших представителей этого движения. Сам образ преподобного полон новых настроений – он, по словам жития, "тихе име очи", ученика своего Серапиона принял с "незлобием и кротостью... глагола ему тихим гласом, и, утеша его словесы, прощение ему даровав". Жизнь братии трактовалась как "духовный союз в боголюбии и в любви нелицемерне". Общая служба в церкви становилась гораздо важнее особого моления в келье – "аще и всю ночь стоиши в келии своей на молитве, не сравняется единому Господи помилуй общему"³.

Подобное просветленное, объединяющее духовное состояние пронизывает, начиная с эпохи Андрея Рублева, все искусство XV в. Оно проникает в облик псковских храмов, и в первый раз мы обнаруживаем его именно в мелетовской церкви. В интерьере Успенской церкви источник этой новой выразительности – новая система основных сводов,

преобразующих более традиционную нижнюю зону, их все объединяющее мягкое согласованное движение своим ритмом как бы следует словам преподобного Ефросима: "да поют с тихостью и разумно".

Источником и подобной атмосферы и подобных форм в русском искусстве XV в. были Москва и прославленная обитель св. Сергия, Троицкий монастырь. И так же, как новые духовные веяния наполняли религиозную жизнь Пскова в первой половине XV в., так и в его искусство в это время проникли связанные с ним формы московского церковного зодчества. Ступенчатые центральные своды, излобленная форма московских построек, в Успенской церкви Мелетова соединилась с традиционной псковской структурой удивительно естественно.

Подъем центральных арок увеличил зрительно подкупольное пространство, его структурную роль. Храм по всей своей ширине и длине как бы включается в целостность объединенного центрической композицией сводов пространства. Здесь по существу нет арок. Если в Москве всегда четко выделены столбы, их роль подчеркнута профилированными плитами-капителями, поэтому всегда ощутима поднимающаяся от капителей и повышенная по отношению к сводам арка, то здесь сама ровность и непрерывность поверхностей в средней зоне полностью уничтожает ощущение столба, четкой и кристаллизованной угловой опоры. Разделение на арки и своды неощутимо, единая система ступенчатых сводов ясно, равномерно и спокойно собирает все части здания от периферии к центру и придает интерьеру непререкаемую зрительную целостность.

Светлый и спокойный характер ритма линий, форм гармонизует и проясняет художественный образ здания, его выразительность сродни светлой надежде в душе зрителя. Безусловно доминирующая роль верха никак не связана здесь с грандиозностью форм. Формы расчленены равномерно и достаточно камерно, лирический доверительный оттенок переживания этого искусства, безусловно, сохраняется.

Хотя центричность и ступенчатость завершения внутреннего пространства являются отчетливыми формообразующими идеями, тайна очарования мелетовской церкви состоит в неторопливом и как бы невластном ритме их осуществления. Здесь нет противопоставления материала форме, решительного подчинения форме. Ощущение массивной инертности материала не совсем изгоняется, оно, переплетаясь и сосуществуя с формообразующим ритмом, сообщает интерьеру некую озаренность вещного идеальной художественной концепцией.

Как пример сосуществования стихийного и четкого, рационального укажем на смешенность оконных проемов в южном рукаве креста к востоку, возникающую из-за сдвига наружных лопаток к востоку (окна снаружи помещены по центру среднего прясла). Это совсем не обязательно, с северной стороны подобного смещения нет, проемы и снаружи, и внутри находятся посередине. Смещение на южной стороне совсем не смущает зодчих, а восприятие храма дополняется удивительным оттенком непредсказуемости сочетания основной устойчивой структуры и подвижных, как бы скользящих, двигающихся по стене проемов.

Те же самые художественные идеи определили наружный облик церк-

ви. Так же поражает сочетание несомненной цельности и поступенности не крупного расчленения, определенности центрической композиционной концепции – и свободной неспешности ее формирования. Хотя средние прясла фасадов и выше угловых частей, они не выглядят более крупными. Частый ритм ломаных коротких линий завершения напоминает параллельные мелкие пробелы псковской живописи этого времени. Ритм арок, завершающих прясла, совсем не имеет структурной логики, это ритм украшающих элементов, которые, как бахромой, "оторочены" поребриком. Движение арок замкнуто в каждом прясле, не объединяется по всему фасаду.

Строго говоря, лопаток и прясел здесь в обычном понимании не существует. Лопатки и соответствующие им зоны наверху фасадов столь широки, что они принимают вид единой общей поверхности. Чувство непрерывности каменной оболочки сочетается с тонким и последовательным принципом ее ритмической организации. В формировании стены проявляется еще один принцип; общий с манерой живописи, – как бы многослойность фасадного рельефа.

Подъем главы на постаменте переносят общий акцент на центр здания, ослабляет известную самостоятельность фасадов, всегда ощутимую в новгородских и многих псковских памятниках. Ступенчатый подъем центральных сводов стал причиной повышенного завершения, выделения рукавов креста и постамента, формирования особой 16-ти скатной кровли. Внешний облик церкви оказался подчиненным художественной идее в той же мере, как и его интерьер.

Возвращаясь, после описания двух замечательных псковских церквей, к проблемам общей характеристики этого искусства, хотелось бы думать, что трактовка его как близкого бытовому, житейскому, как примитивного и милого останется пройденным этапом наших суждений. Это высокое искусство – по строгости и сосредоточенности религиозного чувства, покою, чистоте и доверительности, по выверенности форм. В мелетовской церкви и последующих памятниках Пскова конца XV–XVI столетий легко обнаружить черты изощренного и сложного понимания форм, их нельзя определить как непритязательные, – напротив, они в лучшем смысле этого слова "притязательны", претендуют на художественную, творческую наполненность и обладают ею.

Пскову в истории русского искусства принадлежат явления культуры духовно сосредоточенной, доверчивой и богобоязненной, порожденной сознанием людей, волей судьбы острее, нежели в других русских городах, понимавших неустойчивость и тревожность бытия. Драматизм искусства XIV в. светлая надежда XV столетия породили прекрасные произведения архитектуры, донесшие до нас дух эпохи в живом художественном выражении.

¹ Голицын Н.Н. История Пскова 862–1510. СПб., 1863. С. 17.

² Попов Н.И. Памятники литературы стригольников. // Исторические записки. 1940. Т. 7. С. 39.

³ Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле. М., 1908. С. 302–303.

ТОПОГРАФИЯ ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОРОДА И ЕГО ЭВОЛЮЦИИ (античный Рим и Италия)

Б.С. Ляпустин

Изучение топографии ремесла и торговли позволяет глубже понять и осмыслить не только многочисленные проблемы жизни и деятельности общества в целом, но и уловить основные тенденции развития города как социального, экономического и культурного феномена. Для выявления главных направлений эволюции античного города необходим анализ размещения объектов ремесленной и торговой деятельности на каждой фазе развития города и прежде всего на раннем этапе и этапе зрелых форм. Торгово-ремесленная деятельность протекала в самых различных формах. Однако основным элементом в структуре торгово-ремесленной деятельности и архитектурном оформлении данных форм производства являлись таберны, т.е. торговые и ремесленные лавки. Что и послужит объектом анализа в данной статье.

Однако для такого рода исследования имеется ряд сложностей прежде всего источникового характера. Это связано с тем, что от раннего периода Рима дошло довольно мало археологических свидетельств. Да и среди сохранившихся объектов довольно трудно порой отделить остатки ранних жилищ от производственных помещений. Кроме того и в письменных источниках нет терминологического различия между обозначением торговца и ремесленника, когда речь идет о таких профессиях как *pistor*, *vestiarius*, *librarius*, *argentarius*¹. Это во многом проистекает из-за отсутствия четкой дифференциации между производственным процессом и торговой деятельностью в античном обществе. Все это в большинстве случаев затрудняет возможность достаточно убедительно идентифицировать производственные помещения, а в табернах определять характер ремесленной деятельности. Тем не менее кое-какие свидетельства на этот счет имеются, что позволяет рассмотреть как расположение таберн в античном городе, так и их движение внутри городского пространства на протяжении древнеримской истории как в столице государства, так и в некоторых наиболее исследованных археологами итальянских городах.

Центром экономической жизни Рима выступает форум, который первоначально был рынком общины. Поэтому лавки, которые присутствовали в античном городе на всем протяжении его существования, естественно входили в архитектурный облик площади. Впервые они появились на форуме уже в период царствования Тарквиния Приска, который, согласно традиции, оформил торговое пространство форума, обстроив его портиками и лавками (*Liv.* 1, 35, 10). Благодаря этому таберны вместе с храмами становятся основными архитектурными элементами римского форума в VI–IV вв. до н.э. В этих лавках, а зачастую и под открытым небом велась и торговая и ремесленная деятельность, так как производство на заказ было одной из основных форм производства в античном Риме². Такой деятельностью и занимались на форуме ремесленники

© Ляпустин Б.С.

различных профессий, разделенные, согласно традиции, Нумой на коллегии (Plut. Numa 17).

Эти таберны существовали еще до появления крупных общественных зданий, строительство которых началось позднее. И к среднереспубликанскому времени таберны на форуме занимали три стороны площади, располагаясь рядом с курией, комицием и карцером, олицетворявшим три высших власти в государстве (законодательную, исполнительную и судебную). Уже одно это свидетельствует о важной роли, которую играла торгово-ремесленная деятельность в этот период в жизни общины и в функциях форума. Справедливости ради, однако, надо заметить, что большинство лавок, по-видимому, использовалось для торговли продуктами питания (Liv. III, 48, 5; Dion Hal. XI, 37, 5).

Здесь встает проблема, кто был собственником этих торгово-ремесленных сооружений на форуме. Свидетельства на этот счет весьма скудны. Но по мнению ряда исследователей, на форуме Рима однокомнатные таберны, выстроенные в ряд, были сооружены на общественный счет и для нужд всей общины, что свидетельствует о том, что лавки принадлежали всей общине и сдавались внаем для обеспечения жизнедеятельности всех ее членов. Впрочем это в полной мере относится и к другим общественным сооружениям на форуме³.

Такая же картина наблюдается и в других городах Италии. В частности в Помпеях следы древнейших лавок на форуме датируются также не позднее IV в. до н.э. Так под возведенным уже в эпоху Ранней Империи огромным зданием Эвмахии, были открыты квадратные в плане и расположенные в ряд торгово-ремесленные помещения, количество которых достигало семи⁴.

Развитие города отражалось во многих характеристиках, в том числе и в изменении типа торгово-ремесленных построек. В конце IV в. до н.э. на римском форуме получил распространение еще один тип здания, расположенный сзади уже существовавших таберн. По упоминанию Ливия (Liv. XXXIX, 44, 7), это строение включало два здания с атрием и 4 таберны. Они принадлежали уже частным лицам – Мениям и Тициям. Однако эти атриумные дома с табернами на форуме предназначались не для жилья, а для общественных функций⁵.

Такой тип строений, зафиксированный античными авторами для римского форума, обнаружен археологами на территории Италии, что позволило наглядно представить облик и планировку этих торгово-ремесленных сооружений. При раскопках города Козы⁶, римской колонии в Этрурии, основанной в 273 г. до н.э., ученые были поражены тем, что местный форум был в буквальном смысле скопирован колонистами с главной площади Рима. В Козе как и в Риме были построены на форуме точно такие же карцер, храм, посвященный Конкордии, круглый комиций, базилика, расположенная рядом с курией.

Главное же для нас это то, что с трех сторон форум в Козе окружали торгово-ремесленные сооружения, которые представляли собой абсолютно одинаково спланированные восемь зданий атриумного типа с табернами, расположенными по обе стороны от входа в каждый атрий. Эти строения были собраны в четыре пары. Каждая пара состояла из

двух атриумных зданий и четырех таберн. Сходство с описанными Ливием двумя атриумами и четырьмя табернами Мениев и Тициев, которые стояли на римском форуме и которые Катон выкупил на свои деньги, чтобы разрушить их и на этом месте воздвигнуть базилику (Liv. XXXIX, 44, 7), не вызывает сомнения. Таким образом, находки в Коэе позволяют не только яснее представить планировку, внешний вид и расположение не сохранившихся на римском форуме остатков данного типа здания, связанного с торгово-ремесленной деятельностью, но и показывают тенденцию к копированию организации пространства римского форума и в том числе и торгово-ремесленных сооружений на территории Италии.

Эти атриумы с табернами интересны не только своей планировкой. Они отражают и новое в жизни форума – это проникновение на его территорию частных торгово-ремесленных сооружений. Это не было случайным явлением, а шло в едином русле выделения богатых фамилий и строительства на частные средства и в первую очередь от лица победоносных военачальников начиная с III в. до н.э. квадропортиков, храмов и других сооружений, украшавших город и служивших интересам всей гражданской общины. Через внесение новых тенденций эллинистической архитектуры в облик Рима реализовывалось желание знатных родов усилению власти и влиянию в обществе. Таким образом на место сооружений на общественный счет приходит частное строительство и в том числе и торгово-ремесленных сооружений на форуме.

Однако развиться этой тенденции сооружения частных таберн на форуме в Риме не удалось. Этому воспрепятствовало новое отношение к роли рынка и его функциям, сформировавшееся в римском обществе к III в. до н.э. Оно выразилось в том, что возвышение Рима после завоевания Италии постоянно требовало, чтобы главная площадь государства отвечала тому международному престижу, которого достиг древний Рим.

О достойном виде форума стали заботиться, что выразилось в ряде преобразований. Варрон по этому случаю отметил, что "достоинство форума возросло, поскольку лавки мясников были заменены лавками мянел" (Varr. De vita populi romani II. fr. 72).

Эта тенденция освободить форум от непристижных сооружений отразилась и на ликвидации строений, связанных с торгово-ремесленной деятельностью. С этого времени идет формирование римского форума как пространства организованного только для политических и судебных функций. Логическое завершение этот процесс нашел уже после падения Республики, когда при строительстве императорских форумов уже не предусматривалось места для каких-либо торгово-ремесленных сооружений. Ремесленное производство теперь на форуме отсутствует вообще, а лавки все группируются в рамках специализированных рынков, которые сооружаются на периферии форума или за его пределами.

Таким образом развились форум в Риме шло совершенно другим путем по сравнению с греческим полисом, где экономическая роль агоры превратилась в доминирующую⁷. И агора чем дальше, тем больше стала обозначать рынок. Форум же, который первоначально являлся рынком в эпоху Поздней республики и Ранней Империи стал обозначать только политическое и судебное пространство и место совершения сакральных

действий⁸. Противоречивая тенденция, характерная для античного города, когда наблюдается естественная тенденция стремления торгово-ремесленной деятельности к центру города, а с другой — постоянное политическое давление, вытесняющее ее к периферии⁹, для Рима заканчивается тем, что таберны вытесняются из центра города. Все это заставляет с большей осторожностью относиться к попыткам ставить знак равенства между греческим полисом и римской *civitas* буквально во всех их аспектах функционирования.

Однако было бы ошибочно объяснять этот сложный процесс изменения расположения таберн в границах Рима только столичным характером города. Точно такие же процессы вытеснения таберн с форума происходят и в небольших древнеримских городах. Так в Больсене закрытие форума для торговли произошло чуть позже, чем в Риме — в I–II вв. н.э.¹⁰

Понять механизмы и причины такого движения таберн с форума за его пределы, проявившиеся одинаково как в столице, так и в небольших городах Италии, помогает анализ остатков таберн, довольно хорошо исследованных археологами. Для древнеримских городов характерно отсутствие каких-либо замкнутых районов с определенной формой производства. На окраине Рима и за его пределами в различных точках обнаружены следы керамического производства. А в Затибрии были таберны дубильщиков и инкрустаторов. Но в то же время в центральных кварталах было организовано производство стекла и бумаги¹¹. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением Ж.-П. Мореля, что расположение мастерских в черте города зависело от возможного негативного их воздействия на условия проживания¹². Как представляется, здесь действовали несколько иные механизмы. Они предопределялись, главным образом, отнюдь не экономической целесообразностью, так как в античности над ней господствовала политика. Для римлян, кроме того, не было большим неудобством дурные запахи, дым, теснота или шум, связанные с ремесленной деятельностью. По крайней мере, борьба за экологическую чистоту античному обществу была не свойственна. Древнеримское ремесленное производство было тесно связано в первую очередь не с рыночными законами и механизмами, а с основными социальными структурами — фамилией и общиной. Это привело к довольно четкому делению ремесленного производства (когда фамилия экономически укрепилась) на семейное, т.е. обслуживающее потребности отдельной фамилии, организованное на средства и рабочей силой фамилии и общинное, функционировавшее в интересах всех граждан общины. На эту особенность мне уже приходилось указывать¹³. Поэтому не останавливаясь на детальной аргументации, приведу лишь некоторые свидетельства источников на этот счет.

Именно с III в. до н.э., когда таберны начинают покидать форум, в Риме распространяются крупные дома знатных фамилий, выделявшихся своим экономическим и политическим положением из среды остальных рядовых *квиритов*. Они окружаются табернами. Еще яснее этот процесс прослеживается на помпейском материале. Только организация таберн при домах знати там начинается со II в. до н.э. В этих лавках и мастерских как правило трудились лица, так или иначе связанные с *pater familias* и

обслуживающие в первую очередь потребности этих фамилий в ремесленной продукции. Кроме того они обслуживали и остальных жителей того или иного района, получая от этого немалую прибыль. Отсюда расположение мастерских, связанных с семейным ремеслом было обусловлено местом расположения дома *pater familias*. Однако это не означает, что мастерские не могли возникнуть и в других местах в небольших строениях. Наиболее оживленные улицы, где ежедневно наблюдался большой поток как местных жителей, так и приезжих, также был притягательным местом для организации таберн. И здесь они создавались ремесленниками либо вышедшими из-под непосредственного контроля со стороны *pater familias*, либо теми, кто изначально был связан с обслуживанием потребностей общины.

В свете этого изгнание таберн за пределы форума с одновременной ликвидацией всех частных строений на нем и замена их зданиями для выполнения общественных функций, а также возникновение крупных домов знати, окруженных лавками, были процессами тесно между собой связанными. Они вытекали из постоянного развития и противостояния, а порой и открытого конфликта семейных и общинных интересов в древнеримском обществе. Таберны никогда бы не удалось изгнать с форума (как это сохранилось в античной Греции) и не удалось бы превратить его лишь в центр политической и судебной власти, если бы к этому времени хозяйственные и экономические интересы и потребности большинства семей в Риме не стали удовлетворяться за пределами форума в значительной мере силами семейных ремесленников, которых до этого в древнеримском обществе не было. Именно наличие этих тенденций привело к ликвидации таберн на форумах даже небольших италийских городов как Помпеи и Больсена и перемещение их в большинстве случаев под крыши крупных домов, выходявших фасадами на оживленные улицы. И именно отсутствие в греческом обществе такого феномена как семейное ремесло приводило к увеличению лавок на агоре и все большему превращению центральной площади в рыночное пространство.

Таким образом соотношение и противостояние семейных и общинных элементов во всех сферах жизни древнего Рима оказывало решающее воздействие как в целом на экономическое развитие общества, так и топографию расположения мастерских, в частности.

Изложенный материал позволяет, как представляется, усомниться в правомерности выделения рядом зарубежных и отечественных исследователей¹⁴ полиса и рынка (*city, town*) в качестве основных социально-экономических феноменов, предопределявших все развитие античного города и общества. По крайней мере, на римском материале данные структуры и динамику их взаимодействия проследить не удается. И это не случайно, так как противоречие между *city* и *town*, характерные для современной городской жизни плохо согласуются со своеобразием античной экономики, во многом подчиненной политическим аспектам, и с особенностями социальной структуры в древности, включавшей многочисленные микроколлективы типа семей, коллегий, товариществ и т.п., оказывавших серьезное влияние на все сферы жизни античного общества.

- ¹ Morel J.-P. La topographie de l'artisanat et du commerce dans la Rome antique // L'Urbs. Espace urbain et histoire. I siècle avant J.-C. – III siècle après. J.-C. Roma, 1987. P. 127.
- ² Штаерман Е.М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 129.
- ³ Coarelli F. Il Foro Romano. Roma, 1985. V. II, P. 46; Gros P. L'organizzazione dello spazio pubblico e privato // Storia di Roma. Torino, 1990. V. II. P. 139.
- ⁴ Maiuri A. Pompei. Saggi nell'area del Foro // NS. 1941. P. 371–373; Gassner V. Die Kaufläden in Pompeji. Wien, 1986. S. 60.
- ⁵ Coarelli F. Op. cit. P. 45; Gros P. Op. cit. P. 139.
- ⁶ Brown F.E. Cosa. The Making of Roman Town. Ardis, Ann Arbor, 1980. P. 33–39.
- ⁷ Martin R. Recherches sur l'agora grecque. P., 1951. P. 283.
- ⁸ Gastagnoli F. Roma antica. Profilo urbanistico. Rome, 1978. P. 68.
- ⁹ Morel J.-P. Op. cit. P. 135.
- ¹⁰ Gros P. Bolsena. Guide des fouilles. Roma, 1981. P. 54, 58.
- ¹¹ Morel J.-P. Op. cit. P. 129–132.
- ¹² Morel J.-P. Op. cit. P. 129.
- ¹³ Ляустин Б.С. Место и роль семейного ремесла в структуре древнеримской экономики // ВДИ, 1992. № 3, С. 52–67; Его же. Формы взаимоотношения знати и ремесленников в древнем Риме // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae 33, 1990–1992, P. 273–278.
- ¹⁴ Кошеленко Г.А. Полис и город. К постановке проблемы // ВДИ, 1980. № 1. С. 3–24. См. также статью Маринovich Л.П., Кошеленко Г.А. в настоящем сборнике.

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ГОРОДА (на примере Москвы XV–XVIII вв.)

С.Л. Дзвонковский

Одним из интереснейших вопросов исторической топографии русского города представляется организация и распределение в нем производства и развитие сферы занятого им пространства. Показательны в этом распространение и динамика керамического производства. Этот предмет позволяет слить воедино данные археологии и письменных источников, что дает возможность не только определить роль ремесленной группы в жизни города, т.е. представить ее социальный статус, но и рассмотреть ее отношения с городскими структурами управления и землевладения.

Несмотря на значительное количество письменных источников о гончарном и ценном производстве в Москве, археологические данные по этому вопросу остаются весьма неполными. И все же проведенные в начале 90-х гг., учитывая результаты раскопок в Заяузье в 1946–1947 гг. и в Зарядье 1984–85 гг., позволяют наметить канву расположения гончарного производства в исторической топографии города XV–XVII вв.¹

Наиболее древним археологически зафиксированным кварталом гончаров в Москве является Заяузская гончарная слобода, где "как показали археологические исследования" уже в первой половине XV в. существовала деревянная застройка, связанная с керамическим производством. Находки в комплексах этого времени изразцовых плиток и местной поливной керамики, наряду с привозной кашинной посудой, говорят о высоком уровне местного гончарного ремесла и зажиточности ремеслен-

Рис. 21. План Заяузской гончарной слободы по археологическим данным.

ников, живших в Слободе. Наиболее древние зафиксированные горны относятся к последней четверти XV в. К этому же времени появляется первое летописное упоминание о церкви Никиты Бесов-мучителя, поставленной на верху Таганского холма посреди Гончарного квартала XV–XVI вв.² На рубеже XV–XVI вв. Слобода превращается в настоящий гончарный квартал, буквально напичканный горнами и остатками кирпичных подвалов домов (рис. 21)³. Безусловно выявленная скученность застройки говорит об административном ограничении территории деятельности гончаров XVI в., соседствовавших с дворами бояр и амбарами житников и хлебников, т.е. торговцев зерном⁴.

В XVI в. на территории Слободы широко осваиваются технологически сложные производства керамики – полива и черное лощение. В то же время идет активный поиск новых качественных глиниц в Подмоскowie, что приводит к формированию рынка гжельских глин. Все это позволило наладить выпуск высококачественной столовой посуды, строительной керамики, а также изразцов и игрушек. Безусловно, это время расцвета позднесредневековой московской керамической школы.

Однако к концу XVI – началу XVII в. на территории Гончарной слободы у церкви Никиты Бесов-мучителя резко сокращается количество горнов. Сооружения XVI в. перекрывает слой сгоревших деревянных построек с развалами изразцовых печей начала XVII в. Все это указывает на постепенное вытеснение гончаров из устья Яузы более уважаемыми подданными, основавшими свои подворья на территории Сло-

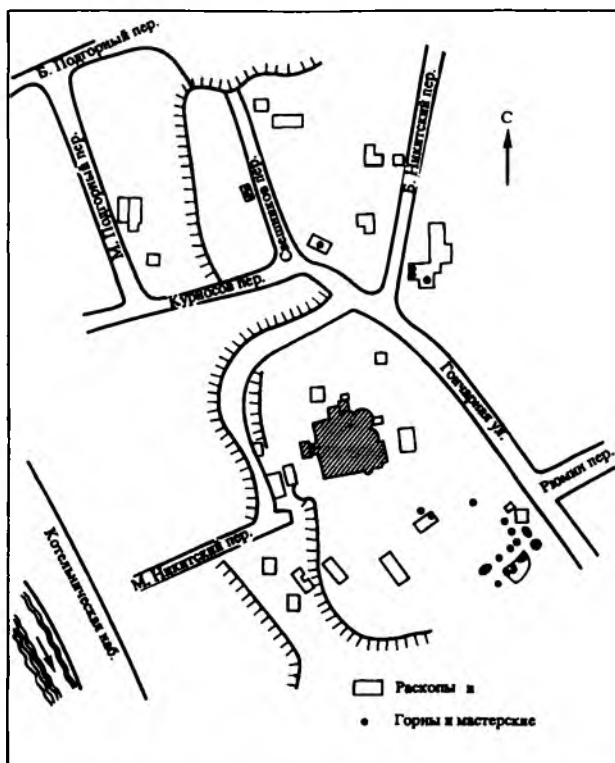

Рис. 22. Схема расположения гончарных производств в XV–XVIII вв.

боды. Об этом же говорят и участие "торговых людей" в перестройке церкви Никиты в 1595 г.⁵

Горн, функционировавший в первой половине XVII в., специализированный для производства изразцов и черепицы, был обнаружен ниже по течению Москвы-реки, во 2-ом Гончарном переулке. Он был перекрыт слоем усадьбы второй половины XVII в. Местонахождение этого сооружения указывает на одно из направлений миграции керамического производства из устья Яузы (рис. 22)⁶.

Интересно, что селившиеся в Гончарном и других прилегающих слободах люди высокого социального ранга часто прибегают к административным мерам в отношении ремесленных производств этих кварталов. На примере гончарства, в котором ценное ремесло в середине и второй половине XVII в. переживает настоящий бум, связанный с появлением белорусских мастеров и распространением их технологии, можно увидеть, что к концу века эта профессия превращается из высокооплачиваемой в гонимую.

"Великим государям и Великим князьям Иоанн Алексеичу и Петру Алексеичу бьют челом холопы ваши стольники и стряпчие и дворяне и жильцы и всяких чинов люди. Живем мы холопы Ваши за Яузой рекой

близ Земляного города в приходе церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, что на горке (Лыщикова гора. – С.Д.) и домишки наши стоят во утеснении и меж тех холопей ваших живет неведома какова чина человек Терентий Макарьев. И он Терентий на том своем дворе мех тех наших дворишков почасту в жаркие дни позно и рано и вполдень кладет великий огонь, жжет изразцы... Помилуйте нас своих холопей велите Государи иво Терентья поставить в разряд и допросить какова он чину человек и не велите Государи ему Терентью впредь на том своем дворе изразцов не жечь... велите Государи тот иво изразечный горн на том иво дворе сломать, быть нам холопам Вашим от иво Терентья... таково великаго огня не разоритца..."⁷

Учитывая фактор пожароопасности керамического производства, интересно рассмотреть находку двух горнов в Зарядье, на территории Знаменского монастыря (ул. Варварка). Автор раскопок, А.Г. Векслер датирует горны концом XV – началом XVI в., что кажется маловероятным из-за плотной деревянной застройки посада в то время. Это же показывает и анализ стратиграфии раскопа. Профиля и планы раскопок позволяют говорить, что горны происходят из одного слоя с многочисленными погребениями, специфические особенности которых (кирпич под головой погребенного) дают возможность говорить о захоронениях монахов. Яма, в которой находятся горны, действительно имеет на материке слой сгоревшей деревянной постройки XV–XVI вв. Этот слой перекрывается суглинком со слюдой и фрагментом муравленного изразца не ранее первой четверти XVII в. На этот суглинок и были поставлены горны. Причем следует отметить, что это вовсе необязательно гончарные горны, как указывает автор⁸, поскольку находок шлакованной керамики в отчете не отмечено. Таким образом получается, что горн может быть датирован не ранее первой четверти XVII в. и скорее всего одновременен погребениям монахов. Все это хорошо соотносится с датами образования Знаменского монастыря 1628 или 1631 г.⁹ Следовательно, здесь налицо существование производства на территории влиятельного монастыря. Примерами таких монастырских производств являются мастерские Успенского монастыря Александровской слободы и Иверского Валдайского монастыря¹⁰.

К сожалению, мы не располагаем археологическими данными о местонахождении в Москве мастерских белорусских мастеров и их учеников во второй половине XVII в. Однако имеются интересные наблюдения за остатками керамических мастерских более позднего времени в Немецкой слободе.

В XVII в. в Немецкой слободе формируется сильный торгово-ремесленный центр, мастерские и мануфактуры которого в XVIII в. берут на себя функцию обслуживания царских дворцов и усадеб аристократов, находившихся в округе, тем самым Немецкая слобода становится своеобразным законодателем моды. Видимо этим и объясняется возникновение в первой половине XVIII в. на территории Старого Немецкого рынка (ул. Ладожская) керамической мастерской, производившей характерную полихромную поливную и лощеную керамику, встречающуюся в поздних слоях Москвы вплоть до начала XIX в. Основание этого производства

по-видимому связано с приездом в 20-х годах XVIII в. в Немецкую слободу иностранных мастеров-горшечников¹¹. Прекращение работы падает на 70–80-е годы XVIII в. – время начала строительства торговых рядов на месте мастерской. К этому времени поливная керамика начала испытывать серьезную конкуренцию со стороны майоликового производства и европейского фарфоро-фаянсового импорта.

Вторая мастерская, расположенная в районе Гороховской улицы, изготовляла в первой половине XVIII в. рельефные "геральдические" печные изразцы. К сожалению, в обеих мастерских не удалось зафиксировать обжигательных печей, так что судить об их деятельности можно лишь по бракованной продукции¹². Это, конечно, сильно сужает представление о них, однако очевидно, что они – одни из самых поздних гончарных. Характер мастерских и особенности процесса миграции керамического производства на фоне общей исторической топографии города весьма показательны в плане определения значения и особенностей их роли и места в организации структуры последнего и городской жизни.

¹ Рабинович М.Г. Раскопки в Москве на устье Яузы 1946–47 гг. // МИА. М.; Л., 1949. № 12. С. 5–43; Мальм В.А. Горны московских гончаров XV–XVII вв. // МИА. М.; Л., 1949. № 12. С. 44–51; Векслер А.Г. Отчет о раскопках в Зарядье в 1984 г. М., 1985. Хранится в Музее истории г. Москвы, отдел археологии, НВФ 15371/ 23; Археологические наблюдения в Москве МАЗ ИА РАН (ул. Гончарная, 12. – 1990–92).

² Рабинович М.Г. Указ. соч.

³ Указ. археологические наблюдения МАЗ ИА РАН.

⁴ Рабинович М.Г. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Горн обнаружен Центром археологических исследований при УГКОИП г. Москвы в конце 1992 г.

⁷ ЦГАДА. Приказной стол. Ф. 210. № 1710. Л. 243.

⁸ Векслер А.Г. Указ. соч.

⁹ Сорок сороков. М., 1992. С. 166–171.

¹⁰ Маслих С.А. Русское изразцовое искусство XV–XVI вв. М., 1976. № 84/90; Сивак С.И. Изразцовая мастерская Иверского Валдайского монастыря // Новгородский край. Материалы научной конференции. Новгород, 13–15 октября 1982 г. Л., 1984. С. 239–244.

¹¹ Ковригина В.А. Ремесленники Московской Немецкой слободы в конце XVII – первой четверти XVIII вв. // Русский город. М., 1990. С. 182–201.

¹² Археологические наблюдения с территории Немецкой слободы хранятся в фондах Эколого-культурного объединения "Слобода" (Москва, Бауманская, 50/12).

РОЛЬ "ЦЕНТРАЛЬНОЙ УЛИЦЫ" В ФОРМИРОВАНИИ СОГДИЙСКОГО ГОРОДА

Г.Л. Семенов

Городище древнего Пайкенда внутри крепостных стен состоит из трех основных частей: цитадели, шахристана 1 и шахристана 2. Многолетнее археологическое исследование подтвердило предположение А.Ю. Якубовского о одновременности возникновения этих частей. Наиболее древней частью является цитадель. Керамика из нижних слоев шурфа

относится ко времени не позднее III–II вв. до н.э., хотя наиболее ранние раскопанные на цитадели объекты датированы III–IV вв. н.э. Примыкающий с запада к цитадели шахристан 1 был обнесен крепостными стенами в V в. К этому времени, следовательно, относится превращение раннего поселения на месте цитадели в город, состоящий из цитадели и шахристана площадью 11 га. В конце V – начале VI в. в результате территориального роста города к западной стене шахристана 1 пристраивается шахристан 2 площадью 7 га. В IX–X вв. за пределами крепостных стен возникают многочисленные рабады и рабаты¹.

Попытаемся, опираясь на имеющийся археологический материал, проследить взаимосвязь между возникновением и развитием основных частей города с развитием уличной сети, вернее с главной улицей города. Речь идет о магистральной широтной улице, пересекающей весь город и делящей его на северную и южную примерно одинаковые части. Первым бросается в глаза, то, что эта улица с юга проходит мимо единственного входа в цитадель. Логично предположить, что единственные ворота крепости открывались в сторону проходящей рядом дороги или что укрепление возникает вдоль дороги в удобном по каким-то причинам месте. Таких причин могло быть несколько: необходимость остановки караванов на полпути между Аму-Дарьей и Бухарой, наличие именно на этом месте источника с водой и т.д. Особенности географического положения Пайкенда в разной степени отражены в географических сочинениях IX–XI вв.

Если это так, то дорога вполне могла существовать ранее поселения. Это знаменитая трасса от переправы через Амударью у Амуля и Фараба, идущая через Пайкенд на Бухару и далее вдоль Зеравшана к Самарканду. Если наше предположение правильно, то крепость возникает к северу от дороги на полпути от Амуля к Бухаре на трассе Шелкового пути.

Следующий этап развития поселения завершился возведением квадрата стен к западу от крепости в V в. Неизвестно, существовала ли какая-либо застройка на этой территории до возведения крепостных стен. Но вряд ли случайно трасса дороги, подходящей с юга к цитадели, является теперь главной широтной улицей шахристана. Как мы попытались обосновать выше, привлечение этой дороги должно быть связано с более ранним временем, чем V в. Но в таком случае эта дорога явилась основным градообразующим элементом для этой новой территории. Можно предположить, что наиболее ранняя застройка в городе появилась сначала вдоль дороги, подходящей к цитадели, и лишь затем был окончательно оформлен шахристан 1.

Дальнейшее территориальное развитие города также шло вдоль его широтной оси, которой являлась главная улица. Напротив ворот в западной стене шахристана 1, в западной стене шахристана 2 также были сделаны ворота. В это же время возникает и главная меридиональная улица, идущая от северных ворот к южным перед западной стеной шахристана 1. В IX–X вв. застройка за пределами крепостных стен также продолжает группироваться вдоль продолжения магистральных улиц. Так группа караван-сараев, или рабатов, к востоку от цитадели явно располагается

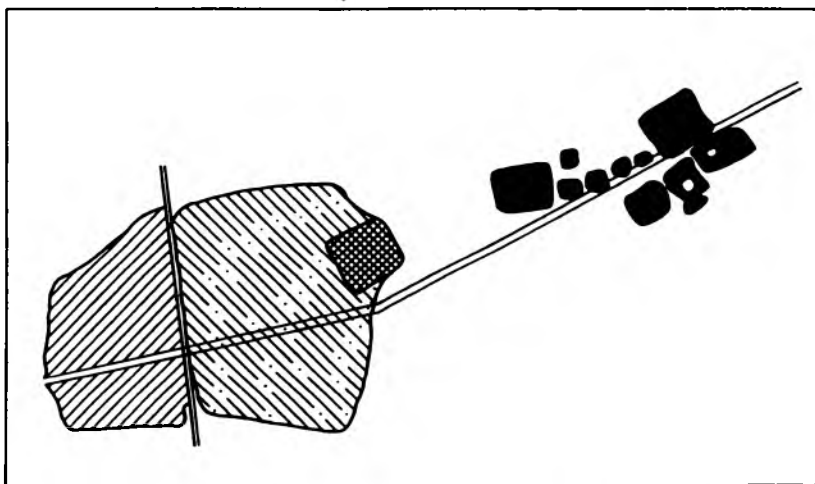
по обеим сторонам дороги, выходящей из города по направлению к Бухаре.

Достаточно убедительно выглядит гипотеза о центральной улице как основном градообразующем элементе в Пайкенде графически (рис. 23). Три части города: цитадель, шахристаны 1 и 2 как бы нанизаны на ось широтной улицы. Поскольку археологически доказано, что цитадель появилась раньше города, и ее вход открывался в сторону дороги, то существование самой оси до появления шахристана выглядит достаточно убедительным. А если это так, то городская территория должна была соотноситься с уже существующей улицей, а не наоборот.

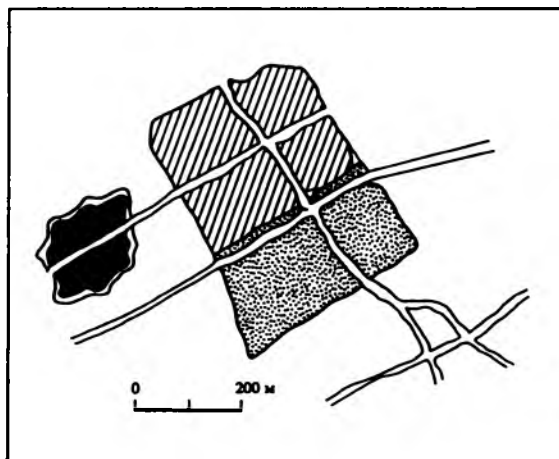
Рассмотрим теперь соотношение главной улицы и развитие столицы оазиса – Бухары. Раскопки показали, что древнейшей частью города является цитадель. На плане раннесредневековой Бухары, реконструированном О.Г. Большаковым (рис. 24)² выделяются цитадель – Арк и расположенный к востоку от нее прямоугольный шахристан. Раскопки на шахристане Бухары показали, что ров и стена делили шахристан на северную и южную часть³. Мною уже приводились аргументы в пользу гипотезы о том, что две части шахристана Бухары, как и в Пайкенде, являются одновременными, а первоначально шахристан занимал только северную часть раннесредневекового города⁴. В таком случае развитие раннесредневековой Бухары следовало той же модели, что и Пайкенда: цитадель, шахристан 1 (северный), шахристан 2 (южный). Цитадель Бухары имела двое ворот: восточные "Гуриян" и западные "Регистан". Посреди крепости от одних ворот до других пролегла дорога. В западной стене шахристана напротив ворот "Гуриян" находились "ворота кухендиза", от которых на восток через весь город проходила улица ("Г" на плане О.Г. Большакова). Для раннего города в V в. эта улица проходила, следовательно, через цитадель и через шахристан. Получившаяся схема в таком случае повторяет схему развития раннесредневекового Пайкенда. Вероятно, на восточной стороне Бухары напротив ворот "кухендиза" находились еще одни ворота. Впоследствии, при расширении города они были перенесены южнее, где в V в. находился ров, а в VII–VIII вв. была перенесена главная широтная улица города. Это объясняет и название этих ворот "Нау" – новые.

При сравнении схемы развития Пайкенда и Бухары в глаза бросаются два различия. Первое заключается в том, что цитадель в Пайкенде примыкает к главной дороге, а в Бухаре дорога проходит через центр цитадели. Это различие объяснимо, если предположить, что раннее поселение на месте бухарского арка начало складываться по обеим сторонам дороги, а впоследствии крепостные стены окружают стихийно сложившееся поселение. Стихийному, постепенному характеру образования Арка соответствует и семиугольный план укрепления, отличающийся от прямоугольника пайкендской цитадели.

Второе отличие состоит в том, что шахристан Бухары рос к югу от раннего города, а Пайкенд – к западу от главной дороги. В результате центральная улица в Бухаре была перенесена южнее. Но примечательно, что в результате такого разного характера роста городов, планы Пайкенда и Бухары стали очень похожими: обе цитадели теперь располагались к

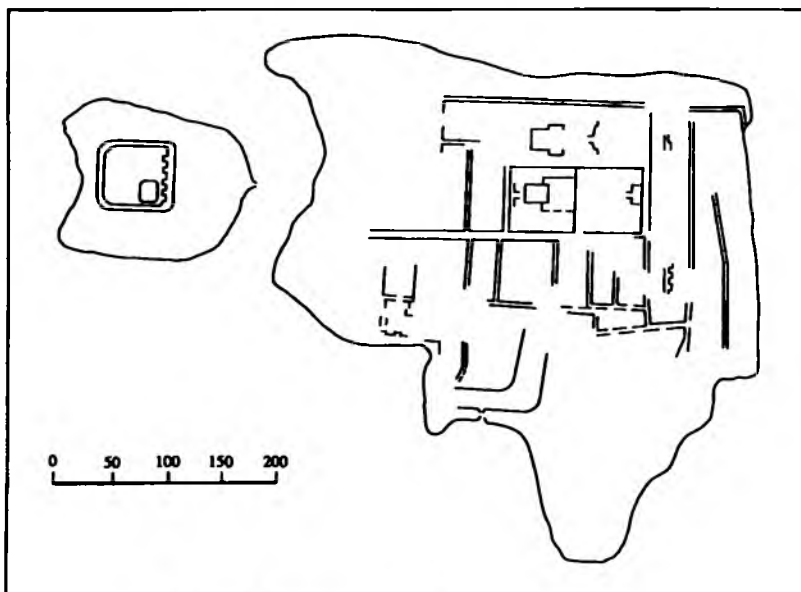
*Рис. 23. План-схема
Пайкенда.*

*Рис. 24. План-схема
древней части Бухары.*

северу от главной дороги, делящей шахристан на северную и южную половины. Примерно в центре города главная дорога пересекается с перпендикулярной ей, проходящей через ворота на южной и северной границах в обоих городах. Дальнейший рост территории в IX–X вв. шел вдоль этих четырех дорог.

Мы попытались проследить роль главной дороги в процессе формирования двух раннесредневековых городов Бухарского оазиса. Насколько характерна была эта модель для других согдийских городов? Прежде всего необходимо указать, что не все укрепленные поселения лежали на магистральной дороге. Так, при описании пути от Амударья к Самарканду Ибн Хаукаль отмечает: "Худжада расположена справа от дороги из Бухары в Пайкенд в 3 фарсах от этого последнего города... Мугкан – в 5 фарсах от Бухары справа от дороги в Пайкенд и

Рис. 25. Пенджикент. План уличной сети.

3 фарсах в сторону от этой дороги... Нумиджикат – слева от дороги из Бухары в Тававис, в 4 фарсах от первого города и около полфарсаха от дороги”⁵. Из описания ясно, что ряд поселений располагался вне магистральной дороги. Ясно также и то, что Бухару и Пайкенд связывала именно главная дорога. Можно предположить, что для городов, лежащих в стороне от магистрали, доминанта градообразования могла быть иной. По другому шло формирование шахристана и у городов, расположенных не на равнине. Примером является городское пространство Пенджикента.

Пенджикент, как и Пайкенд, и, возможно, Бухара состояли из трех основных частей внутри крепостных стен: цитадели, шахристана 1 (западного) и шахристана 2 (восточного) (рис. 25). Наиболее ранняя керамика найдена на территории цитадели, хотя архитектурных остатков ранее V в. там до сих пор не обнаружено. Шахристан 1 имел прямоугольную форму площадью около 8 га. Примерно через сто лет, в VI в., граница города расширяется на восток и на юго-восток, возникает шахристан 2, а площадь города увеличивается до 13,5 га (без цитадели). Как видно, характер роста городской территории Пенджикента повторяет развитие городов Бухарского Согда. Однако роль центральной улицы в формировании города была в данном случае иной. На плане Пенджикента отчетливо выделяется центральная широтная улица, делящая его на северную и южную половины. С запада эта улица подходит к обрыву плато, на котором расположен город и, после поворота, подходит к остаткам моста, соединявшего цитадель и шахристан. С востока эта улица упирается в крепостную стену. Бросается в глаза тот факт, что эта

улица не связана напрямую с воротами. Еще более отчетлива эта картина в VI в., когда шахристан имел двое ворот: на юге и в северо-восточной части, но и они не связаны с центральной улицей города. При выборе места для поселения строители руководствовались соображениями безопасности: и цитадель и шахристан расположены на возвышенностях. Дорога из Самарканда в Пенджикент и далее вверх по Зеравшану проходила видимо с севера от цитадели, а затем по руслу сая между цитаделью и шахристаном и обходила город с юга, где располагались главные ворота. Гипотеза о древней торговой магистрали как градообразующей доминанте высказывалась уже как в отношении ряда иранских городов, так и в отношении позднесредневековых городов Средней Азии⁶. Полученные за последние годы археологические материалы позволяют предположить, что она справедлива и для ряда городов раннесредневекового Согда.

¹ Семенов Г.Л. Оборонительные сооружения города // Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988. С. 110–113.

² Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 237 и сл.

³ Мухамеджанов А.Р. Стратиграфический раскоп на цитадели Бухары // ИМКУ. 1983. Вып. 18. С. 62; Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К. Адьлов Ш.Т. К изучению исторической топографии и фортификации Бухары // ИМКУ. 1986. Вып. 20. С. 108–113.

⁴ Семенов Г.Л. Согдийский город в раннем средневековье: формирование Плана // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989. С. 138–139.

⁵ *Ibn Haqal – Configuration de la Terre (Kitab Surat al-Ard)* / Intr. et trad. par J.H. Kramers et G. Wiet. T. 2. Beyrouth; Paris, 1964. P. 471.

⁶ *Iranian cities. Formation and Development* by Masoud Kheirabadi. University of Texas Press, Austin, 1979. P. 41–47, fig. 22.

О СОЦИАЛЬНО-КРАЕВЕДЧЕСКОМ МЕТОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА В СОЦИАЛЬНО-ПРОЕКТНОЙ ДИАГНОСТИКЕ

Е.И. Рабинович

В последние годы во все большей степени общество начинает понимать важность сохранения не только памятников материальной культуры, но и культурно-исторической среды, обычаев и традиций, в которых запечатлена социокультурная история народов. Между тем, историческое сознание людей и социальная история города пока остаются за пределами внимания лиц, принимающих решения о развитии городов.

Исследования в области восприятия жителями городов окружающей среды свидетельствуют о том, что одной из ключевых составляющих ее "образа" является "историчность", а это значит, что программы городского развития нуждаются в историческом, социально-культурном по содержанию, обосновании не менее, чем в составлении историко-архитек-

турного опорного плана, разработка которого стала сегодня одним из обязательных элементов архитектурно-градостроительного проектирования. Именно для этой цели разрабатывается методология и технология социально-краеведческого исследования*, которое, как мы полагаем, должно стать частью комплексных социально-диагностических исследований, предшествующих проектированию в исторических городах.

Социально-краеведческое исследование – это междисциплинарное комплексное исследование, в котором соединяются методы исторической науки и социологии.

Направления и динамика развития социокультурной среды определяют степень "органичности" развития города и его населения, сохранения их "индивидуального" лица, преемственности развития. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо разобраться в истоках, содержании, характере и особенностях, связанных с изменением и развитием социокультурной среды в ходе ее исторической эволюции. Мы хотим проследить изменения, последовательность и преемственность форм социальной и культурной жизни города, выявить и описать группы населения, связанные с этими формами. Необходимо отметить одну, возможно, наиболее значимую и характерную особенность исторического "измерения" – понижывание им всех сторон социокультурной жизни: материально-производительной, распределительной, обслуживающей, воспитательно-образовательной, рекреационной и др., так как все они имеют собственную историю. Все они, так же как и теперь, были между собой связаны, образовывали органический жизнеобеспечивающий комплекс со своим характером, особенностями, которые в своей совокупности и составляют национально-культурную традицию, хранящуюся в социальной памяти народа.

Динамика социокультурной среды, таким образом, прямо связана с национальным самосознанием и национальной культурой народа, его менталитетом и эстетическими представлениями. Она служит важнейшим фактором социализации и воспитания.

Поиск решения рождаемых жизнью новых проблем не должен приводить к деструктивному разрыву национальной социокультурной "ткани", органических, исторически сложившихся направлений развития.

Назначение, или цель социально-краеведческого исследования* собственно и состоит в выявлении органичных социально- и культурно-исторических направлений развития города с учетом их особенностей, их национального, регионального, локального "рисунка", с тем, чтобы конкретные градостроительные решения, все вообще "мероприятия" по развитию городской среды не прерывали этого развития. В ходе такого исследования, наряду с выяснением органичных для локального социально-территориального сообщества линий развития, необходима диагностика самочувствия сегодняшнего населения, восприятия им окружающей среды и степени информированности о ее культурно-исторической ценности, отношения к сложившемуся местному ландшафту, характеру

---

* Осуществляется группой прогнозного социального проектирования, коммуникации и управления Института социологии РАН. Научный руководитель проекта – докт. психол. наук, проф. Т.М. Дридзе.

застройки и т.п. Все это позволяет при разработке концепции дальнейшего развития города обеспечивать соответствие градостроительных и иных социально-планировочных решений сложившимся традициям жизни локальных социальных сообществ, интересам и запросам местных жителей.

Результаты социально-краеведческого исследования дают предварительную информацию, которая наряду с данными других предпроектных социально-диагностических исследований позволяет не только судить о возможной реакции жителей на выдвигаемые предложения, но и корректировать программы развития и конкретные градостроительные проекты, внося в них социально-исторический контекст.

Исходя из цели социально-краеведческого исследования, в его ходе должны быть решены следующие задачи:

- раскрытие и анализ социальной и культурной истории города в сопряжении с сохранившимися образцами локальной организации жизненной среды;

- описание современного "антропокультурного портрета" города на основе диагностики состояния "исторической памяти" и культурно-средовых ориентаций и социокультурных запросов населения, с одной стороны, и выявления сохранности названных исторических образцов – с другой;

- диагностика локальной проблемной ситуации в социально-культурной сфере и определение возможностей и ресурсов возрождения "исторической памяти", укрепляющей привязанность человека к своим корням, а значит и к среде своего обитания;

- участие в выработке концепции развития городской территории, оптимизированной по социально-краеведческим, в том числе по социально-историческим параметрам.

Предметом социально-краеведческого исследования, в первую очередь, становятся миграционные потоки населения, в исторической ретроспективе проходившие через данную местность, включая динамические смены социального состава жителей под влиянием внешних (управленческие решения, войны, стихийные бедствия и т.п.) и внутренних (настроения) факторов и, как следствие, – смена образов организации городского ландшафта в его предметно-вещном и символическом выражении. Наряду с этим, в предмет исследования входит состояние и тенденции изменения исторического сознания сегодняшних жителей, их историко-культурная информированность, ориентация и предпочтения: отношение к исторической традиции, современному состоянию и перспективам развития социокультурной среды, ее восприятие; удовлетворение социально-культурных запросов.

В качестве эмпирических объектов исследования выступают, с одной стороны, письменные документы и памятники материальной культуры, отражающие социально-культурную историю города, а с другой – современное население и институционализированные социокультурные структуры, составляющие местную социокультурную инфраструктуру.

Полевой этап социально-краеведческого исследования складывается из двух различающихся своими подходами и техникой сбора информации

частей: 1) сбора исторической, социальной и социокультурной информации о городе; 2) сбора информации о приобщенности и отношении местных жителей к своей социальной и культурной истории, а также о современном состоянии историко-культурного наследия в городе.

В ходе социально-исторического исследования прослеживается:

– как исторически происходило заселение и освоение городской территории, как она использовалась, каким функциям служила, характер этих функций;

– как складывалась и изменялась социальная структура населения, кто были местные жители, чем они занимались, источники их существования, их этноконфессиональный состав, культурная ориентация, образ жизни, социальная организация;

– чем вызывалась и как происходила смена населения города, его историческое движение; кто, откуда, почему и как приходил, поселялся в городе, кто и почему выселялся;

– как управлялся город и его население;

– как было организовано городское пространство в различные исторические эпохи, характер планировки, застройки, состояние инфраструктуры, благоустройства;

– как социальный состав, занятия, образ жизни людей, их культура отражались в организации пространства города;

– как, изменяясь и развиваясь, город и его население приходят к своему современному состоянию, какой отпечаток оставила каждая из прошедших эпох, какие культурные традиции, обычаи, формы культурного поведения складывались и существуют в городе.

Таким образом, социально-историческое исследование города включает собственно два объекта: (а) население, людей когда-то живших в нем, с их культурой, образом жизни, характерным бытом и т.п. и (б) материально-вещную среду их обитания.

Социально-историческая часть исследования дает упорядоченную фоновую информацию о социальном и культурном развитии города, решает задачу выяснения исторически сложившихся направлений социокультурного развития, показывает под каким воздействием складывался характер поселения, что из его традиций важно сохранить.

Материалы социально-исторической части исследования характеризуют социальную и культурно-историческую подоснову становления города, позволяют осознанно подойти к определению направления его дальнейшего социального и градостроительного развития, социокультурного зонирования, заселения, хозяйственного освоения территории и ее объектов, реконструкции и использования существующей застройки, объема и характера нового строительства, административно-территориального устройства и т.д., позволяют выделить те исторические и культурные элементы, которые должны быть сохранены и развиты, заслуживают напоминания о себе в той или иной пространственно-планировочной, архитектурной или символической форме. Социально-историческое изучение должно определять комплекс проблем, которые необходимо исследовать на следующем, собственно социологическом, этапе работы.

Социально-историческая часть социально-краеведческого исследования опирается на методiku историко-краеведческого исследования с той, однако, особенностью, что в его задачу входит выявление не столько единичных, атомарных фактов, сколько – более общих социальных процессов и явлений, характеризующих преимущественно вековые изменения в составе населения, его перемещениях и смене, его социальной и культурной трансформации и в сопровождающих эти процессы изменениях материальной среды, использования территории, организации пространства, планировки и застройки.

Итогом этой части исследования является социальная и культурно-историческая характеристика, очерк социальной и культурной истории города, в котором подчеркиваются указанные выше стороны и моменты, имеющие особое значение для сохранения культурно-исторической преемственности и определения перспективы развития, а также таблица, в которой сопряженно представлены изменения социального состава населения и организации городской среды, наглядно демонстрирующие развитие социального, а параллельно с ним и архитектурно-градостроительного "лица" города. Наконец, результатом этой части исследования может быть социально-историческое картирование.

Вторая полевая часть социально-краеведческого исследования, собственно социологическое исследование, – сбор информации о предпочтениях и отношении местных жителей к своей социальной и культурной истории, о современном состоянии историко-культурного наследия в городе.

Так как прикладной задачей социально-краеведческого исследования в рамках прогнозной социально-проектной деятельности является подготовка определенного социально-управленческого решения, приходится иметь дело с взаимодействием четырех основных социальных субъектов: (1) населения; (2) лиц, принимающих управленческие решения; (3) специалистов-профессионалов, причастных к городскому планированию и занятых в системе жизнеобеспечения города; (4) инвесторов.

В силу оппозиционного положения этих субъектов, различия их интересов и возможностей они по-разному воспринимают и оценивают одну и ту же ситуацию. Для получения по возможности всестороннего представления об информированности и отношении людей к социальной и культурной истории места необходимо сопоставлять результаты опросов всех перечисленных субъектов социального действия.

Полисубъектность этой стадии исследования требует дифференцированного подхода к респондентам. Поэтому при подготовке инструментария (программ интервью и анкет) предполагается уточнять содержание, характер и ценность информации, которую может дать каждая из категорий респондентов, различающихся своим положением в системе социокультурной инфраструктуры города, уровнем компетенции, информированности и ориентации в системе, степенью объективности.

Информация, собранная на социально-исторической стадии социально-краеведческого исследования, дает возможность определить тот круг вопросов, который следует адресовать населению, специалистам, должностным лицам, инвесторам и независимым экспертам. При этом

необходимо исходить из "удельного веса" исторической "компоненты" обследуемого населенного места, роли в нем социокультурной "составляющей", ее реального значения для местных жителей, социальных задач, которые должны решаться с ее учетом. Отталкиваясь от этих данных, можно сформулировать конкретные, свои для каждого города гипотезы исследования, предусматривающие выяснение (определение) роли социокультурной исторической среды в современной жизни, меру ее воздействия на эту жизнь, возможности согласования культурно-исторических традиций с современным уровнем, характером, условиями и образом жизни людей. Содержательная сторона опроса в социально-краеведческом исследовании не может быть стандартизирована и всегда будет зависеть от специфических историко-культурных характеристик местного населения и самого города.

Общим является лишь то, что для составления антропокультурной характеристики населения в любом случае потребуются выяснить его этнокультурный, социальный и конфессиональный состав; выявить заинтересованность, приобщенность и отношение местных жителей к своим (генетическим) и локальным (если они не совпадают) национально-культурным традициям; отношение, интерес и информированность людей в области национальной истории, истории края, города, страны в целом; их позицию в отношении сохранения культурно-исторического наследия и степень знания своих личных национальных и социальных корней, прошлого своей семьи, своих предков; отношение к религии и участие в религиозной и общественной жизни.

Все эти сведения важно получить и от специалистов, участвующих в преобразовании местной среды, и от должностных лиц, участвующих в выработке и реализации городской политики, и от инвесторов, так как от состояния исторического сознания зависит не только отношение к памятникам истории и культуры, к определению их судьбы. Речь идет об интеграции исторического "измерения" в сознании людей, а значит не только об учете общественного мнения, но и о его формировании.

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОЖАНИНА

К РЕКОНСТРУКЦИИ ИДЕОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ГОРОДОВ

Е.В. Антонова

Одни из древнейших, если не самые древние, города возникли в Нижней Месопотамии во второй половине IV тыс. до н.э. или несколько раньше. Они были центрами небольших образований, радиус которых не превышал 20–30 км, где располагались связанные с ними поселения типа деревень. Расстояния между городами были столь невелики, что с высокой точки города Эреду был виден Ур, а его жители могли видеть Ларсу и Урук. Города были местом перераспределения ресурсов своей округи, через них осуществлялся обмен с более или менее отдаленными соседями, находящаяся здесь администрация должна была обеспечивать безопасность. На этом раннем этапе, по всей вероятности, все эти функции были сосредоточены в храмах городских богов, покровителей этих небольших образований, обладавших несмотря на малые размеры многими признаками государств. И.М. Дьяконов предложил называть их не городами-государствами, а номами (вслед за наименованием египетских областей, входивших там в состав единого государства), что больше соответствует их характеру. Есть основания думать, что входившие в номы общины объединялись по территориальному принципу, а не на основе родственных связей, как это свойственно догосударственным социальным организациям типа вождеств (что не исключает возможности осмысления этой общности ее членами как основанной на родственных связях). Здесь безусловно существовала социальная иерархия, постоянный институт управления, сложилась письменность, развитым было разделение труда. В документах храмовых архивов зафиксирована сложная номенклатура должностей и профессий, характер которых остается пока понятным мало¹, но не приходится сомневаться, что были различные чиновники и жрецы, ремесленники, люди, специально занимающиеся обменом с отдаленными областями, земледельцы, рыбаки, пастухи и т.д.

По всей вероятности, все население нома являлось участником событий, периодически происходивших в его центре – городе. Среди них – общественные работы и связанные с ними религиозные церемонии, самостоятельные религиозные празднества, собрания, на которых решали вопросы, имеющие общее значение, избирали органы власти. Все так или иначе были связаны с храмом. Все получали за это то или иное вознаграждение. Каким же было понимание этих людей своего места в мире?

© Антонова Е.В.

Разумеется, мировосприятие оставалось мифологическим, было ориентировано на культ. Однако трудно согласиться с И.М. Дьяконовым, пишущим, что "Культы общин древней Месопотамии почти не отличались от выражения мироощущения еще первобытного человека. Правда, они получили новую функцию – не только объединять полноправных членов против чужаков, но и утверждать, поддерживать и прославлять установившийся государственный строй. Однако укрепление существующего строя еще не входило в функции религии – просто потому, что этот строй не надо было пропагандировать: никому в голову не приходило, что может быть какой-то другой"². Это заключение затуманивает кардинальность перемен, произошедших с возникновением сложных иерархизированных социальных организмов. Это был новый строй, в котором основная масса трудилась не только для удовлетворения потребностей своих семей и общин, но и для поддержания существования общества всего нома. Участие в работах, результаты которых не были самоочевидны, необходимость отдавать часть произведенного продукта не в резервный фонд своей общины, а в "далекий" город должна была как-то обосновываться. Должно было находить убедительное объяснение и явное социальное неравенство. Очевидно, процессы общественной дифференциации и ее осмысления были параллельными, но письменные свидетельства о понимании людьми своего места в мире дошли от значительно более поздних времен. Однако мы располагаем изображениями на печатях – поистине неисчерпаемым источником о самых разных сторонах жизни обитателей Месопотамии.

Среди изображений на печатях интересующего нас периода – протописьменного в Нижней Месопотамии и культурно связанной с ней Сузианы (период Сузы С) существует группа, важная для нашей темы. Это штампы и цилиндры с изображениями так называемых "сцен повседневной жизни", как их именуют, поскольку внешне они не связаны с культовыми действиями. Эти изображения отмечает поразительный для столь раннего времени "реализм", тематическая широта. Впервые, по словам А. Парро, объектом изобразительного искусства стала не только охота, но жизнь человека во всех проявлениях, сводящаяся к двум вечным темам: война и мир³.

Один из крупнейших исследователей глиптики, П. Амье, выделяет в этой группе несколько тем, одни из которых были более, другие менее распространенными⁴. К числу многочисленных относятся сцены охоты, пастьбы скота, различные действия с сосудами, осуществляемые гончарами или работниками хранилищ. Довольно часто встречаются изображения многокупольных построек, предполагаемых зернохранилищ, с людьми около них. Нередко изображаются ткачи у станка. В то же время редки изображения полевых работ.

По мнению П. Амье, ни в одну другую эпоху истории на Востоке люди не изображали на своих печатях так часто сцены труда⁵. Такой интерес он объясняет тем, что эти печати создавались в эпоху сложения первых городских цивилизаций и именно горожанами. Поэтому на них столь редки изображения труда земледельцев (хотя земледелием, как известно, занимались и жители городов). На печатях в основном – труд

ремесленников и строителей, "буржуазии" тогдашних городов⁶. Как и большинство исследователей, он не считает, что эти сцены отражают что-либо кроме реальной действительности, он не связывает их с религиозно-мифологическими представлениями и культом.

Примечательно, однако, что среди персонажей как будто реальных сцен иногда встречаются такие, которые указывают на иные смысловые перспективы "сцен повседневной жизни". По признанию самого П. Амье, трудно объяснить присутствие фантастических животных или хищников, фигуры которых чередуются с изображениями людей и сосудов. На некоторых печатях изображенные мотивы еще более разнородны: сидящие около сосудов фигуры людей сочетаются с изображениями быка, лежащего на горе, козлов, скорпионов⁷. На одной сузской печати персонаж, сидящий около сосуда, находится рядом с женщиной в эротической позе, простершей руки на двух стоящих по ее сторонам коз. Ее П. Амье определяет как мифологическую "хозяйку зверей" или играющую ее роль жрицу⁸. Такие композиции заставляют предполагать и другие возможности понимания интересующих нас сцен, рассмотрения их не с точки зрения профанной, а иной, естественно, культовой практики.

Жизнеподобие персонажей, профанный характер их деятельности не должны останавливать наших попыток увидеть за ними те перспективы смысла, которые и заставляли древних избирать для изображений определенные моменты своей жизни. Изображения на месопотамских печатях никогда не были простыми знаками, указывающими на своего владельца. Печати служили не только знаками собственности, они были и амулетами и талисманами, и нанесение их оттисков носило отчасти магический характер, оно может быть уподоблено молитве в визуальной форме. Изображения на печатях связаны с образами мифов и религиозного культа, поэтому внешне бытовой характер деятельности людей, изображенных на них, не должен закрывать от нас того ее значения, каким оно рисовалось современникам: эта деятельность не могла быть чуждой сфере сакрального. По поводу тематически близких нашим сценам изображений на стенах египетских гробниц О.Д. Берлев писал: "В гробницах египетские художники создавали мир, основанный на безусловном и верном отражении действительности, но не исчерпываемый ею и не объясняемый только на ее основании. ...Воспринимая объективное как данное, египтяне были серьезно озабочены субъективной стороной дела, не учитывая которую современный исследователь не только не может понять соответствующие тексты..., но и проходит мимо важного историко-культурного явления..."⁹.

О подлинном значении как будто профанных сцен позволяют судить случаи, когда они составляют часть более развернутой композиции. Так, мотив ухода за скотом сочетается с изображением сакральной постройки; персонаж с серпом изображен однажды стоящим около храма¹⁰. Деятельность общественного лидера, так называемого "вождя-жреца", какой бы она ни была, всегда носит культовый характер, хотя он мог изображаться "всего-навсего" как кормящий ветками коз или овец.

Итак, все, что изображалось на печатях, рассматривалось современниками через призму религиозно-мифологических представлений, культа.

В месопотамских мифах звучит мотив человеческого труда. Согласно им, люди были созданы богами для того, чтобы работать, обеспечивая их пищей, одеждой, жильем¹¹. Люди имели на этом попритче предшественников – богов, которые после их создания получили облегчение, став покровителями различных видов деятельности. Таким образом, повседневная работа – это служение богам, своего рода жертва, и совершаемое в ходе ритуала жертвоприношение – цель человеческого труда.

По мнению И.М. Дьяконова, ""... Теория", согласно которой единственным назначением людей, ради которого они и созданы богами, является обслуживание культа жертвоприношениями и трудом", получила распространение в период правления царей III династии Ура (XXII–XX вв. до н.э.), и сформировалась она в связи с тем важным местом, которое заняло жречество в бюрократической системе¹². Позже он говорит именно об этом времени сложения таких представлений еще более определенно¹³. Одно из оснований столь поздней датировки – фиксация таких мифов в текстах не старше начала II тыс. до н.э.¹⁴ В то же время А.И. Тюменев относил формирование этих мифов к более раннему времени хотя бы на том основании, что они были написаны в большинстве случаев на шумерском языке или параллельно на шумерском и аккадском¹⁵. Анализ изображений на печатях показывает, что миф этот был актуален и более чем за 1000 лет до его письменной фиксации. Действительно, невозможно поверить в то, что сложение государства, формирование городов и социального неравенства не оформлялось идеологически.

Обитатели номов, как горожане, так и жители деревень не могли не ощущать усиливающейся по сравнению со "старыми временами" трудности своей жизни. Они оставались свободными, и принудить их к работе сверх необходимого для себя силой было невозможно. Кстати, не исключено, что широкое расселение носителей цивилизации урукского периода, которые, как показывают новейшие археологические материалы, доходили до современной Сирии и углублялись в горы Ирана, могло быть следствием формирования первых государств и нежелания людей смириться с новой ситуацией. Уходя, они сохраняли связь со своей родиной, но, возможно, не испытывали нежелательного для себя прессинга.

Необходимость отдавать часть произведенного вне- или сверхчеловеческим силам не была совершенно новой: обряды, в ходе которых люди выделяли некоторое количество продуктов земледелия и скотоводства, а еще раньше – часть охотничьей добычи духам, "хозяевам" природных локусов, предкам, существовали и прежде. Однако происходило это в иных формах, чем в интересующее нас время. Прежде дары, в первую очередь продукты питания, потреблялись участниками жертвенных трапез. Теперь характер даров и форма их передачи изменились. Они стали очень разнообразными, они включали продукты деятельности специалистов, кем бы они ни были. Их направляли богам через посредство специально выделенных лиц – представителей администрации, жрецов. Произошло отчуждение: связи в обществе потеряли непосредственность, нарушилась непосредственность отношений людей и сверхчеловеческого мира.

Создается идеология, согласно которой все люди независимо от их положения являются слугами богов. Труд земледельца и скотовода, ремесленника и строителя, вождя и жреца рассматривается в ней как равно важный для существования установленного богами порядка. Высокий престиж труда в древних городах и номах невольно вызывает аналогию с гораздо более поздним и, конечно, совершенно иным буржуазным обществом, с религиозным отношением к труду, присущим протестантской морали. Создатели городской цивилизации, судя по изображениям на их печатях, проникнуты сознанием значительности своего места в мире. Вероятно, правомерно предположение П. Амье о том, что они считали его более значительным, чем то, которое приходилось на долю обитателей деревень¹⁶. В письменных источниках этого времени, конечно, такие вещи не фиксировали, но из более поздних известно, что быть горожанином в Месопотамии считалось честью, город был базой цивилизованной жизни¹⁷. Это прозвучало и в Эпосе о Гильгамеше, в котором противопоставляется жизнь горожанина и мир обитателей неупорядоченной степи и прославляется деятельность на пользу своего города – Урука – его правителя Гильгамеша.

¹ Вайман А.А. О протошумерской письменности // Тайны древних письмен. М., 1976. С. 583.

² Дьяконов И.М. Люди города Ура. М., 1990. С. 281–282.

³ Parrot A. Archéologie mésopotamienne. Technique et problèmes. Paris, 1953. P. 243.

⁴ Amiet P. Glyptique susienne des origines à l'époque des perses Achéménides. P., 1972. P. 78–81.

⁵ Ibid. P. 83.

⁶ Ibid.

⁷ Amiet P. La glyptique mésopotamienne archaïque. P., 1961, №№ 643–645; 312, 315, 317, 328.

⁸ Amiet P. Glyptique susienne.... P. 78.

⁹ Берлев О.Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978. С. 18.

¹⁰ Amiet P. La glyptique mésopotamienne.... № 672.

¹¹ Тюменев А.И. О предназначении людей по мифам древнего Двуречья // ВДИ. 1948. № 4; Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М., 1965. С. 132–134, 137; Франкфорт Г., Франкфорт Г., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М., 1984. С. 172.

¹² Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 261.

¹³ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983. С. 280.

¹⁴ Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй.... С. 261, прим. 47.

¹⁵ Тюменев А.И. Указ. соч. С. 14.

¹⁶ Amiet P. Glyptique susienne.... P. 83.

¹⁷ City Invincible. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East / С.Н. Kraeeling, R.M. Adams, eds. Chicago, 1960. P. 79–81.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МАСТЕР: ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ И ЛИЧНЫЙ ВЫБОР

Д.Э. Харитонович

Оговорюсь сразу: я не ставлю своей целью решить вопрос о соотношении понятий "личность" и "индивидуальность", о сущности феноменов, стоящих за этими понятиями, о хронологических и географических рамках указанных феноменов. Содержательная дискуссия на эту тему состоялась, позиции определились вполне четко (хотя, конечно, они будут уточняться и корректироваться)¹. Я хочу попытаться сузить задачу и рассмотреть только один аспект понятия "личность" – проблему индивидуальной позиции, и только на одном конкретном материале.

Что касается последнего, то лучше всего это будет делать на примере некоего индивидуального текста. При этом не предполагается заранее, что текст будет выражать неповторимую индивидуальность автора. Наоборот, автор, повинувшись традиции, может "элиминировать личное или подчинить его характеристике каноническим формам выражения"². И все же единичный текст, рассматриваемый на фоне текстов сходного содержания, дает хорошую возможность увидеть если не неповторимое, то, хотя бы, особенное. Для предлагаемого исследования желателен текст, созданный одним человеком.

В спектре позиций спорящих о феномене личности выделяются две: личность есть продукт Ренессанса и – личность зарождается в европейском Средневековье, притом особенно выделяются XII–XIII вв.³ Потому я и хочу взять главного героя моей статьи из XII в. Но – здесь еще одна проблема – кем будет этот герой? Неординарной фигурой либо "средним человеком", по выражению Л.П. Карсавина⁴? Существуют, как отметил несколько лет назад Л.М. Баткин, два способа изучать историю культуры⁵. Мы можем искать нечто неповторимое. "Культура – это царство особенного. А не общего"⁶. "Хотя, разумеется, каждый особенный феномен человеческого духа строится при помощи главным образом унаследованных, готовых, повторяющихся приемов мышления, общих мест, структурных принципов идей и т.д. – ценным и поистине культурным его делает некое смысловое смещение и приращение, то есть как раз особенное в нем"⁷. При таком подходе "личность" [...] появляется лишь в результате обретения индивидом *сознательной* способности к самоформированию, к обоснованию из себя, собою духовного выбора, социального поведения, жизненного пути"⁸.

Возможен, однако, и другой путь: нацелить наше внимание «на раскрытие тех понятийных форм, "матриц поведения", "моделей мира", которые таятся даже и за этими уникальными цветами культуры»⁹. "Посредством проникновения в картину мира и ее посильной реконструкции – пишет А.Я. Гуревич – я узнаю о тех общих *возможностях*, которые данная культура представляла для развития личности; о тех ее

культурных формах, в которых эта личность могла отливаться. По мере изучения картины мира человека данной эпохи раскрывается то силовое поле, в котором жили и совершали поступки люди – носители этой картины мира"¹⁰. При таком подходе "личность есть вместилище социально-культурной системы своего времени"¹¹.

Мы пойдем указанным "другим путем". Я хочу узнать, предоставляет ли избранная мной эпоха – XII–XIII вв. – культурные возможности для индивида занять индивидуальную позицию, совершить акт личного выбора, исходя, притом, из общепринятой, общедоступной картины мира. При первом из вышеозначенных подходов удобно взять в качестве героя повествования человека более или менее исключительного. При втором подходе – человека "среднего", не светоча мысли, властителя дум, но все же с этими "думами" эпохи более или менее знакомого. И если в результате исследования выявится, что "средний человек" способен на личный выбор, то сие будет знаком того, что культура его времени предоставляла ему такую возможность, и возможность эта была более или менее распространенной – ведь человек-то "средний". А узнав, каковы именно условия этого выбора, являлся ли он неким экзистенциальным решением либо принятием одного из жестко заданных культурой вариантов мнений, – узнав это, мы кое-что узнаем и об эпохе. А может быть мы выясним, что никаких возможностей выбора эпоха нашему герою не предоставляла вообще – ну что ж, отрицательный результат – тоже результат, и при таком ответе мы также получим некое знание об эпохе.

Теперь – обоснование типа исследуемого источника. Если есть в нашей сегодняшней культуре сфера деятельности по преимуществу личностная, то эта сфера – искусство. И когда современный человек хочет вывести некое художественное произведение из рамок искусства, отказать ему в статусе продукта личного творчества, то он говорит – "ремесленная поделка". Но как раз в Средние века ремесло и искусство не различались, обнимаемые одним понятием "ars" или, несколько уже, "ars mechanica". Посему в данной сфере, сфере художественного ремесла я и собираюсь искать ответы на интересующие меня вопросы.

Избранный мною текст – трактат Теофила Пресвитера "De diversis artibus" – "О разных искусствах"¹². Трактат написан между 1100 и 1140 гг. скорее всего в северо-западной Германии монахом-бенедиктинцем. С достаточной степенью уверенности можно предположить, что автором его был ювелир и металлоделец Рогер из Хельмарсхаузена, принявший в монашестве имя Теофил. Перед нами персонаж, вмещающий в себя взгляды двух сословий – "трудящихся" и "молящихся". Исследователи обнаружили в трактате Теофила определенную богословскую грамотность и, вместе с тем, – как автор настоящих строк пытался доказать в другом месте – ментальность ремесленника¹³. Перед нами искомый "средний человек", не только в смысле "усредненности", но и "середины", места, где сходятся разные линии культуры этой эпохи.

В XII–XIII вв., насколько нам известно, в обращении были, не считая Теофилова, только три оригинальных (не переводных с арабского) сборника (существовали ли еще – неясно) сходного содержания, то есть

своды рецептов, посвященных изготовлению красок, приготовлению сплавов, обработке драгоценных камней, а также созданию разных предметов, почитаемых ныне художественными: витражей, окладов, миниатюр, наварший посохов, церковной утвари и т.д. и т.п. Среди подобных сборников – "Compositiones ad tigenda" ("Смеси для окрашивания")¹⁴, составленный в конце VIII – начале IX вв. в Северной Италии. Еще один трактат – "Mappaе Clavicula" ("Ключик к живописи")¹⁵; до нас дошли две его редакции – написанная в Германии в X в, и более пространный, созданная в Англии в первой половине XII в. и приписываемая известному ученому Аделарду Батскому (изв. 1116–1147). Третий памятник – труд некоего Ираклия (о нем нам ничего не известно) "De coloribus et artibus Romanorum" ("О красках и искусствах Римлян")¹⁶, содержащий три книги, причем две первые, стихотворные, написаны в X в. в Италии, а третья, прозаическая, присоединена к ним в конце XII – начале XIII вв. во Франции, скорее всего в Париже. Среди этих жанров вполне однородных трактатов труд Теофила выделяется особо. Как отмечает итальянский историк Э. Кастельнуово, "возможность войти в мастерскую художника XII в., узнать принятую им концепцию его труда, его роли в обществе, его отношения к религии, к дарам Духа Святого, понять энтузиазм, порожденный его деятельностью, узнать его эстетические предпочтения, его техническую и литературную культуру и, в то же время, способы, процедуры и тайны его ремесла, эту возможность дает нам трактат "De diversis artibus", созданный под псевдонимом Теофил монахом-художником по имени Рогер, который работал в немецком монастыре в начале XII в. [...] Он создал не книгу рецептов, подобно иным средневековым текстам, как "De coloribus et artibus Romanorum" Ираклия, "Mappaе Clavicula" и иным писаниям о живописи и красках, но некую разновидность автобиографии, где автор говорит о своем труде, о своих желаниях, о своей вере и своих убеждениях в свойственной только ему манере, неистовой и страстной"¹⁷. Перейдем, однако, к исследованию основного текста.

"Теофил, смиренный пресвитер, слуга слуг Божьих, недостойный имени и звания монашеского, всем, кто желает бежать и обороть леность ума и томления духа полезным занятием рук и восхитительным размышлением о новых предметах: воздаяние – награда небесная" (I, prol.).

Так начинается исследуемый нами текст, и уже из этого отрывка видны некоторые его особенности. Это текст учительский, дидактический, но никак не полемический. Перед нами проповедь, а не диспут. Слова "убеждаю", "увещаваю", вообще суггестивный тон присущи Теофилу. Уместно ли в данной ситуации говорить об индивидуальной позиции? Но ведь если Теофил написал целых три предисловия, по одному на каждую книгу своего трактата, то зачем-то он это сделал? Ответ достаточно ясен: наш монах-пресвитер озабочен спасением души своего читателя и полагает, что занятия "разными искусствами" есть достойный путь к спасению. Обоснование этого – центральный стержень всех рассуждений. Каковы же аргументы? Первый и самый сильный: знание ремесел есть дар Божий:

"Человек был сотворен по образу и подобию Божьему и дана была ему жизнь дуновением дыхания Божьего..., поставлен [он] над всеми другими живыми тварями, так что разумом обладая, может быть причастен по заслугам своим мудрости и таланту и искусству Божьего замысла... Хотя и потерял он привилегию бессмертия, будучи жалким образом обманут дьявольским коварством, однако передал он последующим поколениям особое отличие свое – знания и разумение, так что уделяющий внимание работе может получать как бы по наследственному праву способности ко множеству разных искусств" (I, prol.). "Все, что в искусствах ты можешь изучить, понять или осмыслить, даровано тебе милостью семикратной Духа Святого" (III, prol). Отклонить сей дар никоим образом нельзя, недопустимо: "Ибо как дурно и ненавистно для человека со злым устремлением схватить запретную вещь, которая не принадлежит ему, либо овладеть воровством, также приписано должно быть лени и глупости, ежели оставляет он без внимания или относится с пренебрежением к праведному наследию Бога-Отца" (I, prol.).

Ремесленные познания – это "дары, каковые Бог дает обильно и не требуя от нас ничего" (Там же). "Благочестивая преданность верующих не забудет о том, что изобретательная предусмотрительность их предшественников передалась нынешнему веку, и то, что Бог передал человеку как наследие, пусть же человек приложит усилия и работает со всем рвением, дабы принять его" (Там же). То есть, безусловность дара не вполне такова. Конечно, "способности к разным искусствам" предложены каждому, но воплотиться они могут лишь в том, кто приложит собственные, личные силы.

В рассуждении об упомянутой выше "семикратной мудрости Духа Святого", то есть о семи дарах Св. Духа (Ис. 11, 2–3), наш автор так увещевает своего читателя: "Через дух крепости ты отбрасываешь вялость и лень, и что бы ты ни начинал с великим рвением, ты доведешь все до завершения с полной силой" (III, prol).

Поскольку знания и умения в многообразных ремеслах исходят от Бога, они, без сомнения, полезны. Вспомним – "полезные занятия рук". В чем же эта польза?

Во-первых и по преимуществу, "искусство человеческое в различных своих деяниях предохраняет от погони за наживой и удовольствиями" (I, prol).

"Я, не колеблясь, убеждал тебя, дражайший брат, как много чести и успеха приносит отвержение безделья и преодоление праздности и лени и как сладостно и восхитительно расходовать силы свои на применение разных полезных искусств, следуя словам известного оратора: "Всякое знание – добро, а отказ от знания – провинность"¹⁸. Никто не должен медлить приблизиться к человеку, о котором Соломон сказал: "И кто умножает познания, умножает плоды труда (laborem)"¹⁹, ибо если он мыслит правильно об этом, он сможет увидеть, сколь много успехов для души и тела проистекает отсюда. Ибо ясно как день, что тот, кто позволяет себе безделье и праздность и тратит свое время в пустой болтовне и злословии, праздном любопытстве, пьянстве, попойках, ссорах, убийствах, разгульной жизни, воровстве, кощунстве, клятвопре-

ступлении и прочих подобных делах, отвержен в глазах Бога, который глядит с благосклонностью на смиренного, тихого человека, работающего в молчании во имя Господа и послушного заповеди апостола Павла: "И лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающимся"²⁰ (II, prol).

Итак, главная польза – отвержение греха, ибо труд есть выполнение Божьих заповедей. Помимо этого – возможность "уделять нуждающимся" плоды своего труда. И – более или менее светский мотив – достижение "успехов", притом не только для души, но и для тела. Последнее не стоит на первом плане, но и не исклчается.

Второй аспект пользы – это польза не труда вообще, но конкретной деятельности мастера-художника. С нашей сегодняшней точки зрения цель живописи – создание эстетически значимых произведений. Все это не чуждо Теофилу:

"Ты, дражайший сын, уверенно приблизился к дому Божьему и украсил его тщательно и изящно. Разметив панели потолка и стены различной обработкой и различной раскраской, ты показал глядящим нечто похожее на Рай Господень, цветущий всеми цветами, зеленеющий травой и листьями, взлеянный душами святых с нимбами, соответствующими их заслугам" (III, prol.).

Но все это никак не картина в нашем понимании. "Таким образом ты побудишь их прославить Бога-Творца и выразить восхищение Им в Его труде" (Там же). Изображение является некой проповедью в красках:

"Глаз человеческий не может решить, на чем остановить сперва свое внимание; если глядеть на панели потолка, они расцвечены как ковры, если он обозревает стены, Раю подобны они, если он вглядывается в обилие света из окон, он изумляется бесценной красоте стекла и разных других драгоценных изделий. Но если верующая душа увидит изображение Господнего распятия, сделанное рукой художника, она сама пронзается; если она видит, как велики пытки, которые претерпевают тела святых и как велика награда в будущей жизни, которую они получают, ее охватывает почтение к лучшей жизни; если она созерцает, как велики мучения в пламени Ада, она исполнится надеждой из-за своих добрых дел и сотрясется от страха из-за своих грехов" (Там же).

Эстетические и дидактические цели здесь нераздельны. Красота, художественная сила изображения необходимы, прямо-таки обязательны, но для чего-то большего, нежели удовольствие от созерцания изображаемого – для спасения души созерцающего это изображение.

Есть и еще одна душеполезно-практическая польза от художественного ремесла:

"Со всем рвением ума твоего ты стремишься завершить все, чего еще не хватает для дома Господня и без чего Божественные таинства и назначенные службы не могут продолжаться. Это потиры, подсвечники, кадила, сосуды для ея, кувшины, ларцы для священных реликвий, кресты, оклады книг и все другие вещи, которые необходимы для использования в церковных церемониях" (Там же).

И это опять-таки полезная деятельность, обеспечивающая должное свершение богослужения, то есть служащая спасению души.

И вот здесь (а может быть и существенно ранее) у читателя может возникнуть вопрос: "Ну и что? Что хотел сказать автор своим произведением?"

Предположим, что некоторые взгляды ремесленника Рогера, ставшего монахом и пресвитером Теофилом, описаны верно. Что нового в этом описании? Чем воззрения Теофила на труд, на ремесло отличаются от воззрений на этот предмет у других людей эпохи? Для сравнения приведу второй пролог к "Marrae Clavicula", напечатанный только во второй, расширенной редакции и даже попавший в одну из рукописей "De diversis artibus" XIII в., где он занял место впереди собственного текста Теофила:

"Каждому искусству обучаются медленно, шаг за шагом.
Первое в искусстве художника – приготовление красок,
Затем твой ум должен обратиться к составлению смесей,
Затем начинай свою работу, проверяя все на опыте,

Для того, чтобы все, что ты нарисуешь было прекрасным и совершенным.
После всего, искусство, к которому ты приобрел способности через это поучение,
Возвеличит твой труд, как учит эта книга"²¹.

Это вступление, как и подобное в труде Ираклия, в сущности представляет книгу читателю, а не содержит рассуждения о ее смысле и значении. Зато первый пролог к "Marrae Clavicula" не есть простое предупреждение:

«Во Имя Господа Нашего Иисуса Христа. Поелику обладаю я многими прекрасными книгами, в которых описаны эти вещи, обеспокоился я написать эти пояснения не для того, чтобы показался я посягнувшим на эти священные книги, ибо не создал ничего, но дабы избежать этой ереси, я должен был разъяснить тем, кто желает понять, каковы истинные приемы, употребляемые в живописи и иных видах работ. Я дал этому собранию название "Ключик к живописи", чтобы любой, кто возложит руки на него и станет часто его вопрошать, понял, какой вид ключа содержится в нем. Ибо как доступ в запертый дом невозможен без ключа, хотя это легко для того, кто внутри, так без этих пояснений все, что явлено в священных книгах будет для читателя темно и недоступно"²².

Повторяются уже известные нам мотивы благодати и даже святости знания, необходимости передачи его желающим. Если же не ограничиваться только ремесленными текстами, то параллели с Теофиловыми писаниями станут еще обильнее.

Единству красоты вещей с их литургической полезностью и религиозной дидактикой немало строк посвятил современник Теофила аббат Сугерий (1081–1151)²³. Почтенность ремесла-искусства как деятельности, направленной на создание религиозно ценных предметов, отмечают цеховые уставы, записанные, правда, уже в XIII в.: парижские скульпторы освобождаются от несения караульной службы и некоторых поборов, так как их ремесло "предназначено только для службы нашего Господа, Его святых и к почитанию Святой Церкви"²⁴. Даже в XVI в. друг гуманистов

Дюрер все еще относил к важным сторонам искусства то, что оно "служит Церкви и изображает страдания Христа"²⁵. Не уникальны и идеи Теофила о нравственной пользе труда и знания. "Бог создал человека существом, нуждающимся в труде, с целью дать ему возможность всюду применять познавательные силы"²⁶ – сказал еще Ориген (ок. 185–253/254) за без малого тысячу лет до Теофила. А современник (скорее всего, младший) нашего автора, св. Бернард Клервоский (1091–1153), требует от монахов занятий ручным трудом, "чтобы дух соблазна неожиданно не захватил в свою власть бездеятельный ум"²⁷. Представления о божественном происхождении труда, ремесел охватывают общество как раз в XII–XIII вв. Именно в это время распространяются представления о Боге как мастере – *summus artifex*²⁸. Для еще одного младшего современника Теофила – Герхоха Рейхерсбергского (1093/1094–1169) – весь космос есть "великая фабрика целого мира и как бы вселенская мастерская"²⁹. И Гуго Сен-Викторский (ок. 1096–1141) в полном согласии с Теофилом (или, скорее, наоборот, мастер из Хельмарсхаузена в согласии с магистром из обители св. Виктора) скажет, что "ревностное изучение наук и искусств ведет к восстановлению в человеке подобия Божественной мудрости, утраченной при грехопадении"³⁰.

Однако, существовала и другая точка зрения на ремесло, вернее совокупность иных точек зрения, общим в которой было отрицательное отношение к ремеслу, да и к труду вообще. Труд оценивался как последствие грехопадения, как наказание, а также как занятие исключительно для неблагородных³¹. С другой стороны, труд есть нечто нарушающее естественное состояние природы и потому плохое. Еще Тертуллиан (ок. 155 – после 220) говорил: "Вещи в естественном состоянии суть Божье произведение, труд, который их изменяет – произведение дьявола"³². Ремесла, в сущности, вредны и даже обманны. Гонорий Августодунский (1-я пол. XII в.) в своем труде "Elucidarius" ("Светильник") прямо говорит, что ремесленники пойдут в Ад, ибо все, что они изготавливают, основано на обмане³³. В IX в. Мартин Ланский, ученик Иоанна Скотта Эриугены в своем словаре этимологизирует "*ars mechanica*" не от греч. "*mechas*" 'машина', но от "*moichos*", лат. "*moechus*", и пишет: "*Moechus*" означает притворщика-любодея, брачное ложе оскверняющего. От "*moechus*" мы именуем механическим искусством всякую вещь хитрейшую и претончайшую и в своем изготовлении или сотворении непонятную, так что видящие ее ощущают себя как бы лишившимися способности зрения, ибо они не могут понять ее хитрой замысловатости"³⁴. Гуго Сен-Викторский, тот самый, что считал ремесленные занятия как бы избавляющими от последствий первородного греха, полностью принимает такую этимологию и пишет, своеобразно переключаясь с анонимным автором первого варианта "Ключика к живописи": "...творчество человеческое как не природное, а только природе подражающее, пригодно назвать механическим, то есть притворным, обманным, равно как отмычку называют ключом механическим, то есть обманным"³⁵.

Итак, более или менее условно мы можем выделить две позиции в отношении ремесла: положительную и отрицательную оценки. Эти

позиции равно присущи Средневековью, переплетаются в его культуре и даже в индивидуальном сознании как у Гуго. Но не у Теофила. Его оценка "разных искусств" безусловно положительная и даже восторженная. Его позиция в споре, впрочем, в споре неявном, в споре, где мнение высказывается так, как-будто противоположного не существует, в споре, где выдвигаются свои положения, но не критикуются другие, так вот, в этом споре его позиция однозначна. Но можем ли мы назвать такую позицию *личной*? Теофил – он же Рогер – мастер-ремесленник, и на занятие данной позиции обречен в силу социального положения. Ситуация выбора пока не просматривается.

Ремесленное познание, как уже неоднократно отмечалось выше, есть дар Божий, и потому как бы не принадлежит человеку.

"Не дано никому, кто примет сей дар, восхвалять себя в сердце своем, хотя бы получил сей дар только он один и никто более" (I, prol.).

Если Бог вложил в человека необходимые знания, то сделал Он это для того, чтобы человек раздавал его всем желающим.

«Не дано никому ни прятать Его дар в суму зависти, ни скрывать в кладовой сердца своего, но дано ему, отбросив гордыню, в смирении и веселии разума раздавать тот дар всем, кто ищет его. Дано ему также страшиться приговора, произнесенного в Евангелии над тем рабом, который не смог вернуть господину своему талант с прибытком и ушел без благодарности и из уст ближних заслужил прозвище "дурной раб" ("servus malus")³⁶. Страшась заслужить приговор этот, я, недостойное создание, безымянное почти, предлагаю открыто всем, кто в смирении желает изучить дары, каковыми Бог, который дает обильно и не требуя от нас ничего, соблаговолил оделить меня» (Там же).

Всемогущему известно, надеется Теофил, что, когда он писал этот трактат, "из завистливой ревности никогда я не скрывал ничего драгоценного или редкого, не умалчивал о чем-либо известном лишь мне одному, но давал я помощь всем людям, которые нуждались и всегда беспокоился об их достижениях к вящей славе и чести Его имени" (Там же).

И снова: о чем спор? Почему Теофил уделяет столько места призывам к открытости знания (я привел лишь небольшую часть)? Откуда эта настойчивость? Ведь подобные воззрения присущи всему Средневековью. Богословы настаивали на открытости Откровения для всех, опираясь на евангельское: "И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечник, и светит всем в доме" (Матф. 5, 15). Раздача милостыни, нацеленная более на спасение души дающего, нежели на помощь нуждающемуся, есть нечто почти само собой разумеющееся для Средних веков³⁷. В мирской сфере щедрость – высочайшее по ценности качество как в варварскую эпоху³⁸, так и во времена Высокого Средневековья³⁹. И наконец, разве в цитированном выше отрывке из "Mappaе Clavicula" не говорится, что скрывать ремесленные познания – ересь?

Так, да не совсем так. Иная точка зрения существовала и выражалась достаточно четко. Старший (скорее всего) современник Теофила Марбод Реннский (1035–1123) в своей поэме "О камнях" пишет:

"Я изложение мое писал для себя и для близких –
Ибо величие тайн умалается дальней оглаской;
Став уделом толпы, становится важное пошлым,
Самое большое – трем друзьям я дарю эту книгу:
Три – святое число, а я ведь пишу о священном
И обращаюсь лишь к тем, кто к таинствам Божиим допущен,
Строгие нравы хранит и праведной жизнью известен"⁴⁰.

Анонимный автор "Ключика к живописи" сразу же после приведенного пассажа о ключе, без перехода заявляет: "Я клянусь далее всемогущим Богом, который открыл мне эти вещи, не передавать этой книги никому, кроме моего сына, когда он впервые оценит свой характер и решит, обладает ли он благочестием и разумением и сможет ли он хранить тайну"⁴¹. Всеобщее знание оказывается куда как узким, замкнутым: в него могут быть посвящены три друга или даже один сын. Знание это должно передавать всем, но только всем своим. Аргументация тут может быть различной. Ремесленное знание слишком велико, слишком могуче и потому не должно попасть в худые руки, "Прячь священный секрет – сказано в одном из рецептов "Ключика к живописи", – ибо ты не должен передавать его никому и не давать ни одному пророку (propheta)"⁴². Пророку, то есть еретическому проповеднику, ибо после Христа не может быть новых пророков. Поэтому сведения открыты лишь "тем, кто к таинствам Божиим допущен, строгие нравы хранит и праведной жизнью известен", кто "обладает благочестием и разумением".

Впрочем, замкнутость знания может отражать и ценность мудрости, недоступной всякому невегласу – "став уделом толпы, становится важное пошлым", – и ценность социального престижа, к коему непричастен социально низкий: архитектурное искусство не есть то, "что впору каждому мужику", скажет, правда, уже в XV в., зодчий Лахер в "Наставлении своему сыну"⁴³. Здесь может быть просто желание сохранить тайны ремесла в цеховом круге. Регенсбургские архитекторы, правда, опять же в конце XV в., постановили: "Ни один мастеровой, мастер, подрядчик, подмастерье, никто, как бы он ни именовался, не должен обучать умению извлекать [ортогональ] из плана того, кто не принадлежит к нашему ремеслу и не занимается нашей работой"⁴⁴.

Так или иначе наличествует в среде мастеров, признанная людьми образованными, точка зрения, которой наш пресвитер Теофил не придерживается, которую наш мастер Рогер решительно отвергает, предпочитая иную, тоже, между прочим, официально одобренную.

Пора подвести некоторые итоги. Вернемся снова к ситуации спора о личности в Средние века. Л.М. Баткин настаивает на том, что «средневековая "персона" ... свободна только в том, чтобы следовать благому Пути или уклониться от него, вести себя *образцово* (нормативно) или впасть в соблазн *пре-ступления* нормативной границы». Новоевропейский же индивид-личность "становится трагически ответственным не только за приближение или удаление от Высшего, но и за выбор того, что же он, индивид, полагает Высшим. Отвечает за свои *личные ценности*, отвечает не только *за себя*, но и *перед собой*" – в отличие от

индивида средневекового, "действующего, может быть и *свое-вольно*, и не как *подобает*, но никогда – никогда! – не поступающего (сознательно) *свое-образно*, суверенно"⁴⁵.

Не соглашаясь с таким подходом, А.Я. Гуревич утверждает, что в текстах и речениях средневековых индивидов "нетрудно найти и драматизм, и внутренний диалог, и трудности, связанные с поисками выхода из противоречия". А.Я. Гуревич показывает, что в Средние века существовали две системы взглядов на посмертную судьбу индивида: она решается с концом мира на Страшном суде и – она определяется сразу же после смерти человека. "Вот конфликт между официальной догмой и живой повседневной религиозностью! Конфликт, который... никак не разрешается. Напряженность между обеими эсхатологическими версиями остается не снятой, и тем самым она остается источником глубокой озабоченности, беспокойства, душевной неуравновешенности верующих"⁴⁶. То есть, трагический выбор происходит (или не происходит и потому особенно трагичен) не между следованием единственному нормативному образцу и решительным отклонением этого образца, а из двух равно допустимых, более того, может быть даже равно обязательных традиций, из коих ни одну невозможно отклонить.

Случай Теофила безусловно лучше описывается, исходя из второй из вышеописанных позиций. В первой из выделенных мною коллизий – между представлениями о божественном происхождении ремесел и взглядами на искусство человеческое как нечто обманное – наш мастер из Хельмарсхаузена делает выбор, обусловленный его, так сказать, социальным происхождением: он ремесленник и придерживается взглядов, возвеличивающих его профессию. Но вторая коллизия – между всеоткрытостью и охранительной замкнутостью ремесленного знания... Здесь явно две равноценные традиции, но выбор между ними сделан. Можно, конечно, сказать, что настоящего выбора здесь нет, что Теофил, распространяя ремесленное знание, автоматически должен занять позицию одобрения такого распространения. Но ведь его коллега, живший ранее, анонимный автор "*Marrae Clavicula*" настаивал на осторожном обращении со знанием ремесел, причем тратил на свои высказывания куда меньше слов, нежели утверждавший противоположное Теофил. Так что ситуация выбора, кажется, налицо, но выбора не из бесконечного количества всевозможных вариантов, возможно даже и не существующих до тех пор, пока они не возникнут в сознании индивида, а между заданными образцами, но образцами равно возможными, равно допустимыми и, может быть, равно достойными.

Или все же настоящего выбора личной позиции здесь нет, ибо нет трагизма, например, трагизма человека, мечущегося между разными вариантами эсхатологии?

Корректно ответить на этот вопрос я не могу. Не знаю, возможен ли ответ вообще. Могу лишь немного порассуждать, понимая всю научную необязательность подобных рассуждений.

Действительно, какую проблему решает наш монах, в прошлом ремесленник? Спасти или погнубить? Какой путь спасения лучше? Да вроде бы нет. Его волнует лишь – всем или не всем он должен сообщать

те ценнейшие сведения, которыми обладает. Собственно даже уже не волнует, ибо он явно принял некую позицию еще до написания своего труда. Но настойчивость, с которой он отстаивал свои взгляды, свидетельствует о том, что он не только знал о существовании других – с весьма высокой степенью вероятности мы можем предположить, что он читал "Ключик к живописи", – но и видел распространенность точки зрения, противоположной собственной. Нет трагизма в выборе его? Не знаю, не знаю... Слишком уж сильные его аргументы: раз Бог дает всем без исключения, то и ты, возлюбленный сын мой, обязан это делать. Да и вообще, почему, говоря о выборе, мы имеем в виду какие-то крайние, пограничные ситуации? Почему не обращаем внимания на те мелкие, незаметные даже, акты выбора, которые мы совершаем ежедневно? Разве не ими предопределен тот совершаемый (или так никогда и не совершаемый) Последний и Решительный Выбор?

Я не смог дать однозначного ответа, да и не пытался это сделать. Я лишь хотел взглянуть на проблему средневековой личности под чуточку иным углом зрения, ввести в поле исследования не некоего, по слову В.С. Библера, "соборного анонима", который часто заменяет ученому реальную личность⁴⁷, а новый персонаж, новую персону – не философа, не богослова (хотя бы и "популярного"), а мастера Рогера из Хельмарсхаузена, alias монаха и пресвитера Теофила, который, как мы помним, говорил: "всем, кто желает бежать и обороть леньюсть ума и томление духа восхитительным размышлением о новых вещах: воздаяние – награда небесная!".

¹ Индивидуальность и личность в истории (дискуссия) // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 6–90.

² Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников *Exempla XIII в.*. М., 1989. С. 5.

³ См.: Huizinga J. *The Problem of Renaissance* // J. Huizinga. *Men and Ideas. History, the Middle Ages, the Renaissance*. N.Y., 1970.

⁴ Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. преимущественно в Италии. Пг., 1915. С. 11–12.

⁵ Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986, № 12. Ср.: Он же. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989, особ. Введение; Он же. К спорам о логико-историческом определении индивидуальности // Одиссей. Человек в истории. 1990; Он же. Письма Элоизы к Абеляру. Личное чувство и его культурное опосредование // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры. М., 1990.

⁶ Баткин Л.М. К спорам... С. 74.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 73.

⁹ Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. 1990. С. 87.

¹⁰ Там же. С. 86.

¹¹ Там же. С. 85.

¹² Я использовал издание: *Theophilus Presbyter. De diversis artibus*. Theophil Presbyter. *The various arts 3/Transl. with introd. and notes by C.R. Dodwell*. Edinburg; L., 1961. Ссылки на Теофила даются в тексте с указанием книги трактата.

¹³ Харитонович Д.Э. В единоборстве с василиском: опыт историко-культурной интерпретации средневековых ремесленных рецептов // Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989.

- ¹⁴ Этот сборник не будет рассматриваться, так как все его рецепты входят в "Mappae Clavicula" (см. след. прим.), а первые листы, может быть, содержавшие предисловие, утеряны.
- ¹⁵ *Mappae Clavicula: A little key to the world of medieval painting / Transl. with introd. and notes by J.G. Hawthorne and C.S. Smith. Philadelphia, 1974.* Это издание представляет собой факсимильное воспроизведение рукописей обеих редакций и сводный перевод.
- ¹⁶ Hertaus von der Farben und Künsten der Romer 33/Hrgs. von A.Ilg // *Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik der Mittelalter und der Renaissance.* Wien, 1873. Bd. IV.
- ¹⁷ *Castelnuovo E. L'artiste // L'homme medieval / Sur la direction de J.Le Goff. P., 1989. P. 247.*
- ¹⁸ *Catonis distichi, IV, 29, 2 / Пер. М.Л. Гаспарова. Цит. по: Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 406.*
- ¹⁹ Еккл. I, 18. В синодальном переводе: "И кто умножает познания, умножает скорбь". В Вульгате употреблено слово "labor", означающее и тяготы, бедствия", и "труд", "плоды труда". Я следовал здесь за контекстом, тем более, что в последнем значении указанное слово стало широко употребляться, начиная с VIII в. см.: *Le Goff J. Pour un autre Moyen Âge. Temps, travail et culture en Occident. P., 1977. P. 86 ff.*
- ²⁰ Ефес. 4, 28.
- ²¹ *Mappae Clavicula. Prol. 2.*
- ²² *ibid. Prol.*
- ²³ *Abbot Suger on the abbey church of St.-Denis and its art treasures / Ed., transl. and annotated by E. Panofsky. Princeton, 1946.*
- ²⁴ Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. Л.И. Киселевой // *Средние века. М., 1958. Вып. XI. С. 176, статут LXII.*
- ²⁵ Цит. по: *Мастера искусства об искусстве / Пер. Ц.Г. Нессельштраус. М., 1966. Т. 2. С. 322.*
- ²⁶ Цит. по: *Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 270.*
- ²⁷ Там же. С. 271.
- ²⁸ Там же. С. 274–276. Ср.: *Le Goff J. Op. cit. Ch. I, II.*
- ²⁹ Цит. по: *Le Goff J. Les intellectuelles au Moyen Age. P., 1953. P. 63.*
- ³⁰ *Hugonis de Sancto Victore Didascalicon. De studio Legendi. A critical text. Washington, 1939, ii, I, 752 B.*
- ³¹ См.: *Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 268–270.*
- ³² Цит. по: *Bastian A. Mensch in Geschichte. Bd. 3. Leipzig, 1861. S. 276.*
- ³³ *Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 242.*
- ³⁴ Цит. по: *Lastner L.W. Notes on Greek from Lectures of Ninth Century Monastery Teacher // Bulletin of John Rylands Library. V. VII. 1922–1923. P. 434.*
- ³⁵ *Hugonis de Sancto Victore Didascalicon. De studio... I. IX, 747 D.*
- ³⁶ Матф. 25, 26. В синодальном переводе – "лукавый раб и ленивый".
- ³⁷ *Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 251–252.*
- ³⁸ Там же. С. 237, 240–243.
- ³⁹ Там же. С. 255–263. Ср.: *Bloch M. La société féodale. P., 1968. P. 432.*
- ⁴⁰ *Марбод Ренский. О камнях / Пер. М.Л. Гаспарова // Памятники средневековой латинской культуры X–XII вв. М., 1972. С. 228.*
- ⁴¹ *Mappae Clavicula. Prol. I.*
- ⁴² *Ibid. Rec. *17.*
- ⁴³ Цит. по: *Зубов В.П. Архитектор в эпоху средневековья. Оценка его труда и положения в обществе // Советское искусствознание. М., 1985. Вып. 19. С. 311.*
- ⁴⁴ Цит. по: *Зубов В.П. К вопросу о роли чертежей в строительной практике западноевропейского средневековья // Труды Института истории естествознания и техники. М., 1956. Т. 7. Прим. 8 на с. 247.*
- ⁴⁵ *Баткин Л.М. К спорам... С. 73.*
- ⁴⁶ *Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний... С. 88.*
- ⁴⁷ *Библер В.С. Образ простеца и идея личности в культуре средних веков (заметки на полях книги А.Я. Гуревича "Проблемы средневековой народной культуры") // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 82.*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ОБРАЗ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ (к проблеме псевдонимов города)

Г.З. Каганов

Столица государства всегда символически репрезентирует не только разные части этого государства, но и весь остальной мир. Чаще всего это выражается в городских топонимах, но иногда в рекламе, архитектуре зданий и структуре пространства. Еще одна форма такой репрезентации – городской фольклор, то есть предания, поговорки, и т.п. В тех же самых формах в столице может быть представлена также национальная и всемирная история. Особенно интересны в этом отношении псевдонимы столичного города, то есть имена других городов, которые он почему-то начинает носить в дополнение к своему постоянному имени. Появление и исчезновение таких псевдонимов означает, что появляются или исчезают культурно-исторические ассоциации и смыслы, в определенные моменты важные для национального самосознания. Таковы, например, псевдонимы: Москвы – "Третий Рим" (начало XVI в.), Дрездена – "Немецкая Флоренция" (1-я половина XIX в.) или Мюнхена – "Новые Афины" (середина XIX в.).

Ни одна столица в Европе не сменила столько псевдонимов, сколько С.-Петербург. За двести лет их было 6 или 7. Бывало, что город носил два, а то и три псевдонима одновременно: "Новый Иерусалим", "Другой Амстердам" и "Другая Венеция" в 1710–20-х гг.; "Северная Пальмира" и "Новый Рим" в 1780-х гг.; "Северная Венеция" и "Париж в миниатюре" в середине XIX в. И каждый из псевдонимов ставил невскую столицу в связь с той или иной традицией европейской или ближневосточной культуры, а тем самым – с определенным историческим периодом. Рассмотрим некоторые исторические смыслы этих псевдонимов, имея в виду, что все они имели разную долговечность – от одного-двух десятилетий до двух веков, и разное символическое достоинство – одни ставили С.-Петербург "под знак вечности", другие подчеркивали лишь поверхностное и мимолетное сходство с тем или иным великим городом.

Новый Иерусалим

В 1717 г., когда царь Петр вернулся из-за границы, ему была торжественно поднесена огромного размера гравюра с "первовырезанным на меди планом и фасадом Петербургу". В официальной речи епископ Рязанский Гавриил Бужинский так обратился к городку в дельте Невы: "Светися, светися, новый Иерусалиме!"¹. Для официальных лиц, присутствовавших на церемонии, и вообще для большинства царских подданных в таком псевдониме просвечивали два исторических смысла.

Один из них для людей более или менее образованных был связан с ветхозаветной традицией и древней столицей Израиля. Не случайно

© Каганов Г.З.

владыка Гавриил сказал о С.-Петербурге в духе пророка Исаяи: "Слава бо Господня на тебе возсия" (ср. – Исаяя, 60, 1–2). Тем самым новый город символически приравнялся Иерусалиму, о котором и говорил библейский пророк. С.-Петербург приобщался уже не просто к всемирной, но к священной истории, то есть сам как бы приобретал черты святости. С этим связан и второй исторический смысл псевдонима. Народная религиозность XVI–XVII вв. видела Иерусалим стоящим "посреде Руския земли": "А что с тоя страны восточныя восходил луч солнца краснаго, осветил всю землю святорусскую: (...) то будет на Руси град Ерусалим"². Иерусалимом в народе называли Москву, хотя в официальных документах Иерусалимом именовался иногда только собор Покрова Богородицы на Рву (Василия Блаженного) – по его западному Входу-Иерусалимскому приделу. Так как с запада обычно входили во всякий храм, то естественно было и весь собор воображать и называть Иерусалимом. Однако, для фольклорного сознания популярный собор и весь город вполне взаимозаменяемы, тем более, что Покровский на Рву собор и был, если можно так выразиться, архитектурной иконой небесного града³. Вот поэтому единомышленникам царя Петра было так важно символически приравнять Иерусалиму С.-Петербург вместо Москвы – только тогда он мог бы стать истинной столицей страны, не только официальной, но и всенародной. Петербург тем самым оказался бы поставлен "в перспективу метаистории", по выражению Даниила Андреева, то есть из времени перешел бы в вечность.

Такое понимание С.-Петербурга сохранялось по меньшей мере в течение всего XVIII в. Вот пример: в 1765–68 гг. в самом начале Невской перспективы (так назывался тогда Невский проспект), которая служила парадным въездом в город с Московской дороги, была построена церковь Входа в Иерусалим, будущая Знаменская. Петербург тем самым истолковывался как Иерусалим. Точно так же интерпретирован он в описании, вышедшем в 1779 г., где захват войсками Петра крепости Шлиссельбург назван: "вход во врата забрал Невских, аки ключем дому Давидова, по глаголу Исаяи пророка"⁴. Домом Давидовым здесь описательно назван Иерусалим. Правда, слова эти принадлежат автору, писавшему в середине XVIII в. и хорошо помнившему времена Петра I, но тот факт, что книга была издана человеком уже совсем другого поколения показывает, что прежний священный псевдоним Петербурга оставался внятными людям екатерининской эпохи.

Новый Рим

В 1714 г. после морской победы русских над шведами при мысе Гангут губернатор Петербурга князь Меншиков приветствовал царя словами "Caesar salve"⁵. Это обращение к Петру как к римскому императору отбрасывало определенный символический отсвет и на его державу. Недаром царя в этой связи иногда изображали в виде римского бога Марса⁶. По заключении Ништадтского мира царь Петр в 1721 г. официально принял титул императора, и с этого времени начинается длинная история уподоблений Петербурга Риму.

Если при Петре Россию сопоставляли с Древним Римом как с образцом мировой военной державы, то в сравнительно мирное царствование "дщери Петровой" актуальным было сравнение не столько с победами римского оружия, сколько с культурными достижениями Рима, в том числе с грандиозным строительством императоров. В 1756 г. Ломоносов писал, обращаясь к Елизавете:

Не разрушая царств, в России строишь Рим.

Пример в том – Сарской дом; кто видит, всяк чудится,

Сказав, что скоро Рим пред нами постыдится⁷.

Речь здесь идет о громадном и роскошном дворце в Царском Селе, сооруженном архитектором Бартоломео Растрелли в 1752–57 гг. Через 30 лет папский нунций Джованни Аркетти словно ответил Ломоносову в своих "Мемуарах", заметив, что С.-Петербург "называют вторым Римом, выстроенным в северной стране. И это справедливо"⁸. Кардинал подразумевал не только строительство на невских берегах сразу многих зданий "в истинно античном вкусе" по проектам итальянца Джакомо Кваренги, но имел в виду также Рим папский и католический, поскольку и сам он был очень ласково принят в Петербурге, и католики получили при Екатерине II дополнительные права и привилегии в России. В 1783 г. освящен первый католический собор в столице, и даже православные церкви иногда строятся по схеме католических храмов XVII в. Самые известные примеры это Троицкий собор Александро-Невской лавры, 1776–1790 гг., архитектор И. Старов, и Казанский собор, 1801–1811 гг., архитектор А. Воронихин.

Тема Древнего Рима вновь возникла во время войны 1812 г. Просвещенные русские чувствовали себя римлянами, защищающими цивилизацию от варваров-галлов. Походным чтением многих русских офицеров были "Биографии" Плутарха, а выдающихся русских генералов в публике звали именами славных римских полководцев. Петербург, до которого экспедиционный корпус маршала Макдональда не смог дойти, оказывался в этой системе уподоблений как бы Римом, спасенным от варварского нашествия, в противоположность историческому Риму, не раз захваченному и разграбленному варварами. После войны появилось намерение "величием превзойти древних" в застройке столицы, особенно в некоторых проектах Карло Росси, мать которого была итальянкой, а отчим французом.

Надо сказать, что все уподобления Петербурга легендарной древности слагались в эстетически прекрасную, но хрупкую мифологию, державшуюся на восторженности ее приверженцев и на поэтических условностях. Стоило чуть выйти за эти пределы, как весь культ "священной древности" становился просто смешным, в том числе и для его героев. Любопытно в этом отношении замечание, полное иронии, которое сделал однажды генерал Раевский, один из главных героев Бородинского сражения и всей кампании 1812 года: "Из меня сделали римлянина, милья Батюшков, (...) из Витгенштейна – спасителя отечества, из Кутузова – Фабия. Я не римлянин, но зато и эти господа – не великие птицы. Обстоятельства ими управляли(...)"⁹. Заметим, что граф П.Х. Витгенш-

тейн с резервным корпусом как раз и загородил маршалу Макдональду путь на Петербург, тем самым оказавшись причастным ко всей "римской мифологии" Петербурга.

Эта изящная утопия довольно быстро рассеялась после 14 декабря 1825 г., хотя сам по себе интерес к Риму вовсе не исчез. Но это был интерес уже не к какой-то абстрактной и однородной древности, а к вполне конкретной, исторически достоверной цивилизации, в пределах которой архаическая и классическая Греция, Этрурия, эллинистический Египет и Ближний Восток, республиканский и императорский Рим составляли разные культурные миры. Внимание столичной публики привлекает археология и научная реставрация архитектурных памятников древности. В 1846 г. император Николай I посещает раскопки в Помпее. Вообще 1840-е годы, как отмечал в начале XX в. П. Муратов, были в России временем всеобщего и страстного увлечения Римом¹⁰. В это время в отделке богатых петербургских домов используются мотивы помпейских фресок. Но интерес любителей искусств сосредоточен не на отвлеченных добродетелях персонажей Плутарха, а на конкретных деталях древнеримского быта с его комфортом и умением наслаждаться жизнью.

Северная Пальмира

Это самый, может быть, знаменитый псевдоним Петербурга. Обычно он связывается с классической архитектурой города, с его длинными прямыми проспектами и множеством колонных портиков – такова поздняя версия псевдонима, имеющая не исторический, а чисто стилистический смысл, и оформившаяся в эпоху ампира в начале XIX в.¹¹ Но ранняя версия, собственно историческая, была совсем другой.

Через полвека после основания города, в 1755 г. в Петербурге появилось первое сообщение о руинах Пальмиры, обнаруженных английскими путешественниками в Сирии, а затем подробно описанных английскими учеными. Анонимный автор сообщения (академик М.П. Алексеев считал, что это был барон Иван Черкасов, учившийся тогда в Лондоне) в рецензии на выпущенный в Лондоне альбом с описанием и изображением руин, сразу выделил важный для Петербурга момент: застройка Пальмиры, даже в развалинах поражающая своим величием и художественной законченностью, была возведена за короткое время и в одном архитектурном стиле. Этого оказалось достаточно, чтобы город навсегда вошел в историю наравне с другими великими городами, существовавшими тысячи лет¹².

Проблема эта была очень актуальна для новой русской столицы. Еще в 1730 г. князь Антиох Кантемир писал о Петербурге:

Над бреги реки выходят искусством преславным
Домы так, что хоть нов град, ничем худши давным,
И имать любопытно чим бы насладиться
Око; (...) ¹³

Очень характерен этот дух соревнования с другими, древними и славными столицами. В данном случае кн. Кантемир имеет в виду прежде всего

Москву, соперничество с которой как раз в эти годы чуть было не кончилось для Петербурга самым гибельным образом. Анна Иоанновна с двором уехала в Москву и совсем не спешила возвращаться в новую столицу. Так как Петербургу, расположенному в малонаселенном краю, оживление и некоторый блеск придавало только присутствие двора, то отсутствие такового в течение нескольких лет привело его к запустению. Покинутый город разрушался на глазах. К счастью для Петербурга, Анне Иоанновне не понравилась Москва, и двору пришлось возвращаться на берега Невы, в неуютную и нелюбимую северную столицу. Возобновились драконовские меры по принудительному возвращению разбежавшегося населения. Озлобленные жители, воспринимавшие вынужденное пребывание в Петербурге как ссылку, ответили на это страшными пожарами, уничтожившими почти всю застроенную часть города. В сущности, только после этих катастрофических пожаров Петербург начал превращаться в ту Северную Пальмиру, образ которой навсегда вошел в русскую культуру. В огромном и спешном строительстве следующих десятилетий идея Пальмиры, разом возникающей "по манию царя" посреди пустыни, оказалась не просто востребованной, но оказалась центральной для крупного периода в развитии национального самосознания. Что гений монарха в силах обогнать время, что в историю можно войти не в результате долгого созревания, а сразу, одним героическим рывком, – уверенность в этом одушевляла художества и словесность более века, с 1710-х по 1830-е гг., пока в отечественной культуре господствовали аристократические ценности. Князь П.А. Вяземский, признанный вождь "литературных аристократов", пел Петербург как наглядное свидетельство того, что

Державный дух Петра и ум Екатерины
Труд медленных веков свершили в век единый¹⁴.

Еще в 1830-е гг. Петербург, "полночных стран краса и диво", мог вызывать восторг не только у зрелого Пушкина, принадлежавшего к "литературной аристократии". Тогда же юный сочинитель знаменитого впоследствии "Конька-горбунка" Петр Ершов слагал хвалы Петербургу, в котором видел

Летами юный, ветхий славою
Величья русского залог.

Но замечательны и следующие за этими еще две строки:

Прости, Петрополь величавый,
Невы державный полубог!¹⁵

Отъезд молодого поэта из столицы по чисто личным обстоятельствам невольно превратился в прощание с огромной эпохой отечественной культуры, с идеалом Северной Пальмиры, который полностью исчерпался к исходу 1830-х гг., когда обществом было отвергнуто само представление о возможности искусственной однократной имитации долгого естественного развития.

Еще в середине XV в. русские путешественники выделили Венецию из всего христианского Запада за ее византийские храмы¹⁶. Она ощущалась как бы родным местом, несмотря на вероисповедную принадлежность католической Европе. Ее воспринимали как последний осколок Византии, крошечное подобие Константинополя. Дело еще и в том, что для средневекового русского религиозного сознания конец света был связан с потоплением столицы Византии за нечестие ее последних правителей. Над водой должна была остаться лишь верхушка Константинова столпа с фигурой распятого Христа и вделанными в нее кусочками гвоздей, которыми Спаситель был приколот к Голгофскому кресту¹⁷. Венеция, в восприятии русских каким-то чудом плавающая среди моря, могла ассоциироваться с этим образом святого не тонущего остатка греховной империи. Через несколько веков такой мотив не раз будет встречаться в русской литературе от Ломоносова до Лермонтова и М. Дмитриева¹⁸.

Не случайно в обоих заграничных путешествиях Петра Венеция была конечной целью, правда, так ни разу и не достигнутой. По ее образцу царь пытался построить в дельте Невы столицу-остров: первый раз на о. Котлин в Финском заливе, второй раз на Васильевском острове. Обе попытки не удались. След первой – город Кронштадт, след второй – линии Васильевского острова, бывшие набережные каналов.

Несмотря на эти неудачи, дух "царицы Адриатики" витал над Петербургом. В XVIII в. по городским речкам и каналам ходили венецианские гондолы. Венецианские композиторы, музыканты и театральные декораторы создавали в столичных театрах превосходные спектакли. Первый альбом великолепных гравированных видов Петербурга, выпущенный к 50-летию юбилею города в 1753 г., был выполнен под руководством и при самом активном участии очень известного венецианского художника, "профессора перспективного искусства" Джузеппе Валериани, учителя знаменитого Пиранези. В середине XIX в. Теофиль Готье сравнивал Петербург с Венецией уже не за светлый простор Невы, а за узкие кривые каналы и тесные полутемные переулки вроде Шуваловского проезда между Зимним дворцом и Эрмитажем – перекинутые над проездом воздушные переходы напомнили ему мостики над венецианскими каналами¹⁹. Конечно, эта версия "Северной Венеции" никак не соответствовала классическому образу Петербурга, но зато она делала его похожим на многие старые европейские города с их тесными средневековыми улицами и плотной каменной застройкой. А это в 1850-е гг. было очень важно, так как позволяло видеть в Петербурге город с долгой и богатой историей – ведь Венеция считалась самым полным и блестящим воплощением целого тысячелетия.

В начале XX в. старый псевдоним наполнился новым смыслом. В это время новейшая русская культура воспринималась в России как естественное продолжение старых европейских традиций, и Венеции здесь принадлежало едва ли не главное место. Те, кто составлял цвет петербургской творческой интеллигенции – поэты, актеры, художники, музыканты, – чувствовали себя венецианцами XVIII в., участниками непрерывного карнавала, который кружил их "по призрачному городу, через

каналы, по фантастическим мостам Северной Венеции (...) Так часто блуждали мы по улицам снежного города, новые северные баутты", – вспоминала одна из участниц этого праздника²⁰. Во главе самого влиятельного художественного объединения "Мир искусства" стоял Александр Бенуа, наполовину венецианец.

Всеволод Мейерхольд в самых острых своих сценических экспериментах вдохновлялся опытом венецианской *Commedia dell'Arte*. Архитектор Георгий Лукомский предлагал самые современные дома в Петербурге строить по образцу венецианских палаццо, так как они, по его мнению, лучше всего соответствовали условиям невской столицы²¹.

С образами Венеции, не без влияния Джона Рёскина, была связана также русская религиозная и культурософская идея "Красота спасет мир". Ее разрабатывали Ф. Достоевский и В. Соловьев, а затем "старшие" и "младшие" русские символисты и идеологи "Мира искусства". Однако, Первая мировая война положила конец и идее спасения мира через красоту и "венецианскому карнавалу" новой русской культуры.

Другой Амстердам

Этот псевдоним был дан Петербургу самим Петром, имевшим в виду прежде всего использование голландского градостроительного опыта. Амстердам был для Петра образцом по нескольким причинам.

Во-первых, он был построен в очень неудобном, низком и болотистом месте, похожем на дельту Невы. Поэтому все технические приемы осушения почвы и борьбы с водой были заимствованы царем в Голландии. Во-вторых, Амстердам включал в себя крупные верфи и торговый порт. Их организацию царь повторил в Петербурге, в том числе для транспортировки грузов использовал сеть специально прорытых каналов. И надо сказать, что выполнено все это было с глубоким знанием дела, так как царь сам тщательно изучил голландский опыт и сам проектировал планировку Петербурга, показав себя очень квалифицированным и изобретательным инженером.

В-третьих, Амстердам реконструировался, расширялся и застраивался по единому регулярному плану, так называемому "Плану трех каналов", составленному в 1667 г. Такой практики не знал ни один крупный город Западной Европы, хотя теорий регулярного градостроительства было сколько угодно. Царя, строящего новую столицу на Неве, конечно, очень интересовало это урбанистическое новшество. Однако, несмотря на всю свою природную одаренность и способность все схватывать на лету, Петр так и не смог усвоить метафизическую, в сущности, идею города как единого пространственного организма. Поэтому он застраивал Петербург отдельными кусками, не имевшими между собой почти никакой связи, постоянно менял свои планы и в итоге оставил на берегах Невы довольно беспорядочное градостроительное наследство. Хотя внутри отдельных кусков могли строго соблюдаться принципы регулярного градостроения и точно воспроизводиться голландские технические приемы.

Тем не менее, Амстердам оставался образцом новейшего решения

урбанистических проблем крупного процветающего города в очень сложных и неблагоприятных природных условиях. Поэтому сделать Петербург подобием Амстердама означало, по мнению царя, сразу приобщить новую русскую столицу к авангарду современной истории.

Вскоре после смерти Петра всякий интерес к голландскому опыту исчез. В течение следующих полутора веков отдельные черты сходства с Амстердамом, которыми Петр так дорожил, стерлись с лица невольской столицы. И только в начале XX в., в контексте острого интереса к общеевропейским историческим корням русского "Серебряного века", образ Амстердама вновь возник в воображении лучших представителей петербургской интеллигенции. В стихах К. Бальмонта, в прозе О. Мандельштама, в графике А. Остроумовой-Лебедевой и М. Добужинского (выполненной как в Петербурге, так и в Голландии) снова было пережито внутреннее родство обоих городов. "Голландский Петербург эллинов и нептуновых арок с морскими эмблемами" (О. Мандельштам) воспринимался как надежное свидетельство того, что невольская столица действительно входит в число старых европейских городов и сосредоточивает в себе многовековую историю независимо от относительной молодости города.

Париж в миниатюре

Такой псевдоним Петербург получил в 1850-х гг. Возник он совершенно стихийно, среди публики, и впервые был зафиксирован в одном из очерков И. Панаева в середине десятилетия²². Прозвище это с самого начала имело несколько иронический оттенок, так как каждому здравомыслящему петербуржцу было ясно, что невозможно всерьез сравнивать Париж, ставший после революции 1848 г. символом гражданских свобод, с Петербургом, воплощением императорской власти.

Появился псевдоним в связи с проникновением в городскую среду Петербурга тех форм столичной жизни, которые русские раньше могли видеть только в Париже. В частности, заметным явлением стал так называемый полусвет, возникший на "ничейной" общественной почве между постепенно усиливавшимся средним классом и постепенно слабеющей аристократией. Образ "Парижа в миниатюре" потому и вызывал усмешку, что связывался именно с такими межсословными новообразованиями, поневоле приобретающими сомнительный оттенок.

Однако, вскоре псевдоним этот наполнился совсем другим смыслом. С началом нового царствования в 1855 г. все общество, как известно, оживилось надеждами на решительное смягчение режима. То, что нам сейчас кажется пустяками – вроде разрешения курить на улицах или отпускать давно уже модные в Париже бороды и длинные волосы чинам государственной службы, – воспринималось как предвестие далеко идущей либерализации всей русской жизни, так как эти моды прочно связывались с представлением о республиканских свободах. Казалось, что Россия во главе с Петербургом перемещается из хвоста истории в ее передовые отряды, в авангарде которых шел Париж.

Впрочем, надо сказать, что задолго до 1850-х гг. Париж стал для

невской столицы образцом самой современной городской жизни, архитектуры и градостроительства. Еще Петр I хотел устроить в своем Летнем огороде (нынешнем Летнем саду) сад "лучше, чем у французского короля". С середины XVIII в. в Петербурге жило много французов – они преподавали в Академии художеств, служили в армии, обучали дворян танцам, языку, верховой езде, и хорошим манерам. Во второй половине века столичный дворянин старался во всем быть парижанином: он был причесан и одет по последней парижской моде, держал французского повара, говорил по-французски без акцента, а иногда знал Париж лучше природных парижан²³.

В 1790-х гг. многие французские аристократы эмигрировали в Россию, спасаясь от якобинского террора. Император Павел I в 1798 г. поселил в Петербурге принца крови Жозефа де Конде, с которым был тесно связан через Мальтийский орден. Государь купил для него дворец (бывший графа Чернышева), построенный французским архитектором Жаном Батистом Валлен де ла Мотом, и приказал на фасаде выбить надпись "Hotel de Condé". На самой аристократической набережной Петербурга француз Тома де Томон в начале 1800-х гг. строит для графов де Лаваль "чисто французский дом" и тогда же перестраивает Большой театр (на месте нынешней Консерватории), придав ему "чисто французский облик"²⁴. Петербург как бы физически становится тем аристократическим Парижем, который существовал до Великой революции 1789 г. и который император Павел и императрица Мария Федоровна так хорошо знали и так любили со времен своего заграничного путешествия в 1782 г., когда их, великого князя и княгиню, скрывавшихся под псевдонимами графа и графини дю Нор, королевская чета и королевский двор принимали с истинно царскими почестями.

В некоторых отношениях Петербург оказывался Парижем больше самого Парижа. В нем смогли реализоваться самые яркие и даже фантастичные архитектурные и градостроительные идеи, появившиеся в Париже и предназначенные для Парижа, но никогда не получившие там реального воплощения. Грандиозный ансамбль стрелки Васильевского острова с Биржей и ростральными колоннами архитектора Тома де Томона, 1805–1810 гг., может служить лучшим тому примером: он от общей идеи до отдельных деталей является комбинацией многих авангардных французских проектов второй половины XVIII в., оставшихся на бумаге. Современникам могло казаться, что сбывается давняя мечта М. Ломоносова, писавшего в 1750-х гг. о тех временах, когда бы

"(...) Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой".

Иначе говоря, когда Петербург станет самым современным городом Европы.

Лондон

Имя Лондона никогда не было явным псевдонимом Петербурга. Внешне город совсем не был похож на британскую столицу. Однако, по мере

того, как он все дальше продвигался по пути капиталистического развития, современники обнаруживали, иногда с недоумением, все больше черт внутреннего сходства обоих городов.

Традиционно Лондон олицетворял для русских все исключительное, выходящее за обычные пределы, будь то богатство, или изящество, или научные достижения и технические новшества. Все английское ассоциировалось с изысканностью вкуса и сверхсовременностью. Бытовавшее с середины XIX в. словосочетание "петербургский джентльмен" обозначало человека новейших взглядов и вкусов, безукоризненного во всех отношениях.

Когда Петербург, начиная с 1860-х гг., стал превращаться в крупнейший индустриальный центр империи, его всё чаще сопоставляют с Лондоном. Именно в это время в круг домашнего чтения интеллигентных семей в качестве обязательного и любимого автора входит Ч. Диккенс. Петербуржцы, выросшие на этом чтении, когда попадали в Лондон, то с изумлением узнавали и даже специально разыскивали места, детально описанные великим романистом, и находили, что Лондон, как и Петербург, способен не только увлекать и заинтересовывать, но и пугать²⁵. Промышленные районы Петербурга, вытянувшиеся вдоль невских берегов, чем дальше, тем больше кажутся похожими на берега Темзы, сплошь забитые пакгаузами, доками и грузовыми причалами²⁶. Однако, лучшая часть петербургской интеллигенции смотрела на промышленное развитие не столько с интересом и энтузиазмом, сколько с ужасом. Индустриальный город выглядел воплощением всей бесчеловечности современной цивилизации. Ее символом в пьесе А. Блока "Песня судьбы" становится гигантская, гениально сконструированная машина, случайно уничтожающая кого-то из зрителей, собравшихся посмотреть на ее работу²⁷.

Если Лондон воспринимался как будущее Петербурга, то оно казалось в равной степени влекущим и страшным. Один из лучших петербургских художников начала века Мстислав Добужинский в 1900-х гг. сделал первые листы серии графических фантазий "Городские сны", в которых изобразил жуткое будущее огромного индустриального города, где человек превращен в полное ничтожество²⁸. Хотя никаких внешних признаков русской или британской столицы в этом городе нет, было ясно, что художник имел в виду грядущий Петербург–Лондон. Не случайно он, избравший Петербург главной темой своего творчества, из западных столиц больше всего увлекся именно Лондоном, который в его рисунках и акварелях полон "смертельного обаяния" в своем величии и страшной технической мощи. Образ гигантского механического существа, вселившегося в город, покинутый людьми, стал одним из сюжетов в литографиях Добужинского, посвященных разгромленному и опустевшему Петербургу самого начала 1920-х гг.²⁹

Почти одновременно с более поздними листами мрачных "Городских снов" появились стихи Анны Ахматовой, герой которых

(...) пришел в наш град угрюмый
В предвечерний тихий час.
О Венеции подумал
И о Лондоне зараз³⁰.

Современникам не нужно было объяснять, что угрюмость града связана с Лондоном, а покой и красота предвечернего часа – с Венецией. Светлая даль прошлого тем самым противопоставлялась темной бездне будущего. Венеция и Лондон отмечали те полюса, между которыми пролегал исторический путь Петербурга. И многие тогда опасались, что в этом скрытом во мраке будущем великий город навсегда утратит свой прежний облик, ставший ценнейшим достоянием отечественной культуры. К счастью, они ошибались.

- ¹ Слово в похвалу Санктпетербурга и его основателя, (...) говоренное пред лицом сего монарха, Преосвященным Гавриилом Бужинским (...) // Старина и новизна, состоящая из сочинений и переводов прозаических и стихотворных, издаваемая почастно. Часть I. В Санктпетербурге 1772 года. С. 72.
- ² Беседа Иерусалимская (иначе "Повесть о Волоте Волотовиче") // Русская хрестоматия. Составил Федор Буслев. М., 1888. С. 351.
- ³ Брунов Н.И. Храм Василия Блаженного – Покровский собор в Москве. М., 1988. С. 216–228.
- ⁴ Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым, (...) а ныне дополненное и изданное Васильем Рубаном. Издание первое. В Санкт-Петербурге 1779 года.
- ⁵ Слова эти были написаны на одном из больших панно, украшавших губернаторский дворец кн. Меншикова по случаю триумфального "вшествия" русской эскадры с пленными шведскими судами в Неву – см. гравюру А.Ф. Зубова "Васильевской остров при Санкт Питер Бурхе", 1714 г. Офорт, резец.
- ⁶ Матвеева Т.М. Убранство русских кораблей. Л., 1979. С. 45.
- ⁷ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764. М.;Л., 1959. С. 614.
- ⁸ Цит. по: Бильбасов В.А. Дидро в Петербурге. СПб., 1848. С. 81.
- ⁹ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. Серия "Литературные памятники". М. 1978. С. 413.
- ¹⁰ Муратов П.П. Образы Италии. 3-е изд. М., 1917. Т. 1. С. 6–12.
- ¹¹ Самое подробное и вдохновенное изложение стилистической версии псевдонима "Северная Пальмира" дается в: Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пб., 1922. С. 49–72.
- ¹² Об остатках города Пальмиры // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих. Генварь, 1755 года. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук. С. 26–36.
- ¹³ Кантемир А.Д. Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, императора Всероссийского. Книга I // Собрание стихотворений. Б-ка поэта. Большая серия. Л., 1956. С. 245–246.
- ¹⁴ Вяземский П.А. Петербург Отрывок. 1818 года // Стихотворения. Б-ка поэта. Большая серия. Л., 1986. С. 120.
- ¹⁵ Петербург в русской поэзии XVIII – начала XX века. Поэтическая антология / Сост. М.В. Отрадин. Л., 1988. С. 112.
- ¹⁶ Путешествие Симеона Суздальского // Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. 3-е изд. СПб., Т. 2. 1849. С. 81–90.
- ¹⁷ Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифическая видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897. С. 198–199.
- ¹⁸ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII. Тарту, 1984. С. 30–45.
- ¹⁹ Готье Т. Путешествие в Россию / Пер. с франц. и ком. Н.В. Шапошниковой. М., 1990. С. 41, 116.
- ²⁰ Веригина В.Н. Воспоминания об Александре Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 437, 438.

- ²¹ Лукомский Г. По Италии (Архитектурные впечатления) // Зодчий. 1911. № 34. 21 августа. С. 257–258.
- ²² Панаев И.И. Очерки из петербургской жизни в двух частях // И.И. Панаев. Собрание сочинений. М., 1912. Т. 5. С. 61.
- ²³ Характерный пример такого рода приводят Ключевский: Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 104.
- ²⁴ Оба выражения принадлежат Игорю Грабарю: Грабарь И.Э. История русского искусства. Том III. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. М., 1912. С. 501, 502.
- ²⁵ Добужинский М.В. Письмо к А. Бенуа от 23 июля 1914 г. Гос. Русский музей. Отдел рукописей. Ф. 137. Ед. хр. 931. Л. 18, 18 об.
- ²⁶ Достаточно сравнить, например, типичную для своего времени картину А. Бегтрова "Набережные Невы", 1876, холст, масло, Гос. Русский музей, инв. № Ж-2858, со столь же типичным описанием Темзы: Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Гос. Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редких книг. Ф. 856. Ед. хр. 2. Л: 38, 39. Написано между 1870 и 1881 гг.
- ²⁷ Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т.; Т. 4. Театр. М.; Л., 1961. С. 119. Тему бесчеловечности технического прогресса трактует и знаменитый роман Г. Уэллса "Война миров". Он вышел в Англии в 1898 г. и в тот же год был дважды издан в Петербурге.
- ²⁸ Этой же теме, актуальной в те годы среди писателей-символистов, посвящен роман В. Брюсова "Богатство" (задуман в 1908 г., отрывки впервые вышли в свет в 1911 г.). Переиздание: Брюсов В.Я. Повести и рассказы. Свердловск, 1987. С. 145–170.
- ²⁹ Лист "Землесос" из альбома литографий "Петербург в 1921 году". Пг., 1922.
- ³⁰ Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. Б-ка поэта. Большая серия. Л., 1976. С. 118. Стихи написаны в 1915 г.

ГОРОД В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СТРУКТУР

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ ГОРОДОВ (на примере малых городов римской Галлии)

Б.В. Ляпустина

Изучение места и роли города в историческом процессе допускает самые разные подходы, оправданные как бесконечным многообразием источников (от скудных археологических остатков древнейших поселений до "идеальных городов", воплощенных в произведениях общественной мысли и искусства), так и характером и пределами исследовательских задач. И все же в таком богатстве "городской" проблематики просматривается общая тенденция: стремление вписать феномен города и его изменения и развитие в более широкий контекст истории того или иного периода (и региона). При этом возрастает влияние и расширяется применение теоретических моделей, построенных прежде всего археологами и социологами, в области собственно исторических исследований.

Применительно к эпохе классической древности особой популярностью пользуется восходящая отчасти к М. Веберу и в особенности поддержанная М. Фишля идея об античном городе как центре потребления (а не производства), паразитирующем за счет господства над деревней в результате сосредоточения в городах землевладельцев¹. Однако насколько подобного рода концепции могут помочь в определении исторической специфики античного города? В. Йонгман, отталкиваясь от идеального типа города-потребителя и исходя из оценки доходов и расходов элиты как базы экономического роста, ограничился по существу ближайшей округой Помпей (специально, впрочем, оговорив свое намерение не брать в расчет существование империи и доходов, получаемых из провинций), и пришел к выводу о принципиальном сходстве экономической ситуации и самого типа развития городов в античности и в раннее новое время². Однако такие широкие сопоставления на фоне современных экономических и социологических построений приводят к стиранию специфики именно античного города.

Со своей стороны, археологические модели, описывающие способы распределения по территории различных видов деятельности той или иной человеческой общности и соответствующих социальных институтов³, также находят отражение в исторических исследованиях. Однако ощущаются пределы и для их применения. Дело в том, что предпосылками успешной разработки такого рода археологических моделей служат компактность территории и ее относительно небольшие размеры

(если даже не так называемая идеальная изомерная поверхность); а также отсутствие элементов, оставшихся от предшествующих этапов развития системы поселений⁴, – т. е. в конечном итоге пространственно-временная однородность, тогда как исторический процесс связан прежде всего с нарушением однородности и нарастанием разнообразия. Поэтому при попытках рассмотреть роль и место городов в истории столь сверхсложных социальных организмов, как Римская империя, или даже отдельные ее провинции, не приходится полностью полагаться на имеющиеся модели и требуется комплексный исторический анализ. Заметим, однако, что в ходе такого анализа в большей степени (пока) преобладают социально-экономические модели⁵, нежели синтезируются археологические.

В результате при попытке охватить историческую реальность в ее целостности оппозиция город – деревня, лежащая в основе самого выделения категорий города как центра потребления либо торгово-ремесленного центра, утрачивает свою определенность, а особенно важное значение приобретает характеристика так называемых малых городов (термин, принятый в англоязычной литературе)⁶, или второстепенных агломераций⁷. Не случайно Ч.Р. Уиттэкер вынес в заглавие своей статьи слово *vicus* как воплощение подобных центров, противопоставив их в определенной степени городам (*city*)⁸. Это, как и большое число исследований о римских провинциальных городах, где последние рассматриваются в тесной взаимосвязи с прилегающей территорией и ее организацией⁹, отражает сформировавшееся убеждение в том, что историческая специфика античного города может быть постигнута лишь при условии изучения функций тех или иных типов поселений в более широком контексте всей социальной системы. Такой подход позволяет определить как характер урбанизации той или иной области, так и типологию городов.

Накопленный в результате многих лет археологических исследований на территории Франции материал дает возможность построения достаточно убедительных моделей территориального распределения различных функций человеческой деятельности в римской Галлии и в отдельных ее *civitates*. При этом картина получается исключительно пестрой и сложной. Как известно, в римскую эпоху существование деревень было малотипичным для Галлии явлением. Напротив, очень широкое распространение получили виллы и фермы, находившиеся, как правило, поблизости от городов. Кроме того, известно множество так называемых *vicī* – поселений с преобладанием несельскохозяйственной, в значительной мере торгово-ремесленной деятельности (например, при сельских святилищах и культовых комплексах; придорожные села и т.п.). Причем по размерам и хозяйственному потенциалу иные *vicī* превосходили многие города. Так, находившиеся на территории Бургундии *vicī* Малэн или Мирбо занимали площадь соответственно в 150 и 200 га, хотя в большинстве случаев их площадь не превышала 20 га, что впрочем было сопоставимо с городами. В *vicī* была сосредоточена подавляющая часть добывающей промышленности и ряда производств – прежде всего, железных и керамических изделий. Эти поселения отличались крайним

разнообразием: одни из них были просто почтовыми станциями, обеспечивающими проезжим элементарное обслуживание, а властям – поддержание коммуникаций и сохранность перемещаемых по ним ресурсов; другие – особенно если имелась связь с местами культа и, соответственно, традиционной торговли – выполняли самые разнообразные функции по отношению к многочисленным паломникам и зрителям, посещавшим амфитеатры и театры, выстроенные при этих комплексах; третьи – становились чисто производственными, обычно с узкой специализацией, центрами, как, например, поселок гончаров в Ла Грофесенке (Кондатомаге), заваливший полмира своими красноощенными орнаментированными чашами (*terra sigillata*)¹⁰.

Однако не меньше различий обнаруживают и города, размеры которых колебались в очень значительных пределах, так же как и степень присутствия и развития различных видов деятельности. Отличие Лиона, Арля, Трира, Бордо, Виенны от совсем небольших центров *civitates* в Новемпопулании, да и от многих городов Трех Галлий было едва ли не большим, чем между средним городом и типичным *vicus*.

Разделение городов и *vicī* проводился согласно римским представлениям, в соответствии с которыми город характеризовался наличием определенной социально-политической организации (местного самоуправления муниципальной типа по римскому образцу), а *vicus* – отсутствием таковой и подчиненностью соседнему городу. Соответственно город, столица *civitas*, считается социальным и политическим центром государства (что и делает его городом), тогда как *vicus* наравне с виллой причисляется к деревне¹¹. С точки зрения основных принципов римского права и – шире – общественного сознания так оно и было, однако выводимое отсюда противопоставление провинциального римского города как центра социально-политического и административного и *vicus* как центра торгово-ремесленного выглядит все же слишком прямолинейно.

Сам факт несовпадения юридического статуса города с реальным большим количеством центров диверсифицированной деятельности известен повсюду и во все эпохи. Однако наиболее важным представляется определять всякий раз заново природу этого "зазора" и направления его изменений. Именно таким образом становится возможным увязать характеристику реальной урбанизационной среды, получаемую главным образом средствами археологии, с существующими моделями описания города той или иной эпохи, что и позволит в идеале приблизиться к пониманию места и роли города на каждой конкретной стадии исторического процесса.

Рассмотрим под этим углом зрения некоторые линии развития малых городов в Галлии.

Для начала остановимся на крупных производственных центрах. Их размещение на территории провинции диктовалось рядом факторов: наличием сырья и характером потенциальных потребителей. Первое самоочевидно: так, керамические мастерские Ла Грофесенка первоначально располагались ближе к Нарбону, но из-за недостатка ресурсов – глины и леса – были перенесены вглубь территории рутенов, довольно

далеко от оживленных торговых путей. Но не менее важно и второе условие. Изучение распространения продукции, изготовленной в подобных крупных центрах, также как и связь ряда из них с императорскими доменами, подводит все более к мысли о преимущественно внерыночном характере ее распределения¹², прежде всего ориентированного на удовлетворение нужд государства – армии, флота и т.д. – и снабжение приграничных областей¹³. В этой связи неудивительно и сосредоточение подобных производственных центров вблизи германской границы, и постепенное перемещение производства галльской terra sigillata на восток (Рейнцаберн). Напомним, что этот же военно-стратегический аспект существования империи, определявший саму суть римской Галлии как рубежа, прикрывающего южные провинции и Италию¹⁴, серьезнейшим образом влиял и на положение римских городов: ведь крупнейшие центры – Арль, Лион, Лангр, Трир, Кельн – лежали именно вдоль путей, ведущих к германской границе. И учет лишь одного этого фактора военнополитического и социального порядка делает практически невозможным приложение теории городского центрального места в рыночном распределении к изучению урбанизации провинций¹⁵.

Однако факт существования Галлии в составе Римской империи на протяжении нескольких столетий сказывался не только в военно-политическом воздействии на ее структуры и размещение поселений. Именно в рамках имперской системы было обеспечено определенное единство самой Галлии, которая до римского завоевания не была единой ни в каком отношении. Римское господство привело к значительным изменениям в режиме земельной собственности¹⁶ и соответственно в социальных отношениях. Формирование значительного слоя мелких и средних земельных собственников римского типа (владельцев вилл и ферм, выросших на местной почве), ставшее особенно заметным к концу I в. н.э., вызвало к жизни бурный рост городов как места средоточения землевладельцев, объединенных в муниципальную организацию. О тесной взаимозависимости этих процессов свидетельствует совпадение по времени широчайшего распространения мелких и средних вилл с расширением и благоустройством городов, сооружением или обновлением во многих из них амфитеатров, акведуков, в отдельных случаях – городских стен как символа высокого статуса колонии. В результате сформировалось и определенное духовное единство, чему способствовало распространение в провинциях римских и синкретических культов, а в особенности – массовых зрелищ, ставших мощнейшим средством интеграции галло-римского общества¹⁷. В этой связи нельзя не отметить, что значительная часть грандиозных сооружений – театры, амфитеатры, здания смешанного типа – располагались вне собственно городов и была связана с иными типами поселений¹⁸, – достаточно упомянуть хотя бы замечательный театральный комплекс сельского святилища в Сансэ¹⁹.

Таким образом, есть основания рассматривать большинство галло-римских городов как носителей нового, вполне законченного по форме типа социальности, связанного с существованием Римской империи как материальной и духовной реальности. Для этих центров была характерна определенная социальная организация – муниципальная община земле-

владельцев – с присущим ей типом хозяйственных отношений, втягивавших местную городскую знать, а тем самым и виллы и города, в развитие товарно-денежных отношений в сравнительно широких для того времени пределах.

Какую роль в этой эволюции играли малые города, то есть не города в собственном смысле слова, а *vici*? Ответ на этот вопрос в настоящее время еще не может быть столь же достоверно обоснован, как только что изложенная реконструкция процесса развития городов. И все же рискнем высказать ряд соображений.

Противоположность города и *vicus*, отчасти описанная выше, по мнению Ч.Р. Уиттэкера, находит выражение в основополагающем различии между ними: виллы связаны в единый "городской" феномен с городами, тогда как между виллами и *vici* связь существует лишь как между однородными "сельскими" элементами²⁰. С точки зрения римского мышления это, может быть, и так. Но интересно другое: имеются, хотя и не очень многочисленные, свидетельства существования квази-муниципальной организации в *vici* (упоминание соответствующих магистратур в надписях). А это, в сочетании с сооружением в ряде районов (например, Финаж) вилл и ферм в окрестностях негородских центров (Мирбо и др.), обладавших к тому же достаточно развитой городской застройкой (форум, храмы, кварталы), дает серьезные основания полагать, что ряд *vici* достаточно близко уподоблялись по важнейшим характеристикам римским провинциальным городам. И засвидетельствованные факты дробления *civitates* (выделение Ангулема) или переноса их столиц (Бавэ, Турнэ) могли отражать признание государственной властью этих новых реальностей. В период поздней античности, когда муниципальная организация римского типа переживала упадок, тенденции развития малых городов изменились: они все теснее стали связываться с крупными поместьями, служа центром притяжения для окрестных крестьян. С упадком среднего и мелкого землевладения естественным образом угас и импульс к развитию в сторону муниципальной организации землевладельцев.

Представляется, что рассмотренный даже столь общо и бегло материал о малых городах римской Галлии позволяет сделать ряд существенно важных замечаний. Так, институциональный, и даже культурный момент, в которых концентрированно выражены социальные основы общества, играют важнейшую роль в процессе урбанизации. Вместе с тем, типология городских форм жизни как воплощения кумулятивно нарастающего разнообразия форм деятельности, в том числе и хозяйственной, человеческих общностей не должна ограничиваться никакими юридическими рамками соответствующей эпохи, но призвана воссоздать картину распределения разных видов деятельности по территории и то, как на нее влияет существование других систем, в том числе и более высокого уровня. Анализ исторической специфики определенного типа города предполагает, таким образом, учет максимально широкого социально-политического контекста; в нашем случае – Римской империи, само существование которой во многом определяло характер исторического развития Галлии, и тем самым – формы городской жизни.

- ¹ *Finley M.J.* The ancient city. From Fustel de Coulanges to Max Weber and beyond // *CSSH*. XIX. N=3. 1977. P. 305–327.
- ² *Jongman W.* The Economy and Society of Pompeii. Amsterdam, 1988. P. 187–203.
- ³ *Rouse I.* Settlement patterns in archaeology // *Man, Settlement and Urbanism* / Ed. by P.J. Ucko, R. Tringham, G.W. Dimbleby. Gloucester, 1972. P. 96 ff.
- ⁴ *Blouet B.W.* Factors influencing the settlement patterns // *Man, Settlement and Urbanism*. P. 11.
- ⁵ *Hopkins K.* Taxes and Trade in the Roman Empire // *JRS*. 1980. 70. P. 101–125; *Whittaker C.R.* The consumer city revisited: the vicus and the city // *JRA*. 1990. 3. P. 110–118.
- ⁶ *Rodwell W., Rowley T.* Small towns of Roman Britain (*BAR*, 15). Oxford, 1975.
- ⁷ Les agglomérations secondaires en Franche-Comté romaine / Sous la dir. de M. Mangin, B. Jacquet, J.-P. Jacob. Besançon, 1986.
- ⁸ *Whittaker C.R.* Op. cit.
- ⁹ *Leveau Ph.* Caesarea de Maurétanie. Une ville romaine et ses campagnes. (Coll. EFR, 70). Rome, 1984; Villes et campagnes dans l'empire romain. Actes du colloque 1980. Aix-en-Provence, 1982.
- ¹⁰ La Graufesenque. Village de potiers gallo-romains. Dieppe, 1987; *Bémont C., Jacob J.P.* La terre sigillée gallo-romaine (*DAF*, 6). P. 1986.
- ¹¹ *Whittaker C.R.* Op. cit. P. 116.
- ¹² *Ibid.* P. 112; 116.
- ¹³ *Whittaker C.R.* Les frontières de l'Empire romain. Besançon, 1989. Ch. 2.
- ¹⁴ *Drinkwater J.F.* The Gallic Empire. Separatism and continuity in the north-western provinces of the Roman Empire A.D. 260–274. Stuttgart, 1987. P. 255.
- ¹⁵ *Whittaker C.R.* The consumer city... P. 113.
- ¹⁶ *Ляпустина Е.В.* Галло-римская вилла и ее место в развитии провинциального землевладения // Социально-политические и культурные проблемы истории стран Европы от античности до нового времени. М., 1989. С. 61–78.
- ¹⁷ *Clavel-Lévêque M.* L'empire en jeux. Espace symbolique et pratique sociale dans le monde romain. P., 1984; *Ляпустина Е.В.* Роль амфитеатров в формировании исторической среды в римской Галлии // Среда, личность, общество. М., 1992. С. 37–43.
- ¹⁸ *Golvin J.-Cl.* Amphithéâtre romain. Essai sur la théorisation de sa forme et de ses fonctions. P., 1988. Т. 1. P. 235–236.
- ¹⁹ *Fincker M.* Le théâtre rural de Sanxay: vers une redécouverte // *Aquitania*. 1990. 7. P. 183–194.
- ²⁰ *Whittaker C.R.* The consumer city... P. 116.

МИР "ГОРОДА" В ДЕРЕВНЕ

(А.П. Чехов о грани деревни и города в российском обществе)

А.П. Кузичева

Проблема города и деревни долгое время были предметом внимания русской интеллигенции. И в этом споре о деревне и городе, который велся в литературе со времен, наверное, карамзинской "Бедной Лизы", сказал свое веское слово и Чехов.

В связи с этим чаще всего вспоминают резкую реакцию русских читателей на повесть Чехова "Мужики", строки которой, по выражению одного из современников, "вопиют, бьют в набат и должны бы быть запрещены цензурой". В поле зрения попадает и сама повесть. Но гораздо реже обращаются исследователи к двум "городским" главам, не вошедшим в опубликованную рукопись и предполагавшим продолжение повести "Мужики". Наиболее полно и интересно они изучены в работе, автор

которой заключил свое подробное, доказательное рассуждение выводом: "Почему он оборвал работу над продолжением повести "Мужики", почему остановился в самый трагический момент, когда пропала или погибла Ольга, пошла на улицу Саша, – на эти вопросы у нас нет ответа"¹.

Ответа, действительно, до сих пор нет. Но тем сильнее влечет к себе одна из загадок чеховского творчества.

Повесть расколола, как известно, читающую Россию. Ошеломление, восхищение, восторг, с одной стороны. А.И. Сумбатов (Южин) написал Чехову в мае 1897 года: "Мужики величайшее произведение в целом мире за многие последние годы, по крайней мере для русского человека"².

С другой стороны, из стана противников повести, раздалась голоса, что Чехов навряд ли любит людей, более того – людей русских³, что он не знает крестьянской души. Чеховское изображение деревни, как подметил один из читателей, "оскорбило" теории апологетов крестьянской жизни. И они выносили Чехову суровые приговоры.

Чехов и здесь нарушил господствующую традицию "золотого века" в отношении к русской деревне. Для деятелей народнического толка, например, для Н.К. Михайловского, такая разбалансировка была кощунством.

Наоборот, публицистами из "Нового слова" повесть воспринималась как новое слово, долгожданное, "наше", весомое в споре о городе и деревне. Позднее сложилось мнение, что Чехов не продолжил повести и не написал ее "городской" части как раз из-за полемики между народниками и легальными марксистами⁴. Такой ответ на загадку "Мужиков" противоречит всему и прежде всего личности Чехова, не зависимо от всяких мнений о его произведениях.

Дело было в чем-то ином. Но едва ли правы и те современники Чехова и позднейшие исследователи, которые считали, что выпустив сборник с повестями "Мужики" и "Моя жизнь" о деревне и о городе, Чехов успокоил одних и разочаровал других, потому что и городская жизнь написана «такими мрачными красками, перед которыми краски, употребленные для изображения "Мужиков", кажутся даже слишком бледными»⁵.

Тогда же в конце века забрезжило, а потом оформилось мнение, что Чехов не написал продолжения "Мужиков" потому, что его увлекла мысль о судьбах России, что зная о скором конце, он сосредоточивался на предстоящем, на "Вишневом саде", "Архиерее".

Да, в последние годы Чехов пишет с такой художественной свободой, правдой и простотой, что передает глубинное течение русской общей жизни на рубеже веков. Недаром размышления критиков о его творчестве часто перерастают в рассуждения о России, что заметно даже по названиям статей ("Наша жизнь в произведениях Чехова", "Современное общество в произведениях Чехова" и т.д.). И все-таки это объяснение не дает ответа на загадку повести "Мужики".

Есть еще одно наблюдение. Оно сделано уже после смерти Чехова и не имеет прямого отношения к "Мужикам", но не вовсе чуждо этой повести. Атгестуя послечеховскую литературу, один из критиков заметил, что "раньше всего она характеризуется тем, что впервые отдала всю

русскую литературу во власть города. Краткость современных художественных произведений, их торопливость, их наклонность к эффектам, их тенденция к стилизованности, их импрессионистский дух и, порою, их мишурность – все это создано в городе, городом и для города...". В этой литературе начала XX в. художественные образы, слова, мысли, по мнению критика, напряжены, но не сопряжены, раздроблены, ибо "художнику, типичному для этой эпохи, не дано единого цельного жизнеощущения, из которого вытекали бы все частности стиля, образов, настроения"⁶. Итак, Чехов оказался, быть может, последним писателем цельного жизнеощущения, хотя именно это свойство его таланта и его взгляда на русскую жизнь упорно отрицали многие критики с самого начала до самого конца писательской жизни Чехова. Не исключено, что не ослабевающий, а растущий интерес к Чехову во всем мире в том числе обусловлен этим свойством, тоской современного человека по цельному мироощущению.

Оно позволило Чехову увидеть в переменах русской жизни на рубеже XIX и XX вв. нечто такое, что остановило работу над продолжением повести "Мужики" и заставило отложить "городские" главы, созданные, как полагают некоторые исследователи, одновременно со всем корпусом повести. Судьба города, судьба всей России, видимо, решалась для Чехова в "деревенских" главах, которые еще ждут своего прочтения с такой точки зрения.

Чехов не понаслышке знал русскую деревню. Не одни впечатления медицинской практики, но главным образом течение меликовской жизни (1892–1898) напитали рассказы "Студент", "В усадьбе", "Убийство", "В родном углу", "Печенег", "На подводе", "По делам службы", "Новая дача" и повести "Мужики", "В овраге".

Трудная, нищая, бесправная, пьяная крестьянская жизнь, окружавшая со всех сторон низенький меликовский дом Чехова, не пугала, но рождала горькие наблюдения: "Мужики забиты, запуганы и раздражены"⁷.

Не отчаянием или усталостью, но тяжким ежедневным опытом продиктовано признание: "В именин трудом рук своих и в поте лица прокормиться можно только при одном условии: если будешь сам работать, как мужик, невзирая ни на звание, ни на пол. На рабах теперь не выедешь, надо самому браться за косу и топор, а если не умеешь, то никакие сады не помогут" (Письма, 6, 44). В этом заключении, по существу, весь сюжет и рассказа "Новая дача", и последней пьесы Чехова "Вишневый сад". Но в нем и догадка о сути происходящего в России, куда втянуты оказались и город, и деревня, что по-своему Чехов передаст в повести "Мужики", во всех художественных компонентах этого реквиема по России.

Повесть начинается почти с диагноза: «Лакей при московской гостинице "Славянский Базар", Николай Чикильдеев заболел. У него онемели ноги и изменилась походка... (Соч. 9, 281). Диагноз смертелен, жизнь кончается. Но она была, и прошла не в деревне главным образом, а в городе, куда его привезли еще мальчиком. Недаром, когда в деревне, куда приехал Николай с женой и дочерью, узнали о возвращении, то поспешили к Чикильдеевым: "Пришли и Леонычевы, и Матвейчевы, и

Ильичовы узнать про своих родственников, служивших в Москве" (там же, 288). Сами фамилии и множественное число передают, как много в деревне людей, отправивших своих детей в город: "Всех жуковских ребят, которые знали грамоте, отвозили в Москву и отдавали там только в официанты и коридорные (как из села, что по ту сторону, отдавали только в булочники), и так повелось давно, еще в крепостное право, когда какой-то Лука Иваныч, жуковский крестьянин, теперь уже легендарный, служивший буфетчиком в одном из московских клубов, принимал к себе на службу только своих земляков" (там же, 288).

Упоминание легендарного буфетчика и уточнение времени, когда возникла традиция, меняют время и пространство того, о чем идет речь, иным становится масштаб отдельного случая, то есть судьбы Николая Чикильдеева. Это не годы, не десятилетия, а больший срок, это "давно", это все то же "крепостное право", при котором маленький человек, ребенок продается в рабство, в услужение, в лакеи.

Из всех деревень Чехов выбрал именно ту, Жуково, откуда путь был не к профессии булочника (как в селе, что напротив), не к иному ремеслу, а именно в услужение. То самое, что Чехов уже воссоздал в рассказах "Спать хочется", "Ванька", маленький герой которого, может быть, не случайно носит фамилию Жуков, и хотя его "спровадили" не в трактир, а "к сапожнику Аляхину", он у него тоже бессловесный раб: "А спать мне велят в сенях, а когда ребятенки ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности..." (Соч. 5, 479).

Этот рассказ написан за 10 лет до "Мужиков", но он уже готовит грядущую повесть, он как бы из тех незримых "городских" глав повести, которые подводят к тому моменту, когда Николай Чикильдеев заболел. Недаром интонация повести такова, словно, автор говорит с читателем о человеке, уже известном тому и другому по предыдущему повествованию, и главы самой повести "Мужики" – часть общего повествования о судьбе человека, родившегося в деревне, прожившего в городе и вернувшегося умирать в деревню. Л.Н. Толстого, которому резко не понравились "Мужики", рассказ "Ванька" восхищал. Может быть, оттого, что замкнутость общего жизненного пространства, городского и деревенского, ощущается здесь еще не так сильно и не передана так очевидно, как в "Мужиках". Но она уже есть и в "Ваньке". И в этом безадресном письме – "На деревню дедушке", и в темноте безлюдного дома, в котором свое "небо в алмазах" чудится мальчику в ночь под Рождество: "Все небо усыпано весело мигающими звездами, и Млечный путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздниками помыли и потеряли снегом..." (там же, 479).

Но если уже не Ванька, а Иван Жуков вернется помирать в свою деревню, его ждут такие же рождественские ночи, как и обитателей деревни Жуково. Под этим небом, под Млечным путем лежит земля. Общая, единая, а не просто городская или деревенская.

Здесь иные границы и иная предопределенность. Весьма существенная в вечном споре русской словесности о городе и деревне. И маленькому Ваньке и взрослому Николаю показалось, что в деревне лучше.

Недаром он едет умирать домой: "В воспоминаниях детства родное гнездо представлялось ему светлым, уютным, удобным". Но приехал и, войдя в избу, "он даже испугался: так было темно, тесно и нечисто". И спустя время уже умолял жену: "Оля, милая, не могу я больше тут. Силы моей нет. Ради бога, ради Христа небесного, напиши ты своей сестрице Клавдии Абрамовне, пусть продает и закладывает все, что есть у ней, пусть высылает денег, мы уедем отсюда. О, господи, – продолжал он с тоской, – хоть бы одним глазом на Москву взглянуть! Хоть бы она приснилась мне, матушка!" (Соч. 9, 293).

В XI главе "Мужиков", в "городской" главе, не вошедшей в повесть, Ольга, переехавшая в Москву после смерти мужа, читает письмо, присланное из деревни: "В письме были только поклоны да жалобы на нужду, на горе, на то, что старики еще живы и даром едят хлеб, но почему-то в этих кривых строках, в которых каждая буква была похожа на калеку, Ольге чудилась особая, скрытая прелесть (...) И странное дело: когда жили в деревне, то сильно хотелось в Москву, теперь же, наоборот, тянуло в деревню" (там же, 347).

Дело не в том, где живет русский человек. В городе или деревне. Жизнь устроена так плохо, что ему хорошо там, где его нет. Жалоба Николая Чижильдеева почти не отличается от мольбы молодой, образованной, живущей в городе Ирины Прозоровой из "Трех сестер": "Оля! (...) поедем в Москву! Умоляю тебя, поедем! Лучше Москвы нет ничего на свете! Поедем, Оля! Поедем!" (Соч. 13, 171).

Это извечное русское "В Москву!", где, как кажется, "никого не знаешь и тебя никто не знает" и вроде бы не чужой, не одинокий среди тысячи людей. На самом деле везде чужой и одинокий. И Вершинин, вечный странник, говорит Маше в "Трех сестрах" на ее слова о Москве: "Так же и вы не будете замечать Москвы, когда будете жить в ней. Счастья у нас нет и не бывает, мы только желаем его" (там же. 149).

В те годы, когда в сознании Чехова уже всплывали "Мужики", что обнаруживают записные книжки, он завершил свою "городскую", "московскую" повесть "Три года". В ней тоже обнаруживается подготовка к "Мужикам", присутствие пресловутого русского "В Москву!" и "Вон из Москвы!", общего тесного замкнутого пространства, даже если это не деревенский дом; и общая судьба хозяев и рабов, запертых в этом пространстве.

Купеческий сын Алексей Лаптев, отец которого выбился из мальчиков, разбогател, стал миллионщиком, но служащих держит скудно, пережил то, что эти маленькие рабы в амбаре у отца. Ту же тюрьму, недаром упомянуты и решетки на окнах, и "осторожные окна", и низкие потолки, и вечные сумерки, и все то же рабство: "Он никак не мог забыть, как лет пятнадцать назад один приказчик, заболевший психически, выбежал на улицу в одном нижнем белье, босой и, грозя на хозяйские окна кулаком, кричал, что его замучили; и над беднягой, когда он потом выздоровел, долго смеялись и припоминали ему, как он кричал на хозяев: "плантаторы!" – вместо "эксплоататоры" (Соч. 9, 34). Но кричал-то по сути верно, потому что мальчики и приказчики у Лаптевых жили как рабы на плантациях.

У самого молодого Лаптева такие же мрачные детские воспоминания. Его били, секли розгами, драли за уши, били по голове, как и Ваньку Жукова, он также часами служил в лавке и здесь его тоже били каждый день. И предков его били. И он раздраженно говорит брату, рассуждающему о "русской душе", о спасительной миссии России: "Именитый род! Деда нашего помещики драли, и каждый последний чиновничка бил его в морду. Отца драл дед, меня и тебя драл отец. Что нам с тобой дал этот твой именитый род?" (там же, 80).

Лакейское ощущение, холопская психология, рабское чувство живут и в деревенском и в городском человеке. В финале повести "Мужики" звучит та же интонация: «самый мелкий чиновник или приказчик обходится с мужиками как с бродягами, и даже старшинам и церковным старостам говорит "ты" и думает, что имеет на это право». Алексей Лаптев говорит брату: "А я, а я? Посмотри на меня... Ни гибкости, ни смелости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шаг, точно меня выпорют, я робею перед ничтожествами, идиотами, скотами, стоящими неизмеримо ниже меня умственно и нравственно; я боюсь дворников, швейцаров, городских, жандармов, я всех боюсь, потому что я родился от затравленной матери, с детства я забит и запуган!" (там же, 80).

Почти слово в слово вторит этому герою из повести "Три года" герой рассказа, написанного после "Мужиков", Иван Иванович Чимша-Гималайский, горько размышляющий о "футляре" русской жизни: "А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт – разве это не футляр? А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор – разве это не футляр?" (Соч. 10, 54). Рассказ "Человек в футляре" написан до "Трех сестер", до монолога Андрея Прозорова, но оба произведения, как и повести "Три года" и "Мужики", – взаимосвязанные моменты общего мироощущения Чехова, восприятия всей русской жизни, ее общих законов.

"Ах, свобода, свобода!". Она вне "футляра", а в него закована, им порабощена вся русская жизнь, и деревенская, и городская, всеобщий "застенок", но в деревне еще "тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, темнота, а помощи нет и неоткуда ждать ее" (Соч. 9, 311), а в городе того страшнее.

В замкнутом, "футлярном" пространстве, в неподвижном, все том же рабском состоянии, как и при официальном крепостничестве, жутко просвещенному человеку. Человеку темному, необразованному, обреченному на рабство, на услужение, как всем выходцам из деревни Жуково, один путь: в рабы! Эта мысль не оставляла Чехова в годы работы над повестью "Мужики".

"Городские" главы растворены в записных книжках и по ним можно реконструировать сюжет продолжения повести "Мужики": службу жены покойного Николая, его вдовы в горничных, а потом ее гибель или пропажу; путь их дочери по стопам тети, Клавдии Абрамовны, в прости-туцию; пьяные дебоши Кирияка, перебравшегося в город и здесь терроризирующего жуковцев. То есть медленное, неуклонное сползание всех персонажей повести на самое дно жизни, вырождение, смерть заживо.

Только здесь у Ольги, кажется, не будет своей могилы, как в деревне, ее похоронят в общей, с другими безвестными людьми, а у Саши не будет семьи, как и у тетки. В городе общая российская жизнь образует водоворот, втягивающий самых слабых на дно, а удачливых или наглых превращает в хозяев жизни, к которым относится запись: "богатые взяли себе все, даже церковь, единственное прибежище бедных" (Соч. 17, 209).

В записных книжках общая жизнь получает еще одно определение: "Из Жукова много лакеев, благодаря протекции Луки Иваныча, старика, жившего когда-то очень давно, легендарного. От него пошла эта порча" (там же, 210). Чехов снял последние слова. Такой вывод должны были сделать сами читатели.

И они разделяли авторское чувство. При этом речь вели не об одной деревне, но обо всей российской жизни и даже о мире. Так, один из читателей писал Чехову: "Еще если б можно было утешиться, что это так у нас, а у других народов лучше; а ведь везде есть эта тьма..."⁸. Об ошеломляющем, точно "обухом по голове", впечатлении писали многие и размышляли в своих письмах к Чехову о современном человеке, о всей российской жизни. В одной из критических статей "Мужики" расценивались как закономерное произведение для Чехова, а само творчество писателя, как особый "момент в истории духовной жизни общества"⁹.

Это был не просто момент, а как уже говорилось – диагноз, поставленный таким образом, что читателю казалось, что он сам приходит к неким выводам. На самом деле вся образная система повести подводила к ним, определяла русло размышлений и действовала сильнее любых социологических, экономических, публицистических выкладок, обобщений и заклинаний.

Все действие укладывается в один год, от лета до лета. Уже в этом и замкнутость и повторяемость жизненного процесса, человеческой судьбы. Николай Чикильдеев приезжает в деревню умирать. С этого начинается повесть, а в конце из Жукова уходит его дочь, которой суждено повторить то, что суждено Чикильдеевым.

Одиннадцатилетним мальчиком, ни с чем ушел Николай из деревни в город, ни с чем он вернулся в деревню, и все приобретение его рабской жизни: лакейский фрак. Но ничего нет и у деревенских Чикильдеевых, кроме недоимок, за которые отобрали самовар: "Было что-то унижительное в том лишении, оскорбительное, точно у избы вдруг отняли ее честь" (Соч. 9, 304).

Но отсутствие чести у жизни, может быть, равнозначно отсутствию света. И нельзя не заметить, что начинается повествование в вечернее время, закатное, и завершается на закате. Будто тихий свет гаснет над всею землей, а не только над деревней Жуково, но и над Москвой, и на все "надвигается вечерняя темнота". Недаром в двух сохранившихся "городских" главах упоминается только вечер, точнее даже, только поздний вечер, когда освобождалась Ольга, служившая в меблированных комнатах, а Саша приносила тете ресторанные обеды. Сцена плача Саши над Клавдией Абрамовной, постаревшей, подурневшей, и обещание оберечь ее от попрошайничества и смерти в больнице для нищих, это резкий эскиз к сцене плача Ани в конце III действия "Вишневого сада".

Обе плачут поздним вечером, которым окажется вся их жизнь. Ничего цельного в той жизни, и деревенской и городской нет. Чехов незаметно выявляет это многими деталями: черепки битой посуды по скату берега, и сахар, огрызанный и серый, шаткие бревенчатые лавы на реке, селедочная головка, из которой варят похлебку, и потравленная природа, и кушанья с тарелок и блюд, оставшиеся после посетителей московского ресторана.

Все пошатнулось, все хромает, даже буквы в письме похожи на калеку, все "спотыкается" в российской жизни рубежа веков. И человек живет с ощущением, что он всегда был и будет несчастен, что он не вырвется из предначертанного круга. В записной книжке есть запись: "Саша брезговала запахом белья, нечистотой, смрадной лестницей, брезговала жизнью, но была убеждена, что такая жизнь в ее положении неизбежна" (Соч. 17, 212). А потому смерти не боялись, а только ждали ее и жили, не задаваясь вопросами, не поднимая глаз к небу: "В течение лета и зимы бывали такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга". Так живут всюду в России.

И потому не об одной деревне, о всех людях, обездоленных, обесчещенных нуждой, "порчей" жизни, рабством звучат финальные слова этой повести: "Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания" (Соч. 9, 311).

Продолжать эту повесть, видимо, значило еще резче, еще нагляднее обнаружить вечный круг русской жизни. Но он уже был явлен в повести, всколыхнувшей всю Россию.

¹ Паперный З.С. Записные книжки Чехова. М., 1976. С. 225.

² Российская Государственная библиотека. Записки отдела рукописей. Выпуск VIII. М., 1941. С. 62.

³ Ладожский Н.М., В.К. Петерсен. Ужасные мужики // Санкт-Петербургские ведомости. 1897. № 114. 29 апреля.

⁴ Бердников Г. А.П. Чехов. Идеи и творческие искания. М., 1984. С. 392.

⁵ Абрамов Я. Наша жизнь в произведениях Чехова // Книжки Недели. 1898. № 6. С. 135-136.

⁶ Чуковский К. От Чехова до наших дней, М.: СПб., 1908. С. 58.

⁷ Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1977. Письма. Т. 5. С. 12. (Далее все ссылки на это издание указываются в скобках возле цитаты, с обозначением тома сочинений или писем и страницы.)

⁸ Российская Государственная библиотека. Записки отдела рукописей. М., 1941. Вып. VIII. С. 47.

⁹ Батюшков Ф.Д. На расстоянии полувека. Бальзак, Ант. Чехов и Влад. Короленко о крестьянах // Памяти В.Г. Белинского. М., 1899. С. 468.

але
нных
Г. доля
покинуло
его состави-
ктически все,

ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ ГОРОДОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Э.С. Кульпин

Проблемы малых городов не случайно вызывают повышенный интерес ученых в последнее десятилетие. Именно в особенностях функционирования и развития малых городов наиболее четко и конкретно высвечиваются многие важные сложные и часто глубоко скрытые социальные процессы, происходящие в обществе. Объектом нашего изучения стал поселок городского типа (пгт) Орджоникидзе, входящий в сферу Большой Феодосии и расположенный в Коктебельском заливе в Восточном Крыму где не только нашла отражение вся сложность ситуации существования и проблематичность развития такого типа малого города, но и проявились важнейшие аспекты жизни и противоречия, формирующиеся в нашем обществе в условиях структурной перестройки экономики, разрушения экономических, социальных, культурных связей и установления новых, обострения межэтнических проблем и т.д., происходящих на всей территории бывшего Союза.

Пгт, как правило, – это осколок большого города, населенный мигрантами, прибывшими из самых разных мест для работы на одном, редко 2–3 крупных предприятиях, – это “спальник” обычно с неполной городской инфраструктурой. Пгт Орджоникидзе возник при заводе “Гидроприбор”, на котором было занято 90% всех работоспособных жителей поселка до появления в 1970-х гг. второго завода “Гидроаппарат”, “оттянувшего” 10–15% рабочей силы¹. “Гидроприбор” до недавнего времени был филиалом одного из ленинградских НИИ оборонной промышленности, “Гидроаппарат” – свердловского НИИ того же ведомства. Оба завода были сборочными цехами и испытательными полигонами головных предприятий.

Необходимость использования достаточно квалифицированной рабочей силы, специализированной на специфических видах труда обусловили найм ее преимущественно в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и Свердловске (Екатеринбурге), среди уже работавших специалистов, а также по распределению среди выпускников высших и средних специальных учебных заведений. Отсюда абсолютное преобладание среди жителей поселка приезжих из Ленинграда, Свердловска, Северо-Запада России и Урала. Все дома в поселке городского типа. Жилой фонд складывался из двухэтажных коттеджей, построенных после войны пленными немцами (20% фонда), “хрущевками” в 3–5 этажей (30%) и более современными домами по чешскому проекту (50%). Все дома не превышают пяти этажей, что позволило им “аккуратно” вписаться в окружающий ландшафт, хотя сказанное, к сожалению, не относится ко всем зданиям.

С послевоенных лет и до начала 1970-х годов поселок был изолирован от Крыма. Привилегированное централизованное снабжение ограничивало связи населения с ближним окружением. Здесь был создан инфраструктурный минимум для автономного существования: все виды магазинов, включая книжный, почта, телеграф, библиотека, два детских сада, средняя школа, музыкальная школа, стадион и т.д. Личные, родственные связи обитателей этого поселка с крымчанами и жителями других областей, в частности Украины, которые начали складываться лишь в 70–80-х гг., возможность приобретения личных автомашин за счет относительно высоких заработков способствовали выходу жителей поселка из самоизоляции от Крыма.

Стабильность, гарантированность существования, привилегированные жизненные условия обеспечивали установление более благоприятной демографической ситуации в поселке, чем в целом по стране, России, Украине, Крыму (см. демографическую пирамиду поселка – рис. 26). Детей здесь на 15% больше, чем пенсионеров. Всего в поселке проживало в 1992 г. 4210 человек. Из них в официально работоспособном возрасте – 2318 человек. При включении сюда физически и интеллектуально бодрых пенсионеров число работоспособных достигало – 2,5–2,7 тысяч человек.

Общая профессиональная подготовка рабочей силы в поселке выше, чем в других областях России и Украины. В трудоспособном возрасте люди с высшим образованием составляют более 1/10, со средним специальным – 1/5, ниже общего среднего – 1/10. Основная масса трудоспособных – 60% – не имеет специального среднего образования, но имеет общее – предпосылку для получения любой относительно несложной рабочей профессии. На основном предприятии поселка – заводе “Гидроприбор” вспомогательные рабочие и рабочие без профессий составляют 1/5 рабочей силы, все остальные имеют общепромышленные и специальные профессии.

С начала перестройки относительное благополучие в поселке стало переходить в неблагополучие. В это время пошел процесс общего сокращения военных заказов. Поначалу это вызвало лишь некоторое снижение темпов роста занятости на предприятиях. Часть выпускников школы вынуждена была искать работу на стороне. Но источником тревожных настроений жителей поселка стала прежде всего общая политическая и социально-психологическая обстановка в стране, которая сказалась на изменении миграционных потоков: отток населения стал превышать приток.

До перестройки подавляющее большинство увольняемых с заводов Пгт дождалось вакансий на тех же предприятиях или искали работу в близлежащей Феодосии. В любом случае они оставались жить в поселке. С 1985 г. все большее число уволенных стало покидать поселок. Вначале доля сменивших постоянное место жительства от числа уволенных составляла 1/5, к 1988–89 гг. она возросла до 1/4. Но в 1990 г. доля снизилась до 1/10, в 1992 – до 1/20. С 1985 по 1989 г. поселок покинуло более 1/10 всех трудоспособных, к 1991 доля покинувших его составила почти 1/6. Данная динамика свидетельствует, что практически все,

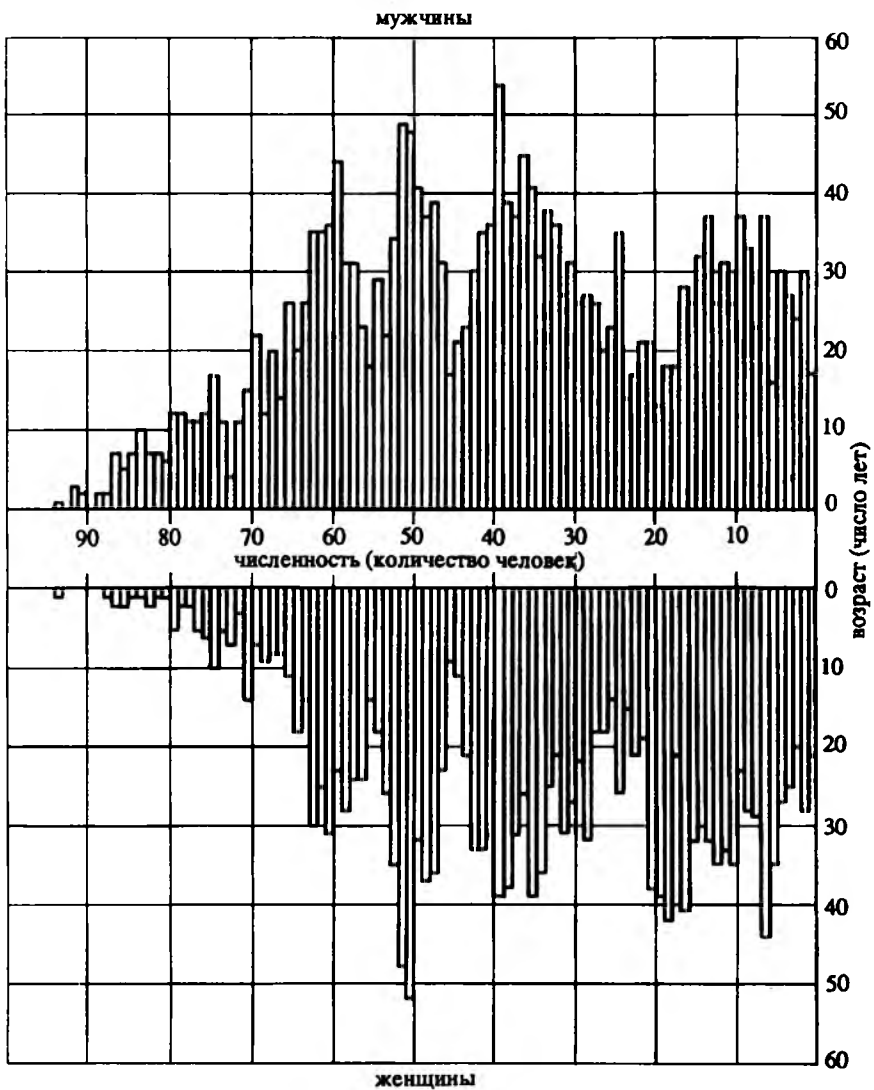

Рис. 26. Демографическая пирамида пгт Орджоникидзе (1992 г.)

могущие найти работу как в местах близких – Крым, Украина, так и отдаленных – Санкт-Петербург, Екатеринбург, Урал, Сибирь – покинули поселок. Обозначилась и другая реакция на происходящие события.

В 1980 годы вокруг поселка стремительно вырос самострой. На крохотных участках, на склонах большой крутизны строились дома трудобного типа, сдаваемые летом в наем и служившие источниками дополнительного дохода. Несмотря на то, что во второй половине 80-х гг. все желающие получили садовые участки в близлежащей долине, где развернулось фундаментальное строительство, самострой не прекратился, и с начала 90-х гг. дощато-фанерный сарайного типа самострой стал сменяться дачно-капитальным.

Другим ответом на негативные социально-психологические ожидания стал отток невест за пределы поселка при неадекватном притоке их извне. Если до 18 лет число людей мужского и женского пола одинаково, то в возрасте от 18 до 25 лет юношей на 1/4 больше, чем девушек. Как правило, девушки, выходя замуж, остаются жить там, где живут их мужья. Больше девушек продолжают учебу в техникумах и вузах и не возвращаются в поселок. Все активнее проявляется внутреннее беспокойство жителей относительно своего будущего. Это беспокойство, имевшее место и раньше, резко усилилось в 1991–1992 гг., когда стало ясно, что заводы подлежат конверсии, и особенно в 1992 г., когда бывшее Центральное управление оказалось в другом государстве и руководство заводов должно было самостоятельно искать выход из создавшегося положения. В то же время известно, что именно завод выступал организующей силой поселка. Завод не только давал рабочие места, но был единственным строителем жилья. Водоснабжение поселка также находилось в ведении завода. Отапливали дома заводские котельные. АТС была заводская и т.д.

Вплоть до 1990 г. при постепенном сокращении объемов заказов в связи с расширением проблем конверсии руководству обоих заводов удалось сохранить штат за счет внутренней структурной перестройки. Но в 1990 г. ситуация стала критической. Начался процесс интенсивных сокращений (в 1990 г. – более одной четверти занятых, в 1991 – более одной пятой). В этих условиях выявилась недееспособность всех структур. Тому способствовала в какой-то мере и специфика заводов: секретность и отсутствие хозяйственных связей с крымскими предприятиями, относительная отдаленность от больших магистралей.

До 1990 г. уходящие с завода и остающиеся в поселке люди еще втягивались в производственно-коммерческие негосударственные образования. С 1990 г. ситуация изменялась.

Руководство в силу незагруженности мощностей и в результате некоторой психологической перестройки позволило и даже стало поощрять создание арендных предприятий на территории основного завода “Гидроприбор”.

Арендные предприятия создавались и по инициативе снизу. Если в 1988–89 гг. половина активно покидающих заводы (по собственному желанию) вновь поступали на государственные предприятия, то в 1990–91 гг. они стали создавать новые предприятия. В 1992 г. примерно

четверть трудоспособных поселка стали работать на таких предприятиях, расположенных в поселке и в Феодосии. Доля занятых на новых предприятиях непрерывно растет. Но в основном за счет сокращения числа занятых на госпредприятиях и роста безработицы. На предприятиях поселка к началу 1992 г. было занято лишь 70% рабочей силы поселка, к концу – половина. Малые, арендные, совместные и др. предприятия нового типа используют примерно 350 работников из 2,5 тыс. трудоспособных. Одна из причин сохранения низкой занятости на такого типа предприятиях – отсутствие соответствующих организаторов производства.

Угроза сокращения и прямые сокращения вынуждают жителей поселка заниматься разными видами работ, что они делают, уходя преимущественно, в неоплачиваемые долгосрочные отпуска. Однако в бригады они, как правило, не объединяются. В неоплачиваемые отпуска несмотря на низкую заработную плату (в 1991–92 гг. 2 тыс. руб. в месяц в среднем) и задержкам ее уходила лишь 1/10 занятых на предприятиях, в среднем на 1,5–2 мес. каждый. Как правило, это мужчины в возрасте от 31 до 35 лет. Они занимаются “извозом”, нанимаются на временную работу в торговлю, кооперативы, в колхозы на уборку урожая. Показательно, что даже в страду, когда временную работу могли найти себе все трудоспособные, неоплачиваемые отпуска брали немногие. На заводе “Гидроприбор” к началу сентября 1992 г. в неоплачиваемых отпусках было всего 35 человек из 1380 занятых на заводе.

Поскольку возможность поглощения рабочей силы новыми структурами, по-видимому, достигла предела, люди стремятся любыми путями удержаться на государственных предприятиях. Специалисты с высшим образованием в этих условиях не создают новых структур, а уходят на менее оплачиваемые, в том числе должности, рабочих. Так на заводе “Гидроприбор” в 1992 г. 30 ИТР и служащих перешли в рабочие, а на заводе “Гидроаппарат” из 24 человек с высшим образованием 5 стали работать в ВОХР.

Снижение количества рабочих мест может вызвать в ближайшем будущем межэтническую напряженность, связанную с массовым приездом репатриантов – крымских татар. В расположенном в 5 км от поселка с. Южном в ближайшие один-два года их число должно возрасти с 45 семей в 1992 г. до 400. Им необходимые около 1000 новых рабочих мест. Работоспособные члены 45 семей заняли все вакантные места в совхозе Феодосийском и уже отвоевали себе несколько рабочих мест на “Гидроприборе”, несмотря на непрерывные сокращения на последнем. Несколько человек вынуждены работать в Феодосии, расположенной вдвое дальше поселка. Взрослые члены семей, приезд которых запланирован, уже не смогут найти применение своим силам в совхозе и будут искать работу прежде всего в пгт. Этому будет способствовать и то, что большинство приезжающих имеют городские специальности на уровне среднего образования. Они вступят в жесткую конкурентную борьбу за рабочие места с жителями Орджоникидзе и Феодосии, где безработица растет.

Поскольку работу найдут немногие, остальные будут заниматься хозяйством на земле. Огородничество их не прокормит. Переселенцам

дают участки в 15 соток, на которых надо построить дом, выделить землю под двор и хозяйственные постройки, сад и огород. Почвы здесь малопродуктивные. Глинистый сланец – глина спрессованная до твердости камня – залегает на глубине 30–150 см. До революции, согласно архивным данным, при оптимальной эксплуатации земли могло кормиться 350 человек. При этом демографическое давление на землю находилось на грани допустимого. С приездом 400 семей нынешнее население, равное по численности дореволюционному, возрастет, примерно, в десять раз. Соответственно должно возрасти и демографическое давление на землю. Положение обостряется ухудшением общей экологической ситуации (в частности за счет такого явления как рост поголовья коз, сопровождающий ухудшение жизненных условий населения и приводящий к изменению ландшафта), ухудшением состояния здоровья, ростом преступности и т.д.

Итак, несмотря на чрезвычайно благоприятную демографическую структуру (больше половины жителей в работоспособном возрасте) и высокой уровень образования (лишь десятая часть имеет образование ниже среднего) поселок не имеет потенциалов для экономического развития за счет собственных трудовых и интеллектуальных ресурсов. В этом плане в ПГТ Орджоникидзе нашли отражение все главные проблемы современных малых городов, осложненные специфическими чертами: занятость, конверсия, переход к рыночным отношениям. И естественно решение такого рода проблем предполагает не только конкретные экономические и политические действия, но и научное осмысление степени и условий сохранения самодостаточности такого типа городской структуры как поселок городского типа, в частности в современных условиях. Но одновременно очерчиваются новые аспекты проблемы малых городов как компонентов урбанизационных и, шире, социокультурных процессов.

¹ Количественные запасы здесь и далее приводятся по материалам исследований группы социоэкономической истории Академии городской среды.

КОММУНИКАТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРЫ И ПРОГНОЗНО-ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД К ВЫРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Т.М. Дридзе

Человек, среда и культура

Проблема выживания и воспроизводства физически, психически и нравственно здорового человека в городской среде становится сегодня все более острой. Из биологии известно, что любой организм жив, пока контактирует (сохраняет обмен веществ) со средой. Взаимообмен со средой лежит в основе жизнедеятельности людей точно так же, как он присутствует и развивается в природе, начиная от простейших форм жизни и кончая усложняющимися образцами взаимного обмена по мере восхождения по филогенетической шкале.

Городская среда – это не только ее ландшафты. Это и качественное состояние ее естественно-природных и "рукотворных" составляющих, и состояние информационного обмена, и характер господствующей символики, и наконец, а это главное, еще и другие люди, способы взаимодействия с которыми (сотрудничество, соперничество, компромисс, избегание, приспособление и пр.) и даже само отношение человека к ближайшему своему социальному окружению составляют один из важнейших факторов выживания и воспроизводства здоровых людей вместе со здоровой средой.

Демографическая ситуация в России (а данные на январь 1993 г. свидетельствуют об увеличении естественной убыли российского населения по отношению к январю 1992 г. в 3,2 раза)¹ – это и следствие нарушенного "обмена веществ" человека с жизненной средой – проблема, которая пока еще не заняла подходящего ей места в дискуссиях о планировании и развитии наших городов. Архитекторы-градостроители первыми почувствовали ее важность. Не случайно еще в начале века, именно в их среде родился успешно соблюдаемый и сегодня в ряде западных стран, принцип социального участия, провозгласивший право населения на участие в формировании городской среды. Знакомство с опытом реализации этой небезуспешной попытки общественности и наиболее ответственных градопланировщиков, стремящихся преодолеть присущие "профессионалам" снобизм и пренебрежение к интересам городских жителей, а также знание нынешнего положения дел в городах России заставляют нас не только постоянно возвращаться к проблеме выживания горожан в условиях бесконечных территориальных перекроек и реконструкций, сопровождаемых так называемым "отселением", а в сущности депортацией местных жителей в чуждую им среду, но и настаивать на пересмотре лувшей глубокие корни в нашей стране концепции "сопращеления" (гброда – при промышленности). "Узаконенная" в ходе дискуссии, проведенной Комакадемией в 1930 г., эта (в сущности альтер-

нативная принципу социального участия) доктрина привела к значительному углублению в нашей стране всех известных в мире издержек урбанизации².

Урбанизация как "сложный социокультурный процесс..., связанный с глубинными преобразованиями в основаниях организации жизнедеятельности общества, затрагивающими все ее сферы и поэтому обеспечивающими переход к исторически новому этапу социального развития – к цивилизации"³, интенсифицировала растрату практически всех жизненных ресурсов человека, вынужденного (вне зависимости от собственной воли) вступать во все большее число социальных связей и контактов, все глубже погружаясь в "социальные сети"⁴ растущих городов. При этом, как справедливо подчеркивает американский антрополог Леонард Плотников, лишь получив представление о численности и характере групп и институций, входящих в круг социальных контактов индивида, оценив интенсивность и качество его "социального участия", а также увидев его же глазами мир окружающих его людей и вещей, можно разобраться в подлинной картине происходящего не только с ним, но и с другими людьми, населяющими именно данный, а не какой-нибудь иной город. "Тот факт, что индивид родился в определенное время и в определенном месте; в определенной семье и в определенном локальном сообществе влияет на весь его жизненный путь, на его карьеру, занятия, религиозный и политический выбор и т.п."⁵. Сам же процесс осуществления жизненного выбора, с одной стороны, интенционален и ситуативен, а с другой – регламентирован правилами выживания био- и антропоценозов. Эти правила, запечатлеваясь на разнообразных носителях, сохраняются в памяти индивидов, наследуются и транслируются другим в коммуникации, формируя "культурную субстанцию", консолидирующую людей. Более того, определенная гомогенность такой "субстанции" в известной степени может служить индикатором существования естественно сложившегося локального сообщества, обозначаемого в англоязычной урбанистике термином "community". Разрушая "культурную субстанцию", мы губим антропоценозы, т.е. рушим основы социальности.

Культурная субстанция, или попросту культура складывается, меняется, развивается вместе со сменой менталитета, образа и стиля жизни и, наконец, состава местного населения⁶. Вместе с людьми приходит, поддерживается или исчезает и их культура, хоть и остаются следы созданной ими цивилизации или того, что принято называть историко-культурным наследием. Чтобы пояснить сказанное, определим, что культура трактуется здесь как система кодифицированных (т.е. в той или иной форме запечатленных на носителях) образцов и норм поведения, деятельности, общения и взаимодействия людей, несущих регулятивную и контрольную функцию в социуме. Иными словами, речь идет не об универсальной схеме творческой деятельности "мирового духа", получившей у Гегеля название "абсолютной идеи"⁷, а о вырабатываемых поколениями людей так называемых "know how" ("знаю как, каким образом"). Искусство обращения людей с природой и друг с другом; с материалами и информацией; умение изготавливать и использовать предметы, порождать и интерпретировать тексты, толковать события, и управлять не

только ими, но и собой, и другими людьми – все это образцы технологий, задающих некие социально значимые правила. [

Тут особенно важно вновь отметить, что соответствующие нормы и образцы поведения, деятельности, общения и взаимодействия людей с элементами окружающей их среды создаются самими людьми в процессе коммуникации. Она реализуется в форме обмена действиями порождения и интерпретации текстов ("текстовой деятельности")⁸ и являет собой один из ключевых социокультурных механизмов включения субъектности (сознания и интеллекта; памяти и воли) в формирование, воспроизводство и эволюцию "микровселенных", к числу которых относятся и эко- и(или) урбосистемы.

"Любая живая структура, способная к автономному существованию и репликации (самовоспроизведению) конечна по числу составляющих ее элементов, – пишет П.Ю. Черносвитов, ... – Поэтому, при достижении некоей критической плотности населения в определенной среде и при невозможности по каким-либо причинам эффективно мигрировать из этой среды, у населения остается только один несамоубийственный выход из положения: консолидироваться в группы с взаимоподавлением определенных жизненных функций, с частичной потерей индивидуальной автономии и с последующей дифференциацией общепользующих функций, а в дальнейшем – и с морфологической дифференциацией входящих в группу индивидов"⁹. "Культурная субстанция", порождаемая и развиваемая людьми в коммуникации, "пребывающая" в людях и эволюционирующая вместе с ними¹⁰, впитывается поколениями людей, консолидируя их вокруг соответствующих норм и образцов.

Вместе с тем именно коммуникация оказывается тем механизмом, благодаря которому возможно пробуждение "субъектности" и преодоление застоя. Любой сдвиг в сторону развития – это, как правило, отклонение от общепринятых норм и образцов. Такие отклонения первоначально принимаются членами сообщества за ошибку, влекущую за собой серьезные социально значимые последствия, вносящую нежелательные "возмущения" в более или менее стабильную среду. Отсюда и вытекает необходимость значительно более глубокого осмысления коммуникативно-познавательных механизмов социокультурной динамики как таковой.

В не утерявшей своей актуальности коммуникативной концепции культуры, разработанной американскими учеными – культурантропологом Эдвардом Холлом и антропологическим лингвистом Джорджем Трейджером – названы десять основных фокусов человеческой (имеющей однако биологические корни) активности, комбинация которых порождает культуру¹¹. В число этих более или менее самостоятельных фокусов человеческой активности, или "Систем первичной сигнализации", сокращено СПС (англ. – "Primary Message Systems", сокращенно – PMS), входят: интеракция (Interaction), ассоциирование (Association), питание (Subsistence), различение полов (Bisexuality), территориальность (Territoriality), временные отношения (Temporality), учение (Learning), игра (Play), самозащита (Defence) и использование материалов, орудий (Exploitation, Use of materials).

Каждое из перечисленных "измерений" культуры может изучаться самостоятельно, начиная с лежащей за ним биологической подосновы ("инфраструктуры"). Это позволяет в ходе сопоставления культур определять их специфику (т.е. выявлять присущие им образцы и нормы) как в целом, так и применительно к каждой СПС по отдельности. Вместе с тем, чтобы понять культуру, необходимо разобраться и в том, каким образом названные СПС "подгоняются" друг к другу, вписываясь в "объемлющую сеть культуры" (into the over-all network of culture).

Вот почему, как считают Холл и Трейджер, не менее важным является постижение механизмов "имплантации" культуры в сознание людей. Пересекающиеся формы овладения жизненным опытом; освоения человеком окружающего его мира; обретения им умения анализировать события и поступки другого человека, обращаться с вещами, информацией, другими людьми – все это образует так называемую "Большую триаду" (The major triad) в силу наличия трех способов и соответствующих им этапов трехфазного процесса интеграции человека в культуру: от формальной веры ("формальная фаза") – к неформальной адаптации ("неформальная фаза") и затем к инструментально-технологическому ("технологическая фаза") освоению культурных норм и образцов.

Развивая далее вышеизложенные, позволю себе высказать гипотезу о том, что "имплантируемые" в индивидуальное сознание культурные образцы и нормы не воспринимаются людьми как привнесенные извне. Выстраданные как собственные, они переживаются и кристаллизуются в сознании человека на протяжении всей жизни в процессе перманентного поиска выходов из проблемных жизненных ситуаций, опосредующих его взаимодействие со средой. Именно в таких ситуациях и возникает "сцепление" жизненных обстоятельств со значимыми средовыми факторами, выявляются внешние и внутренние требования и ограничения, налагаемые на выбор жизненной стратегии, вырабатываются ориентиры, которыми и руководствуются носители той или иной культуры в своей повседневной жизнедеятельности и взаимодействии со своим природным, культурно-символическим и социальным окружением.

**Жизненная ситуация
как "медиатор" между человеком и средой
в социальной диагностике**

Итак, культура субъектна, так как порождена сознанием индивидов и транслируется ими друг другу в интенциональной (т.е. мотивированной и целеобусловленной) текстовой деятельности, составляющей механизм социокультурной коммуникации. В текстовой деятельности могут (осознанно или неосознанно) воспроизводиться одни и замалчиваться другие образцы рефлексии и поведения. Но если трансляция и канонизация названных образцов и норм происходит в коммуникации, то онтологически они восходят к процессам, связанным с интерпретированием людьми значимых жизненных обстоятельств и осуществляемым ими индивидуальным выбором способов преодоления собственных проблем-

ных жизненных состояний. Канонизация, кодификация и стилизация (т.е. интеграция в "стилевую сферу" индивидуальности) тех или иных образцов выхода из проблемных жизненных ситуаций вовсе не означает исчезновения других способов их разрешения (общеизвестно, что жизнь следует своим законам). Однако возникающая "культурная субстанция", оставаясь "привязанной" к субъекту (являясь частью сознания порождающих и воспроизводящих ее людей), становится в этом случае еще и частью их жизненной среды, т.е. того контекста, в котором протекает повседневная жизнедеятельность человека, кристаллизуется его ментальность, вырабатывается его мировоззрение, образ и стиль жизни.

Отношения человека со средой его обитания изначально строятся как многомерные пространственно-временные прямые и обратные связи. Родившись в определенной среде, индивид вынужден к ней приспосабливаться. И все же, располагая не только биологическими и этологическими, но и идеационно-технологическими механизмами организации жизненного пространства-времени, человек интенсивно преобразует свою экосферу, что в конечном итоге сказывается на нем самом. "Историко-эволюционные изменения среды жизни и самого человека неизбежны..."¹², однако люди, как правило, в этой среде проигрывают. "Чем быстрее будет идти изменение среды на фоне очень малых возможностей изменчивости человека, тем острее будет противоречие между «качеством жизни» и потребностями людей в самой широкой трактовке первого и второго понятий", – пишет известный эколог Н.Ф. Реймерс, подчеркивая, что необходимое условие выживания состоит в "максимальном сохранении природы как своей собственной – человека, так и среды жизни, поскольку динамические качества всех природных систем предельны, а скорость изменения подсистем (имеются в виду изменения антропо-систем и экосферы. – Т.Д.) должна быть оптимально согласована"¹³. Такого рода согласование возможно лишь при наличии определенной "зоны безопасности", или некоего "демпфера", способного гасить опасные как для человека, так и для окружающей его среды колебательные перепады.

Жизненная среда человека включает в себя по меньшей мере четыре аспекта-измерения: п р и р о д н ы й – флора, фауна, вода, атмосферный воздух; "р у к о т в о р н ы й" – плоды технико-технологической цивилизации; и н ф о р м а ц и о н н ы й – потоки знаков и символов, транслируемых в связывающие людей друг с другом коммуникационные сети, и с о ц и о п с и х о а н т р о п о л о г и ч е с к и й – другие люди с их менталитетом, образом и стилем жизни и т.п. Столь же многомерно и социально-практическое бытие личности, существующей, с одной стороны, во множестве временных ритмов, соответствующих астрофизическому, хронологическому, историко-культурному, психологическому, биологическому времени, а с другой – в системе координат, отвечающих основным видам человеческой деятельности и направленности человеческих усилий – социально-экологическому (воспроизводство жизни), социально-экономическому (воспроизводство ресурсов для жизни) и социализационно-культурному (воспроизводство образцов и норм жизнедеятельности). И значит возможность существования названного выше

“демпфера” скорее всего заложена в человеческом сознании, в его способности “проигрывать” в своем воображении ситуацию.

Человек (индивидуум) как одна из форм существования сознания изначально интенционален и единичен, поскольку живет в своей собственной системе координат. Интуиция и интеллект, память и воля – все это проявления интенциональности (направленности) человеческого сознания.

Известная целостность и даже цельность “культурной субстанции” как причины и следствия идеационной (неявной) и поведенческой (или) деятельностной (т.е. явной, а точнее – проявленной) активности людей, входящих в те или иные местные сообщества (“communities”) объясняется, по-видимому, тем, что в отличие, скажем, от радиационного теплообмена (т.е. переноса энергии излучения в пространстве) она в значительно большей мере “закреплена” в некотором пространственно-временном ареале.

Такого рода ареалы, как бы ограничивающие расширение “культурной субстанции” неким пределом, могут иметь инфра-культурные (популяционные) основания. Вместе с тем неуклонно наступающая информатизация всей социокультурной жизни ведет к расширению “коммуникативных сетей”, экспансии “объемлющего” социокультурного универсума, стирающего границы между цивилизациями. Именно в этом видится причина тяги гуманитарной науки к антропоцентризму, т.е. не к тому, что разъединяет людей, сообщества и цивилизации, а к тому, что их объединяет. Именно такова и методологическая позиция прогностического социального проектирования, сформировавшаяся на стыке разработанных нами (и опубликованных) ранее семиосоциопсихологической теории коммуникации⁸ и ситуационной концепции социокультурной динамики¹², проецируемых в представление о городской среде и особенностях ее развития.

В основе ситуационной концепции социокультурной динамики лежит особого рода методология анализа социокультурных процессов. Специфика этой методологии состоит в том, что в сферу исследовательского внимания попадают не только результаты общественной практики, но и интенции, лежащие у истоков зарождения, становления и распространения образцов поведения, деятельности, общения и взаимодействия людей со всеми элементами их жизненной среды. Осваивая среду, делая ее своей, человек привносит в нее себя, т.е. состояние и направленность своего сознания, свое жизненное кредо. Внесение организующего начала в индивидуальный образ жизни придает последнему не только известную цельность, но и своеобразие. Возникает сложный, практически неизученный механизм интерференции личностных и экосоциокультурных детерминант, предопределяющих тот или иной исход разнообразных “соприкосновений” человека со средой. И значит научное объяснение того, на первый взгляд, тривиального факта, что образ жизни людей неодинаков в, казалось бы, сходных условиях, требует своей аналитической модели. В ее рамках должна сравнительно четко прослеживаться связь между состоянием тех или иных параметров среды, в которой реализуется жизнедеятельность человека, с присущими послед-

нему способами взаимодействия с ней, ее интерпретации и персонализации¹⁴.

Именно этой цели и служит в прогнозно-проектном моделировании социально значимых процессов понятие “ситуация”, позволяющее ввести в анализ такого рода процессов представление о “медиаторе”, или переходной категории, обеспечивающей возможность для более тонкого изучения механизмов взаимосвязи человека со средой. Психологу известно, что в одинаково трудной ситуации люди ведут себя по-разному. Объясняя это явление, психолог сосредоточит свое внимание на специфике индивидуальных качеств людей, дифференцирующих их поведение в сходных условиях. Эколог же, напротив, акцентирует свое внимание на средовых факторах, дифференцирующих самочувствие и поведение людей. Однако, и тем и другим, а кроме них еще и социологам известно достаточно много примеров, когда разные по своим индивидуальным характеристикам люди ведут себя сходным образом под воздействием вполне определенных характеристик среды.

Чтобы глубже понять причины общего и разного в поведении людей, важно признать относительность наших представлений о возможности сделать это, исходя из знания психологических особенностей субъектов деятельности и сложившихся объективных ее условий. Важно признать наличие между ними неявного “медиатора” – динамического антрополокультурного образования, интегрирующего так называемые “объективные” свойства среды с их индивидуальной интерпретацией личности. Эти образования изменчивы. В каждый данный момент они обладают своей специфической структурой и конфигурацией, придающей образу жизни людей характер направленного и непрерывного процесса, в рамках которого воспроизведение уже известных (кодифицированных в данной культуре) образцов выхода из проблемных состояний перемежается с рождением новых, доселе неизвестных способов решения жизненно важных проблем. Именно так мы трактуем понятие – “ситуация”, содержание которого меняется, соотносясь с масштабом изучаемых социально значимых процессов.

Соответственно в качестве единиц анализа нами используются понятия “конкретно-историческая ситуация”, “социальная (социокультурная) ситуация” и “жизненная ситуация”. Каждая из них и связывается с определенным уровнем анализа взаимодействия субъекта социального действия с урбанизированной средой¹⁵. При этом, под жизненной ситуацией индивида имеется в виду совокупность значимых, то есть “втянутых” в орбиту его жизнедеятельности событий и обстоятельств, оказывающих непосредственное или опосредованное влияние на его мировосприятие и поведение в каждый данный конкретный период жизненного цикла последнего.

Жизненные ситуации отнюдь не всегда отличаются устойчивостью. Поэтому следует различать “устоявшиеся” и “проблемные жизненные ситуации”. Проблемная жизненная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни, а необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной актив-

ности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения искомого результата. Сама необходимость сделать этот выбор может создавать определенные “моменты напряженности” в жизненных ситуациях индивидов, определяя конкретные формы их образа жизни.

Организуя “среду своего обитания”, постоянно решая важные для него проблемы, человек тратит на это свою умственную, эмоциональную и физическую энергию. При этом “среда обитания” отнюдь не сводится к той или иной сфере деятельности, как и образ жизни – это вовсе не простой набор таких сфер, бытующих как бы вне социальных субъектов.

Все сферы жизнедеятельности людей (“труд”, “быт”, “отдых” и т.п.), равно как и общеизвестные “отрасли” общественной жизни (экология, экономика, культура) связаны между собой не “напрямую”, а “через человека”. Именно поэтому все происходящее с культурой сказывается на экономике и экологии; происходящее в экономике – на экологии и культуре и т.п. При этом фактура “культурной субстанции”, циркулирующей в масштабе локальных городских и более широких сообществ, зарождается в проблемных жизненных ситуациях.

Прогнозная социально-проектная деятельность в коммуникативном контексте

Итак, люди, как и любой живой организм, вынуждены поддерживать постоянный “обмен веществ” со средой. И значит любой “противоестественный” план освоения или реабилитации свободной от людей или, напротив, обжитой ими местности, должен предваряться глубокими экологическими и социально-диагностическими исследованиями. Такого рода исследования уже лет 30 как принято проводить в целом ряде стран Западной Европы, США и Японии. Выступая на симпозиуме “Япония – страна меняющаяся, движущаяся” (Москва, 1991), президент японской акционерной компании, специализирующейся на изучении окружающей среды и ландшафтной архитектуры, г-н Сугио Синтаро подчеркнул, что при появлении плана освоения какой-либо местности, его фирма уже за несколько лет до этого обследует и производит оценку фауны, флоры, качества воды, атмосферы, ландшафта, социальных условий данной местности и на основании этого прогнозирует возможное отрицательное влияние реализации данного проекта на окружающую среду¹⁶, чтобы компенсировать его соответствующими контрмерами. При этом, по его мнению, окружающую среду нужно рассматривать не только с позиции западного гуманизма, то есть идеологии, ставящей в центр всего сущего человека, но и вспомнить восточную философию, где центром всего является сама природа¹⁷.

Таким образом, вопрос объединения усилий специалистов разного профиля для предупреждения угрозы разрушения природы и человеческих сообществ техногенным вмешательством любого свойства не только обретает сегодня первостепенное значение, но уже нахо-

дит воплощение в весьма конкретной прикладной деятельности ученых.

Социальная диагностика, применяемая в прогнозном социокультурном проектировании обладает своей спецификой. Она носит комплексный междисциплинарный характер и базируется на постулатах той парадигмы приоритетов общественного развития, которая выступает как основной атрибут правового гражданского общества. К их числу относятся: приоритет личностного начала над групповым; экологическая целесообразность в отношениях людей с их природным окружением; ориентация процессов управления и самоуправления на высокое качество жизненной среды; утверждение разнообразных форм местного самоуправления, демократизация власти, понимаемая не только как равноправие множества субъектов социального действия, но и как их реальное активное участие в выработке управленческих решений, принятие ими своей доли ответственности за реализацию последних.

Речь, таким образом, идет о роли социальных наук в технологической разработке так называемой “доктрины социального участия”. На Западе концепция участия получила развитие в 60-е годы. Это было мощное движение за право населения участвовать в формировании городской среды на основе реализации принципа двухстороннего информирования. Специалисты знакомили горожан с разрабатываемыми ими проектами, а горожане, в свою очередь, ставили перед специалистами проблемы, вытекающие из их запросов и условий жизни.

Фактически этим было заложено начало перехода от функционального подхода к развитию территории к так называемому “средовому подходу”.

Соответственно меняется статус рядового гражданина (социокультурной группы как совокупности граждан): в контексте социально значимых целенаправленных действий он перестает рассматриваться как объект решения, вырабатываемого должностными лицами и профессионалами, и занимает место субъекта, представляющего часто неосознанные, однако, как правило, обоснованные требования к характеру и направленности планируемых перемен; добывающегося права и возможности активно участвовать в выработке таких решений; Реализация указанной доктрины предполагает разработку процедур поддержки естественных социально-идентифицированных механизмов, трактуемых в данном случае как психологически обоснованное отождествление участников процесса выработки решений с проблемными жизненными ситуациями друг друга, а самого этого процесса как интенционального и коммуникативного по своей природе, т.е. исходно рассчитанного на партнерство и диалог.

Соответственно в центре внимания специалистов по прогнозному социокультурному проектированию оказываются, с одной стороны, психологические состояния и жизненные стратегии людей, разрешающих проблемные ситуации с помощью собственных жизненных ресурсов, а с другой – “встречные потоки сознания” и институционально подкрепляемые стратегии лиц, принимающих управленческие решения (профес-

сионалов, должностных лиц, инвесторов, других социальных субъектов), являющихся держателями общественных (в форме государственных, в том числе ведомственных; территориальных, в том числе муниципальных и пр.) или частных ресурсов. Таким образом возникает обширное “социокультурное пространство-время”¹⁸, в котором взаимодействуют или, напротив, противодействуют друг другу разнообразные субъекты социального действия (как личности, как представители социокультурных групп), стремящиеся реализовать свои интенции в процессе выработки решений. Транслируемые в процессе коммуникации (в текстовой деятельности¹⁹) эти интенции интерпретируются по-разному разными людьми, представителями различных социокультурных групп. В ситуациях, когда необходимой становится согласованность их действий, такие различия могут стать источником социальной напряженности. Опасность ее возникновения особенно возрастает там, где при выработке социально значимых решений не была проведена комплексная междисциплинарная социально-диагностическая работа и где была утеряна коммуникативная культура²⁰.

Отсутствие социальной диагностики свидетельствует о социальной безадресности решений субъекта управления, направленных исключительно на обеспечение “выживания” и “самовоспроизведения” уже сложившихся социальных институтов и административно-бюрократических организационных структур. Утеря коммуникативной культуры означает отсутствие установок и навыков к идентификации социальных субъектов с проблемными жизненными ситуациями друг друга, практическое отрицание социального партнерства. В итоге становятся невозможными не только оптимальные и (или) компромиссные решения на локальном и социетальном уровнях, но и согласованные совместные действия, рвутся социальные связи и контакты, дезинтегрируется, а значит и приходит в состояние дестабилизации социокультурная основа общества как целого.

При сложившейся ситуации необходим поиск рационального подхода к целенаправленным социокультурным преобразованиям, принимаемая во внимание, что их источником являются люди. Поэтому предлагаемая прогнозно-проектная социокультурная технология является по сути “антропоцентрической”. Она базируется на представлении о многомерности и многоуровневости социально значимых процессов, истоки которых заложены в “натуре человека, находящихся в ней побуждениях к деятельности и ее потребностях”²¹. В рамках такого проектирования, как уже было показано, принимаются: в качестве методологии – проблемно-ситуационный подход к пониманию и исследованию индивидуальных и групповых жизненных стратегий; в качестве предметной области – процессы социальной коммуникации как важнейший социокультурный механизм, обеспечивающий становление, воспроизводство и трансформацию социальных связей; в качестве единицы наблюдения – проблемная ситуация с выделением в ней элементов, поддающихся целенаправленным изменениям²².

Аргументы и факты. 1993. № 656. С. 2.

Говоренкова Т.М. Перевернуть пирамиду городской власти (к вопросу о месте градостроительного проектирования в системе городского самоуправления) // Прогнозное проектирование и социальная диагностика / Отв. ред. Т.М. Дридзе. М., 1991. Кн. 3. С. 321–344; см. также: *Дридзе Т.М.* Прогнозное социальное проектирование и региональная политика // Территориальное развитие как объект исследования и регулирования. Сб. тр. М., 1991. Вып. 7. С. 57–68.

Сайко Э.В. Урбанизация как социокультурный процесс в стадийной характеристике исторического развития // Методические проблемы исследования, становления и развития древнего города. М., 1991. С. 73.

Epstein A.L. The network and urban social organization // Human problems in Briiish Central Africa. V. 29. P. 28–62.

Ibid. P. 268.

Рабинович Е.И. Социальное краеведение и городское развитие // Прогнозное социальное проектирование и город / Отв. ред. Т.М. Дридзе. М., 1994–1995.

Гегель Г. Наука логики. Т. 1. М., 1970.

См.: *Дридзе Т.М.* Язык и социальная психология. М., 1980; *Она же.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.

Черновштов П.Ю. Урбанизация как системогенез (описательная модель) // Методические проблемы исследования... С. 92.

Именно по этой причине нельзя путать культуру с тем, что принято называть культурным наследием.

The Silent Language / By T. Hall. N.Y., 1959.

Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / Отв. ред. Т.М. Дридзе. М., 1994.

Там же.

См. в частности об этом: *Хейдметс М.* Человеческое начало в средообразовании // Социально-психологические основы средообразования: Тезисы конф. Таллинн, 1985. С. 77–79; *Он же.* Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности. Таллинн, 1988. С. 7–58. См. также: *Дридзе Т.М.* На пороге эокантропоцентрической антропологии // ОНС. 1994. № 4.

См. об этом подробнее в уже упомянутой кн.: Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические... *Дридзе Т.М., Орлова Э.А.* Ситуационный анализ образа жизни при прогнозировании и проектировании социокультурных процессов (Пушино, 1986. С. 4–20) и в ряде др. наших работ.

Выступление на семинаре Президента акционерной компании "Институт ПРЭК" г-на Сугио Синтаро. Ксер. текст. С. 3.

Там же. С. 6.

См. об этом подробнее в кн.: Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические...

То есть в сцеплении действий порождения и интерпретации текстов (законов, постановлений, указов и прочих нормативных актов; любых программ и проектов и т.д.), осуществляемых социальными субъектами в опосредованных и непосредственных, в том числе обыденных, повседневных контактах.

См. подробнее об этом: *Дридзе Т.М.* Социокультурные основания прогнозного социального проектирования (Социальная диагностика в контексте социальной коммуникации) // Прогнозное проектирование и социальная диагностика. М., 1991.

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 9. С. 829.

Дридзе Т.М. На пороге эокантропоцентрической социологии // ОНС. 1994. № 4.

Совокупность и характер тем и вопросов, вынесенных на обсуждение в данном издании, огромный материал, привлеченный специалистами разных профилей, и заявленные точки зрения не только раскрывают разные аспекты проблемы города, подходы к их решению, характеризуют особенности его функционирования, условия развития и в целом расширяют поле его видения, но в еще большей степени ставят новые проблемы, задачи, определяют новые направления исследований. С расширением и углублением исследований город предстает все более сложным и все более значительным явлением социального мира, дифференцирующим и интегрирующим сущностно важные связи и отношения исторически разных обществ в своей законченной каждый раз определенности и одновременно в своей постоянной изменчивости и многообразии функционирования.

Разнообразие как тенденция развития города во времени и пространстве, нашедшее отражение в соответствующих разделах книги, в обобщенном подходе к городу как социокультурному явлению исторического процесса, вычленилось в качестве самостоятельной проблемы. Город предстает как особое динамическое образование, воплощающее единство движения, изменчивости и устойчивости, обеспечиваемой сохранением специфической субстанциональной сущности его как особого явления социального движения. Понимание города как явления процесса и в процессе развития стало важным моментом в формировании новых подходов в намечаемых авторами исследованиях.

Город как особое органическое целое, исторически возникшее в результате и как момент процесса органического развития общества генетически связан с исторически определенным состоянием общества (исторически новым по принципам и основаниям организации, степени и характеру дифференциации и интеграции, темпам и формам развития по отношению к первобытному), с исторически определенной социальной целостностью. Но он не только результат в качестве определенной объективной формы этого развития. Как компонент состояния, обладающего значительными внутренними возможностями саморазвития он характеризует новую структуру и содержание процесса социального движения. Обладая определенными общими свойствами и сущностным единством, город выражает и заключает исторический смысл и тенденции прогресса исторически определенной глобальной социальности, имеющей значительную дистанцию своего саморазвития в направлении системной целостности —

разделенного сложно дифференцирующегося и интегрирующегося на базе разделенного производства общества.

Поэтому, исследуя город как объектную характеристику процесса развития данной социальности важно рассматривать его во всей сложности взаимодействия всех связей, процессов ее образующих и взаимовлияющих друг на друга в таком развитии. Формирование проблемной ситуации такого исследования города становится одной из важнейших задач его социокультурного познания.

Именно в связи и в рамках самого процесса развития этой исторически определенной большой социальной целостности, а не только в контексте определенных исторических событий, в связи с определенными периодами (и формациями), могут быть осмыслены основные его собственно исторические (в том числе формационные и другие поэтапные) характеристики и исторический смысл. И проблема связей и взаимодействия города как структурообразующего элемента и сущностно значимого явления этого процесса со всеми другими его образующими выходит на передний план.

Требует своего дальнейшего развертывания и постоянно актуальная проблема содержания связи города как постоянного результата, исходной точки и движущего фактора процесса урбанизации и самой урбанизации, как явления социального движения, проявления соответствующего уровня его цивилизации. В этом плане урбанизация предстает во всей сложности структуры и содержания в ее широком определении, в том числе: урбогенеза, урбанизационных состояний, урбанизации как явления формирования городских организмов и сложных структурных социокультурно-территориальных образований и, наконец, урбанизации как пространственного распространения и освоения городского образа жизни и технических, производственных и культурных достижений. В частности, актуализируется проблема критериев степени и уровней урбанизации, содержания, форм, типов проявления и механизмов осуществления процесса, в котором происходит возникновение и снятие многих сложных противоречий и связей. Возникает проблема плотности урбанизационных процессов, глубины дифференцированности форм, структурной организации этой дифференциации (деревня, поселение, малый город – феномен, характеризующий в определенной степени структуру самого процесса урбанизации и выходящая в условиях нашей страны на передний план, далее город, система городов – урбанизированные структуры и т.д.). Одним словом, проблема содержания, объяснения, механизмов и принципов осуществления процесса урбанизации, уже по материалам обсуждения в настоящем издании, определяется как актуальная и обязательная, во всяком случае в рамках деятельности коллектива комиссии Совета истории мировой культуры.

Как особое органическое целое город представляет собой сложно организованное, многоплановофункционально и содержательно расчлененное явление. Пересечение многих и разных функционально и содержательно значимых сторон и связей, процессов образуют особое социальное пространство, интегрирующее деятельность образующих городской социум субъектов. В данной совместной работе раскрываются, в определен-

ной степени, разные пласты и структуры городского социума и образуемых его функционированием “энергетических полей”.

Поднимаемые здесь вопросы и предложенные решения обсуждаемых тем показывают малую изученность городского организма, важность исследования всех сфер городской жизни, в том числе поведения и социально-психологической характеристики горожанина. Именно в связи с рассмотренными аспектами особенно четко вычленилась проблема самого города как субъекта исторического действия и субъектов города в процессе исторического развития города и городского социума на длительной дистанции его функционирования. Можно было бы значительно увеличить перечень проблем, в том числе актуализируемых материалами данного издания. Представляется важным отметить лишь одно – необходимость расширения и образование нового рабочего поля исследования города, выводящего город как объект и предмет изучения за рамки образующих (но не удерживающих) его реальность и конкретность существования эпох и культурно-исторических структур, – поля, обеспечивающего его видение как особого явления большой социальной целостности, во всем огромном многообразии его изменения и развития глазами “разных профессиональных взглядов”, но в едином реальном процессе социального движения.

Редактор

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	–Вестник древней истории
ИВ	– Исторический вестник
ИМКУ	–История материальной культуры Узбекистана
МАР	– Материалы по археологии России СПб
МИА	–Материалы и исследования по археологии СССР
НИИТАГ	–Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства
ОНС	–Общественные науки и современность
ТЮТАКЭ	–Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
AS	–Anatolian Studies
JCS	– Journal of Cuneiform studies
JRS	–Journal of Roman Studies
JRA	–Journal of Roman Archaeology
CSSH	–Comparative Studies in Social History
NS	–Notizie Degli scavi di Antichita

SUMMARY

TOWN AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON OF HISTORICAL PROCESS

The book is centered around an important and long-debated problem of the town as a specific social phenomenon. For the first time it applies a complex approach to the problem: specialists in various fields like history, archaeology, sociology, fine arts discuss some general aspects of the socio-cultural definition of the town both in its own development and an important catalyst of the general historical evolution. Some of the main laws and socio-cultural foundations of the urbanization process as well as objective conditions of urban formation are also discussed. There is an attempt to determine the principles and general criteria of the town's stadial definition and historical characteristics, to bring to light methodological problems of urban studies. Against the background of concrete historical materials the authors analyse the specific features and functions of different stages of urban development (Primitive, Ancient, Medieval, Modern) as well as the peculiarities of different historico-geographical regions like Russia, Western Europe, Iran, India, China, etc. Urban life is analysed as a specific social organism; there is an attempt to define urban environment and its peculiar features, formation and evolution, to describe the self-definition of urban social groups like craftsmen, to understand the conditions under which urban cultural and spiritual background formed itself and was organized, including the significance and role of the temples. The book contains broad source material, interesting data on, for instance, the town as projected by Medieval Authors. No doubt, there is no claim to solve all the problems in full. The task is to unite the efforts of scholars working in different fields of urban studies, to define a complex approach and to discuss main problems and key directions for further research of the urban aspects of world historical process.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------	---

ГОРОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Город как особый организм и фактор социокультурного развития. <i>Э.В. Сайко</i>	9
Город – фокус урбанизационного процесса. <i>А.С. Ахиезер</i>	21
Город в цивилизации: к вопросу определения. <i>А.А. Сванидзе</i>	29
Город, общество, цивилизация: историческая урбанистика в поисках синтеза. <i>А.П. Репина</i>	32
Город как саморазвивающаяся система: Контуры новой парадигмы. <i>Т.А. Алексеева</i>	38
Город и его культурно-уровневые показатели в определении и измерении урбанизации. <i>Г.А. Гольц</i>	47

ГОРОД ВО ВРЕМЕННЫХ КООРДИНАТАХ РАЗВИТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Город в Южном Двуречье времени ранней древности (особенности развития). <i>И.М. Дьяконов</i>	61
Древнейший город Месопотамии и Мезоамерики: общее и особенное. <i>В.И. Гуляев</i>	66
Городской феномен в развитии отношений общества Ближнего Востока в III–I тыс. до н.э. <i>Н.Б. Янковская</i>	70
Город на стыке культур Востока и Запада во II–I тыс. до н.э. (Акрополь как центр и связующий компонент). <i>Н.М. Никулина</i>	75
Историческая специфика греческой урбанизации. Полис и город. <i>Ю.В. Андреев</i>	87
Древний город и античный полис. <i>Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко</i>	93
Средневековый город и проблемы европейской урбанизации в свете современного исторического знания. <i>А.Л. Ястребицкая</i>	100
Современные города – носители градостроительных традиций (проблемы изучения и развития). <i>В.М. Возлинская</i>	105

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОРОДА

Истоки формирования “социальной традиции” русского города (Новгород как социальная структура). <i>В.Л. Янин</i>	120
О некоторых спорных проблемах происхождения и развития древнерусских городов (X–XIII вв.). <i>В.П. Даркевич</i>	126
Город России на пороге урбанизации. <i>В.Л. Глазычев</i>	137
Этносоциокультурный диалог в Праге XIV–XVI вв.: город и гетто. <i>Г.П. Мельников</i>	144
Итальянские гуманисты XV в. о городской цивилизации. <i>Л.М. Брагина</i>	151
Итальянский город на заре нового времени: идеал и реальность. <i>Л.С. Чиколлини</i>	161
Мусульманский средневековый город (термин и архитектурное выражение). <i>Т.Х. Стародуб</i>	170
Традиционный город в Иране и его эволюция. <i>Н.К. Белова</i>	178
Некоторые аспекты городской культуры средневековой Индии. <i>Е.Ю. Ванина</i>	186

Культурно-исторический аспект характеристики города древнего Китая. <i>Т.В. Степугина</i>	193
Формирование и развитие социопространственной структуры японского города. <i>Г.Б. Навлищкая</i>	201
Гондэр – древняя столица Эфиопии. <i>Э.С. Львова</i>	209
Специфика структуры города Тропической Африки (по материалам доколониальных “городов-государств” Верхнегвинеянского побережья). <i>Д.М. Бондаренко</i> ..	215

КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ГОРОДА И ГОРОДСКАЯ СРЕДА

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО	224
Внутреннее пространство: дом, город, общество. <i>Г.С. Кнабе</i>	224
Метафизика города. <i>В.М. Немчинов</i>	234
К вопросу о сложении пространственной модели итальянского ренессансного города (Флоренция XV в.). <i>И.Е. Данилова</i>	240
Городская стена как духовная конструкция. <i>Л.В. Стародубцева</i>	248

ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДА КАК СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА .....

Специфика архитектуры Пскова и традиции церковной жизни в его организации. <i>А.И. Комеч</i>	259
Топография торгово-ремесленной деятельности в характеристике города и его эволюции (античный Рим и Италия). <i>Б.С. Ляпушин</i>	266
Гончарное ремесло в исторической топографии города (на примере Москвы XV–XVIII вв.). <i>С.Л. Давонковский</i>	271
Роль “центральной улицы” в формировании согдийского города. <i>Г.Л. Семенов</i>	275
О социально-краеведческом методе исследования города в социально-проектной диагностике. <i>Е.И. Рабинович</i>	280

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОЖАНИНА .....

К реконструкции идеологии населения древнейших городов. <i>Е.В. Антонова</i>	286
Средневековый мастер: индивидуальная позиция и личный выбор. <i>Д.Э. Харитонович</i>	291
Санкт-Петербург как образ Всемирной истории (к проблеме псевдонимов города). <i>Г.З. Каганов</i>	303

ГОРОД В СИСТЕМЕ ДРУГИХ СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СТРУКТУР .....

Экономические и институциональные характеристики в определении исторической специфика городов (на примере малых городов римской Галлии). <i>Б.В. Ляпушина</i> ..	315
Мир “города” в деревне (А.П. Чехов о грани деревни и города в российском обществе). <i>А.П. Кузичева</i>	320

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА .....

Проблемы малых городов в социально-экологическом ракурсе. <i>Э.С. Кульпин</i>	328
Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды. <i>Т.М. Дридзе</i>	334

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ .....

Список сокращений	348
Summary	349

Научное издание

**Город
как социокультурное
явление
исторического процесса**

Утверждено к печати
Научным советом РАН
по комплексной проблеме
"История мировой культуры"

Заведующая редакцией "Наука-культура"
А.И. Кучинская

Редактор издательства *А.В. Бездидько*
Художник *К.Л. Кожевников*

Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*
Технический редактор *И.Н. Журкина*
Корректор *Р.В. Молоканова*

Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 1319
ЛР № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 27.12.94
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 22,0. Усл.кр.-отт. 22,3
Уч.-изд.л. 24,4. Тираж 1000 экз. Тип. зак. **3296**

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12